

Жизнь и учение Преосвященного Феофана Вышенского затворника П.А. Смирнов

Предисловие

Предисловие

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие, их же взирающе на скончание жительства, подражайте вере их (Евр.13:7).

Покойный святитель – Преосв. Феофан-Затворник принадлежит именно к тем немногим нашим духовным наставникам, хранить благодарную память о которых заповедует апостол; ибо он всю жизнь проповедывал нам слово Божие и сама жизнь его представляет собой величайший образец для подражания. В настоящее время является и внешний повод к этому поминовению, так как 6 января будущего 1904 г. исполнятся десять лет со дня блаженной кончины Святителя¹. Исторические поминки и юбилеи выдающихся общественных деятелей у нас принято праздновать особыми, часто торжественными собраниями в память их. Последние имеют очень важное нравственно-общественное значение. Конечно, не самим юбилярам нужны подобные праздники, ибо они уже стоят пред лицом Божиим во всей совокупности своих дел, своей жизни и нуждаются только в молитвах Церкви. Но эти праздники крайне необходимы самому обществу и народу, из которого вышли чествуемые деятели. Тогда оно торжественно свидетельствует, что помнит и умеет ценить значение духовных благ, завещанных ему великими людьми. Тут особенно дорого то, что вся масса обыкновенных – средних и малых людей, оторвавшись от узких интересов будничной жизни и сбросив с себя иго житейских забот, хоть на несколько часов становится лучшей, входя в соприкосновение с идеями великого человека и переживая возвышеннейшие, облагораживающие моменты жизни. На памяти дорогого лица общество припоминает свою историю, рост своей внутренней жизни, невольно сравнивает и проверяет, настоящее опытами

прошлого, может находить и указание для лучшего будущего. И для почившего Святителя Феофана наступает время первых исторических поминок, когда на собраниях в память его будут воспроизведены и представлены общественному вниманию важнейшие сведения о его личности и деятельности. Десять лет, слишком незначительный период для полного изображения жизни и общественного служения такого крупного исторического деятеля, как Преосв. Феофан, но вполне достаточный для того, чтобы отметить общий характер и направление, разъяснить главнейшие и более существенные моменты развития и проявления ее. В настоящее время уже немало сделано для бессмертия имени Святителя. Изданы его сочинения и напечатано десять книг писем, особенно важных для характеристики его личности. Специалисты и теперь уже широко пользуются обильными плодами жизненного подвига Святителя. Так современный экзегет, слова Божия не может обойтись без его, поистине классических, истолковательных сочинений; для учителя богословия стала настольной книгой – «Начертание христианского нравоучения»; аскет имеет незаменимое руководство в его многочисленных аскетических творениях и т. д. Но общественной христианской массе, так называемой широкой публике Преосв. Феофан слишком мало известен. Для нее же он должен быть особенно дорог, как великий и авторитетнейший учитель духовной жизни и нравственности, в чем состоит, важнейшая историческая заслуга его пред русским православным обществом. Последнему существенно необходимо ознакомиться с личностью и деятельностью Преосв. Феофана, как учителя христианской жизни. Но какой удобнейший способ к тому? Конечно, лучшее средство знакомства с писателем – его сочинения. Никто и ничто не может дать более полного и правильного понятия о нем, как он сам. В особенности нужно сказать это по отношению к такому глубоко искреннему и убежденному писателю, как Преосв. Феофан. Каждая строка его творений есть свидетельство о его личности. Но тут является некоторое важное затруднение. Вся масса литературных трудов святителя, даже одни нравоучительные сочинения, недоступна большинству публики,

как по материальным соображениям, так и по трудности составить полное собрание их. Издаваемые же в последнее время небольшие книжки и брошюры из его сочинений – о молитве, о храмах, о покаянии и причащении и др., дают только отрывочные сведения по некоторым отдельным вопросам и далеко недостаточны для выяснения общего представления о деятельности его, как учителя христианской жизни. Нам кажется, что существенные извлечения из творений Преосв. Феофана по важнейшим вопросам христианской нравственности, изложенные в связи с главными событиями его жизни и собранные в одну книгу, явились бы при настоящих условиях более других подходящим и на первых порах достаточным средством к удовлетворению сказанной потребности нашего общества по ознакомлению с их автором. Так возникла мысль о предлагаемом издании и в этом его существенная задача. Оно есть слабая, посильная дань нашего глубочайшего благоговения к памяти великого христианского учителя и подвижника. Если у просмотревшего настоящую книжку явится стремление ближе и обстоятельнее познакомиться с замечательной личностью и богатой духовной сокровищницей творений святителя, то мы почтем себя вполне нравственно удовлетворенными и цель достигнутой.

В заключение считаем необходимым сделать следующие две оговорки. Во-первых, учение Преосв. Феофана о важнейших предметах христианской жизни изложено в книге в большинстве буквально, дабы сохранить и дать читателю истинное понятие о глубине содержания и художественной простоте внешнего выражения его. Святитель был настолько самобытный и оригинальный мыслитель, и сама речь его так характерна и своеобразна, что его учение крайне затруднительно передать чужими словами; никакое воспроизведение не может дать действительного представления о воспроизводимом. Во-вторых, все фактические сведения о жизни подвижника тщательно проверены нами под непосредственным наблюдением и по указаниям лица, ближе всех стоявшего и лучше других знавшего его. Мы говорим о тогдашнем (и нынешнем) настоятеле Вышенской обители почтенном о.

архимандрите Аркадии, этом в настоящее время единственном свидетеле пустынных подвигов почившего владыки, которому последний в течение своего 28-летнего пребывания на Выше не раз пересказывал важнейшие события своей жизни. Маститый старец был настолько внимателен к нашей работе, что не отказал сообщить немало сведений о жизни святителя, еще не бывших в печати, а также просмотреть и сделать некоторые исправления в напечатанном уже материале, за что мы считаем своим долгом принести ему глубокую признательность.

Декабрь 1903 г.

Жизнь и учение Преосв. Феофана, Вышенского Затворника

"Не тяготейте к земле. Все тленно – только одно счастье загробное вечно, неизменно, верно. И это счастье зависит от того, как мы проживем эту нашу жизнь".

"Не собирай других сокровищ кроме мудрости, добродетели и благочестия. – Это единственное благо, которое не отнимет никакая перемена счастья".

Преосв. Феофан

В жизни христианской Церкви, как в жизни и всякого человеческого общества, в каждый, известный период ее исторического существования выдвигались из окружающей среды личности, которые являлись носителями и выразителями лучших идей и стремлений своего времени, к авторитетному голосу которых все прислушивались и потому они неизбежно становились общественными руководителями духовной жизни. Влияние подобных личностей в большинстве ограничивалось пределами своего отечества и своего времени. Но были периоды, когда значение их переступало эти границы, и тогда они являлись вселенскими учителями. Каждая из древних христианских церквей имела своего духовного главу – Карфагенская Киприана, Лионская – Иринея, Миланская – Амвросия и пр. Но были и такие духовные светила, свет которых ярко сиял на всю тогдашнюю вселенную и своим отблеском озарил всю последующую жизнь Церкви. Таковы имена вселенских святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Наша русская Церковь, принявшая православную веру от вселенской Церкви, также никогда не имела недостатка в истинных духовных руководителях. Преп. Антоний и Феодосий Киевские, св. Сергей Радонежский – эти великие молитвенники и печальники за нашу родину в период ее политического рождения и в критический момент татарского ига; блаженные московские святители – Петр, Алексей, Иона – эти истинные собиратели земли русской и первоначальники ее будущего могущества и славы; свв. Филипп

и Ермоген – крепкие духом ратоборцы – защитники попорченной людьми правды Божией на земле и мученики за свои идеи; наконец, гигант реформатор – патриарх Никон, по своему горячему протесту против общественной косности и застоя, действительный предшественник гениального преобразователя России Петра – все это такие столпы древней русской жизни, на которых твердо держалась не только Церковь, но нередко и само государство. Теперь уже с несомненностью установлено, что в первой половине последнего 19 столетия приснопамятный Московский святитель Филарет был таким великим нравственным авторитетом, голос которого имел решающее значение не в одних делах Церкви, но к нему внимательно прислушивались и по многим государственным вопросам первостепенной важности. История церковной жизни нашего отечества второй половины истекшего столетия еще не написана, для нее пока только собираются и разрабатываются материалы. Но без всякого сомнения наперед можно сказать, что будущий историк этого периода назовет имя Преосв. Феофана, как самого полного и совершенного носителя, как самого глубокого, с непререкаемым авторитетом учителя духовно-нравственной христианской жизни, в ее первоначальной евангельской чистоте, в понимании и изъяснении обнаружений ее по духу первых веков христианства.

Жизнь и деятельность Преосвящ. Феофана представляет редкое, исключительное явление в истории христианской Церкви последнего времени. Во второй половине пресловутого девятнадцатого, материалистического и эгоистического века, в православной России явился подвижник и истинный отшельник в духе первых времен христианства. Нашелся человек, который решительно не думал о материи, совершенно забыл себя и все свои силы отдал на служение Богу и ближнему. И это был вместе с тем ученейший богослов своего времени и полновластный иерарх Церкви. И подвиг его особенный, чрезвычайный. Совершенно уединившись от внешнего мира телесно и затворившись в тесной келлии скромной обители, он однако не порвал с миром духовной связи. Напротив. Кажется,

для того он и удалился от мира, чтобы с высоты своего подвига яснее видеть насущные нужды и недуги нашего времени и, по возможности, полнее оказать необходимую помощь. В подвиге святителя пред нашим взором прежде всего является высоко благочестивая личная жизнь его, служащая живым, высоко поучительным образцом для христиан нынешнего времени. 28 лет своего затвора он беззаветно отдал на служение Богу молитвой и богомыслием и на пользу ближнего неустанными трудами богомудрых духовных писаний. Воскресив своей жизнью в 19 столетии идеал истинного подвижника древней Церкви и показав нетленную красоту его, Преосв. Феофан по справедливости был ярким светочем духовным, указующим правый путь современному обществу к истине и добру. И одного этого было достаточно для бессмертия имени святителя. Но он сделал гораздо больше. В целой библиотеке своих вдохновенных творений он является великим христианским учителем. О чем же именно говорят эти творения? О многих важных предметах нашего внутреннего мира, но главная и существенная мысль, проходящая красной нитью по всему целому одна – решение основного вопроса христианской нравственности *о едином на потребу*, указание и разъяснение пути к благочестию и спасению. В решении этого вопроса весь смысл личного подвига и литературной деятельности святителя-затворника. Всю свою жизнь носил в душе и лелеял он этот идеал и вот как однажды высказался о нем. «Сколько раз приходится жалеть, что не умею так писать, чтоб всех затрагивать. Когда бы умел, составил бы такую книгу, что всякий читающий решился бы содевать свое спасение»². И Господь судил скромному отшельнику осуществить свою заветную думу. В многочисленных сочинениях Преосв. Феофана духовная жизнь раскрыта всем доступным образом, с неподражаемой ясностью и простотой, во всей ее глубине и широте до мельчайших проявлений и подробностей, в систематическом порядке и естественной последовательности. Святитель по справедливости может быть назван величайшим учителем христианской нравственности за последние столетия. Его сочинения – бесценное руководство для каждого христианина,

желающего устроить свою жизнь согласно ее высокому назначению.

В появившихся по смерти Преосв. Феофана немногих жизнеописаниях и характеристиках он сравнивался с св. Тихоном Задонским по направлению своих сочинений и личной жизни, и со св. Златоустом по характеру толкований слова Божия. Но есть еще в древней христианской Церкви подвижник, к которому очень близко стоит святитель по духу своих творений, по внутреннему складу и внешнему течению жизни, писание которого он охотно изучал и перелагал на русский язык. Мы говорим о св. Иоанне Лествичнике. Последний в своей божественной «Лествице» начертал путь постепенного восхождения христианина до высших ступеней духовного совершенства и свое учение запечатлел 40-летним уединенным подвигом в Синайской пустыне. Преосв. Феофан в своем замечательном и важнейшем сочинении «Путь ко спасению» всесторонне раскрыл величайший идеал христианской нравственности, указал путь добродетелей, ведущих к достижению идеала, а в духовных подвигах 28-летнего затвора наглядно воплотил его в своей жизни.

Чаще всего мы ценим по истинному достоинству человека тогда, когда теряем его. По смерти святителя с особенной ясностью обнаружилось, какую огромную и невознаградимую потерю понесла в лице его православная Церковь и русское общество. Глубокая скорбь сказалась тогда во всем русском православном мире, сколько-нибудь знавшем почившего. Под живым впечатлением кончины Преосвященного, вот что, между прочим, писал десять лет тому назад один из современников и почитателей его, из среды авторитетной профессорской корпорации. «В лице этого известного многим аскета-епископа, который в течение двадцати восьми лет пребывал в пустыни, предпочитая беседу с Господом всем благам мира сего, поистине угас для земной жизни великий светильник Церкви. И этот светильник горел на всю православную Россию самым чистым, всеозаряющим духовным светом. Он был ученый муж, постигший всю мудрость академического знания; был архиерей, которому вверена была широкая власть и представлены

высокие почести. Но не в этой учености и не в этой власти и чести полагал он смысл и назначение жизни. Свою ученую мудрость и архиерейскую честь он сменял на смиренную долю отшельника, удалился в пустынь, чтобы там похоронить все, что было в нем мирского, похоронить и ученость и архиерейство, похоронить, наконец, самого себя – для здешней мирской жизни. Но как нельзя сокрыть от мира солнце, так не могла и пустынь сокрыть от св. Руси истинного светильника православной жизни, и если он стал безвестен для большинства тех, которые живут лишь миром и суетой его, то тем более близок стал он к тем, кто живет истинной духовной жизнью и стремится к ней. Вышенская пустынь, куда удалился на покой Преосв. Феофан, сделалась источником высокого духовного просвещения, – просвещения, которое неизмеримо выше того, которое дается высшими школами, потому что это просвещение исходило не только от ученого ума, но и от глубоко чувствующего сердца. Из этой пустыни, где смолк живой голос Феофана, по всей России стали распространяться книги и письма, в которых говорила сама духовная мудрость и любовь, говорила от глубины духовно просвещенного ума и от чистоты истинно-христианского сердца. В его замечательной личности поразительно сочетались те элементы, которые делают в полном смысле православного человека, – человека с такой цельностью нравственного бытия, при которой все противоречия, неразлучные с земной жизнью, уступают место дивной гармонии, и бранный, немощный и грешный человек становится существом, истинно воплощающим в себе образ и подобие Божие. О нем с правом можно сказать, что он действительно воплотил в себе весь смысл православной Церкви, и потому-то каждое его слово находило такой живой отголосок в сердце православных людей и каждое его письмо проливалось в сердце истинную сладость. Недаром со всех концов России в Вышенскую пустынь летели письма – с выражением телесных и духовных скорбей с жалобами на душевное томление и на торжество суеты мирской, и многие получили целительный бальзам для своих настрадавшихся душ, когда Преосв. Феофан отвечал им письменно же. Каждое его

письмо было достаточно глубоким источником, чтобы назидание и утешение в нем могли почерпнуть не только те, к кому оно было направлено, но и множество других, испытавших то же томление духа. Истинно русские православные люди своим чутким сердцем познали в нем действительно неиссякаемый источник книжной сладости, и она обильно изливалась из него. В нем православная Церковь нашла себе высокого выразителя того духа жизни, который составляет ее собственную сущность и который служит изобличением лжи и неправды, распространяемой невегласами и злонамеренными людьми, будто православная Церковь безжизненна и скована узами бездушной обрядности. Церковь, способная производить таких личностей, какой был Преосвященный Феофан, очевидно имеет в себе достаточно жизненности и силы, чтобы совершать свою святую миссию на земле»³.

Глава I. Время домашнего воспитания и школьного образования

"Я с молодых дней этого просил и искал, чтобы никто не мешал мне пребывать непрестанно с Богом".

Преосвящ. Феофан

Преосв. Феофан, в мире Георгий Васильевич Говоров, родился 10 января 1815 года в селе Чернавске, Елецкого уезда, Орловской губернии. Отец его, священник этого села, от природы человек очень способный, получил хорошее образование и отличался строго благочестивой жизнью. Он кончил курс родной семинарии с званием студента и оставлен был при ней в должности воспитателя юношества, так называемого «сениора». Как выдающийся среди духовенства деятель, он скоро был замечен епархиальной властью и назначен на важную и ответственную должность благочинного, каковую с честью проходил в течение 30 лет, заслужив одобрение начальства, любовь и уважение подчиненных. Мать преосвященного была женщина глубоко религиозная, в высшей степени скромная и трудолюбивая; отличительной чертой ее характера была мягкость и доброта сердца, особенно ярко выражавшаяся в ее сострадательности и всегдашней готовности прийти на помощь всякого рода нуждающимся. Получив от отца в наследство сильный и глубокий ум, Преосв. Феофан от матери унаследовал весь свой нравственный склад вместе с наружностью. Будучи от природы очень живой, впечатлительный и резвый, он вместе с тем еще с раннего детства отличался нежным, любящим сердцем и вообще имел много женственного в своей природе. В кругу столь счастливо составленной семьи прошли первые годы жизни мальчика, и здесь же началось его книжное обучение. Несколько механическое, не всегда достаточное в отношении умственного развития, наше старинное элементарное образование имело неоцененное нравственное качество в его церковном направлении. Молебном начиналось оно, по церковным книгам совершалось, а храм Божий и богослужение, под обильным воздействием

которых всегда находилось дитя, благотворно заканчивали и закрепляли его, имея самую благоприятную окружающую среду в благочестивом семействе. Таково именно было обучение Преосв. Феофана в кругу многочисленной, религиозно-настроенной семьи сельского священника. Ближайшим образом его вели две женщины – мать и тетка, под руководством отца, по своей службе не имевшего достаточного досуга для постоянных непосредственных занятий с сыном. Благочестивый священник часто брал с собой мальчика в храм Божий, где он становился на клиросе или прислуживал в алтаре. При этих посещениях живой и резвый ребенок не прочь был иногда пробраться к церковным колоколам и позвонить. Однажды после вечерни он был заперт на колокольне сторожем, не заметившим его. Чтобы избежать неприятности дожидаться тут другого дня, мальчик не задумался спуститься по веревке, протянутой от колокола к земле. Была серьезная опасность для жизни, но видимо Господь хранил своего избранника. Первые жизненные впечатления человека являются обычно наиболее глубокими и сильными, а потому и подобное семейное воспитание несомненно имело большое нравственное значение, бессознательно, но прочно заложив в душе ребенка истинное зерно будущей жизни великого христианского подвижника. В особенности важно, что зерно это было насаждено нежной рукой любящей матери. Счастливая пора детства святителя с этой стороны очень напоминает подобный же период в жизни вселенских учителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, когда древние матери-христианки в добром семейном воспитании полагали начало будущей славы своих великих детей.

Способный, хорошо подготовленный мальчик в 1823 году был помещен в Ливенское духовное училище, курс которого он прошел очень легко, живя среди самых благоприятных нравственных условий, в семье одного из наставников заведения. В 1829 г. Говоров, в числе лучших учеников, перешел в Орловскую семинарию. Теперь мальчик стал юношей, и тут началась первая работа его сознательной мысли. Тогда же впервые сказались и ясно обнаружались некоторые

основные нравственные склонности его души, которым он остался верен до конца жизни. Старая духовная школа несомненно имела много недостатков. Темные стороны нашей бursы всем известны. Но ей нельзя было отказать в одном важном преимуществе: в единстве и цельности направления, в серьезном закале мысли и характера, которые давались лучшим ее питомцам. Учебное дело в духовных училищах того времени было поставлено на твердых началах классического образования и значительного развития дела письменных упражнений. Так называемым сочинениям придавалось важное, развивающее значение; успехи в них особенно поощрялись и считались мерилом умственной зрелости. В воспитательном отношении школа носила строго церковный характер. В частности, одним из самых дорогих педагогических качеств являлось отсутствие в ее программе многопредметности, столь вредной в современной школьной жизни. В каждом классе внимание учащихся было сосредоточено на одном главном предмете, а другие считались второстепенными, причем главными признавались науки, важнейшие для умственного развития юноши – в низшем классе – словесность (риторика), в среднем – философия и в высшем богословие. Не обширен был круг знаний старого семинариста, но, как добытый самостоятельным усидчивым трудом, – он носил характер серьезности и прочности. *Non multo, sed multum*⁴ – вот основное начало и вместе плод учебного строя старой школы. Сосредотачиваясь на изучении немногих предметов, лучшие воспитанники достигали замечательных успехов, особенно в отношении письменных работ. Недаром прежние семинаристы мастерством писать столь выгодно отличались от питомцев других типов тогдашней русской школы и значительно опередили позднейших и современных учеников духовно-учебных заведений.

И на юношу Говорова школа оказала самое доброе влияние, как по своему направлению, так и со стороны деятелей ее. Во главе Орловской семинарии стоял тогда архимандрит Исидор, впоследствии известный, замечательный иерарх – митрополит Петроградский; словесность преподавал

иеромонах Платон, будущий Киевский митрополит. Но красу заведения составлял учитель философии Остромысленский, увлекавший юных семинаристов своими замечательными лекциями и имевший большое развивающее влияние на них. С первых же дней вступления в семинарию Говоров показал отличные успехи и примерное поведение. Он был очень любознателен, учился с большой охотой и интересом. Преимущественной любовью его пользовались философские науки и между ними особенно важная наука о человеческом духе – психология. Ярким доказательством этого интереса служит то обстоятельство, что будучи всегда в числе самых лучших учеников, юноша по собственному желанию остался на повторительный курс в философском классе, дабы лишнее время заняться любимым предметом и из-за одного его намеренно увеличил на целых два года и без того не краткий курс духовной школы, проводя в семинарии вместо шести восемь лет. На решение ученика несомненно оказала значительное влияние обаятельная личность наставника философии, тем более, что последний высоко ценил способности его и приблизил к себе. Читая сочинение Преосв. Феофана, мы удивляемся глубине психологического анализа духовных явлений и с несомненностью можем сказать, что основы тому были положены еще на семинарской скамье. Не менее замечательны в творениях святителя обширные знания в области св. писания, и в этом отношении семинарское образование послужило фундаментом. В старшем, так называемом богословском классе, познания Говорова в Слове Божиим были настолько значительны и основательны, что на экзамене обратили внимание тогдашнего Орловского Преосв. Никодима, замечательного знатока библейского текста. Последнее, по-видимому, чисто случайное обстоятельство, однако, имело очень важное, даже решающее значение в судьбе молодого семинариста. Очень скромный юноша, уже занятый при окончании курса (1837 г.) мыслью о подыскании подходящего сельского прихода и хотя в глубине сердца мечтавший о высшей школе, но не надеявшийся на подобное счастье, неожиданно, по личному распоряжению епархиального

архиерея, получает назначение в Киевскую академию, хотя тогдашний ректор семинарии арх. Софония, ценивший в своих учениках больше всего твердое заучивание учебника, чем не отличался Говоров, не имел его в виду и даже был против⁵.

В поведении Говорова резкой, характерной чертой уже тогда сказалась любовь к уединению, это истинное семя будущей жизни отшельника. Так уже на первом году семинарского обучения он отмечен в ведомости о поведении, как «отличающийся склонностью к уединению и трудолюбию», как «назидательный в обращении с товарищами и подающий собой пример трудолюбия и благонравия». В следующем году имеет аттестацию: «склонен к уединению, кроток и молчалив»⁶. И это стремление ко внутреннему сосредоточению замечалось в юноше не только в стенах школы, но и на полной свободе, во время каникулярного отдыха в доме родителя, причем с самых ранних лет носило религиозный характер. Он бегал от общества людей, чтобы беспрепятственно предаваться молитвенной беседе с Богом. Отличаясь от природы большой общительностью и веселым нравом, юный семинарист, по отзыву родственников, во время каникул нередко «любил уединяться, видели его погруженным в какие-то думы, видели его в полночь усердно молящимся и долго простаивающим на молитве»⁷. В семинарии же у Говорова впервые обнаружилась необыкновенная любовь и благоговение к памяти св. Тихона Задонского, неизменно сохранившаяся до конца жизни. В обществе своих родных юноша предпринял и совершил стоверстное пешее путешествие ко гробу св. угодника Божия в Задонск.

В академии завершилось умственное образование и ясно определилось общее направление нравственной жизни Говорова. Высшая школа оказала еще большее влияние, чем средняя. Во время студенчества Говорова Киевская академия переживала самую блестящую эпоху своей истории, так называемый иннокентьевский период, когда во главе ее стоял знаменитый Иннокентий, впоследствии архиеп. Херсонский. Это было поистине цветущее время как по доброму нравственному направлению школьной жизни, так и по обилию талантов в

профессорской корпорации. Кроме ректора в академии в то время состояли на службе – инспектор и преподаватель богословия архимандрит Дмитрий (Муретов), впоследствии известный святитель Херсонский, профессор гомилетики – Амфитеатров, философии Скворцов и др. Это были замечательные деятели и каждый из них оставил глубокий след в области своей науки. Сам ректор обладал необычайной способностью неотразимо влиять и воздействовать на всех окружающих его и высоко поднимал дух своих воспитанников. Как образцовый профессор и церковный вития, своими вдохновенными импровизациями он увлекал и восторгал слушателей. Каждая его лекция, каждая проповедь в студенческой семье были целым событием, вызывавшим немало толков и наводившим на многие думы. От природы живой и энергичный, он внимательно следил за занятиями студентов и постоянно возбуждал их. Заботясь прежде всего о возможно более основательном, философско-богословском образовании студентов, ректор затем обращал особенное внимание на развитие среди них любви к проповедничеству и искусству в нем, сам перечитывал студенческие проповеди, призывал к себе авторов лучших из них и по целым часам беседовал о том, как нужно писать и произносить поучения, и этой наглядной, живой гомилетикой достигал прекрасных результатов. Замечательна для того времени та особенность в воззрениях Иннокентия на образование, что он, сам человек всесторонне образованный, желал, чтоб и студенты духовной академии не замыкались в узкий круг своего специального знания, неизбежно отчуждающий от живой действительности. Он настойчиво советовал им, не ограничиваясь курсом наук, преподаваемых в академии, расширять свое образование чрез знакомство с лучшими сочинениями по другим отраслям человеческого знания, например, астрономии, естественной истории и др. Последний взгляд настолько опередил свое время, что и в настоящую пору еще не нашел полного применения в духовной школе. Трудолюбие своих питомцев ректор больше всего возбуждал примером собственной чрезвычайной деятельности. «Я удивляюсь, – сказал он

однажды студентам при обычном посещении их комнат, – как вы не дорожите временем и мало делаете! в прошедшую сырную и первую недели Великого поста я написал около 80 листов»⁸. Пример ректора, особенно в соединении со всей его обаятельной личностью, неотразимо глубоко влиял на юношей. Самый труд казался не так тяжел, каков он был на самом деле. Студенты работали без усталости и ропота, хорошо зная, что самый требовательный начальник трудится гораздо больше их.

Инспектор архимандрит Димитрий также принадлежал к выдающимся деятелям. Его лекции по догматическому богословию, глубоко содержательные и проникнутые христианской любовью, производили сильное впечатление на слушателей. Последние были самого высокого мнения о своем профессоре. На этой почве сложилась известная, продолжительное время существовавшая в академической среде, легенда о том, что догматическое богословие митрополита Макария представляет собой ничто иное, как воспроизведение лекций его учителя Димитрия. Архим. Димитрий был замечателен и как человек. К нему особенно располагала и невольно влекла юношей голубиная чистота и бесконечная доброта его сердца, полная и совершенная христианская нестяжательность. Это был поистине человек не от мира сего. Из его жизни известен следующий характерный факт. Служа в Туле, Преосвящ. Димитрий все свое архиерейское содержание раздавал бедным, так что по назначении в Одессу не имел с чем выехать из города. Почитатели его немедленно собрали нужные средства, но, к изумлению их, он и последние роздал нуждающимся. По необходимости пришлось сделать повторный сбор. Преосв. Феофан сохранил о Димитрии самые светлые воспоминания. Живя на Выше и однажды разговорившись про современных наших иерархов, высказался, что самым даровитым по уму, широкому образованию и лучшим по жизни он считает Преосв. Димитрия Херсонского.

Кроме академического начальства и тогдашние профессора оказывали большое влияние на студентов. Некоторые из них стояли в самых близких отношениях и принимали живое участие

в жизни юношей, руководя и развивая их не только в аудитории, но и путем частных бесед. На Говорова имел особенно сильное воздействие профессор церковного красноречия Я.К.Амфитеатров, автор первой знаменитой православной русской гомилетики. Последний был земляком Говорова, нередко приглашал его к себе в дом и подолгу гулял с ним. Ученик дорожил близостью любимого наставника и широко пользовался ею для своего умственного и нравственного обогащения, не пропуская случая черпать из богатой духовной сокровищницы. Очень характерно для тогдашней академической среды, что внимание светского профессора и студента было занято религиозными вопросами даже в минуты отдыха, во время прогулок. Вот как впоследствии Преосв. Феофан вспоминал об этих прогулках. «Случилось мне ходить с ним (Амфитеатровым) по роще. Я будто мимоходом спросил: зачем это есть такие неровности между предметами природы и воздушными явлениями и неровности неприятные. Вот приятный цвет, а с боку крапива или дурман... и на небе то светло, то пасмурно? – Экой ты чудак! – отвечал он. Эти неровности – великое дело в экономии промысления Божия о нашем спасении. Милосердый Бог говорит тебе Сам: следовало бы, чтобы, пот никогда не стирался с лица твоего, изможденного и утомленного, но Я даю тебе иногда вкусить радость жизни, позволяю просветиться очам твоим, открыту быть челу твоему и являться улыбке на устах твоих, чтоб не потерял ты надежды и не пал в отчаяние; следовало бы, чтобы земля только терния и волчцы произращала тебе, но вот Я повелеваю иногда земле давать тебе все обильно в наслаждение, чтобы ты не потерял уверенности, что есть еще возможность возвратить потерянное блаженство»⁹.

Амфитеатров отличался необыкновенной добротой и всегда сочувственно относился к нуждам учащейся молодежи, иногда простирая свои заботы в этом отношении до полного устройства судьбы нуждающихся. В воспоминаниях Преосв. Феофана сохранился следующий факт. Однажды гуляя по городским улицам, профессор встретил группу слепых нищих. Среди последней ему бросился в глаза своей бойкостью и умной

физиономией мальчик-поводырь. Из расспросов выяснилось, что последний сын бедного дьячка Черниговской губернии. Амфитеатров взял его к себе в дом и поместил для обучения в духовное училище. Мальчик оказался очень способным, с успехом прошел низшую и среднюю школу, закончив образование в академии, где и принял монашество. Это был впоследствии Ставропольский святитель – Преосв. Евгений.

Под влиянием столь замечательных наставников умственные способности молодого Говорова сильно развились, у него образовался значительный интерес к богословским наукам и особенно любовь к писательству. В последнем отношении он достиг блестящих результатов. Об этом ясно свидетельствуют его магистерское сочинение и студенческие проповеди, особенно проповедь на Вознесение Господне. «Никто лучше его не писал, – говорил впоследствии о Преосвященном Феофане его товарищ по академии Макарий, митрополит Московский, – только по скромности своей он не мог читать громко своего сочинения»¹⁰.

Параллельно с умственным шло и нравственное преуспевание студента. В особенности нашла себе благоприятную почву и развилась в академии его природная склонность к уединению. Тогдашняя академическая жизнь, при строго-церковном направлении, отличалась какой-то особенной любовью, можно сказать, увлечением иночеством, как идеальным общественным служением. Ученое монашество поистине процветало. Его носили лучшие профессора и начальники – как Иннокентий и Димитрий. Его охотно принимали первые, даровитейшие студенты. К тому же располагали сами святыни Киева с таинственным мраком их пещер, этих безмолвных, но красноречивых свидетелей великих подвигов православного иночества. Несомненно, что юный студент нередко посещал Киевскую Лавру, в глубине пещер которой и переживал возвышенные религиозные настроения. Впечатления от подобных посещений были настолько глубоки и сильны, что святитель до конца своей жизни с восторгом вспоминал о них. «Киевская Лавра – неземная обитель. Как пройдешь брешь, бывало, так и чуешь, что зашел в другой мир. А там-то внутри –

чего, чего нет, Господь мой, батюшка! Я почасту переносусь (писано в 1890 г.) туда мыслью... так и полетел бы телом»¹¹. Все это вместе взятое незаметно и постепенно подогревало природную склонность, неотразимо влекло и, наконец, привело впечатлительного юношу к принятию монашества. Впрочем, столь серьезный шаг в жизни сделать было не легко. Молодой студент смотрел на иночество, как на трудный подвиг служения Церкви и окончательно решился на него только после долговременного глубокого размышления, пережив тяжелую душевную борьбу. По свидетельству родственников, Говоров, во время каникул, по переходе на старший курс, казался замкнутым, сосредоточенным, по-видимому, решающимся на какой-то важный шаг в жизни, хотя никому этого и не высказывал. Прежде очень общительный, веселый он теперь удалялся в поле, гулял в уединении и казался серьезным и мрачным¹². Наконец, эта душевная борьба закончилась победой идеальных стремлений.

По возвращении с каникул в академию, Говоров подал прошение о разрешении ему принять монашество, в котором, между прочим, писал: «Имея постоянное усердие к занятию богословскими предметами и к уединенной жизни, я, чтобы соединить и то и другое на предлежащем мне служении Церкви, положил обет посвятить жизнь свою монашескому званию»¹³. 15 февраля 1841 г. студент был пострижен в монашество с именем Феофана. Обряд совершил тогдашний ректор академии – архимандрит Иеремия, сам истинный аскет и подвижник, любивший юношу и оказавший сильное влияние на него в последнее время академической жизни. Около того же времени приняли монашество три товарища Говорова и между ними впоследствии знаменитый Макарий Московский. Юные иноки отправились в Лавру к славившемуся своими подвигами иеросхимонаху Парфению, чтобы испросить благословения и совета на новую жизнь. «Вот вы ученые монахи, – сказал им старец, – набравши себе правил, помните, что одно нужнее всего – молиться и молиться непрестанно умом в сердце Богу – вот чего добивайтесь»¹⁴. Глубоко запали в душу Феофана слова подвижника. Они явились для него истинным завещанием,

которое он так дивно исполнил в своей жизни. По окончании академического курса одним из первых магистров иеромонах Феофан в августе того же года (1841 г.) был назначен на должность смотрителя Киево-Софийского духовного училища.

Глава II. Учебно-воспитательная служба

«Самое действительное средство к воспитанию истинного вкуса в сердце есть церковность, в которой неусходно должны быть содержимы воспитываемые дети».

Преосв. Феофан

«Полюбите детей и они вас полюбят».

«Вот программа начальствующих всех родов: растворяй строгость власти кротостью, старайся любовью заслужить любовь, и бойся быть страшилищем для других. Истинная доброта не чуждается, где должно, строгого слова, но оно в устах ее никогда не имеет горечи обличения и укора».

Преосв. Феофан

Практическая учебно-воспитательная деятельность

Из первых восемнадцати лет общественной службы Преосв. Феофана большая часть была посвящена педагогической деятельности, с некоторым перерывом пребывания в наших заграничных миссиях Палестины и Константинополя. Он служил в нескольких местах и во всех типах духовной школы от низшей до высшей, прошел в них административные должности, начиная с начальника духовного училища до ректора Академии. Из смотрителей Киево-Софийского училища в декабре 1842 г. он был назначен инспектором и преподавателем логики и психологии в Новгородскую семинарию, через два года переведен в С.-Петербургскую Академию на должность бакалавра нравственного богословия. В 1855 г. был назначен ректором Олонецкой семинарии и, наконец, 13 июня 1857 г. занял высший учебный пост – ректора С.-Петербургской Академии. Немного имеется положительных сведений об учебно-воспитательной службе Преосв. Феофана, но судя по этим сведениям, а главное по его педагогическим взглядам и сочинениям, ясно видно, насколько она была высока и плодотворна. В своей воспитательной деятельности святитель является истинным христианским педагогом-идеалистом, с самыми возвышенными взглядами на дело, с самыми широкими требованиями к своему долгу. Христианскую любовь он считал основным началом воспитательных мер, а храм Божий и богослужение – лучшей средой и средством доброго воспитания. Инок-педагог не был сторонником формальных, механических мероприятий, верил только в силу любви, придавал значение только нравственным воздействиям воспитателя на питомца. «Полюбите детей и они вас полюбят» – говорил он в ответ всем вопрошающим о лучших способах воспитания. «Вот программа начальствующих всех родов – растворяй строгость власти кротостью, старайся любовью заслужить любовь, и бойся быть страшилищем для других. Истинная доброта не чуждается, где должно, строгого слова, но оно в устах ее никогда не имеет горечи обличения и укора»¹⁵.

Педагогические воззрения. Взгляд на задачи христианского воспитания и личность воспитателя

Безусловно правильным, соответствующим природе человека, по учению святителя, нужно считать только религиозно-нравственное воспитание, а развитие духа церковности лучшим средством к тому. «Самое действительное средство к воспитанию истинного вкуса в сердце есть церковность, в которой неисходно должны быть содержимы воспитываемые дети. Сочувствие ко всему священному, сладость пребывания среди его, ради тишины и теплоты не могут лучше напечатлеться в сердце. Церковь, духовное пение, иконы – первые, изящнейшие предметы по содержанию и по силе»¹⁶. Подобными возвышенными взглядами Преосв. Феофан руководился в своей педагогической практике. По воспоминаниям лиц, знавших его инспекторскую службу в Новгородской семинарии, последняя представляется в следующем виде. Молодой инок, убежденный, что православная Церковь со своими возвышенными и умилительными священнодействиями есть лучшая воспитательница, старался держать духовное юношество вблизи Церкви и под ее благодатным влиянием. Он неопустительно присутствовал на домашних молитвах учеников, в праздничные дни совершал богослужение, причем своей горячей молитвой и проповедью слова Божия располагал их к храму и воспитывал любовь к богослужению. Он нередко беседовал с юношами о правильном удовлетворении телесных потребностей, а чаще всего о душе, как ее поставить в общение с Богом и сохранить чистоту совести и сердца. Для духовного развития настоятельно рекомендовал чтение нравственно-религиозных книг, особенно слова Божия и творений свв. Отцов с назидательными жизнеописаниями их. Из светской литературы указывал только на книги с добрым нравственным направлением, не противные христианству. Чтобы разумно наполнить досуг воспитанников и предохранить от праздности, инспектор располагал их к физическим трудам – к столярному и

переплетному ремеслу, а также к занятиям живописью. Последнюю он сам особенно любил и был довольно искусным художником. В летнее время иногда предпринимал с юношами продолжительные загородные прогулки с целью физического освежения от утомительных умственных занятий и предоставления им здоровых и невинных развлечений¹⁷.

Как преподаватель нравственного богословия в столичной Академии Преосвященный был выдающимся профессором своего времени. Освободив эту науку от старого схоластического метода и дав новое жизненное направление, он тем самым поставил ее из тогдашних второстепенных предметов в кругу богословских знаний на видное, соответствующее ее важному значению место. Взамен прежнего сухого сборника правил христианского поведения нравственное богословие со времени Феофана стало действительным руководством духовной жизни. Ярким выражением блестящей профессорской деятельности его является «Начертание христианского нравоучения», представляющее свод академических чтений и выходявшее в печати вначале под названием «Писем о христианской жизни». Написанная с одной стороны на основании глубокого знания душевных явлений и собственного внутреннего опыта автора, а с другой стороны на основании не менее глубокого изучения слова Божия и святоотеческих писаний, книга создала целую эпоху в развитии русской богословской мысли и раз навсегда положила конец господству схоластики в области христианского нравоучения. Преосв. Феофан первый из православных богословов дал нравственным явлениям психологическое обоснование и законы нравственного порядка вывел из устройства человеческой природы. Так как науки христианской психологии у нас и до настоящего времени еще не существует, то автору, при составлении своего труда, по необходимости пришлось пользоваться одними собственными наблюдениями над духовным миром. Насколько были широки и плодотворны эти наблюдения, показала последующая судьба книги. Нам лично приходилось неоднократно слышать от семинарских преподавателей богословия, что «Начертание» для них

является безусловно лучшим, незаменимым руководством. Для читателя, впервые знакомящегося с книгой, открывается целый мир новых идей, а известные явления освещаются с таких сторон, с каких не предполагаешь и какого понимания не встретишь нигде в другом месте. Все положения автора и доказательства в пользу их обладают замечательной силой убедительности, ибо они не есть только плод отвлеченной умственной работы, но и явно носят печать глубоко чувствующего сердца и пережитого внутреннего духовного опыта.

Еще более важное значение, чем личная учебно-воспитательная деятельность святителя имеют для нас его педагогические взгляды по вопросам христианского воспитания и образования, встречающиеся во многих его произведениях и группированные, главным образом, в сочинении «Путь ко спасению». Преосв. Феофан представляет редкую, исключительную личность истинно христианского, православного педагога. Он оставил нам целую науку о воспитании, в которой с поразительной глубиной психологического наблюдения и замечательной широтой жизненного опыта раскрыты все важнейшие вопросы христианской педагогики. В ней яркими чертами нарисован истинный идеал воспитания и образования и в соответствие ему указаны требования от личности учителя и воспитателя; с точки зрения этого идеала рассмотрено наше современное воспитание, отмечены его существенные недостатки и указаны средства к улучшению как общие, так и частные, применительно к возрасту и развитию питомца, наконец, изображены плоды доброго воспитания и пр. Взгляды эти настолько возвышены и целесообразны, что их необходимо усвоить и принять в руководство всем, желающим воспитывать своих детей и учеников в духе христианской веры и благочестия. Для знакомства с ними мы считаем за лучшее важнейшие и более существенные пункты выписать подлинными словами, дабы не утратить глубины содержания, замечательной простоты и вместе художественности их внешнего выражения.

Святитель-педагог высоко ставит великое дело христианского воспитания детей и в этом важном предмете первостепенное значение придает выяснению вопроса о задачах и целях его. «Воспитание из всех святых дел, – говорит он, – самое святое... Надобно так расположить дух учеников, чтобы у них не погасло убеждение, что главное у нас дело есть Богоугождение, а научность есть придаточное качество, случайность, годная только на время настоящей жизни. Должно быть поставлено непреложным законом, чтобы всякая, преподаваемая христианину, наука была пропитана началами христианскими, и притом православными... У нас самое опасное заблуждение то, что преподают науки без всякого внимания к истинной вере, позволяя себе вольность или ложь, в том предположении, что вера и наука – две области, решительно разъединенные. Дух у нас один. Он же принимает науки, и напитывается их началами, как принимает веру и проникается ею. Как же можно, чтобы они не приходили в благоприятное или неприятное соприкосновение здесь?.. Если в таком порядке будет ведено обучение, чтобы вера и жизнь в духе веры высились над всем во внимании обучаемых, и по образу занятия и по духу преподавания, то нет сомнения, что положенные в детстве начала не только будут сохранены, но и возвысятся, укрепятся и придут в соразмерную зрелость. А как это благодетельно»¹⁸!

Соответственно возвышенному взгляду на задачи воспитания, велики требования и к личности христианского воспитателя. «Воспитатель должен пройти все степени христианского совершенства, чтобы впоследствии в деятельности уметь держать себя, быть способным замечать направление воспитываемых, и потом действовать на них с терпением, успешно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословие лиц чистейших, богоизбранных и святых»¹⁹.

Обращаясь к нашему современному воспитанию, Преосв. Феофан находит в нем много существенных недостатков, важнейшим источником которых признает следующие причины: «а) отдаление от Церкви и благодатных ее средств. Это заморяет росток христианской жизни, разобщая ее с

источниками и она увядает, как увядает цвет, поставленный в темном месте. б) Невнимание к отправлениям телесным. Думают, что тело может всячески развиваться без вреда для души: между тем, в его отправлениях седалища страстей, кои вместе с его развитием развиваются, коренятся и овладевают душой. Проникая телесные отправления, страсти получают в них себе оседлость, или устрояют из них неприступную некоторую крепость и тем упрочивают за собой власть на все последующее время. в) Безобразное, не направленное к одной цели развитие сил души. Не видят цели впереди, – не видят пути к ней. Отсюда, при всей заботе о современном образовании, ничего более не делают, как только раздувают пытливость, своеволие и жажду наслаждений. г) Совершенное забвение о духе²⁰. Молитва, страх Божий, совесть редко берутся во внимание. Была бы исправность видимая, а те внутреннейшие состояния всегда предполагаются и всегда потому оставляются сами себе. д) Во время – обучения – закрытие главного дела побочными, заслонение сего *единого* – множеством других»²¹.

В целях улучшения современного христианского воспитания, необходимо принять в руководство следующие общие педагогические меры: 1) «Хорошо понять и усвоить начала истинного христианского воспитания и действовать по ним прежде всего дома. Домашнее воспитание есть корень и основание всему последующему. Хорошо воспитанного и заправленного дома, превратное школьное воспитание не так легко собьет с прямого пути. 2) Вслед затем, перестроить по новым, истинным началам школьное воспитание, внести в него христианские элементы, неисправное исправить; главное – держать во все время воспитания воспитываемого под обильнейшим влиянием св. Церкви, которая всем своим устройством спасительно действует на созидание духа. 3) Нужнее всего воспитывать *воспитателей*, под руководством таких лиц, кои знают истинное воспитание не по теории, а по опыту. Образуюсь под надзором опытейших воспитателей, они опять передадут свое искусство другим, последующим и т. д.»²².

Первоначальное воспитание ребенка в христианской семье

Чем ни раньше положить начало практическому применению этих общих воспитательных средств, тем лучше. Семейное воспитание возможно и необходимо начать с самого раннего младенчества. Церковность и благочестие родителей лучшие и незаменимые способы воздействия на ребенка в этом периоде. Создать вокруг колыбели младенца христианскую атмосферу, окружить священными предметами и путем примера жизни благочестиво настроенных родителей открыть доступ религиозным впечатлениям к душе его, значит бессознательно, но прочно заложить основы истинно христианской жизни.

«Здесь, прежде всего, внимание останавливается на младенце в колыбели, до пробуждения в нем каких-либо способностей. Младенец живет, следовательно можно влиять на его жизнь. Здесь приложимы св. тайны, за ними вся церковность, и с ними вместе вера и благочестие родителей.

Все сие, в совокупности, составит спасительную вокруг младенца атмосферу. Всем сим таинственно наитствуется благодатная жизнь, зачатая в младенце.

«Частое причащение св. Христовых Таин живо и действенно соединяет с Господом нового члена Его, чрез пречистое тело и кровь Его, освящает его, умиротворяет в себе и делает неприступным для темных сил. Поступающее таким образом замечают, что в тот день, когда причащают дитя, оно бывает погружено в глубокий покой, без сильных движений всех естественных потребностей, даже тех, кои в детях сильнее действуют. Иногда оно исполняется радостью и игранием духа, в коем готово всякого обнимать, как своего. Нередко св. причащение сопровождается и чудодействиями. Св. Андрей Критский в детстве долго не говорил. Когда сокрушенные родители обратились к молитве и благодатным средствам, то во время причащения Господь благодатью Своей разрешил узы языка, после напоившего Церковь потоками сладкоречия и премудрости. Один доктор по своим наблюдениям

свидетельствовал, что в большей части детских болезней следует носить детей к св. причащению, и очень редко имел нужду употреблять потом медицинские пособия».

«Большое влияние имеет на детей частое ношение в церковь, прикладывание к св. кресту, Евангелию, иконам, накрывание воздухами; также и дома – частое поднесение под иконы, частое осенение крестным знаменiem, окропление св. водой, курение ладаном, осенение крестом колыбели, пищи и всего прикасающегося к ним, благословение священника, приношение в дома икон из церкви и молебны; вообще – все церковное чудным образом возгревает и питает благодатную жизнь дитяти, и всегда есть самая безопасная и непроницаемая ограда от покушения невидимых темных сил, которые всюду готовы проникнуть в развивающейся только душе, чтобы своим дыханием заразить ее»!

«Под этим видимым охранением есть невидимое: Ангел Хранитель, Господом приставленный к младенцу с самой минуты крещения. Он блюдет его, своим присутствием невидимо влияет на него и в нужных случаях внушает родителям, что надо сделать с находящимся в крайности детищем».

«Но все эти столь крепкие ограды, эти сильные и действительные наития может разорить и лишит плода неверие, небрежность, нечестие и недобрая жизнь родителей. Есть непостижимая для нас связь души родителей с душой детей, и мы не можем определить, до какой степени простирается влияние первых на последних. Дух веры и благочестия родителей должно почитать могущественнейшим средством к сохранению, воспитанию и укреплению благодатной жизни в детях».

«Дух младенца как бы не имеет еще движения в первые дни, месяцы, даже и годы. Что-нибудь передать ему для усвоения обычным путем нельзя. Но можно действовать на него посредственно».

«Есть некоторый особенный путь общения душ чрез сердце. Один дух влияет на другой чувством. Такое влияние на душу младенца тем удобнее, чем полнее и глубже родители сердцем

своим обращены на младенца. Отец и мать исчезают в дитяти и, как говорят, не чают души. И если их дух проникнут благочестием, то быть не может, чтобы, оно по своему роду не действовало на душу дитяти. Лучший внешний проводник при этом – взор. Тогда как в других чувствах душа остается сокрытой, глаз открывает ее взору другим. Это точка встречи одной души с другой. Пусть же чрез сие отверстие проходят до души дитяти души матери и отца с чувствами святыми. Они не могут не намазать ее этим святым елеем. Надобно, чтобы во взоре их светила не одна любовь, которая так естественна, но и вера, что на руках у них более, чем простое дитя, и надежда, что Тот, Кто дал им под надзор сие сокровище, как некоторый сосуд благодати, снабдит их и достаточными силами к тому, чтобы сохранять его».

«Когда таким образом родители оградят колыбель своего дитяти духом искреннего благочестия, то этим составитя вокруг зачинающейся жизни сродная ей духовная атмосфера, которая перельет в нее и свой характер, подобно тому, как и кровь, начало жизни животной, в свойствах своих много зависит от окружающего воздуха. Говорят, что вновь устроенный сосуд хранит долго, если не всегда, запах того вещества, которое вольют в него в ту пору. Тоже должно сказать и о показанном устройении около детей. Оно благодатно-спасительно проникнет в устанавлиющиеся формы жизни дитяти и будет полагать на них печать свою. Здесь же и непроходимая преграда влиянию духов злобы».

«Начавши такое устройство от колыбели, должно уже продолжать его потом и во все время воспитания: и в детстве, и в отрочестве, и в юношестве»²³.

С возрастом и раскрытием душевных сил ребенка родители должны систематически и всесторонне развивать способности его. Истинно доброе и нравственное настроение детей надобно созидать положительным действием на все их силы: ум, волю и сердце.

На ум. «Главное, что должно иметь в виду, это здравые понятия и суждения по началам христианским о всем встречающемся или подлежащим вниманию детей, что добро и

зло, что хорошо и худо. Это сделать очень легко посредством разговоров и опросов. Родители сами говорят между собой; дети прислушиваются и почти всегда усвояют себе не только мысли, но даже обороты их речи и манеры. Пусть родители, когда говорят, называют вещи собственными их именами. Например: что значит настоящая жизнь, чем она кончится, от кого все получается, что такое – удовольствия, какое достоинство имеют те или другие обычаи и пр. В непродолжительном времени этим простым средством можно передать здравые начала для суждений о вещах, кои потом не изгладятся надолго, если не на всю жизнь. Таким образом, в самом корне будет подавлено мирское мудрование и пытливость злая, ненасытная. Истина доступна всякому. Что малое христианское дитя премудрее философов – показал опыт. Он и теперь повторяется, но прежде он был повсюду. Например: во время мученичества, малые дети разумно рассуждали о Господе Спасителе, о безумии идолопоклонства, о будущей жизни; это оттого, что мать или отец натолковали им о том в простой беседе».

На волю. «Дитя многожелательно: все его занимает, все влечет к себе и рождает желания. Не умея различать доброго от злого, оно всего желает и все, что желает, готово выполнить. Дитя, предоставленное самому себе, делается неукротимо своевольным. Потому родителям строго должно блюсти эту отрасль душевной деятельности. Самое простое средство к заключению ее в должные пределы состоит в том, чтобы расположить детей ничего не делать без позволения. Пусть со всяким желанием прибегают к родителям и спрашивают: можно ли сделать то или другое? Естественным следствием такого настроения будет полное послушание и покорность во всем воле родителей, наперекор своей, расположение во многом отказывать себе и навык к этому, или умение; а главное, опытное убеждение в том, что не должно слушать во всем себя. Это всего понятнее для детей из их же опытов, что они многое желают, а между тем это желаемое вредно для их тела и души. Отучая от своей воли, надо приучать дитя делать добро. Для этого пусть родители сами представят истинный пример доброй

жизни и знакомят детей с теми, у коих главные заботы не о наслаждениях и отличиях, а о спасении души. Дети любопытны. Как рано они умеют копировать мать и отца! Вместе с тем и самих детей надо вызывать на добрые дела, и сначала приказывать им делать их, а потом наводить, чтобы сами делали. Самые обыкновенные при этом дела суть: милостыня, сострадание, милосердие, уступчивость и терпение. Всему этому весьма не трудно приучить. Случаи поминутны, стоит взяться. Отсюда выйдет воля с настроением на разные добрые дела и вообще с тяготением к добру. И доброделанию надобно научить, как и всему другому».

На сердце: «Под таким действованием ума, воли и низших сил, само собой и сердце будет настраиваться к тому, чтобы иметь чувства здоровые, истинные, приобретать навык наслаждаться тем, что действительно истинно наслаждает, и несколько не сочувствовать тому, что, под прикрытием сладости, вливает яд в душу и тело. Сердце – способность вкушать и чувствовать насыщение. Самое действительное средство к воспитанию истинного вкуса в сердце есть церковность».

Родители должны быть особенно бдительны при раскрытии в ребенке высших способностей человека – обнаружений его духа, к которому относятся – страх Божий, совесть и молитва. «Страх Божий рождает молитву и освежает совесть. Нет нужды, что все это обращается к иному, невидимому миру. У детей есть к тому предрасположение, и они скоро усваивают себе эти чувства. Особенно молитва прививается очень легко и действует не языком, а сердцем. Оттого они охотно и без усталости участвуют и рады этому. Потому не должно лишать их этой части образования, а мало по малу вводить их в сие святилище нашего существа. Чем раньше напечатлеется страх Божий и возбудится молитва, тем прочнее будет благочестие во все последующее время. Ближайшего руководства требует совесть. Здоровые понятия, с добрым примером родителей и другими способами обучения добру, и молитва освятят ее и напечатлеются достаточные основания для последующей доброй деятельности. Но главное, в них должно образовать

настроение в совестливости и сознательности. Сознательность есть дело чрезвычайной важности в жизни; но как трудно ее образовать, так легко и заглушить в детях. Воля родителей для малых детей есть закон совести и Божий. Сколько есть у родителей благоразумия, пусть так распоряжаются своими повелениями, чтобы не поставлять детей в необходимости быть преступниками их воли; а если уже сделались такими – сколько можно располагать их к раскаянию. Что мороз для цветов, то и отступление от родительской воли для дитяти; оно не смеет смотреть в глаза, не желает пользоваться ласками, хочет убежать и быть одно, а между тем душа грубеет, дитя начинает дичать. Как хорошо предварительно расположить его к раскаянию, сделать, чтобы без боязни, с доверием и со слезами пришло и сказало: «вот я то и то сделал худо». Само собой что все это будет касаться одних обыкновенных предметов; но хорошо и то, что здесь положится основание будущему постоянному истинно-религиозному характеру – тотчас вставать по падении, образуется умение скорого покаяния и очищения себя или обновления слезами»²⁴.

Не одни душевные и духовные, но и телесные силы ребенка требуют тщательного ухода и развития. Преосвященный-педагог рассматривает главные отправления человеческого тела – питание, движение и чувствительность или деятельность нервов и дает руководственные советы к образованию добрых привычек в отношении каждого из них. Следует приучать детей – в питании к умеренности и воздержанию, в движениях – к трудам, живости и степенности, в отношении чувствительности – безбоязненно переносить перемены температуры – воды, воздуха, ушибы и боли и пр. Естественное назначите тела служить орудием духа, а потому с ранних лет его нужно воспитать так, чтобы оно содействовало и помогало, а не тормозило и препятствовало развитию нашей духовной деятельности. Все, возбуждающее нашу чувственность и питающее страсти, должно настойчиво устранить из детской жизни.

«Кто приобрел такой навык, тот счастливейший человек в мире. Душа в таком человеке является владычицей тела, с

другой стороны заграждается в нее вход непотребному зелью чувственных наслаждений, своеволия, телолюбия или саможаления. А это очень важно в жизни христианской, по самому существу своему отрешенной от чувственности и всякого угодия плоти. Итак, не должно оставлять на произвол развитие тела дитяти, а надо держать его под строгой дисциплиной с самого начала, чтобы потом передать его в руки самого воспитываемого уже приспособленным к жизни христианской, а не враждебным ей. Истинно любящие детей родители-христиане не должны жалеть ничего, даже своего родительского сердца, чтобы доставить сие благо детям; ибо иначе все последующие дела их любви и попечения будут или малоплодны, или даже бесплодны. Тело – седалище страстей, и большей частью самых свирепых, каковы похоть и гнев. Оно же и орган, чрез который демоны проникают в душу»²⁵.

Воспитание юноши

Переходя от детского воспитания к воспитанию юноши, существенно необходимо установить требование, чтобы последнее, будет ли оно в семье или вне ее, неизменно велось в полном соответствии с первым, т. е. носило религиозно-нравственный характер. Иначе будет разорено все, что с таким трудом созидалось вначале. Так как с развитием детей начинают заметно сказываться их индивидуальные духовные способности, а также особенности возраста, имеющие важное значение в воспитательном отношении, то наставники и руководители должны внимательно изучать эти явления и в своей деятельности сообразоваться с ними. Желая дать руководственные указания по этому предмету, Преосв. Феофан прежде всего изображает типические черты периодов обучения и воспитания. Особенно подробно он останавливается на характеристике юности, как возраста более других подверженного опасностям и потому более других представляющего затруднений для воспитательного воздействия. Юность по преимуществу неровный, волнистый период человеческой жизни, когда все потребности природы в живом, сильном возбуждении и каждая требует своего удовлетворения. Уж одна порывистость и беспорядочность движений опасна сама по себе, ибо легко может увлечь за пределы дозволенного и полезного. Эта опасность значительно увеличивается от присутствия некоторых нравственных качеств, специально свойственных юности, каковы – жажда впечатлений, склонность к общению, желание все критиковать и др. Первое во внешнем поведении характеризуется некоторой стремительностью и большим разнообразием действий юноши. Он обычно ищет все новых и новых впечатлений. Не довольствуясь своим наличным духовным содержанием, нередко выражает намерение переиспытать и пережить предметы и явления жизненного опыта других. Чтобы удовлетворить этой потребности, юноша набрасывается на книги, которые читает с жадностью, с увлечением и часто без

всякого разбора. Отсюда свободно может образоваться вредная в нравственном отношении склонность к легкому, поверхностному и беспорядочному чтению. Нередко также юноша не удовлетворяется окружающей его действительностью и настойчиво стремится проникнуть и открыть завесу будущего. И вот он без конца начинает фантазировать и строить обширные, несбыточные планы на лучшее будущее, на свою выдающуюся роль в нем и пр. Часто повторяясь, подобные настроения легко могут развиваться в болезненную мечтательность и фантазерство. Прекрасная сама по себе черта – склонность к общению иногда становится для юноши источником важных жизненных затруднений и даже больших бед. Она обычно влечет молодого человека в среду своих сверстников и товарищей. Конечно, каждый стремится найти лучшее общество, но нередко по неопытности и незнанию жизни человек попадает в такие кружки, которые бессознательно, а то и намеренно создали превратное направление и преследуют дурные цели. Подобные товарищества сильно заражают, а иногда прямо развращают чистого юношу, по выражению Слова Божия, *тлят обычаи благи беседы злы*. Особенно опасно для христианской веры присущее молодости стремление все подвергать сомнению и своей критике. Тогда человек впервые начинает пользоваться своими собственными пробудившимися силами. Он обычно преувеличивает их значение, становится самонадеян и склонен к отрицанию всякой сторонней опеки, всякого авторитета, хотя бы и общепризнанного. Юноша создает собственные идеалы жизни или вычитывает их из книжных теорий, которые иногда не только не соответствуют истине, но и противны здравому смыслу. Воспроизведем высокохудожественное изображение Преосв. Феофаном юности и ее опасностей.

«Река жизни нашей пресекается волнистой полосой юности. Это время воскипания телесно-духовной жизни. Тихо живет дитя и отрок, мало быстрых порывов у мужа, почтенные седины склоняются в покою; одна юность кипит жизнью. Надобно иметь очень твердую опору, чтобы устоять в это время от напора волн. Сама беспорядочность и порывистость движений опасна.

Начинаются первые его собственные движения – начатки пробуждения его сил, и имеют для него всю прелесть: силой своего влияния они вытесняют все, что прежде было положено на мысль и сердце. Прежнее для него станет мечтой, предрассудком. Только настоящие чувства истинны, только они имеют действительность и значение».

«Юноша живет сам по себе, и кто исследует все движения и уклонения его сердца? Это то же, что исследовать путь птицы в воздухе или бег корабля в воде! Что брожение вскисяющей жидкости, что движение стихий при разнородной их смеси, то сердце юноши. Все потребности так называемой природы в живом возбуждении, каждая подает голос, ищет удовлетворения. Как в природе нашей качествует расстройство, так и совокупность этих голосов то же, что беспорядочные крики шумной толпы».

«И сама по себе юность опасна; но к этому присоединяются еще два, свойственные этому возрасту, влечения, от которых юношеские возбуждения сильнее разгораются и приобретают большую силу и опасность. Это: а) жажда впечатлений, и б) склонность к общению».

"Жажда впечатлений сообщает некоторую стремительность, непрерывность и разнообразие действиям юноши. Ему хочется все испытать самому, все видеть, все слышать, везде побывать. Ищите его там, где есть блеск для очей, гармония для слуха, простор для движения. Он хочет быть под непрерывным потоком впечатлений, всегда новых и потому разнообразных. Ему не сидится дома, не стоит на одном месте, не вникает к одному предмету. Его стихия – развлечения. Но этого для него мало; он не довольствуется действительным, личным испытанием, а хочет усвоить и как бы перенести на себя впечатления других, изведать, что чувствовали, как действовали другие сами по себе, или в подобных ему обстоятельствах. Затем он кидается на книги и начинает читать; перебирает одну книгу за другой, часто не разбирая содержания их; у него главное – найти так называемый эффект, из какого бы рода вещей он ни был и чего бы ни касался. Ново, изобразительно, остро – самая лучшая

для него рекомендация книг. Здесь обнаруживается и образуется склонность к легкому чтению – та же жажда впечатлений, только в другом виде. Но и здесь еще не все. Юноша часто наскучивает действительностью потому, что как бы ее навязывают ему со стороны: это связывает его и заключает слишком в определенных границах, а он ищет некоторой свободы. Затем он часто отрывается от действительного, уходит в свой созданный мир и там начинает действовать на славу. Фантазия строит ему целые истории, где большей частью герой – его собственное лицо. Юноша только вступает в жизнь. Пред ним обольстительное, заманчивое будущее. Со временем и ему таким надобно быть: что же он будет? Нельзя ли как приподнять эту завесу и посмотреть? Фантазия, очень подвижная в эти лета, не медлит удовлетворением. Здесь обнаруживается и в таком роде действий воспитывается мечтательность. Мечты, легкое чтение, развлечения, все это одно почти по духу – дети жажды впечатлений, жажды нового, разнообразного. И вред от них одинаков. Ничем нельзя лучше заморить добрых семян, положенных прежде на сердце юноши, как ими».

«Юношеский возраст есть время живых чувств. Они у его сердца – как прилив и отлив у берегов моря. Его все занимает, все удивляет. Природа и общество открыли пред ним свои сокровища. Но чувства не любят быть скрытыми в себе, и юноша хочет делиться ими. Потребность благородная, но она может быть и опасной! Кому вверяешь свои чувства, тому даешь некоторым образом власть над собой. Как же надобно быть осторожным в выборе близкого лица! Встретишь такого, который далеко, далеко может завести от прямого пути. Само собой разумеется, что добрый естественно стремится к добру, а отклоняется от недоброго. Есть на это некоторый вкус у сердца. Но, опять, как часто случается простосердечию быть завлеченным хитростью! Не столько, впрочем, опасности в дружбе, сколько в товариществе. Редко видим друзей, но больше знакомых и приятелей. А здесь сколько возможно и сколько бывает зла? Есть кружки приятельские с очень недобрыми правилами. Склонившись к ним, не заметишь, как

объединишься с ними в духе, подобно тому, как незаметно наполнишься смрадом в смрадном месте. Они сами часто теряют сознание непотребства своего поведения, и спокойно грубеют в нем. Если и пробуждается в ком это сознание, он не имеет сил отстать. Каждый опасается объявить о том, ожидая, что его после всюду будут преследовать колкостями, и говорит: «так и быть, может быть пройдет». *Тлят обычаи благи беседы злы.*

«Самый верх опасностей для юноши – от обращения с другим полом. Тогда как в первых соблазнах юноша сбивается с прямого пути, здесь он кроме того теряет себя».

«Кроме этих опасностей, вытекающих из свойств юношеского возраста, есть еще две: во-первых – настроение, по которому до небес возносится знание рассудочное, или своеличное постижение. Юноша считает преимуществом – на все налагать тень сомнения, и все то ставить в стороне, что не совпадает с меркой его понимания. Этим одним он отсекает от сердца все настроение веры и Церкви, следовательно, отпадает из нее и остается один. Ища замены оставленному, кидается на теории, построенные без соображения с откровенной истинной, опутывает себя ими, и изгоняет из своего ума все истины веры. Еще больше беды, если повод к тому подает преподавание наук в училищах и если подобный дух становится там преобладающим. Думают обладать истиной, а набираются туманных идей, пустых, мечтательных, большей частью противных даже здравому смыслу, которые, однако же, увлекают неопытных и становятся идолом для юноши любознательного. Во-вторых – светскость. Пусть она может представлять нечто полезное, но преобладание ее в юноше пагубно. Она знаменуется жизнью по впечатлениям чувств, таким состоянием, в коем человек мало бывает в себе, а все почти во вне, или делом, или мечтой. С таким настроением ненавидят внутреннюю жизнь и тех, кои говорят о ней и живут ею. Истинные христиане для них мистики, запутавшиеся в понятиях, или лицемеры и проч. Разуметь истину мешает им дух мира, качествующий в кругу светской жизни, соприкасаться которой невозбранно позволяют и даже советуют юношам. Этим

соприкосновением мир, со всеми своими растленными понятиями и обычаями, набивается в восприимчивую душу юноши, не предваренного, не настроенного противно тому, а еще только принимающего настроение, и отпечатлевается на ней, как на воске, – и он невольно становится чадом его. А это чадство противно чадству Божию во Христе Иисусе.

Вот опасности для юношей от юности. И как трудно устоять»!²⁶

Все эти особенности юношеского возраста и его опасности воспитатель должен иметь в виду, основательно изучить и соответственно тому располагать свою деятельность. Не входя в подробное рассмотрение воспитательных мер и правил, Преосв. Феофан со своей стороны рекомендует как самое надежное общее руководственное начало – строго выдержанную дисциплину и авторитет воспитателя. «Поистине благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей», – неоднократно повторяет он. «Как хорошо подчинить себя в этом случае (говорится об умственном брожении юноши) строгой и престоной дисциплине и быть во все время юношества под руководством. Тех юношей, коим не позволяют распоряжаться самим своим поведением до возмужалости, можно назвать счастливыми. И всякому юноше надобно радоваться, если он поставлен в таких обстоятельствах. Сам юноша, очевидно, дойти до этого едва ли может; но он покажет много ума, если поверит совету быть больше дома за делом, не мечтать и не читать пустого. Развлечение пусть отклонит трудолюбием, мечтательность – серьезными занятиями под руководством, которому особенно должно быть подчинено чтение, и в выборе книг, и в образе чтения. Как бы, впрочем, это кто ни сделал, пусть только сделает. Страсти, сомнения, увлечения разгораются именно в этом, так сказать, шатком брожении ума юноши»²⁷.

Успех и влияние воспитательных мер на юношу в значительной степени определяется характером первоначального семейного воспитания. Каким человек выходит из юношеского возраста, чаще всего зависит от того, каким он вступает в него.

«Что сказать о том, кто не только не любит христианской жизни и истины, и даже никогда не слышал о них»?

«В этом случае он – дом без ограды, преданный разграблению, иди сухой хворост, преданный горению в огне. Когда своеволие юношеской мысли на все кидает тень сомнения, когда сильно тревожат его возбуждение страстей, когда вся душа наполняется искусительными помыслами и движениями, – юноша в огне. Кто даст ему каплю росы для прохлады, или подаст руку помощи, если из сердца не выйдет голос за истину, за добро и чистоту? А он не выйдет, если любовь к ним не поселена прежде. Даже советы в этом случае, не помогут. Их тогда не к чему привить. Силен совет и убеждение, если, сходя чрез слух в сердце, они пробудят там чувства, кои есть и имеют для нас цену, но только в настоящий момент отстранены другими, а сами мы не найдемся, как их высвободить и сообщить им свойственную силу. В этом случае совет – драгоценный дар юноше от советника. Но если в сердце нет начатков чистой жизни, он бесполезен». «Что будет с юношей, если он наперед не приучен влагать в некоторый строй свои движения и не наложил на себя обязательства хранить их в строгом подчинении некоторым высшим требованиям. Если сии начала глубоко напечатлены в сердце, то все волнения будут происходить как бы на поверхности переходно, не сдвигая основания, не колебля души»²⁸.

Взгляд на школьное образование

Наряду с учением о домашнем и семейном воспитании мы находим в сочинениях Преосв. Феофана немало указаний по постановке нашего школьного образования и в этом отношении он является педагогом-новатором, далеко опередившим свое время. Известно, что последним словом современной педагогики признается идея воспитывающего обучения, стремление, чтобы школа не только давала знания и обогащала ум, но и гармонически развивала все душевные способности ученика, нравственно воспитывала и облагораживала его. Идея эта впервые была высказана лучшими представителями нашего педагогического мира во второй половине прошлого столетия и особенно подробно развита в последней четверти его, между тем Преосв. Феофан еще в сороковых годах того же 19 века настойчиво проводил ту же мысль в своих лекциях на кафедре профессора столичной академии. Вся его педагогическая система коренится именно в идее нравственно воспитывающего обучения. Он признает плодотворным только то образование, которое развивает не один ум, но и главным образом облагораживает сердце. Эта мысль красной нитью проходит по всем его сочинениям, затрагивающим педагогические вопросы. Автор неоднократно повторяет ее, подробно развивает и авторитетно доказывает. Видимо, что эта идея дорога, близка его сердцу и он страстно стремится осуществить ее в жизни. Характеризуя состояние нашего новейшего школьного обучения, на практике почти исключительно занятого обогащением и дрессировкой одного ума, Преосв. Феофан с грустью остроумно замечает, что человек, получивший его, подобен бездушной и холодной статуе с огромной головой, сидящей на коротком, тощем туловище и на микроскопических, хрупких ногах. Чтобы парализовать эту односторонность, святитель настойчиво рекомендовал поднять и усилить в школах значение нравственно-воспитательного элемента и в частности христианских начал. По его глубокому убеждению, всякая здоровая русская школа, к какому бы типу она ни принадлежала

и какие бы в ней науки ни преподавались, должна неизменно иметь в своей основе начала религии и нравственности. Это не значит, чтобы все науки, даже математику необходимо преподавать с религиозной точки зрения, как того требовали в своем увлечении ревнители и руководители отечественного просвещения во времена господства нашего мистицизма – Магницкие, Рунич и др. Нет, святитель желал только отметить, что наряду, а еще лучше прежде сообщения юноше каких-либо научных знаний существенно необходимо дать ему здравые понятия о важнейших христианских истинах – о Боге, мире, человеке и пр. Сначала нужно прочно напечатлеть в сознании и сердце основные нравственные истины, а уже затем на подобном крепком фундаменте строить всю систему научного образования, причем при постепенном, поступательном развитии последнего нравственные идеи должны иметь значение высших, руководительных начал. Говоря в частности о том, что может сделать школа для духовного блага своего питомца, Преосв. Феофан останавливается своим руководственным указанием на просвещении ума и воспитании сердца, этого истинного центра духовной жизни человека. «Чего хотят воспитывающие? – говорил он в одной средней школе²⁹ в назидание учителей и воспитателей ее. – Хотят просветить ум и образовать сердце? Где же найти прочные основы и действительные орудия к тому и другому? Нигде, как в Господе нашем Иисусе Христе, *Иже бысть нам премудрость от Бога, правда же и освящение и избавление (1Кор. 1:30)*; т. е. во святой вере, Им дарованной со всеми спасительными ее учреждениями. Ибо.

Что значит просветить ум? Значит напечатлеть в нем здравые понятия о всем сущем и бывающем, именно, понятия о том, что есть Бог, какие Его свойства, в какое отношение благоволил Он поставить Себя к миру и к нам? Что такое мир сей, откуда он, чем держится и откуда ведется? Что мы сами; зачем мы здесь – на сей земле, что ожидает нас в будущем и проч.? Совокупность таких понятий и составляет мудрость, которой всегда так деятельно искал и ищет человек. И кто знает все сие истинно, не несправедливо именуется просвещенным,

как видящий все в ясном свете. Надобно заметить, что сии понятия суть ответ на беспокоящие наш ум вопросы. Нет человека, которого бы не тревожили сии вопросы, и нет такого, который бы не решал их тем или другим образом. Но настоящее их решение – самое успокоительное и самое верное – содержится в откровении И. Христове, и преподается св. Церковью. Здесь Бог есть Дух всесовершенный, единый по существу и троичный в лицах, Творец мира и Промыслитель всяческих; мир – творение Божие, единым словом Всемогущего воззванное к бытию, и глаголом силы Его содержащее, во всем скрепленное законами неизменными, по благоволению воли Божией во всякое мгновение готовыми покориться, и покоряющимися; человек – разумная тварь, полная совершенств в начале, потом падшая и расстроившаяся, ныне восстанавливаемая Господом Иисусом Христом во св. Церкви благодатью Св. Духа, и наконец имеющая явиться в новой славе – в будущий век, за веру и труд добродетелания, и проч.»

«Какие светлые, возвышенные и плодотворные понятия! После сего напрасно ум берется решать их еще и сам собой. Опыты его решений, до пришествия Христа Спасителя, и теперь на западе, в тех, кои свергли благое иго покорности слову неложного Бога, осязательно убеждает, как слаб он в сем отношении, и как ему сроднее здесь, как и во многом другом, оставаться навсегда учеником и не дерзать восходить на учительскую кафедру. Что же остается просветителям ума? Не изобретать, а взять, готовые уже, Божественные истины, и напечатлеть их в умах детей, а потом на них, как на основаниях строить все здание ведения, или всю совокупность наук. Какую твердость и мужество приобретает ум, таким образом просвещенный! Как прочна в нем вся сумма познаний, будучи проникнута единым духом и едиными началами!»

«Что значит образовать сердце? Значит возбудить сокрытые в естестве нашем требования, преобразовать их в чувства и расположения, возвести в начала и правила жизни, чтоб потом о всяком обладающем ими можно было сказать: вот совершенный человек. Спрашивается, как это сделать?»

«Многим кажется достаточным для этого – развивать. Развивай, говорят, природу. Как из семени, прозябшего и раскрывшегося выходит дерево или цвет, в своем роде совершенный; так выйдет и человек совершенным, если развить все сокрытое в естестве его. Кажется, что может быть разумнее и основательнее такого положения? А выходит совсем не то, что чается. Например, развивая эстетическую сторону, окружают питомца изящными предметами и самого приучают к искусствам. Вкус раскрывается мало по малу; но вместе высказываются и разного рода похотствования, и притом в формах совсем неизящных. Еще: чтоб приучить держать себя с достоинством, вводят в общество, и открывают все приемы приличного взаимоотношения. Цель достигается в некоторой мере; но вместе внедряется гордость, спесь, своеобразие, неприступность, презорство к низшим. Так приучают и к разного рода предприимчивости и деятельности: бывает и в этом успех; но не успешнее ли вырастает корыстность, интересанство и безжалостная притязательность? Так и во всем. Что же это значит? Не доброе ли семя сеется? и отчего же плевелы? – Оттого, что семя естества нашего повреждено падением, и многое привилось к нему неестественного и противоестественного, что однако ж наряду с естественным выказывает право на удовлетворение, прикрываясь видом естественности. Оттого там, где без разбора развивают все, что ни находят в человеке, вместе со сродным нам развивают и несродное, – и в естестве нашем является много паразитов, которые нередко заглушают и иссушают естественные ветви. Так, не все надобно развивать в нас; а иное развивать, а иное подавлять и искоренять. И вот в чем вся трудность воспитания и образования. Нет у нас очей, или зрительных орудий к тому, чтоб различить тонкие, сплетшиеся нити естественного и неестественного. А если б и была возможность различить, то нет орудия или анатомического ножа для отделения одного от другого. Если б и это было, – нет сил подкрепить и оживить сродное и заглушить несродное нам. Так, пока мы одни, – со своими только средствами, нельзя ожидать прочного успеха в образовании сердца. И здесь-то осмотнительный воспитатель

вполне чувствует крайнюю нужду в сверхъестественной помощи. И она готова – в Церкви Божией, в святых ее таинствах и всех освяtitельных учреждениях. Божественная благодать, сообщаемая и возгреваемая ими, проникая внутрь нас, разделяет сродное нам от несродного, и соединяясь с первым, укрепляет его и оживляет, а отревая последнее, иссушает и истребляет его. Потому, кто растет под действием их, тот без особенных усилий со стороны родителей или воспитателей, кроме неизбежных предостережений, является, по вступлении на поприще деятельности, с чувствами и расположениями чисто человеческими (или что то же истинно христианскими), без примеси уродливых неестественностей, унижающих человечество. Таким образом, желают ли обладать сильными, действительными средствами к образованию сердца, – пусть держат воспитываемых под действием спасительных таинств Церкви и всех освяtitельных ее чинопоследований: и труд их увенчается полным успехом... Пусть не отчуждают детей от Церкви и церковности, от молитвований, постов, говения, исповеди и причащения, хранения праздников и посещения святынь и проч. и можно быть уверенными, что по окончании курса воспитания, душа питомцев, как дева чистая, будет представлена Христу на всякое дело благое уготованною»³⁰.

Обильны и неоцененны плоды истинного христианского воспитания. Наблюдения показывают, что какая-то особенная, неземная нравственная чистота и невинность, как бы совсем не ведающая зла, в соединении с крепкой устойчивостью в добродетели характеризуют всю жизнь людей, получивших во дни юности доброе, религиозное воспитание. «Плод доброго воспитания есть сохранение благодати святого крещения. Последнее вознаграждает с избытком все труды по первому. Ибо некоторые высокие преимущества принадлежат тому, кто сохранил благодать крещения и с первых лет посвятил себя Богу». «Не падавший всегда юн. В чертах нравственного его характера отражаются чувства дитяти, пока оно еще не сделалось виноватым пред отцом. Здесь первое чувство невинности, – детство во Христе, как бы неведение зла. Сколько оно отсекает у него помыслов и томительных волнений

сердца! Затем необыкновенное радушие, искренняя доброта, тихость нрава. В нем во всей силе обнаруживаются указанные Апостолом плоды духа: любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5:22). «Главнейшее нравственное совершенство, принадлежащее сохранившемуся целым в лета юности, есть некоторая непоколебимость добродетели во всю жизнь. Самуил остается твердым при всех искушениях соблазна в доме Илии и среди волнений народных в обществе. Иосиф, среди недобрых братьев, в доме Пентефрия, в темнице и в славе, равно сохранил свою душу непорочной. Первое настроение обращается как бы в природу, и если иногда несколько нарушается, скоро приходит в первый строй. Потому в Четь-Минеях святыми находим большей частью тех, кои сохранили нравственную чистоту и благодать крещения в юности»³¹.

Таково учение Преосв. Феофана о семейном воспитании и школьном образовании. Но школа есть только необходимая подготовительная ступень к жизни. Образование, полученное во дни юности, должно быть продолжено и расширено путем самообразования в зрелые лета. Характер и направление последнего у каждого человека определяется теми общими и основными взглядами, которые он сумел выработать себе. От внимательного наблюдения святителя не ускользнула и эта важная сторона нашей духовной жизни и не оставлена без обстоятельного обследования и руководственного разъяснения.

Учение о прогрессе

Его взгляды с христианской точки зрения на задачи нашего просвещения выражены в замечательном слове о прогрессе, произнесенном в пору наибольшего увлечения русского общества идеями прогресса в конце 50 и начале 60 годов прошлого столетия. В нем проповедник с одной стороны устанавливает истинно-христианское понятие о прогрессе, а с другой разбирает неправильные воззрения на него. Разделив все явления человеческой жизни и деятельности на два рода, из которых одни служат удовлетворению низших потребностей тела, а другие высшим стремлениям нашего духа, святитель допускает прогресс только для последних. Он ценит только нравственное преуспеяние и в основе истинного просвещения всех христианских народов по его учению неизменно должны лежать начала религии и нравственности. Все же, подрывающее и охлаждающее веру, отчуждающее от Церкви и заставляющее нарушать ее уставы, не должно считаться признаком истинного усовершенствования, каким бы внешним благовидным титулом ни прикрывалось оно, а ниспадением и возвращением назад. Нельзя признать полным и совершенным того круга человеческих знаний, в котором отсутствуют и отрицаются теоретические истины христианского вероучения; равно невозможно достигнуть совершенства в жизни без исполнения основных заповедей и требований христианской нравственности. Подобное положение совсем не означает, что такими предметами исключительно и нужно заниматься. Им только утверждается, что они есть начальные, основные и руководственные. Необходимо трудиться над расширением познаний, но на основе христианского учения о Боге, мире и человеке, а не в противность ему. Следует улучшать и облагораживать порядки общественной и частной жизни, но только под руководством евангельского нравоучения, ибо нет и не может быть ничего чище и возвышеннее христианской нравственности. Вся современная высшая европейская культура исторически сложилась и развилась главным образом

под влиянием гуманных, просветительных идей христианства, в глубине и основании ее лежат нравственные начала Евангелия. Применив подобную точку зрения к современному учению о прогрессе, Преосв. Феофан находит в нем многое несоответствующим, а иногда прямо противоречащим христианским взглядам. Прогресс здесь полагается главным образом в развитии и улучшении внешних форм и удобств жизни, в накоплении материальных богатств, нравственное же, особенно религиозное преуспеяние не только часто игнорируется, а иногда прямо сознательно отрицается. Многие члены современного образованного общества, увлекшись превратными идеями, нередко допускают в своей жизни совсем не христианские порядки – не только сами не постятся, но и глумятся над постами и постящимися; стыдятся исповедывать свои грехи; в обществе считают неприличным вести беседу о религиозных предметах, бегают церкви, ни во что ставят святость брака и семейных отношений и пр. И все это делают не столько по слабости и легкомыслию, а по сознательному убеждению, что так поступать лучше и современнее, что прежние верования Церкви устарели и нуждаются в обновлении. Прогрессисты иногда нападают и требуют изменения не только внешних форм церковной жизни, но и самых основных пунктов христианского вероучения – догматов. Преосв. Феофан особенно подробно останавливается на разборе подобных лжеучений и разоблачает полную несостоятельность их. По его глубокому убеждению откровенные истины христианского вероучения и нравоучения, как предметы неземного происхождения, не должны подлежать какому-либо изменению, этому общему уделу всех земных вещей и явлений, не только в своих основных и существенных положениях, но и в частностях и подробностях. Святая вера, как нравственная сила, врачующая наши духовные немощи, могущественна именно своей целостью и неповрежденностью. Как лекарство тогда только действенно, когда имеет в своем составе все необходимые элементы, так и религия спасает только при условии пользования всеми присущими ей духовными силами и освятельными средствами. История

свидетельствует, что все попытки изменить тот или другой пункт христианского учения, выразившиеся в появлении в лоне Церкви различных ересей и расколов, имели самые печальные последствия. В новое время особенно ярко сказалось это в жизни протестантизма. Начавши с отрицания внешности и обряда, оно постепенно дошло до более существенных пунктов, оставив, например, только два из семи таинств богоустановленных и утвержденных Вселенскими Соборами, и в последнее время распалось на такую массу сект и толков (из которых некоторые граничат с атеизмом), что теперь становится трудно говорить о протестантизме, как отдельной самостоятельной Церкви и христианском вероисповедании. «Силы наши возбуждены, мы стремимся к улучшениям, идем, как говорится, вперед, развиваемся. Но не всякое движение вперед, не всякое развитие есть уже признак истинного совершенствования и улучшения. Терние и волчцы так же растут и развиваются, как и пшеница; но пшеница собирается в житницу, а волчцы обрекаются на сожжение. – Идем вперед, – но не забудем, что есть путь, которого последняя зрят во дно адово! То же может случиться и с нашими улучшениями, с нашими, так именуемыми, совершенствованиями: с нашим, – употребим принятое слово, – прогрессом. И вот почему! Мы можем развивать и совершенствовать только то, что есть в нас самих, как семени. Но в нас действуют два начала, по двоякому нашему происхождению – от первого Адама перстного и от Адама второго, который есть *Господь с небесе*. Рождаемся мы в мир по образу перстного Адама и бываем в начале таковы же, как и он – перстны; но потом, в купели св. крещения, благодатно прививаемся к новому Адаму – небесному и получаем силу и обязательство быть таковыми, как и Он – небесными. Здесь мы возрождаемся, получаем новую жизнь в Господе нашем Иисусе Христе; но и стихии ветхого человека остаются в нас, действуют, увлекают. Вот – из этих двух родников источаются все потоки деяний наших! Обозрите все поле дел человеческих и увидите, что все они делятся на две половины: одни запечатлены характером небесным, другие – земным; одни суть плод ветхого, другие – нового; одни удовлетворяют плоти,

другие – духу. Истинное совершенство принадлежит только новой жизни. Жизнь по стихиям ветхого человека есть источник всех несовершенств, искажение нашей природы, упадка и подавления наших духовных сил. Единственный путь к истинному совершенству и улучшению есть – *отложить нам, по первому житию, ветхого человека, тлеющего в похотях прелестных, и облещися в нового, созданного по Богу – в правде и в преподобии истины* (Еф. 4:22–23). Подведите теперь под это разделение и под эту оценку и новые приемы к улучшению и облагорожению нашему и вы согласитесь, что в этом образе мыслей, и в этих правилах, и в этих взаимных отношениях, в этом духе и направлении просвещения, в этом способе препровождения времени со вкусом, которые считаются признаком и плодом высшего развития и совершенства, если не все, очень много может быть такого, что питает в нас только перстное, плотское, греховное, и следовательно не совершенствует, а расстраивает, подавляет, губит. Потому нельзя нам без разбора хвататься за все, перенимать и усваивать потому только, что так делают другие и считают то хорошим. Нам, обязавшимся в св. крещении работать Господу Иисусу Христу и умерщвлять плоть свою со страстями и похотями, надлежит из всего избирать только то, что сообразно с духом Его, и делать это не как-нибудь, а со страхом и всяким опасением, как бы не сделать ошибки и не поползнуться на что-либо, несообразное с той печатью, какой запечатлены мы в св. крещении, и не повредить себе».

«Спрашивается, как избежать подобной ошибки, когда нас окружают такие привлекательные, такие блестящие и столько восхваляемые формы жизни?! Вот на это самые простые и всем доступные правила: во-первых, не считайте совершенствованием и преуспеянием (прогрессом) того, что охлаждает к вере и отчуждает от Церкви».

«Господь наш Иисус Христос, единый Восстановитель и Совершенствователь наш, для воспитания в нас истинной жизни, учредил на земле св. Церковь Свою – начертал мудрое исповедание, указал путь жизни, даровал освячительные таинства и весь чин церковных молитвований. Это единственно

верная школа образования, совмещающая в себе все стихии для возбуждения, развития и укрепления свойственной нам духовной жизни. Ищущий совершенства должен жить умом и сердцем в сем божественном учреждении. И только тот, кто всем сердцем подчиняется сему руководству, может достигнуть желаемой высоты. Потому, коль скоро будут предлагать вам новые способы к вашему улучшению и облагорожению и пленять кажущимися плодами его, – а вы не хотите впасть в ошибку и подвергнуться опасности повредить себе, – испытывайте все по правилу, данному апостолом Павлом: *плоть похотствует на дух, дух же на плоть: сия бо друг другу противятся* (Гал. 5:17), т. е. чего хочет один, того отвращается другая – и обратно. Итак, если коснувшись чего-либо такого (прогрессивного), вы ощутите в себе охлаждение к вере и отчуждение от Церкви, знайте, что в том действует не благодетельный дух, а пагубная прелесть. Науки ли какие проходите в новом направлении, или подвергаетесь влиянию нового просвещения и всей письменности, – и видите, что они возбуждают в вас сомнение в вере, – не считайте успеха в этом за истинное движение вперед. Нет – это возвращение назад, из света во тьму, из которой произвел нас Господь в чудный свет Свой. Встречаете ли обычаи новые, считающиеся плодом высшего образования, – и видите, что они отчуждают вас от Церкви и заставляют без страха нарушать уставы ее, – не считайте усвоение их улучшением себя и облагорожением. Нет, это возвращение из области Божией в область сатанину, ниспадете от истинного благородства в дикую плотность, хотя подкрашенную и утонченную. Вынуждены ли бываете подчиниться новым условиям взаимных отношений – новому тону, и находите, что они так вяжут вас, что вы не имеете возможности жить по требованию духа Евангельского, – не считайте вступление в такой порядок жизни приобретением – освобождением от уз невежества. Нет, это потеря свободы чад Божиих и самовольное связание себя узами суеты и мнения, который хуже крайнего невежества. Так судите и о всем, что хоть мало противно духу веры и Церкви, – и не ошибетесь! Только не увлекайтесь тем, какое бы множество лиц, из вашего

же круга, ни следовало тому. Не другие будут отвечать за вас. Пусть величаются высшим образованием. Будет день, когда все дела подвергнутся огненному испытанию. Тогда окажется, у кого золото и у кого сухое хвастие!»

«Во-вторых, не считайте совершенствованием и преуспеянием того, что может довести вас не только до нарушений уставов веры и Церкви, но и до желания и требования перемен и отмен в них».

«Мы развиваемся. Свойство развития таково, что оставляя старое, оно заставляет принимать новое: рамы старые неместительны для новых, развившихся форм жизни. Так это бывает во всем земном и во всех делах человеческих: но не так – в вере, которая будучи неземного происхождения, не может подлежать участи земных изменений. В ней ничего нельзя отменить, или переменить: ни в исповедании, ни в правилах жизни, ни в образе совершения таинств, ни в чине и устройстве церковном. Св. вера наша во всем своем составе есть лечебница наша, содержащая всякого рода врачевства для всех немощей наших. Но как вещественные лекарства тогда только бывают сильны, когда содержат все требуемые рецептом составы: так и св. вера наша тогда только бывает для нас целительна, когда мы храним ее во всей целости, без всяких отмен и изменений. Отнимите у лекарства какой-нибудь состав или замените его другим, оно потеряет всю лечебную силу. Отнимите что-нибудь и в составе веры и Церкви, или прибавьте, или измените и преобразуйте, – она перестанет уже быть для вас целительной и спасительной.. Без целости ее нам нет спасения. Потому Сам Господь хранит ее, как зеницу ока. Пусть в мире все движется и изменяется, – Св. вера наша пребывает и пребудет неизменной. Она то же среди сих изменений, что среди волнующегося моря покойная полоса. Вообразите себе море, ветром воздымаемое: волны в разных направлениях устремляются одни за другими и одни против других, и представляют изумительное борение водной стихии, – это образ земных изменений! Вообразите себе потом среди сих волнений одну полосу покойно струящейся воды и невозмутимо прорезывающей все волны – это образ веры! Покойно течет она

от начала до основания своего и будет так тещи до скончания мира, давая покой всем, укрывающимся в лоне ее от мирского круговращения».

«Знает враг нашего спасения, что вся сила и целительность веры зависит от ее неизменности или этой решительной неподвижности, и потому всячески покушается ввести и ее в поток человеческих изменений: возбуждает ереси, раздражает суемудрие, поднимает меч, рассыпает обольстительную прелесть, – все употребляет, чтоб ввести какие-нибудь перемены в ее божественном устройстве, и тем уничтожить силу ее. В иных странах, – под обманчивым предлогом цивилизации, гуманности, общечеловечности, – он уже склонил к переменам в вере. В видах мнимого улучшения, там иное отменили, иное прибавили, и тем сгубили целительность веры. Враг радуется успеху и пожинает плоды неверия, разврата, возмущений и всякого рода неустройства».

«Судите же посему, какой дух действует в том развитии (прогрессе), в угоду которому можно будто что-нибудь изменить и в вере нашей, будто время нам оставить то или другое из ее учреждений и заменить их новыми, соответственно новому образованию и вкусу. Это дух враждебный истине и пагубный для нас. Потому не считайте благотворным того улучшения и облагорожения, вследствие которого доходят до такого рода требований, не перенимайте их и не усвояйте себе! Кто, увлекшись духом нового образования, дошел до того, что стесняется постом, стыдится исповедывать грехи, вместо церкви Божией охотнее идет в другие места, в обществе считает неприличным вести духовную беседу и боится поминать покланяемое имя Бога, бегаёт священных молитвований, ни во что ставит святость брака и семейных отношений и проч. и проч., и все это позволяет себе не по слабости, а по духу суемудрия, с своенравным желанием и требованием – улучшить, как ему представляется, состав веры и церкви, т. е. подделать ее под свой испорченный вкус и подчинить своим хотениям и угодам, – таковой пусть не хвалится и не лжет на истину! *Несет сия премудрость свыше сходящая, но земная, душевная, бесовская*" (Иак. 3:15).

«Не подумал бы кто, что говоря таким образом, мы восстаем против всякого усовершенствования и всякого изменения к лучшему. О, нет! Бог да благословит всякое доброе улучшение, – да благословит и труды тех, которые посвящают себя на это. Мы хотим только сказать, что истинной мерой благотворности улучшений должна быть сообразность их с духом веры, и что все, охлаждающее к вере и отчуждающее от Церкви, все, заставляющее нарушать уставы ее и требовать перемены в них, все, приводящее к забвению божественного устройства вещей, – не должно считаться признаком и плодом истинного усовершенствования и преуспевания (прогрессом), а возвращением назад (регрессом), ниспадением и пагубой. Рассудите сами, братия! Господь пришел на землю и насадил в ней спасительную веру именно для того, чтобы уврачевать наши немощи и возвесть нас в первобытное совершенство; для того дал нам святое исповедание – это сокращение всех истин, изрек заповеди – это начертание совершеннейшей жизни, учредил св. Церковь и Св. таинства – источники оживления и освящения. Хочешь ли совершенства (истинного прогресса), уверуй и, восприяв благодатные силы чрез Св. таинства, живи по требованию веры. Другого пути нет. Нельзя достигнуть совершенства в познаниях, не содержа св. исповедания; нельзя достигнуть совершенства жизни без исполнения заповедей, нельзя уврачевать немощи свои без содействия Святых таинств и подчинения всему чину освячительных молитвований Церкви. – Не то мы хотим сказать, чтобы только это и больше ничего, но то, что оно есть главное, источное, руководительное, так что коль скоро сего нет, – все прочее ни во что. Трудись в расширении круга познаний; но не иначе, как под руководством исповедания и по его указанию, а не в противность ему; иначе все твое мудрование будет не более, как мечта сновидения. Облагораживай порядок взаимных отношений, но без нарушения Евангельских предписаний: иначе вся твоя цивилизованность и гуманность будет не более, как красота гроба повапленного. Улучшай внешние условия быта и благосостояния, но без забвения вечного порядка Божия; иначе

весь твой блеск и вся пышность будет не более, как призрак обманчивый».

«Всему проба – опыт! Но посмотрите, довел ли хоть кто-нибудь этот хвалимый прогресс до обещаемого совершенства, дал ли покой, сделал ли кого счастливым? – Никого! А из тех, которые неуклонно следуют путем веры Божией, вы имеете целый облак свидетелей – сонм святых Божиих истинно усовершенствовавшихся и показавших делом, что этот, а не другой путь ведет к совершенству. Вот образцы истинного прогресса! И все, подражающие им, укрепляясь Божественной благодатью, *идут от силы в силу, дóндеже достигнут в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4:13)"³².

Глава III. Служба в заграничных миссиях

Преосв. Феофан сердечно любил и глубоко был предан важному делу христианского воспитания, но не мог всецело посвятить себя и навсегда остаться на этом поприще. Так как учебная служба у него всегда соединялась с административными и хозяйственными заботами и хлопотами, к которым никогда не лежала его душа, то он нередко тяготился ею. Дух его стремился в более сродную ему область молитвенного общения с Богом и иноческого жития. Тогдашнее настроение святителя (служил в Академии) ярко сказалось в одном из писем в следующих словах: «Занятия по должности до тошноты прискучили и отвлекают от храма. Там – рай: пришел в церковь, и не шел бы оттуда»³³. Скоро представился случай к удовлетворению нравственной потребности инока. В половине 1847 г. русское правительство отправляло в Иерусалим духовное посольство, имевшее своей задачей чрез ознакомление с действительным положением православия на востоке подготовить почву для учреждения постоянной русской миссии в Палестине. Начальником посольства был назначен известный ученый археолог архимандрит Порфирий, а в члены ее был избран, согласно своему желанию, бакалавр С.–Петербургской академии иеромонах Феофан. Можно представить себе восторженную радость молодого инока при осуществлении мысли посетить и насладиться пребыванием в священных местах Палестины! Он возлагал большие надежды на свое путешествие и не ошибся. Миссия, имея постоянное жительство в Иерусалиме, с целью ознакомления и поклонения святыням посетила все священные места востока – Палестины, Египта, Сирии и др., везде удовлетворяя духовные нужды многочисленных русских паломников, защищая и поддерживая их от инославной пропаганды. Иеромонах Феофан ревностно исполнял возложенные на него официальные обязанности, но вместе с тем тут же успел много сделать и лично для себя. Он интересовался главным образом древними христианскими обителями иночества, а при обозрении их особенное внимание

сосредотачивал на изучении жизни подвижников и памятников древней аскетической письменности. Так в обширной библиотеке Палестинской лавры св. Саввы Освященного он нашел и собрал много древнейших рукописей святоотеческой литературы; на Синае – видел и подробно ознакомился с знаменитым библейским, манускриптом IV века, изданным впоследствии Тишендорфом. В Египте он прошел и нарочито исследовал древнюю пустыню – эту истинную колыбель христианского аскетизма и поприще первых христианских подвижников; входил и дышал воздухом пещеры, в которой 90 лет подвизался, славный даже между древними пустынножителями св. Павел Фивейский. Хотя Феофану не пришлось лично посетить и поклониться дорогим для каждого русского святыням горы Афонской, но во время путешествия по востоку он много слышал о жизни и подвигах тамошних старцев, настолько увлекся ею и завязал с иноками такую прочную нравственную связь, что сохранил ее впоследствии до конца жизни. Из древних обитателей Египта и Афона он вместе с тем позаимствовал немало памятников духовной, в особенности аскетической литературы. В Иерусалиме Феофан впервые вошел в близкие и непосредственные сношения с представителями как греческого православия, так и инославных исповеданий. По его наблюдениям тогдашняя греческая Церковь в Палестине испытывала тяжелый нравственный гнет зависимости от фанатического мусульманского правительства и терпела большие материальные нужды. Сам патриарх нередко не имел многого необходимого. У него не было даже приличного хора певчих, а за богослужениями пел какой-то сброд. Когда у патриаршей кафедры явились средства для найма и обучения нескольких мальчиков и образовался небольшой хор, то подобный факт был таким важным событием, что патриарх нашел необходимым пригласить членов нашей миссии послушать новых певцов. Но что это было за пение? Преосв. Феофан говорил впоследствии, что и ему, не знающему музыки, долго помнился ужасный крик и какофония усердствующих новобранцев³⁴. Тогда ему невольно приходила мысль о том, что в Православной Руси рядовой епархиальный архиерей

обставлен гораздо лучше главы восточной Церкви во граде Божиим. Но не смотря на свое материальное и нравственное стеснение, греческое духовенство очень кичилось пред нашей миссией тем, что русская Церковь заимствовала православную веру от греков, хотя, по замечанию иеромонаха Феофана, было мало действительных оснований для подобной кичливости. Правда, греческое духовенство было довольно твердо в православии, но нравственная жизнь его была далеко не безупречна – оно ело мясо, многие члены его вели распущенный образ жизни, свойственный восточному человеку и пр. Многое соблазняло молодого аскета и во внешнем поведении греков. Так однажды, приглашенный на торжественную трапезу, он очень удивился, когда в конце обеда все греческое духовенство, не исключая митрополитов и даже патриарха, закурило трубки, которые изготовлял и разносил патриарший архидиакон. Познакомившись с действительным положением инославных исповеданий на востоке, Феофан был поражен той необычайной энергией и настойчивостью, с какой велась пропаганда католичества и протестантства, особенно первого. Защищая православие, он тут впервые практически испытал свои силы на поприще апологета. При этих сношениях по необходимости пришлось основательно изучить французский язык, как язык дипломатический. Вращаясь же постоянно в течение семи лет среди православных греков, отчасти евреев и арабов, Феофан прекрасно изучил греческий язык и познакомился с еврейским и арабским. Миссия возвратилась на родину в 1855 году. По случаю происходившей тогда между Россией и Турцией войны пришлось ехать чрез Европу. И это обстоятельство имело важное значение для духовного развития инок. В классической стране искусства – Италии он, как большой любитель и знаток живописи, всюду интересовался образцовыми художественными произведениями; во Флоренции, например, подробно смотрел картины величайшего художника Европы Рафаэля и приобрел для себя много отлично исполненных снимков с них. При проезде чрез Рим посольство представлялось папе. Последний горько жаловался, что русский Император Николай самовольно распоряжается католическим

духовенством, например, переводит епископов, куда ему вздумается, совершенно не справляясь со взглядами Рима. Подобное явление, прибавил папа, единственное не только в Европе, но и в целом мире, где только есть католики. В Германии видел центры немецкой учености и познакомился с сокровищами ее в библиотеках и музеях.

Семилетнее служение иеромонаха Феофана в Палестине имело для всей его последующей жизни очень важное, ничем не заменимое влияние. У нас есть прекрасный обычай – даровитых молодых людей, ищущих учительского звания в высших школах, посылать за границу для приготовления. И нашему всенародному духовному наставнику Промыслом Божиим суждено было за границей русской земли получить подготовку к важнейшему делу своей жизни – подвигу в затворе, но только не в инославной Европе, а на православном востоке – на самой родине христианства. И молодой инок, как нельзя лучше, воспользовался временем этой подготовки. С востока он привез целую библиотеку древней святоотеческой письменности и прекрасное знание языков, особенно столь необходимого ему впоследствии греческого языка. Еще значительнее была нравственная польза. При созерцании священных мест, на каждом шагу запечатленных памятниками земной жизни нашего Спасителя, Его Пречистой Матери и св. Апостолов, инок ярко воскресил в своей душе важнейшие библейские события, живо и глубоко пережил святые, возвышающие и очищающие грешную душу религиозные чувства. В настоящее время мы удивляемся, насколько глубоко все писание Преосв. Феофана проникнуто духом древних христианских подвижников. Для стяжания этого великого дара недостаточно было изучить жизнь и труды св. отцов по книгам. Еще существенно нужно было опытно исследовать само поприще их подвигов, подышать атмосферой и на месте пережить одушевлявшие их чувства. Весьма возможно, что в глубине одной из пещер древних пустынножителей впервые явилась у святителя и мысль о собственном отшельническом подвиге. По крайней мере, по возвращении из Палестины, жизнь его идет быстрыми шагами к этой главной цели. Важнейшие моменты последующей

общественной службы – в звании ректора Академии и епископа на двух кафедрах были только краткими остановками на пути.

Кроме Палестины Преосв. Феофан провел один год в Константинопольской духовной миссии в качестве начальника ее. Это было в 1857 г., во время религиозной борьбы Болгарии с Константинопольским патриаршим престолом. Болгария требовала для себя самостоятельной Церкви, с богослужением на родном языке и клиром из своего народа. Константинопольская Церковь отказывала ей в этих законных требованиях. Архим. Феофану, как знатоку востока, было поручено духовным начальством составить записку по этому предмету. Он высказался вполне за справедливость требований Болгарской Церкви, что одобрил и русский Св. Синод.

Глава IV. Служба в сане епископа

«Виноградник Божий (Церковь) один от начала мира и назначение его делателей одно было, есть и будет до скончания века – приносить господину винограда плод – спасенные души. Это задача христианской иерархии. Проповедь слова Божия истинный садовый нож в руках делателей винограда Божия».

Преосв. Феофан.

Главная задача пастырской деятельности

Первого июня 1859 г. ректор С.-Петербургской Академии архимандрит Феофан в Александро-Невской Лавре был посвящен в сан епископа, каковое служение проходил семь лет, из них четыре в Тамбове (1859–1863) и три во Владимире (1863–1866). Обе епархии были обширные и епископу было много дела, особенно ввиду требований тогдашнего времени. Это было время начала и приготовления самых широких реформ Императора Александра II. Наша родина в особенности нуждалась тогда на всех поприщах общественной службы в энергичных и просвещенных деятелях, способных улучшать и двигать вперед застоявшуюся русскую жизнь. Преосв. Феофан глубоко сочувствовал и с первых шагов своей архипастырской деятельности шел навстречу благодетельным преобразованиям. Так правительство заботилось о развитии просвещения в русском обществе и он полагает начало женскому образованию в духовенстве открытием женских епархиальных училищ в Тамбове и Владимире, издает правила и заводит много церковных школ в Тамбовской губернии. Правительство поощряет распространение гласности чрез развитие периодической печати, и Преосв. Феофан основывает в Тамбове и Владимире «Епархиальные Ведомости», в которых местное духовенство высказывало бы и обсуждало свои нужды, для которых сам лично составляет программу и на первых порах сам пишет большинство статей издания (в Тамбове). Но подобная общественная деятельность, хотя глубоко плодотворная сама по себе, была внешней, имевшей, по мысли святителя, второстепенное значение. Важнейшей же своей обязанностью он считал и всю свою заботу сосредоточил главным образом на созидании внутреннего, духовного блага вверенной ему паствы, именно на руководстве ее ко спасению. Это был истинный архиерей Божий, истинный евангельский пастырь, способный положить душу свою за овцы свои. Он крепкими, неразрывными узами был соединен с паствой, считал себя нравственно ответственным за нее и потому всю свою

жизнь отдал духовному руководству ее. Свои заветные желания и думы о взаимном долге епископа и паствы он высказал при первом же своем служении в Тамбове. «Мы уже не чужие друг другу, – говорил новый владыка. – В час наречения, еще не ведая вас, я вступил в общение с вами, дав обет Богу и св. Церкви, вам принадлежать заботой, трудами и даже сей жизнью. С сей минуты у нас и добро и зло общи, и это не на время только, но и на вечность; ибо сопребывание сие, будучи сопряжено со взаимными обязательствами, свыше определенными, и в день суда послужит в оправдание или осуждение наше. В этом довольно, кажется, побуждений к тому, чтобы ходить нам друг пред другом, как пред лицом Бога, со всем вниманием и добросердечием, с взаимными благожеланиями, в молитве друг за друга, во взаимном друг другу содействии, со страхом и трепетом свое спасение содеявая»³⁵. Последними словами определялся характер и направление общественного служения нового архипастыря среди Тамбовской паствы, именно, содействованию спасения чад ее он желал посвятить всю свою деятельность. Лучшим средством к тому святитель считал ревностное проповедание слова Божия и на него обратил главное внимание. Он неустанно проповедывал сам и всеми мерами побуждал к тому же своих сотрудников – пастырей, из которых опытных и ревностных поощрял, а малоопытных наставлял, сам лично составляя для их руководства статьи о правильной постановке проповеди и печатая лучшие образцы ее в особом отделе местного епархиального органа. Центром проповедничества был Казанский мужской монастырь при архиерейском доме. Здесь заведены были постоянные и систематические беседы не только за литургией, но и за всенощными бдениями. Во время литургии обычно говорил преосвященный, а за всенощной проповедывали по очереди преподаватели семинарии – священники, между которыми выдавался своими прекрасными поучениями талантливый протоиерей И.М.Сладкопевцев. В течение великого поста еще присоединялись собеседования за вечернями в кафедральном соборе, которые вел главным образом известный в свое время в Тамбове церковный оратор

протоиерей Г.В.Хитров. Столь усиленная проповедническая деятельность развилась под непосредственным руководством епископа и он лично не пропускал ни одной беседы.

Преосв. Феофан редкую свою службу оставлял без поучения, пользуясь для того всяким удобным поводом. Рядовые праздничные богослужения и особенные какие-либо случаи, например, освящение храма, посещение того или другого места во время путешествия по епархии, или просто намерение раскрыть ряд каких-либо спасительных истин были для него побуждением и давали обильный материал для проповедывания Слова Божия. Начиная свою учительную деятельность на Тамбовской кафедре, святитель желал на первых же порах возможно точнее и определеннее установить программу ее, дабы в самом же начале не было никаких недоразумений между ним и паствой, дабы последняя ясно представляла, к чему он стремится и чего будет искать и требовать от нее.

Образец исповедания православной веры

Эта программа ярко обрисована в первом же слове нового владыки в Тамбове и поистине должна назваться полным и точным образцом исповедования православной веры. Вот это замечательное исповедание: «Выслушайте, что исповедую, чему учить и веры во что искать буду по долгу пастырства, и по сему судите, кто наш и кто чужд нам, с кем общаться и кого убегать должно, чему следовать и чего удаляться надобно. Не новое что и не свое будет предложено, а то, что издревле предано нам, как св. закон веры и неизменное правило жизни. Так исповедую, что Бог, единый по существу, есть троичен в лицах – Отец, Сын и Дух Святой, и что сии Три имена суть одного и того же лица, и не название разных действий того же лица но три ипостаси единого Божества».

«Исповедую, что сей триипостасный Бог всесовершенный, по свободной воле Своей, без всякой внутренней или внешней какой-нибудь необходимости, в шесть дней, единым словом Своим сотворил мир сей, не изливаясь в мир и не сливаясь с ним, а пребывая в Себе целым и неизменным, хотя вездесущ есть и все исполняет».

«Исповедую, что всеблагий Бог, сотворив мир, не оставил его на произвол судьбы и не оковал узами неумолимой какой-то необходимости, как учит неверие и суемудрие; а с той же свободой и властью, с какой сотворил его, с той же и правит им и благостынно печется о всякой твари, паче же разумной, все свободно направляя к благим целям Своим, не стесняясь законами естества, которые сами суть не что иное, как выражение Его же воли, потому всецело подлежат Его свободному распоряжению и изменению там, где сего требует Его беспредельная премудрость».

«Исповедую, что мы, будучи сотворены для всегдашнего общения с Богом и неизменного в Нем блаженства, в прародителях наших, нарушением Его заповеди, отпали от него, навлекли на себя праведный гнев Его, и подпали временному наказанию и вечному осуждению, и что потому всякое видимое

и испытываемое нами зло внутренне или внешнее, не есть естественное наше состояние, или следствие нашей ограниченности, а есть прямой плод греха, – наказание, только милостью Божией обращаемое в очистительное нам орудие, под условием веры, покаяния и смиренной покорности воле Божией».

«Исповедую, что движимый любовью Господь, не терпя, чтоб любимое Его творение – человек погибал в сем бедственном положении, благоволил низойти на землю, принять на Себя человеческое естество, страданием и смертью удовлетворить правде Божией и, по воскресении, вознестись на небо и, седши одесную Бога и Отца, снова открыть человеку свободный доступ к живому Богообщению».

«Исповедую, что все восстановительные Божественные силы, яже к животу и благочестию, положены Господом во св. Его церкви, как единственной лечебнице нашей, и действуют в ней Духом Святым, чрез св. таинства и другие освячительные учреждения, над всеми с отверстым верой сердцем приступающими к ним... и что другого способа к принятию благодатных сил нет и быть не может, что бы ни замыслили и как бы иначе не мечтали одуховляться некоторые мечтательные умы».

«Исповедую, что всякому, ищущему спасения, нужно прежде всего покаяться с решимостью не грешить более, хотя, бы это стоило жизни; затем приступить к таинствам для получения благодати, в укрепление слабых на добро своих естественных сил; далее идти посильно путем заповедей Христовых, среди всех освячительных учреждений и молитвований церкви, существенно необходимых для возгревания в нас духа благодати, под влиянием подвигов самоотвержения к умерщвлению страстей, – пока, наконец, достигнем в светлую область бесстрастия и чистоты, в сию меру возраста исполнения Христова».

«Исповедую, что начавшие идти сим путем, вступая в общение с Богом, вступают вместе с тем и в общение с невидимым миром – Ангелами и всеми Святыми, прежде их Богу угодившими, и, прибегая к их заступлению, получают

благовременную от них помощь, – паче же всех от Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии – всесильной нашей заступницы и ходатайцы».

«Исповедую, что за грех первородный душа разлучится с телом действием смерти, и пребудет в сем разделении до будущего воскресения и суда, – или питаюсь надеждой вечного блаженства, если следовала во всем воле Божией, или томясь страхом вечных мук, если противилась заповедям Господним».

«Все сие исповедую всей душой, всем сердцем и всем помышлением моим, потому что так исповедывать заповедует св. Церковь... Так и учить буду и такой веры буду искать от всех вас»³⁶.

И эта широкая программа не осталась мертвой буквой, а нашла себе полное осуществление в церковно-учительном подвиге Преосв. Феофана. Ревностный архипастырь стремился изъяснить своей пастве все христианское учение, обнять всю ее духовную жизнь, опасаясь нравственной ответственности за упущение самого малого и незначительного. «Хотя бы мог сказать, – говорил он в одном поучении пред разлукой с Тамбовской паствой, – что не обинуясь сказывал вам всю волю Божию и сам и чрез других; но опасаясь, не осталось ли что неоконченным, не хочу пропустить и нынешнего дня без поучения». Три тома более, чем с 200 одних печатных слов и бесед самого разнообразного содержания, произнесенных в Тамбове и Владимире, ярко свидетельствуют об учительной ревности святителя.

Учение о домашней и церковной молитве

Главный предмет содержания проповеднического слова Преосв. Феофана составляет нравоучение и назидание. В нем он является истинным духовным наставником, занятым преимущественно решением и выяснением для своей паствы важнейшего вопроса христианской жизни – вопроса о путях к нравственному совершенству. Иногда он ведет целый ряд систематических бесед по этому предмету (пять слов о пути к спасению), а чаще касается его по частям, применительно к случаям и жизненным нуждам паствы. В одних поучениях устанавливается и выясняется понятие об истинно-христианской жизни, в других указываются средства и способы к ней, в третьих подробно изображаются ступени постепенного восхождения по этому пути и т. д. Кажется, не осталось ни одного важного нравственного вопроса, которого бы не затрагивало учительное слово. Началом и средоточием истинно-христианской жизни, истинным дыханием ее святитель считает молитву. У кого нет молитвы, у того нет и признаков духовных начал. Между тем он не мог не видеть, как неудовлетворительно стоит это важное дело в действительности. Многие и молятся, но по своей духовной слепоте не в том, в чем следует, полагают существо молитвенного духа. Другие и понимали бы, но расхищенные умом и погруженные в мирские заботы, не радят о молитве. Наконец, есть и такие, которые сознательно не хотят молиться. Ревностный епископ не мог остаться равнодушным к подобному нравственному состоянию своей паствы. Как благочестивые родители полагают начало религиозного развития ребенка чрез научение молитвословиям, так и он спешит научить своих духовных детей молитве. Во многих поучениях он говорит о необходимости и важности молитвы для начала и развития духовной жизни; редкого слова не заканчивает приглашением помолиться; наконец, нарочито ведет целый ряд систематических бесед о молитве, в которых дает полное руководство молитвенного подвига. В последнем, как ступени,

различаются три вида молитвы – обычная словами молитвенника, более совершенная – собственными словами и высшая в смысле непрестанного предстояния пред Богом. Вторая степень свойственна людям более или менее укрепившимся и твердо ставшим на пути добродетели. Третью проходят только совершенные, а первая всем доступна, а потому и для всех нравственно обязательна. Вот учение Преосв. Феофана об этой общедоступной молитве.

«Дело молитвы есть первое дело в христианской жизни. Если в отношении к обычному порядку дел верно присловие: век живи, век учись; то тем паче оно приложимо к молитве, действие которой не должно иметь перерыва и степени которой не имеют предела».

«Припоминаю мудрое обыкновение древних святых отцов, по которому они, приветствуя друг друга при свидании, – не о здоровье и не о чем другом спрашивали, а о молитве, говоря: как идет, или как действуется молитва? Действие молитвы у них было признаком жизни духовной, – и они именовали ее дыханием духа. – Есть дыхание в теле, – живет тело; – прекратится дыхание, – прекращается жизнь. Так и в духе. Есть молитва, – живет дух; нет молитвы, – нет жизни в духе».

«Не всякое, однако ж, совершение молитвы или молитвословие есть молитва. Стать пред иконою дома, или здесь³⁷ и класть поклоны не есть еще молитва, а принадлежность молитвы; читать молитвы на память, или по книжке, или слушать другого читающего их еще не есть молитва, а только орудие или способ обнаружения и возбуждения ее. Сама молитва есть возникновение в сердце нашем одного за другим благоговейных чувств к Богу, – чувства самоуничтожения, преданности, благодарения, славословия, прощения, усердного припадения, сокрушения, покорности воле Божией и проч. Вся забота наша должна быть о том, чтоб во время наших молитвословий сии и подобные им чувства наполняли душу нашу, чтоб, когда язык читает молитвы, или ухо слушает, а тело кладет поклоны, сердце не было пусто, а в нем существовало какое-либо чувство, к Богу устремленное. Когда

есть сии чувства, молитвословие наше есть молитва, а когда нет, – оно не есть еще молитва».

«Кажется, что проще и естественнее для нас, как молитва или сердца к Богу устремление? А между тем оно не у всех и не всегда бывает. Его надо возбудить и возбужденное укрепить, или что то же, надо воспитать в себе дух молитвенный. Первый к сему способ есть – питательное или слушательное молитвословие. Совершай, как следует, молитвословие, – и непременно возбудишь и укрепишь восхождение в сердце твоём к Богу, или войдешь в дух молитвенный».

«В молитвенниках наших помещены молитвы св. отцов: Ефрема Сирианина, Макария Египетского, Василия Великого, Иоанна Златоустого и других великих молитвенников. – Будучи исполняемы духом молитвенным, они изложили внушенное сим духом в слове и предали то нам. В молитвах их движется великая сила молитвенная, и кто всем вниманием и усердием проникает в них, тот, в силу закона взаимодействия, непременно вкусит силы молитвенной, по мере сближения настроения своего с содержанием. – Чтоб молитвословие наше сделать нам действительным средством к воспитанию молитвы, надо так совершать его, чтобы и мысль и сердце воспринимали содержание молитв, составляющих его. – Укажу для сего три самых простых приема: не приступай к молитвословию без предварительного, хотя краткого, приготовления, – не совершай его кое-как, а со вниманием и чувством, – и не тотчас по окончании молитв, переходи к обычным занятиям».

«Пусть молитвословие есть у нас самое обычное дело, но никак нельзя, чтоб оно не требовало приготовления. Что обычнее чтения или писания для умеющих читать и писать? – между тем, однако ж, садясь писать или читать, не вдруг начинаем дело, а медлим несколько пред тем, по крайней мере, столько, чтоб поставить себя в пригодное положение. Тем паче необходимы пред молитвой приготовительные к молитве действия, особенно тогда, когда предшествовавшее занятие было совсем из другой области, нежели к какой относится молитва».

«Итак, приступая к молитвословию, утром или вечером, постой немного, или посиди, или походи и потрудись в сие время отрезвить мысль, отвлекши ее от всех земных дел и предметов. Затем помысли, кто Тот, к Кому обратишься ты в молитве, и кто ты, имеющий начать теперь сие молитвенное к Нему обращение, – и соответственно тому возбуди в душе настроение самоуничиженного и благоговейным страхом проникнутого предстояния Богу в сердце. В этом все приготовление – благоговейно стать пред Богом, – малое, но не малозначительное. Тут полагается начало молитвы; доброе же начало – половина дела».

«Так установившись внутренно, стань затем пред иконой и, несколько положив поклонов, начинай обычное молитвословие: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе! – Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, прииди и вселися в ны» и проч. Читай не спешно, во всякое слово вникай, и мысль всякого слова до сердца доводи, сопровождая то поклонами. В этом все дело чтения молитвы, Богу приятного и плодоносного. Вникай во всякое слово и мысль до сердца доводи, – иначе – понимай, что читаешь и понятое чувствуй. Других правил не требуется. Эти два – понимай и чувствуй, исполненные, как следует, украшают всякое молитвословие полным достоинством и сообщают ему все плодотворное действие. – Читаешь: очисти ны от всякия скверны, – восчувствуй скверноту свою, возжелай чистоты и уповательно взыщи ее у Господа. Читаешь: остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим, – и в душе своей всем прости, и сердцем все всем простившим проси себе у Господа прощения. – Читаешь: да будет воля Твоя, – и в сердце своем совершенно предай Господу участь твою и беспрекословную изъяви готовность благодушно встретить все, что Господу угодно будет послать тебе. – Если будешь так действовать при всяком стихе молитвы твоей, то у тебя будет надлежащее молитвословие».

«Чтоб успешнее можно было совершить его таким образом, – вот что сделай: 1) имей молитвенное правило, с благословения духовного отца твоего, – небольшое, такое, которое мог бы ты исполнять неспешно, при обычном течении

твоих дел; 2) прежде чем молиться, в свободное время вчитывайся в молитвы, входящие в твое правило, пойми полно каждое и прочувствуй его, чтоб тебе наперед знать, что при каждом слове должно быть у тебя на душе, а еще лучше, если положенные молитвы заучишь на память. Сделав то, ты будешь молитвы носить в себе. Пока они в молитвеннике, они вне тебя, а когда заучишь их, они станут внутрь тебя; и ты, в каких бы обстоятельствах ни находился, всегда будешь иметь с собой молитвенник свой. К тому же, заучивая молитвы, ты глубже напечатлеешь в себе мысли и чувства молитвенные, нежели как просто только обсудив их и občувствовав. От такого изучения в тебе образуется молитвенный строй, если будешь не слова только заучивать, но и в мыслях тех и чувствах быть, которые содержатся в молитве. А это наилучший путь к успеху в навыке достодолжной молитвы. Останется одно затруднение: мысль летучая все будет отбегать на другие предметы. Тут вот что надо: 3) Надо употребить напряжение на сохранение внимания, зная наперед, что мысль отбегать будет. Потом, когда во время молитвы она отбежит, – возврати ее; опять отбежит, – опять возврати; – так всякий раз. Но всякий же раз, что прочтено будет во время отбегания мысли – и след. без внимания и чувства, – снова прочитывать не забывай; – и хотя бы мысль твоя несколько раз отбегала на одном месте, несколько раз читай его, пока не прочтешь с понятием и чувством. Одолеешь однажды это затруднение, – в другой раз, может быть, оно не повторится, или повторится не в такой силе. – Так надо поступать, когда мысль отбегает и рассеивается. Но может быть и то, что иное слово так сильно подействует на душу, что душе не будет хотеться простираться далее в молитвословии, и хотя язык читает молитвы, а мысль все отбегает назад к тому месту, которое так подействовало на нее. – В таком случае 4) остановись, не читай далее, а постой вниманием и чувством на том месте, попытай им душу свою, или теми помышлениями, которые оно будет производить. – И не спеши себя отрывать от сего состояния; – так что, если время не терпит, оставь лучше недоконченным правило, а этого состояния не разорвай. Оно будет осенять тебя, может быть, и весь день, как Ангел

Хранитель! Такого рода благодатные воздействия на душу во время молитвословия означают, что дух молитвы начинает внедряться и что, след., сохранение сего состояния есть самое надежное средство к воспитанию и укреплению в нас духа молитвенного».

«Наконец – кончишь свое молитвословие, – не тотчас переходи к занятиям каким-либо, а тоже, немного – хотя, постой и подумай, что это тобой совершено и к чему тебя сие обязывает, стараясь, если дано что восчувствовать во время молитвы, сохранить то и после молитвы. Впрочем, если кто действительно совершит свое молитвословие, как следует, тот и сам не захочет скоро озабочиваться делами. – Таково уж свойство молитвы! Что предки наши говорили, возвратясь из Царьграда: кто вкусил сладкого, не захочет горького; то сбывается со всяким, хорошо помолившимся во время своего молитвословия. – И ведать должно, что вкушение сей сладости молитвы и есть цель молитвословия, – и что если молитвословие воспитывает дух молитвенный, то именно чрез сие вкушение»³⁸.

Вместе с домашним молитвословием святитель считал необходимым научить свою паству и церковной молитве. В его глубоко назидательном слове о том, как следует православному христианину предстоять пред лицом Господа в храме Божием, дается следующее руководство по этому важному предмету:

«Входя в храм, помяни, чтоходишь в дом Божий; потому войди тихо, скромно, не возмущая ничьего молитвенного покоя, пройди на свое место, – и установись на нем в благоговейном положении, обращая очи или только к святыням, или долу и горе, – и клади поклоны – большие и малые, – соответственно движению сердца своего, не обращая внимания на то, как и что делают другие вокруг тебя. – Это внешний порядок, такой однако ж, без соблюдения которого трудно поверить, чтоб кто установился в молитве как следует».

«Но и исправность в сем не обнимает всего дела молитвы...»

«Надо приложить к сему духовный труд, именно – сосредоточиться внутри себя. Оставь все заботы и все

житейские помышления за порогом храма и войди в него с душой свободной. Соберись затем вниманием своим вокруг сердца, – око ума своего обрати к единому Господу, Который везде есть и зрит сердце твое, и начинай потом сокрушенно взывать к Нему, с внутренним самоуничиженным припадением к невидимым стопам Его. – С первой минуты вступления в храм, поспеши устроиться так. В помощь себе при сем, – к отрешенному от всего вниманию к Господу и к делу молитвы, присоедини поклоны – большие и малые, учащая их и разминая ими душу свою, пока согреется, пока начнет теплиться молитвенная свеча в сердце. Заметь, что теплота есть фундамент молитвы. Его и потрудись положить в душе твоей в самом начале вступления твоего в храм. Это есть звено, – в цепи молитвенных действий, самое нужное».

«Установившись так в самом начале, внешне и внутренне, продолжай потом и во все время службы сохранять то же настроение. Знай, что внешнее – от внутреннего. На сие последнее потому и обрати всю свою заботу. – Ум не охотник долго стоять на одном, и поминутно порывается на разномыслие и развлечение. Как пойманная птица рвется из рук, так рвется мысль из объятий внимания, чтоб парить в мечтательностях. Как же быть? – Известно всякому по опыту, что когда есть на сердце теплота, хотя легкая, внимание всегда витает окрест сердца, и ум пребывает не расхищенным. Все дело, значит, в поддержании сердечной теплоты. – А для сего вот что делай! – Возгревши, как сказано, с прихода в церковь теплоту в сердце, внимай далее тому, что читается, поется и действуется в храме; уразумевай смысл того и прилагай его к сердцу, – и это от начала службы до конца. Как в кремне скрыта сила огня, так во всем, совершаемом в храме, сокрыта сила огня духовного. Ударь в то огнивом ума, и издастся искра духовная, которая, падши на сердце, будет сообщать ему теплоту и поддерживать в нем горение. Как в печи в начале возженный огонь поддерживается подкладкой новых дров: так, влагая в сердце одно за другим Божественные возбудительные помышления соответственно ходу службы, мы во все

продолжение ее поддержим в себе теплоту не только неугасающую, но и еще постоянно возвышающуюся».

«Следствием сего будет то, что мы во все время пребывания в храме будем, как в раю сладости, – переходя от одного сладостного ощущения к другому. Кто так пребывает в храме, для того никогда не бывает долгих служб... Для него они очень скоро проходят, как бы ни были продолжительны. Забота у него не о том, как бы дождаться конца, а чтоб не скоро был конец, потому что ему хорошо так быть, как есть. – Блаженные души! – Запасшись таким молитвенным духом в храме, они переносят его с собой в дома, вносят во все свои отношения – семейные, житейские, служебные и во все порядки жизни, и все освящают молитвой. – Посудите, – если б все мы так пребывали в храмах и такими выходили из храмов, то весь град наш был бы преисполнен духом молитвенным, ублажительным и охранительным. А если б подобно нам, так же действовали и все другие грады и веси, то и все отечество наше было бы исполнено тем же духом, и подобилось станам Израильтян, которых осенял столп облачный, хранивший их и руководивший в пути в безопасный и вседовольный Ханаан».

«Видите, какое благо! А между тем много ли требуется труда, чтоб получить его? – Потихоньку войти в церковь и стать спокойно на свое место; собрать затем внимание свое и возгреть теплоту сердца; внимать потом всему читаемому, поемому и действующему в храме и поддерживать тем горение духа. – Так просто, немногосложно и нетрудно»³⁹!

Преосв. Феофан с глубоким и неослабным вниманием следил за нравственной жизнью и духовными нуждами своей паствы и с истинно-отеческой любовью и предупредительностью всегда стремился удовлетворить их. Вот, например, паства говеет во дни великого поста, и епископ спешит сообщить ей все необходимое для того. Уж одно оглавление поучений по этому предмету ярко свидетельствует о заботе архипастыря: 1) что такое говенье и в чем состоит истинный пост; 2) как нужно каяться и готовиться к исповеди; 3) как следует проводить канун и самый день причащения; 4) с достойно причащающимися Сам Господь; 5) что требуется покаявшемуся и причастившемуся и т.

д. Вместе с раскрытием положительного учения, Преосв. Феофан энергично и настойчиво стремился с одной стороны предохранить свою паству от всяких отрицательных влияний, а с другой – разъяснить возникающие недоумения и сомнения по религиозным вопросам, указывал и обличал действительные недостатки ее. Раз во время религиозной беседы в одном большом собрании святитель заметил, что некоторые члены его неправильно понимают обряд священнодействия анафематствования, считая его жестоким и несовременным, и вот он в своем слове в неделю православия спешит сообщить истинное учение об обряде, доказывает право и необходимость для Церкви оберегать свою жизнь от врагов и разрушителей ее и отлучать их от своего общения. В другой раз преосвященный услышал, что многие жители Владимира слишком бурно, не по-христиански, встретили новый год и что в городе явилась какая-то прорицательница – ясновидящая, к которой горожане направились целыми толпами, в надежде получить разгадку тайн жизни. В праздник Крещения Господня епископ решился сказать обличительное слово по поводу этих нестроений, в котором укорял свою паству за то, что она уподобилась древним язычникам, наивно искавшим решение тайн своей жизни у нелепых оракулов в прорицательницах, что шумная встреча нового года с бокалами и плясками есть ничто иное, как служение Бахусу, причем вместе с тем с одной стороны обстоятельно выяснил, как следует по-христиански проводить такой важный момент, как встреча нового лета жизни, а с другой настойчиво убеждал, что раскрытие жизненных тайн христианину следует искать только в откровенном учении. Справедливость, впрочем, требует заметить, что слово обличения очень редко исходило из уст любвеобильного архипастыря. Для него очень тяжело было подобное слово и решимость говорить его являлась только в крайних случаях, о чем можно судить по следующему заключению того же поучения на Богоявление. «Простите, Господа ради, что в светлый праздник Крещения обращаюсь к вам с такими укорными словами. Долг имею говорить так – с той одной целью, чтобы вы осмотрелись и отстранили из поведения своего все, что может

лежать черным пятном на светлой одежде, которой вы облеклись в крещении»⁴⁰.

Взгляд на раскол

Живя во Владимире, Преосв. Феофан видел, какое зло и серьезную опасность для веры православной представляет собой сильно развитой в этой епархии раскол. Нередки были случаи явной пропаганды его, с открытым совращением православных, особенно из среды нашего простолюдина. Епископ не мог быть спокоен за чистоту веры и христианской жизни своей паствы и отсюда его продолжительная, упорная борьба с расколом. Он неоднократно беседует с церковной кафедрой в самом Владимире, предпринимает нарочитые путешествия в раскольничьи центры епархии, где произносит целый ряд поучений, в которых в самой простой и доступной форме раскрыл полную несостоятельность раскола, как с исторической точки зрения, так и по существу его вероучения. По убеждению Преосв. Феофана наш раскол есть ничто иное, как плод народного невежества и недомыслия. Отделившись от православной Церкви, раскольники мнят спастись самостоятельно и краеугольным камнем своего спасения полагают такие маловажные, иногда даже мелочные предметы, как двоеперстие, сугубая аллилуиа, не бритье бороды и пр. Между тем для этих отщепенцев православия с канонической точки зрения не может быть и речи о спасении, так как их общество в самой своей основе лишено спасающей благодати. Благодать же у них отсутствует потому, что нет хранительницы ее – церкви, и необходимых органов благодатного обнаружения – таинств и священной иерархии. Источник последней раскольникам, после долгих поисков и больших материальных жертв, удалось было завести в прошлом столетии в лице известного австрийского митрополита Амвросия, но этот корень оказался гнилой, а потому и бесплодный. Амвросий был запрещен в священнослужении высшей церковной властью и, как связанный на земле, был связан и на небе, а потому и не мог иметь притока Христовой благодати, столь необходимой для законного и плодотворного его служения. Хотя раскольники и уверяют, что он был разрешен от запрещения собором их

старцев; но подобная мысль нелепа, потому что светским людям никогда и нигде не было представлено права разрешать своего епископа. Таким образом поставленная Амвросием раскольничья иерархия оказалась в существе своем не более, как самозванной и фальшивой. Раскольники почитают свои лжеучения древлеотеческими, между тем никто из отцов и учителей древней Церкви ничего не знал о них. В действительности старообрядческая древность восходит не более, как лет за 150 до патриарха Никона, когда началась сильная порча церковных книг и была замечена. Наши богослужебные книги, переведенные с греческого языка, в первое время после просвещения Руси христианством были довольно правильны, так как тогдашние митрополиты из греков, знавшие хорошо греческий и славянский языки, легко исправляли ошибки, если они случались. Когда же впоследствии митрополиты стали избираться из русских, не знавших греческого языка, то порча книг значительно увеличилась. Переписчики нередко искажали текст то по ошибке и нерадению, то по собственному своеобразному умствованию и толкованию. Дело не улучшилось и с появлением печати, так как печатные экземпляры были только воспроизведением испорченных рукописей. Высшие, просвещенные представители Церкви видели и указывали на порчу книг, но коренного исправления не решались предпринять, одни по недостатку прав и полномочий, а другие, имея в виду благоговение древнерусского человека к церковной святыне и опасаясь народного волнения. Только у иерарха с таким сильным умом, а главное с такой крепкой волей, как у патриарха Никона достало мужества и энергии начать и провести столь крупное историческое дело, как всеобщее исправление книг, совершенное им с согласия и полного одобрения восточных патриархов, по лучшим, тщательно проверенным греческим подлинникам. Никон возвратил наши испорченные книги к неповрежденным первоисточникам, а лжеучения раскола оказались измышленными невежественными людьми нововведениями, а не древлеотеческими преданиями. В этом легко может убедиться всякий, просмотревший богатое собрание

древнегреческих богослужебных рукописей в нашей патриаршей библиотеке.

«Раскольники говорят, что у них древлеотеческие догматы! Послушайте, что это у них за древлеотеческие догматы? Это – двуперстное сложение, двоение аллилуиа, хождение по солонь, не брить усов и бороды, имя Господа Спасителя говорить испорченно – Исус. – Но просмотри ты всех св. отцов и поищи, есть ли хоть один, который бы почитал сии мелочные вещи догматами? Ни одного. Есть ли у них хоть намек какой-либо на то, что от сих вещей зависит спасение? Никакого! – Отчего же их называют древлеотеческими? – Оттого, что св. отцов не читали, а знают, что св. отцов слушать должно. Хоть и ничего не знают, но думают, что ссылкой на св. отцов себя оправдают и дело выиграют».

«Они (догматы) все новы, и древние отцы о них совсем не знали. Вот как дело было: тотчас по крещении наших праотцов, при св. равноапостольном князе Владимире, приняты были священные книги от греков в славянском переводе, – и когда нужны были кому, тот нанимал переписчиков и они списывали их. Пока были у нас греки – митрополиты, они, зная хорошо и греческий и славянский языки, и строго смотря за переписчиками, тотчас исправляли, если замечали ошибки. Но когда греки перестали у нас быть митрополитами, русские, не зная греческого языка, не могли замечать ошибок. – Так книги начали портиться. Это началось лет за 150 до патриарха Никона, и книги все более и более портились. Один опустил одно – аллилуия из 3-х, а другой не посмел дополнить его, и стали писать аллилуия дважды. Имя Господа: Иисуса – писалось Ис., а произносилось все же *Иисус*. Не зная греческого языка, с которого взято сие слово, начали произносить – *Исус*, а потом и всеми буквами писать – Исус. Следовало спросить у греков, а они не спросили. – Иному вздумалось, что лучше двумя перстами креститься, – он и внес это в книги. – Так один одну внес в книги ошибку, другой другую; один одну прибавку сделал, другой другую. – Как писалось, так печатать потом стали. Хоть печатникам приказано было исправлять книги; но как они исправляли их по испорченным уже книгам, а больше по

своему смыслению, то они еще более ошибок и прибавок наделали. Ко времени патриарха Никона этих ошибок и прибавок было так много, что и учение истинное стало повреждаться. Заметив сие, патриарх Никон вошел в совет со всеми патриархами и все единодушно собором велели исправлять книги не по своему смыслению и не по русским, а по древним греческим, которых навезли тогда всех родов великое множество. Когда поправили сим порядком книги, тогда они все стали, как были от начала до времен Владимира Равноапостольного. Все новые прибавки и ошибки выброшены, и поставлено все, как следует быть, и как было в начале. Так патриарх Никон книги священные не поновил, а воротил на старое. Все же новизны отбросил. В наших книгах теперь все так, как есть в греческих, и как в наших древних, после Равноапостольного князя Владимира. Поди, кто хочет, посмотри в патриаршей библиотеке в Москве старые книги, и – сами уверитесь. – Стало старые книги у нас, а не у раскольников, и древлеотеческое предание тоже у нас, а не у них. У них же все новины, – книги новы и предание ново. Поясню вам это примером. Софийский собор в Киеве – древнейший собор, – был расписан из начала по стенам. Когда-то потом, не упомнит никто, заштукатурили эту роспись и, на новой штукатурке, снова расписали храм. – А вот, в недавнее время, эту новую штукатурку и с расписанием отбили, и восстановили то расписание, которое было под ней – древнейшее. – Что это – новину внесли они в Софийский храм, – или поставили его в древний вид? – Конечно, в древний вид поставили. Теперь Софийский храм находится в таком виде, как был в древности, а не в том, как был лет за 20. Вот так и с книгами было. Когда выбросили из них все, вновь внесенное, не поновили их, а на древнее возвратили, – и наши исправленные книги суть воистину древние, а не раскольнические – испорченные».

«Так и отражайте, когда кто из раскольников начнет толковать вам, что у них древние книги. – Их книгам не больше 2-х, много 3-х сот лет, а нашим 1000 есть и более. А когда станут они уверять, что у них древне-отеческое предание – спросите их, где у вас древне-отеческое предание – у поповцев,

или беспоповцев, – у филиповцев или федосеевцев, – у спасова согласия, или у перекрещенцев, или у новых австрийских проходимцев? Разве древне-отеческих преданий десять? Ведь оно одно. – Когда у них оно не одно, стало оно не есть древне-отеческое, – а все человеческие выдумки. У нас оно одно, – и совершенно согласно с древнейшим преданием нашим, согласно с греками и всеми православными христианами, на всей земле существующими. У нас всюду согласие, а у них всюду разногласие. В иной деревне толка три-четыре, а то и в одном доме, тоже случается, – и друг с другом не сообщаются. Где же тут единая Церковь Христова? Какое же это тело Церкви, когда все члены распались и разошлись в разные стороны»?

«Судя по сему ясно, как день, что у них нет истины, нет последования Христу, нет Церкви. А когда нет Церкви, нет спасения: ибо только в Церкви спасение, как в ковчеге Ноевом. – Церковь Христова имеет священство. У них нет священства, стало нет и Церкви. – Церковь Христова имеет таинства. У них некому совершать таинств; следовательно у них и церкви нет. – Как это они дерзают еще отверзать уста свои и, приступая к православным, совращать их! – Спасать, говорят, хотим. – Чем спасать, когда сами гибнут!? Сами гибнут и других влекут в пагубу, а не спасают. Заметьте себе. – Спасение без благодати невозможно; благодать не дается без таинств; – таинства не совершаются без священства. – Нет священства, нет таинств; нет таинств, нет благодати; нет благодати, нет и спасения».

«Иные из них говорят: вот мы нашли теперь священство, или завели корень священства. – Завели корень, да гнилой – бесплодный. – Сами посудите. – Амвросий, которого они сманили себе, был связан запрещением, – связан законной властью. Сей законной власти обетовал Господь: *елика аще свяжете на земли, будут связаны на небесех* (Мф. 18:18). Стало быть и Амвросий тот был связан на небе. – Если он связан на небе, то как он, связанный на небе, мог сообщать небесную благодать? Где он ее взял?! – Не мог он ее сообщить, и не сообщал; – и все, которые им поставлены, как были мирянами, так и остались мирянами, хоть их величают

священниками и епископами. – Это одни имена, как когда дети играя дают себе разные титулы – полковников, генералов, главнокомандующих».

«Пусть, говорят, запрещен был. Его разрешили старцы. – Дивное дело! – простые миряне разрешают епископа и возвращают ему власть епископствовать. – Разве не знаете, что разрешать может только тот, кто имеет власть и рукополагать. Старики их и дьячковского посвящения не имели, как же они могли возвращать епископу епископскую силу, когда это то же есть, что и рукоположить? – Не возвратили, – и Амвросий остался запрещенным, несмотря на смешные над ним обряды. – Если запрещен, то благодать в нем пресечена; если пресечена, то не могла изливаться и на других. – Когда, например, вода идет по желобу, то от него она переливается и на другие желоба и сосуды; – а когда желоб запереть, вода не потечет по нему и не перельется на другие места и вещи. – Так и Амвросий, пока не был запрещен, был подобен желобу, переливающему воду, а когда подпал под запрещение, – стал то же, что желоб сухой, запертый, – и не мог уже другим сообщать воду благодатную, которой сам не имел. – Так напрасно обманывают себя и других некоторые из раскольников, думая, что достали священство. – Имена завели, а дела нет»⁴¹.

Деятельность во время пожаров в Тамбовской епархии

Но не одни духовные нужды паствы удовлетворяет епископ. Нет, он живет полной жизнью ее, заботится и о материальных интересах, делит радость и горе. Летом 1860 г. Тамбовскую губернию постигла страшная засуха, а осенью начались пожары в самом Тамбове и в уездных городах и селениях. Весь Тамбов из опасения новых пожаров и подозрения поджигателей выселился из своих домов и в постоянном страхе жил на площадях, а многие вышли за город. В уездном городе Борисоглебске четырьмя пожарами истреблено полгорода. В таком тяжком положении епархии Преосв. Феофан явился истинным ангелом-утешителем своей паствы и вещим истолкователем воли Божией, проявившейся в народных бедствиях. Не ограничиваясь деятельностью в Тамбове, он посетил и значительную часть губернии, пострадавшую от пожаров, словом назидания и утешения вливая целительный бальзам в удрученные скорбью души. Целыми девятью словами отозвался ревностный архипастырь на народную беду. Речи эти по внутренней силе мысли, сердечности и одушевленности напоминают слова Златоуста в подобных случаях. Они же являются лучшей характеристикой идеального, самоотверженного общественного служения епископа. В минуты тяжкого жизненного испытания епархии последний весь отдался своей пастве, решительно нравственно слился с ней, пережив все ее горькие чувства и положения. Глубоко сознавая, насколько опасны несчастья для нравственной жизни человека, когда бывают способны впасть в отчаяние даже и не слабые люди, святитель с самого начала общественной беды бодро стал на духовной страже и ревностно следил за жизнью своей паствы до конца ее. В самый сильный и острый период пожаров он в течение трех дней подряд созывает верующих в храм Божий на общественную молитву, где в страстных, полных глубокой скорби и сердечной муки речах раскрывает нравственное значение бедствия, как очистительного искушения

Божия, мужественно призывает не падать духом и воодушевиться надеждой на лучшее будущее. Он плачет с паствой, когда беда достигает последних пределов, и сердечно радуется при первых признаках ослабления ее.

Уподобив тогдашнее бедственное положение города Иову, страждущему на гноище своем вне городских стен, Преосв. Феофан в своей первой беседе с горечью восклицает: «Что мне сказать вам и о чем начать говорить с вами? Горестно положение наше, велика скорбь! Отяготела на нас рука Господня! Мало ли времени томит нас засуха? Но не прошла еще эта беда, как напала другая – пожар. Еще и думать мы не начинали о том, как оправиться от сего пожара, как напал другой. Еще не кончился этот, как повсюду прошла злая весть о непрерывности пожаров, и изгнала нас из домов наших. Наш город ныне почти Иов, которого теснили одно бедствие за другим, пока, лишив всего и покрыв ранами, не выбросили вон из города. И вот, как тот сидел на гноище, – так ныне у нас все почти вынеслись из домов и живут на пустырях, побережьях и иссохших потоках, как пчелы, выгнанные из ульев удушающим дымом. Вот до чего дошли мы! Кажется бы, – довольно испытания. Но и еще рука Господня высока. Все, что может зависеть от предусмотрительности человеческой, сделано, и – благодарение Господу! – опасность уже не так грозна, как было в начале. Но все же покой не возвращается к нам, чувство безопасности не приходит и благонадежие не осеняет духа нашего. Что же бы еще надлежало сделать, чтобы Господь возвратил нам покой наш? – Предложу вам одно сравнение, и вы сами догадаетесь, что нам надо сделать, чтобы Господь принял тяготеющую над нами руку Свою. Когда учитель, подняв руку, начинает грозить, все ученики, знающие за собой что-либо не должное, исправляют свои вольности. Не установится порядок, – не опустит учитель грозной руки своей. Но что жизнь наша, как не училище благочестия, и кто учитель в нем, как не всепопечительный Господь? Вот над нами простерта грозящая рука Его и не опускается. Верно же, не все еще мы пришли в порядок, или не все привели в себе в порядок, что Он не опускает ее. Итак не будем недогадливее малоопытных детей!

Каждый из нас, находясь ныне в стеснительном положении, пусть войдет в себя, сознается во всем, что найдет за собой неисправного – мало ли то, или велико, и положит твердое намерение исправиться. Пусть сознает один – одно, другой – другое, всякий – свое, – и все вместе воззовем: согрешихом, Господи, согрешихом и крайнего Твоего отвращения достойни сотворихомся; но, не отрини милости Твоей от нас и пощади нас, смиренно кающихся Тебе! И – милостив Господь! – наверно прекратится беда наша! Разве страданиями нашими утешается Господь?! Нет. Но Ему души наши дороги, и коль скоро они приходят в свой чин, Он тотчас прекращает всякое исправительное бедствие. Таков уж закон промысления Божия о нас»!

На следующий день, в праздник Успения, преосвященный снова говорил:

«Вчерашний, хотя небольшой пожар подновил страх наш, и мы снова мятемся ожиданием внезапной беды – ни к кому и ни к чему не имеем доверия, и в каждом незнакомом лице продолжаем встречать недоброжелателя себе. От того у нас и праздник не в праздник, – так что исполнилась над нами пророческая угроза: *превращу праздники ваша в жалость, и вся песни ваша в плач*".

Что ж? – И давайте плакать... Мы и собрались ныне на место плача. Се поле, орошенное слезами! И кто из жителей города не проливал их здесь?! – Так приидите восплачемся пред Господом, сотворшим нас, подобно Израильтянам, оплакавшим Иерусалим на реках Вавилонских!

Но будем плача плакать, и скорбя скорбеть, – только все по-христиански, а не как язычники, упования не имеющие. Да не изыдет слово ропота из уст наших, и чувство уныния, нечаяния да не омрачит сердец наших. Скорбеть, плакать и болеть есть дело человеческое, а предаваться унынию, отчаянию, ропоту и хуле – есть дело сатанинское. Растворим скорбь упованием, и – родится плач умиления, не жгучий и терзающий, а разливающий отраду и умягчающий. Возверзим на Господа печаль, и Той сохранит нас; ибо уповающего на Господа милость обыдет. Исповедуем правду Божию в наказании нас, – и Он пошлет

милость во сретение ей: ибо не суд только, но и милость у Него. Потерпим в благодушии; ибо не до конца гневается Господь и не во век враждует. Биет Он нас; восчувствуем боль, и, молясь о помиловании, подкрепим молитву решимостью не оскорблять Его более грехами своими. Будем вопиять: помилуй, Господи, помилуй»⁴²!

Святитель видел, что не одни граждане Тамбова, но и все пострадавшие города и селения епархии нуждаются в слове утешения и вот он спешит разделить и с ними тяжкую долю. «Если может утешать вас сострадание, – говорил он жителям Борисоглебска, – всей душой состражду вам, и свидетельствую, что искренно состраждут вам все, до кого доходит весть о постигшем вас бедствии. Если может низводить утешение молитва; то молился и молюсь моей грешной молитвой, да Бог всякие утехи, Отец щедрот, Сам изольет утешение в сердца ваши! – Соединимся и все мы, ныне здесь собравшиеся в единой сей молитве, и верно получим просимое, по неложному обетованию Самого Господа: *воззовет ко Мне бедствующий, и услышу его, – изму его из беды, и прославлю его*".

Объезжая епархию, епископ живет надеждой по возвращении увидеть свой кафедральный город безопасным и успокоенным, и тяжело страдает, когда не находит того. «По возвращении моем, надеялся найти вас вполне успокоенными и в первое мое служение праздновать вместе с вами совершенное прекращение всех ваших бед; но вот не удостоен такого утешения! – Много видел я страждущих в других городах и весях, и чаял облегчить сердце некоторой хотя отрадой, увидев начатки вашего успокоения и оправления; но вот опять подновлены улегшиеся было страхи и тревоги»!

«Что же нам делать и куда обратиться!? Где искать облегчения и какое врачевство приложить к ранам своим? Ничего не остается нам делать, как обратясь ко Господу в слезах взывать: Боже, милостив буди нам грешным»!

«Мы слабы. Не допусти нам, Господи, пасть под тяжестью бед. Дай крепость сердцу нашему, осени нас благонадежием, да не поразит духа нашего отчаяние, – и, Боже, милостив буди нам грешным»!

«Так сокрушенно молясь, приложим к плачу еще неотступность моления. Вот и Сирофиникиянка, поминаемая в нынешнем Евангелии, получила просимое ради неотступности, украшенной смирением. Господь уже сказал – было ей: поди, ты не наша. Но потом был побежден неотступностью ее моления. Будем и о себе вопиять неотступно, и верно получим милость. Тот, Кто Сам располагал к терпению и молитве примером неправедного судии, умоленного неотступностью вдовицы, уступит неотступности нашей и ущедрит нас».

«Ах, братие, неужели же нас одних бросил Господь вконец, – на поправление всякому мимоходящему, и не возвратит нам милостей Своих?! – Нет, – милостив Господь! – не унывайте духом, восклоните главы ваши, возникните к благонадежию! Еще мало, – Грядый придет и не закоснит помочь нам»⁴³.

При первых признаках ослабления бедствия архипастырь спешит поделиться со своей паствой радостной вестью о том. «Благодарение Господу! Спокойствие начинает осенять наш город, дома приемлют своих жильцов и течение дел уже не встречает препятствий за отсутствием делателей. Так, благодарение Господу, мы в благих надеждах! «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!» – Вот мы уже и совсем почти успокоены! Ожидание бед уже не мучит нас и не поражает сокрушительным страхом, – и все у нас приняло свое обычное течение».

В годину столь тяжелого общественного бедствия Преосв. Феофан поддерживал свою паству не только сильным словом, но и делом. Из своих личных средств он оказал значительную материальную помощь пострадавшим от пожаров, особенно из среды бедного духовенства – его вдов и сирот. Свою квартиру и все свободные помещения архиерейского подворья он предоставил в полное распоряжение погорельцев, а сам поселился в загородном доме.

Частная жизнь и отношение к подчиненным

Не менее чиста и возвышенна была и частная, домашняя жизнь святителя. По воспоминаниям одного из его родственников Преосв. Феофан, служа в Тамбове, вел очень простой образ жизни. Ежедневным, обычным костюмом был у него подрясник, а поверх его ряса из черной, недорогой шерстяной материи. Стол имел самый невзыскательный и того вкушал очень мало, никогда не ужинал. Весь день проходил в молитве, трудах по управлению епархией и литературной работе. Малые промежутки досуга наполнялись рукоделиями – столярным, токарным, резным по дереву. Только на короткое время владыка выходил на прогулку в сад при архиерейском доме, изредка позволял себе летом прокатиться. Он горячо любил природу, восхищался красотой и во всем устройстве ее видел следы премудрости Творца. Особенно интересовался астрономией и почти ежедневно летом, в ясную погоду, по вечерам производил наблюдение над небесными светилами посредством довольно большого телескопа. «Небеса поведают славу Божию» обычно слышалось тогда из уст астронома, умиленного созерцанием величия и красоты необъятного Божьего мира⁴⁴.

Между епархиальным архиереем и подчиненным ему духовенством, установились самые близкие, чисто семейные отношения. Всегда ласковый и приветливый архипастырь обращался любовно, с величайшим смирением и кротостью со всеми, какого бы кто сана и положения ни был. Не только сам не стеснял никого из подчиненных, но с замечательным терпением и благодушием переносил неприятности, какие иногда делались ему со стороны духовенства. Если же по долгу справедливости нужно было кого-либо наказать выговором, или замечанием, то эта тягостная для любвеобильного сердца епископа обязанность обычно исполнялась ключарем его. Доверие Преосв. Феофана к людям и в частности к подчиненным ему должностным лицам было безгранично. По своей нравственной деликатности и благородству души он

боялся оскорбить человека даже каким-либо намеком на подозрение или недоверие к нему. Принимая бумаги от представителей различных ведомств и учреждений, Преосвященный всегда советовался с ними, а нередко прямо спрашивал, какую лучшую положить резолюцию на деле. Так совместно с секретарем консистории он обсуждал общепархиальные вопросы, с благочинным по его округу, с экономом по ведению хозяйства архиерейского дома и т. д. Столь идеальная сама по себе нравственная черта однако в практике епархиального управления нередко являлась источником важных неудобств, а иногда прямых злоупотреблений. Лица, облеченные доверием, не всегда оправдывали его. Некоторые из них, особенно из консисторских деятелей, нашли тут для себя повод и получили свободу для крайне неправильного и пристрастного решения дел. Отсюда возникали жалобы на епархиального архиерея, а вместе с ними и тяжелые личные неприятности для него. Один факт – именно определение диакона Владимирского собора прямо в протоиереи – уездные настоятели особенно возбудил большие нарекания и даже ропот и доставил епископу серьезное беспокойство. Пользуясь указанной чертой характера Преосв. Феофана, некоторые частные лица позволяли себе незаконное вмешательство в дела епархиального управления. Так известен случай, когда почитательница его княгиня Л-ская вмешалась в дело одного воспитанника Тамбовской семинарии, формально уволенного за дурное поведение. По ходатайству княгини Преосв. Феофан потребовал от семинарского начальства обратного возвращения ученика в семинарию, и последний был принят снова. Другой факт. Преосвященному нужен был учитель для своего племянника и ему рекомендовали иеромонаха Троицкого Козловского монастыря Ам-ия из студентов семинарии. Последний, вызванный в Тамбов, не пожелал взять на себя предложенных обязанностей и уже был отпущен обратно в свою обитель. Но явилась вскоре та же Л-ская и предложила назначить непослушного инока административным порядком. И о. Ам-ий немедленно же был определен. Находились и такие лица, которые эксплуатировали

необыкновенную доброту и доверие к людям Преосв. Феофана для своих личных нечистых целей и интересов. Тогдашний эконо́м Тамбовского архиерейского дома, ныне настоятель Вышенской пустыни, передал нам следующий случай. К святителю однажды явились два палестинские грека, сказав, что они знали его по службе в Иерусалиме. Один из них был светский и назвался археологом, интересующимся местными древностями, а другой имел одежду инока. Владыка принял их очень радушно, с большим интересом и воодушевлением заговорил на греческом языке о делах востока и в заключение беседы велел отвести им квартиру в архиерейском доме и дать стол. Держали себя гости довольно странно. Археолог все куда-то пропадал, а инок бродил по городу без дела. Последний, не довольствуясь рыбным столом архиерейской кухни, вздумал закупить себе мяса и нес его по городу с рынка открыто, на связке, к большому соблазну верующих горожан. Когда эконо́м доложил Преосвященному о поведении гостей, то он пришел в большое смущение; по своей доброте не хотел удалить их и не знал, что делать. Объяснив поступок инока и как бы извиняя его тем обстоятельством, что на востоке и монашествующие едят мясо, Преосв. Феофан просил эконо́ма, чтобы он сам как-нибудь уладил это щекотливое дело. Больших хлопот стоило выпроводить бесцеремонных восточных людей и вычистить квартиру от заведенной ими грязи, прибавил о. архимандрит в заключение своего рассказа.

Решение оставить кафедру и прощание с Владимирской паствой

Несомненно, еще выше педагогической деятельности Преосв. Феофан ставил общественное служение епископа, но и в нем было много неблагоприятных условий для его духа. Ему, как епархиальному архиерею, часто приходилось заниматься совсем не сродными его сердцу делами – нестяжательному иноку заботиться о сбережении и увеличении церковных капиталов и имущества, кроткому и любвеобильному – разбирать кляузные консисторские дела, подвергать виновных наказанию и пр. К тому же в личном характере святителя за последнее время служения во Владимире произошла значительная перемена. Отдавшись весь литературной работе и книгам, он мало занимался епархиальными делами и по-видимому искал уединения – редко принимал просителей, часто затворялся во внутренних покоях для продолжительной молитвы и богомыслия, предпринимал отдаленные загородные прогулки и пр. Даже воспитывавшихся у него родственников не видел по целым неделям. Его тогдашнее духовное настроение ясно выразилось в следующих словах письма в Петербург. «В делах никакой трудности не вижу, только душа к ним не лежит. Занимаюсь тем, к чему душа лежит. Но беспрестанные отрывы не дают сделать ничего из того, что хотелось бы сделать. Исполнение сего ожидается от обители»⁴⁵.

Так постепенно готовилась, пока окончательно не созрела у Преосв. Феофана мысль о совершенном оставлении мира. 17 июня 1866 г., согласно своему желанию, он был уволен Св. Синодом от управления Владимирской епархией с предоставлением ему права поселиться в Тамбовской Вышенской пустыни в качестве настоятеля ее.

И вот наступило время отбытия святителя из Владимира. Тогда-то ясно сказалось, как был дорог, какой великой любовью пользовался он в своей епархии. 24 июня, в день памяти св. Иоанна Крестителя, владыка совершал последнюю литургию. Горожане во множестве устремились в храм для прощальной

молитвы. Прощание носило глубоко сердечный, поистине трогательный характер. Это были последние минуты сладостного взаимного духовного общения детей, связанных крепкими нравственными узами со своим истинным духовным отцом, – архипастырем пред долгой разлукой, а, быть может, и без надежды видеть его когда-нибудь. По свидетельству очевидца, многие из предстоящих в храме «обливались обильными слезами». Одушевляющие Владимирскую паству чувства к своему епископу вылились в прощальном слове одного из представителей духовенства. «Вот мы искренно и глубоко скорбим, – говорил последний, – о настоящей разлуке с бесценным нашим архипастырем; скорбим не менее, святитель Христов, как древле скорбели пресвитеры Ефесские, когда в последний раз виделись с блаженным Апостолом языков, в продолжение трех лет свято потрудившимся у них в благовестии Христовом. Истинно ты был для Церкви Владимирской живым образом Христовым не по сану только иерарха, но и по иераршему житию твоему. Нашу скорбь увеличивает то обстоятельство, что ты собственным изволением оставляешь нас. Нам отсюда предполагается, что не довольно обрела твоя святыня в нас, в наших нравах и жизни, такого, на чем можно было бы вашему преосвященству успокоить с любовью свой прозорливый взор. Но сими нашими слезами, какие проливаем о тебе, умоляем твою святую любовь, да простишь нам всю виновность нашу. Прости, бесценный архипастырь Церкви Владимирской и благослови ее! И отходя от нас телом твоим, не отступай от нас твоей благочестивой душой, но выну памятуй нас в своих святых молитвах»⁴⁶.

Преосв. Феофан, естественно, не мог быть равнодушным к подобным чувствам неподдельной любви и расположения к нему паствы. В ответ на них он произнес свое замечательное слово – завещание, в котором с одной стороны указал на причины оставления им архиерейской кафедры, а с другой высказался, как истинный архипастырь, не хотевший прекратить нравственного общения со своими духовными детьми, считавший себя ответственным за спасение их даже по

разлучении и прекращении всяких официальных, обязательных сношений с ними. Вот это поистине умилительное «Завещание», ярко дорисовывающее светлый образ великого святителя Христова. «Не попеняйте на меня, Господа ради, что оставляю вас. Отхожу не ради того, чтобы вынужден был вас оставить. Ваша доброта не допустила бы меня переменить вас на другую паству. Но, как ведомый, ведусь на свободное от забот пребывание, ища и чая лучшего, – как это сродно естеству нашему. Как это могло образоваться, не берусь объяснить. Одно скажу, что кроме внешнего течения событий, определяющих на дела, есть внутренние изменения расположений, доводящие до известных решимостей; есть, кроме внешней необходимости, необходимость внутренняя, которой внемлет совесть и которой не сильно противоречит сердце. Находясь в таком положении, об одном прошу любовь вашу, – оставя суждение и осуждение сделанного уже мною шага, усугубите молитву вашу, да не отщетит Господь чаяния моего и дарует мне, хоть не без трудов, обрести искомое мною. И я буду молиться о вас, – буду молиться, чтоб Господь всегда ниспосылал вам всякое благо, – улучшал благосостояние и отвращал всякую беду, паче же чтоб устроил ваше спасение. Спасайтесь, и спаситесь о Господе. Лучшего пожелать вам не умею. Все будет, когда спасены будете. Путь спасения вам ведом, ведомо и все спасительное устройство Божие. В сем отношении довольно вам напомнить слова Ап. Павла: *О, Тимофее! предание сохрани*. Сохраняйте, что Господом и Его св. Апостолами предано Церкви и что одно поколение христиан передает другому. Напомнить о сем вам понуждаюсь того ради, что ныне много лживых учений ходит между нами, учений растлительных, подрывающих основы веры, расстраивающих семейное счастье и разрушающих благосостояние государства. Поберегитесь ради Господа, от сих учений. Есть камень, коим испытывают золото. Испытательным камнем да будет для вас св. учение, издревле проповедуемое в Церкви. Все несогласное с сим учением отвергайте, как зло, каким бы титулом благовидным оно ни прикрывалось. Вы только это соблюдайте, а все прочее уже само собой приложится вам. За чистотой веры

последует осенение благодати. Благодать с верой созиждут святыми и непорочными сердца ваша. Чистые же сердца начинают зреть Бога еще здесь, – узрят Его несомненно там, и будут вечно зреть и блаженствовать в сем зрении.

Это небольшое напоминание прошу принять, как «последнее завещание»⁴⁷.

Глава V. Жизнь в затворе

«Затвор что есть? То, когда ум, заключившись в сердце, стоит пред Богом в благоговейнстве, и выходить из сердца или чем-нибудь другим заняться не хочет».

«У кого начали появляться невольные влечения внутрь и восхищения к Богу, и особенно у кого начали действовать совершенное предание себя Богу и непрестанная молитва, тот готов и способен вступить в безмолвие. Только он и силен вынести этот подвиг и проходить его с плодом. Удержать такого в общежитии и сожительстве с другими невозможно. Что гнало Арсения Великого от людей? Это тяготение внутрь пред Богом. «Люблю вас, – говорит он, – но не могу быть вместе с Богом и с людьми»».

Преосв. Феофан

Причины удаления в затвор

Приступая к изложению самого важного периода жизни Преосв. Феофана, прежде всего необходимо с возможной точностью и ясностью установить вопрос о том, в чем была истинная ближайшая причина, что именно склонило его оставить мир и променять архиерейскую кафедру на уединенную келлию затворника. С обычной человеческой точки зрения было удивительно и даже странно слышать, что сравнительно молодой (52 года), здоровый и богато одаренный духовно архипастырь стремится на покой, когда бы он мог еще много лет с пользой служить Церкви и в службе которого так нуждалась она. Владимирская паства и многочисленные почитатели святителя недоумевали и терялись в догадках. Явилось предположение, что причину нужно искать в том, что некоторые епархиальные дела, в последнее время восходившие до Св. Синода, решены были не согласно желанию Преосвященного и доставили ему огорчение. Несомненно, что указанные в предыдущей главе неприятности по епархиальному управлению много беспокоили святителя и имели значение при решении настоящего вопроса, но не в них лежала главная причина, ибо у кого из наших епископов при массе самых разнохарактерных и сложных дел нет этих неприятностей и не оставляют же они своих кафедр. В данном случае подобные обстоятельства только ускорили осуществление дела, уже вполне созревшего на иной, совсем особого рода почве. И для Св. Синода было неожиданностью, когда получилась бумага Преосв. Феофана с просьбой уволить его на покой. Наконец, сам будущий затворник разъясняет вопрос в следующих словах своего письма к тогдашнему С.-Петербургскому митрополиту Исидору: «Я ищу покоя, чтобы покойнее предаться занятиям желаемым (духовному писательству), но не дилетантства ради, а с тем непременным намерением, чтобы был и плод трудов – не бесполезный и ненужный для Церкви Божией. Имею в мысли служить Церкви Божией, только иным образом служить»⁴⁸. Т. е. Преосв. Феофан

искал затвора прежде всего, чтобы беспрепятственно предаться духовно-литературным трудам на пользу Церкви. Но несомненно тут была и другая, сокровенная и чрезвычайная причина, о которой нельзя было говорить постороннему человеку. Святитель еще со дней юности стремился к уединению и молитвенному общению с Богом. «Я с молодых дней этого искал и просил, – говорит он, – чтобы никто не мешал мне пребывать непрестанно с Богом»⁴⁹. Мы уже видели, что еще в самую цветущую пору своей молодой жизни, еще на кафедре профессора, душа его тяготилась мирской суетой и находила истинную усладу и утешение только в храме Божиим, на общественной молитве. И вот теперь исполнялось его заветное желание отдать всю свою жизнь на служение Господу. Ему хотелось, чтобы ничто не нарушало дорогого для него и совершенного Богообщения. И он ушел от мира, чтобы быть наедине с Богом. В сознании святителя понятие о затворе нераздельно сливалось и отождествлялось с мыслью о непрестанном молитвенном подвиге. «Ибо затвор что есть? – пишет он. – То, когда ум, заключившись в сердце, стоит перед Богом в благоговейнстве, и выходить из сердца или чем-нибудь другим заниматься не хочет»⁵⁰.

Внешняя обстановка затвора

Внешняя обстановка затвора вполне соответствовала духовным потребностям подвижника. Вышенская пустынь лежит вдали от больших и шумных центров городской жизни, расположена среди прекрасной лесной природы, при слиянии двух рек – Цны и Выши, из которых первая довольно значительна и судоходна. В летнее время окружающий воздух пропитан благоуханием смолы и всегда полон таинственного шума могучего, векового бора. Внутренняя жизнь иноков течет по уставам древнего пустынножительства, с целодневными стояниями в храме, со столповым пением и псалмодическим чтением. Обитель строго общежительная и ни один насельник ее не имеет копейки собственности. Славу и драгоценность ее составляет чудотворная икона Казанской Божией Матери, глубокочтимая и ежегодно, по просьбе и желанию верующих, обносимая по всей Тамбовской епархии для поклонения. Русский народ любит пустынь и в летнее время целыми массами стекается сюда. Недаром, еще служа в Тамбове, Преосв. Феофан заметил, полюбил ее и по его выражению «краше Выши нет ничего на свете». Поселившись же в обители и близко ознакомившись со внутренними распорядками ее, он пишет: «Мне здесь крепко хорошо. Порядки здесь истинно-монашеские. Из братии есть лютые подвижники... Образчик – 80-летний старик – никогда не присядет в церкви и ворчит на других за это. Служб у нас соберется часов на десять. Начинаются с 3 ч. утра. Последняя бывает в 7 часов вечера. Пение саровское (столповое)»⁵¹.

Строй иноческой жизни каждой обители по убеждению святителя прежде всего держится настоятелем ее; в частности и в особенности он говорил это про тогдашнего и (настоящего) Вышенского архимандрита о. Аркадия. «У нас по монастырю так тихо, что дивиться подобает. Это дело нашего аввы. Он очень молитвенен... и, кажется, приял дар непрестанной молитвы. Спаси его, Господи, и дни его жизни преумножи»⁵².

Близь монастырской ограды виден двухэтажный флигель. В нижнем каменном помещается монастырская просфорня и две братских келлии. В верхнем деревянном – комнаты-келлии затворника. Вот более, чем скромная внутренняя обстановка их. Стены деревянные, без обоев, несколько потемневшие от времени. Мебель из самого простого дерева и довольно подержанная, каждый экземпляр которой при описи по смерти владыки оценен в один или несколько рублей. Шкаф с угольником сосновый – 1 р., комод – 2 р., железная складная кровать – 1 р. и т. д. Самая большая комната флигеля – гостиная, и часть ее занимает домовая церковь. И тут поразительная простота! Алтарь святыни вместо иконостаса отделен простой занавесью из недорогой материи. Вот рабочая комната с орудиями для физических трудов и упражнений – два ящика с инструментами – токарными, столярными, переплетными, верстак, станок для выпиливания из дерева. Тут же видны инструменты, необходимые при научных работах и занятиях живописью – телескоп, микроскоп, палитра с красками и кисти, фотографический прибор. Ярко заметная особенность комнат – всюду обилие больших и малых икон. Но над всем господствуют книги, которыми переполнены не только кабинет и библиотека, но и другие свободные помещения. Какое громадное собрание и какое разнообразие их! Книги по всем отраслям человеческого знания и на всех языках – еврейском, греческом, латинском, немецком, французском, английском. Насколько была обширна и разносторонна библиотека святителя, можно судить по тому, что в ней имелось полное собрание творений свв. Отцев, богословская энциклопедия на французском языке в 150 томах, истории – Соловьева, Шлоссера; сочинения философов – Гегеля, Фихте, Ульрици; естествоведов – Гумбольдта, Дарвина, Фогта и др.

Вышенская пустынь, глубоко чтившая скрывавшегося в ее стенах великого христианского подвижника, конечно, могла бы гораздо лучше обставить его помещение, но последний решительно не хотел того. Один из Тамбовских преосвященных предложил святителю позволить ему сделать распоряжение об

улучшении обстановки, но он не согласился, сказав, что все устроено по его личному желанию.

Среди подобной-то обстановки Преосв. Феофан провел 28 лет, из которых в течение первых шести посещал церковные службы в монастырских храмах, принимал посетителей, а в последние 22 года совершенно уединился, прекратив всякие сношения с внешним миром кроме письменных. Как проходила жизнь подвижника в глубине его затвора? Невозможно с желательной полнотой и определенностью ответить на подобный вопрос, ибо кто может проникнуть в глубочайшие тайники человеческого духа? Но по некоторым, дошедшим до нас известиям, а больше всего по сочинениям самого затворника возможно составить достаточно ясное понятие о том. Преосв. Феофан принадлежит к числу глубоко-искренних, сердечно-убежденных писателей, у которых печатанное слово всегда в полном согласии с их действительной жизнью. Произведения его всегда доказательны и замечательно убедительны потому, что они плод жизненного подвига автора, пережиты и списаны с него. В писаниях святителя, как в чистом зеркале, воспроизводится светлый духовный образ творца их.

Подробное изложение содержания сочинения «Путь ко спасению», служащего ключом к пониманию жизни автора в затворе

Жизнь в затворе яснее всего отразилась в замечательном труде «Путь ко спасению», почему последний и является истинным ключом к пониманию ее. В книге сильными и яркими чертами изображен идеал истинно-христианской жизни и путь, ведущий к достижению ее; а так как путь этот несомненно был пройден писателем, то естественно возникает глубокий интерес к изучению сочинения, тем более, что сам автор считал его лучшим из своих творений, суммой и как бы оглавлением всех своих литературных работ. Важнейшие и более существенные предметы содержания его следующие:

Высшая, последняя цель человеческой жизни – общение с Богом. Путь к ней – вера с хождением по заповедям Господним. Христианин спасается благодатью Св. Духа, дарованной ему туне – искупительными заслугами Богочеловека, под руководством Церкви; но для первоначального стяжания и постепенного развития и возгревания благодатного дара он нравственно обязан пройти жизненный подвиг – совершения внешних добрых дел и внутреннего очищения своего сердца от порочных мыслей и желаний, чрез упорную борьбу со «страстями и похотями», пока не достигнет «мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова». Длинен и тернист этот путь. Решившийся вступить на него неизбежно проходит три ступени, переживает следующие три важнейшие момента: 1) как начинается в нас христианская жизнь; 2) как совершенствуется – зреет и крепнет и 3) какой является в полном своем совершенстве. Каждую из этих ступеней соответственно свойству и характеру присущих ей подвигов можно назвать: первую – обращением к Богу, вторую – очищением и третью – освящением. На первой – человек обращается из тьмы греха к свету христианской истины и добродетели, на второй – очищает свое сердце от всех внутренних нечистот, дабы подготовиться и достойно принять грядущего к нему Господа; на третьей – Сам

Господь приходит, вселяется в сердце и обитает с ним. Последнее состояние блаженного Богообщения – есть цель всех стремлений и венец трудов подвижающегося.

Христианская жизнь начинается с момента духовного рождения в таинстве крещения, развивается и укрепляется чрез доброе воспитание в христианской семье под влиянием Церкви и церковности. Правильное начальное воспитание имеет важное нравственное значение. Им в значительной степени определяется, а нередко от него вполне зависит вся дальнейшая судьба человека. Но жизненные наблюдения показывают, что в редких, исключительных случаях люди сохраняют благодать крещения на всю жизнь. Большая часть совершенно забывает о ней и живет в состоянии греха. Жизнь грешника подобна духовному сну и характеризуется всесторонней многопопечительностью о мирских интересах и житейских делах, но полным равнодушием и нерадением о духовной жизни. Случаи пробуждения от этого духовного сна очень редки и бывают только под действием благодати Божией, которая является или в чрезвычайных, чудесных знамениях и внезапно потрясает человека, как напр. Ап. Павла или Марию Египетскую, или же стяжевается и возгревается постепенно и медленно путем обычной благочестивой жизни христианской. В обыкновенном порядке обращений дар возбудительной благодати впервые обнаруживается в виде одной доброй мысли переменить жизнь и стать лучше в своих делах и внутренних расположениях. Но большей частью эта мысль остается неисполненной и человек отлагает ее. Отлагательство – общий недуг и первая причина неисправности. Всякий говорит – «еще успею» и остается в старых порядках привычной недоброй жизни. Никогда не следует пропускать этого важного момента и без всякого промедления положить начало новой жизни. Верно помогающие тому средства – внутреннее сосредоточение и уединение, молитва, чтение слова Божия, пост, труд, милостыня и другие обычные упражнения богоугодной жизни. Вот наставление о некоторых из них.

«а) Прежде всего возмись за *тело*. Откажи ему в наслаждениях и удовольствиях, стесни удовлетворение самых

естественных потребностей; продли час бдения, умаль обычную меру пищи, приложи к трудам новый труд. Главное, как хочешь и как можешь, облегчи плоть, утончи ее дебелисть. Этим душа высвободится из связности веществом, станет подвижнее, легче, приимчивее для впечатлений добрых. Вещественное тело, преобладая над душой, сообщает ей свою неподвижность и холодность. Подвиги телесные ослабляют эти узы и устраняют следствие их».

«б) Тело обременяет душу сновне; *заботы и расхищение мыслей* томят ее внутри. Допустим, что смирена уже плоть, – этим сделан первый шаг; но еще две заставы отделяют душу от себя самой».

"*Заботы* не оставляют времени заняться собой. При них одно дело в руках, а десятки в голове. От того они гонят человека все вперед и вперед, не давая ему возможности осмотреться и взглянуть на себя. Итак, отложи на время заботы, все без исключения, отложи только на время: после опять возьмешься за обычные дела, только теперь прекрати их, выкинь их из рук, выброси их и из мысли».

«Но и тогда, как заботливые дела прекращены, смятение еще надолго остается в голове: мысль за мыслью, то в согласии, то одна другой наперекор; душа рассеяна, ум шатается в разные стороны, и тем самым не дает установиться в себе чему-либо постоянному и твердому. Собери же рассеянных чад своих во едино, – как пастырь собирает стадо, или как стекло рассеянные лучи, и обрати их на себя».

«Желание углубиться в себя и заняться собой, пресечением рассеяния мыслей и заботливости, потребует, конечно, как неизбежного средства, с одной стороны, уединения, с другой – прекращения обычных занятий, и житейских и должностных; прежде же указанное смирение плоти потребует изменения в порядке удовлетворения естественных потребностей. Судя по сему, самым удобным временем к тому, чтобы устроить перемену своей жизни, должно счесть время поста какого-нибудь, особенно же великого. Тут все к тому преднастроено, – и дома, и в церкви, и даже в обществе. На это время все и смотрят, как на приготовление к покаянию. Однако ж из этого не

следует, что, когда пришла благая мысль о перемене жизни, исполнение ее надо отлагать до наступления поста. Все, требуемое при сем, может быть исполнено и во всякое другое время, кроме поста. Но уж, конечно, когда пришел святой пост, – грех пропустить его, не позаботясь о спасении души, как пропускается другое время. Кому придет спасительное помышление о перемене жизни не во время поста, и кто находит к приведению его в исполнение какие-либо помехи в своем быту, тому лучше всего удалиться на время в какую-либо обитель. Там удобнее совладать с собой»⁵³.

Явление возбудительной благодати характеризуется с одной стороны восстановлением потемненного грехом чувства своей зависимости и виновности пред Богом, сознанием всего безобразия греха и отвращением к нему, а с другой стороны ощущением и предвкушением иной, новой, высшего порядка жизни. В существе своем это явление представляет собой порыв поработленного духа в принадлежащую ему область господства в нравственной жизни, причем оно большей частью внезапно и мгновенно поражает человека.

«Как блеском молнии, освещается все и в человеке, и вокруг его, при благодатном возбуждении. Он вводится теперь сердцем, на одно мгновение, в тот порядок, из которого изгнан грехом, вставляется в цепи творения в ту связь, из которой самовольно исторгся грехом. Оттого это действие благодати всегда почти обозначается испугом и мгновенным потрясением, как спешно идущего в задумчивости потрясает внезапно услышанное «стой»! Если смотреть на это состояние по понятиям психологическим, то оно есть не что иное, как пробуждение духа. Собственно духу нашему свойственно сознавать Божество и высший некоторый мир, или порядок вещей, возвышать человека над всем чувственным и уносить в чисто-духовную область. Но в греховном состоянии дух наш теряет свою силу и сорастворяется с душевностью, а чрез нее с чувственностью до того, что будто исчезает в них. Вот теперь благодатью он извлекается оттуда, поставляется, как на свещнице во внутренней нашей храмине, и светит всему там сущему и оттуда зримому»⁵⁴.

Настроение души, возбужденной благодатью, яснее всего определяется по противоположности с греховным состоянием:

«1) Грех разлучает между Богом и человеком. Человек, отходя от Бога к греху, не ощущает своей зависимости от Него, живет себе, как будто он не Божий и Бог не его, как своевольный раб, бежавший от своего господина. Теперь это средостение разоряется. *Чувство зависимости от Бога* возвращается. Человек живо сознает свою всецелую подчиненность Богу и полную пред Ним ответственность. Прежде небо было для него медяно и словно густым покровом простиралось над его головой, а теперь некоторый луч проходит сквозь сей мрачный покров и указывает ему Бога, Владыку и вместе Судию. В нем возбуждается с силой чувство Божества, со всеми Его совершенствами, и неотразимо стоит в душе, исполняя ее всю. Тут основание и возможность будущей благодатной духовной жизни».

2) «Грех окутывал прежде человека слепотой, нечувствием, беспечностью. В момент воздействия благодати спадает эта трехслойная окаменелая чешуя с окованной души. Человек теперь хорошо *видит все безобразие* свое внутри и не только видит, но и *чувствует*. Вместе с тем сознает опасность своего положения, начинает робеть за себя и *заботиться* о своей участи. И не только западает в душу робость, но, при чувстве ответственности своей пред Богом, страх, томление, досада, стыд начинают сильно поражать его сердце. *Его грызет совесть*".

3) «Но тут же дается ему некоторое ощущение и сладости жизни по Боге. Чувствуя всю непотребность греховной жизни и питая отвращение к ней, как морю зла, он вместе предощущает, что в открывшейся теперь для его душевного ока области добра сокрыты отрада и утешение. Она созерцается им, как земля обетованная, как место блаженнейшее и безопаснейшее от всех треволнений. Сие-то предощущение и есть преимущественно такое явление в душе грешной, которого человек сам собой произвести никак не может. Бог Сам вводит дух человека в Свою сокровищницу и дает вкусить от благ ее»⁵⁵.

Все это внутреннее движение главным образом сосредотачивается в чувстве и обнаруживается в расположениях сердца, тогда уже готового к восприятию новой жизни. Но чтобы неопределенные и преходящие настроения превратиться в акты устойчивой реальной деятельности, нужно склонить к тому же волю. В этот-то критический момент восхода до решимости оставить греховную жизнь христианин переживает тяжелую нравственную борьбу с грехом, со своими застарелыми привычками и укоренившимися наклонностями.

«Вот, наконец, склонился человек на сторону добра, готов вступить на этот святой путь, готов ходить в добрых делах богоугождения; но в это мгновение вся бездна зла, крившаяся в сердце, возмещается, как прах и стремится опять покрыть всю душу. В минуту возбуждения и склонения грех молчит, как будто не до него касается то, что происходит у человека; но теперь, когда хотят его поправить, он, тысячеглавый, как называет его св. Лествичник, тысячи воплей испускает на человека, замышляющего сие. Подобно тому, как пробудившийся пока думает еще только встать, – все в теле у него спокойно, но лишь только положит он встать самым делом и мало напряжет мышцы, – все боли в теле, которые дотоле не беспокоили, теперь дают о себе знать и поднимают жалобы. Так и у склонившегося на благодатный зов греховные боли молчат, пока он доходит до сего склонения; но как только положит он приступить к делу, все эти немощи поднимают тревогу – сильную и смутительную. Помысл за помыслом, движение за движением поражают бедного человека и влекут назад; нападая без всякого порядка, со всех сторон охватывают душу и погружают ее в волнении своем. Все доброе у человека держится как бы на волоске и сам он поминутно готов оторваться от того, чем держится, и снова погрузиться в ту же среду, из которой восхотел выйти. Одно спасает его – та сладость, льгота и отрада, которые вкусить удостоился он в момент возбуждения, и та крепость, которую ощутил он, когда изрек в сердце: «итак, сейчас начну». Кто видел, как малая искра туда и сюда носится в дыме, но все еще как бы стоит за себя, или как малая частица дерева бросается волнующейся

струей то вверх, то вниз, то вправо, то влево, – тот имеет в этом образе то, что бывает в сию минуту с благим желанием человека. Не в душе только смятения, но и кровь вся волнуется, бывает даже шум в ушах и туман в глазах. У нас рассказывают о привидениях – и страшных и прелестных, какие встречаются добыватели какого-то цветка для отыскания кладов – этот психологический миф лучше всего изображает все хлопоты дьявола, чтобы отвлечь человека от доброго намерения купить бисер многоценный, или достать сокровище, сокрытое на селе. Здесь-то предлежит человеку сильная борьба с собой, как бы генеральная битва со грехом»⁵⁶.

Крайне тяжела эта борьба, непосильна она была бы для слабого человека, если бы благодать Божия не приходила на помощь. Но и сам подвизающийся не должен предаваться беспечности, а обязан понести продолжительный, упорный труд самоисправления. Для обеспечения лучшего, прочного успеха в борьбе прежде всего необходимо открыть источники и главных производителей греха, которыми по тщательном исследовании неизбежно окажутся, следующие всюду и у всех наблюдаемые явления нашего внутреннего мира: *самосожаление*, по которому мы обходимся с собой, как сердобольная и чувствительная мать с балованным и изнеженным ребенком. Мы никак не хотим отказать себе в чем-нибудь, даже в мелочах. Будущая добродетельная жизнь нам представляется слишком тяжелым трудом, полной горьких скорбей и лишений. *Чувственность*, выражающаяся в сильной привязанности к материальным предметам и удовольствиям, в отсутствии интереса ко всему духовному, невидимому. Для чувственного новая жизнь, отрешенная от пристрастия ко всему вещественному, есть ни что иное, как сухой, отвлеченный и безжизненный подвиг. *Человекоугодие*, по которому христианин слишком дорожит своими установившимися отношениями к окружающим, придает слишком важное значение тому, что подумают и скажут о нем другие. Подобная слабость иногда настолько порабощает человека, что у него не хватает мужества даже и в тех случаях, когда приходится покривить душой для спасения своих отношений к миру. Наконец, излишняя *привязанность* к

настоящей, земной жизни (земность) также занимает видное место в ряду важнейших производителей греха в грехолюбивом сердце. Под влиянием последнего настроения мы так живем и действуем, как будто человеческое существование кончается на этом свете, о загробном мире часто нет мысли и помину. Как только человек устремится на путь новой жизни, весь сонм сказанных дорогих для грешной природы склонностей и привязанностей поднимает такой страшный вопль в свою защиту и против будущих порядков, что он проходит до глубины души, возмущает и колеблет в основании наш внутренний мир. Тут самый опасный, критический момент. Но не следует смущаться и падать духом, а необходимо начать энергично действовать без всякого промедления. Призвавши в усердной молитве благодатную помощь Божию, прежде всего нужно особым напряженным усилием воли мысленно изгнать из своей души всех названных производителей греха. Тут чем настойчивее и решительнее действовать, тем лучше. Далее, следует вызывать пред лицо сознание каждого в отдельности из врагов и, предварительно изобразив красоту и сладость будущей праведной жизни, нужно ясно определить все нравственное безобразие, а с другой стороны весь вред и серьезную опасность их для новой жизни. Подобное изображение должно быть настолько сильным, рельефным, чтобы в конце получилось явное отвращение и ненависть во врагам. Когда это произойдет, тогда уже легче будет сделать обращение сердца на новый путь, противоположный прежнему строю. В этих-то сердечных поворотах лежит существо всего настоящего момента духовного делания, имеющего своей конечной целью перелом воли на новую жизнь. На образовании их следует особенно напряженно потрудиться. Необходимо путем, настойчивой и неустанной внутренней работы привести сердце в такое состояние, чтобы оно в своем стремлении и желании нового, лучшего дошло до последних пределов, что ясно обозначится появлением в нем *противочувствий* прежним греховным возбуждениям, расположений, совершенно противоположных коренным требованиям греха. Нужно усиленно работать над собой до тех пор, пока не появится

вместо самосожаления полная безжалостность к себе, до жажды страданий; вместо человекоугодия – обречение себя на все неправды и поношения людские; взамен пристрастия к материи отвращение к ней и желание одного духовного, чистого; наконец, вместо привязанности ко всему земному – чувство странничества на земле и стремление к небесному отечеству. С образованием подобных противочувствий уже можно считать совершившимся перелом воли, вследствие которого все в нас должно принять новый строй и порядок. Окончательный успех и полная победа тут в значительной степени зависит от усиленного стремления довести дело до конца, во что бы то ни стало, до полного изгнания всяких следов врага. Иначе, коварный искушитель, притаившийся в каком-либо сокровенном уголке нашего внутреннего мира, в виде, например, обольстительной мысли о том, что нет нужды спешить делом, можно еще день подождать преступать границу новой жизни, способен разорить и уничтожить все плоды напряженных трудов предшествующего подвига и заставить снова начать работу.

«Действуй против греха вообще, но особенно против коренных его возбудителей. Когда все мятется в душе, и помыслы, как привидения какие, стоят и объемлют ее, со всех сторон устремляя стрелы в самое сердце, – нетрудно заметить главных, так сказать, поджигателей зла. За множеством частных воителей стоят там, на самом заду, воители главные, отдающие приказания, заведующие всеми распоряжениями, всем ходом войны. Это и суть коренные возбудители греха. На них и надо устремить все внимание, против них прямо вооружиться, их побороть и уничтожить. Когда они будут побеждены, мелкие воители рассеются сами собой».

«Какие это главные возбудители греха и главные воители в защиту его, это указал Спаситель, когда призывал идти вслед Себя (Мк. 8:34–38). Кто хочет идти вслед Меня, говорил Он, *да отвержется себе*, – отворотится от себя, сочтет себя будто чужим для себя, не стоящим внимания и сочувствия, за которого стоять не стоит. Это предполагает, что в сердце грехолюбивом постоянно живет и качественно противоположное сему расположение – *саможаление*, как оно и есть на самом

деле. Человек-грешник обходится с собой – как мать с нежно любимым детищем: жаль в чем-нибудь отказать себе, в чем-нибудь поперечить; не может одолеть себя, чтобы в чем-нибудь поднять на себя руку. Далее Спаситель обязует отказаться от всего, что в мире, для спасения души: *какая бо польза человеку, аще приобрящет мир весь и отщетит душу свою?* Мир есть совокупность вещей вне нас, видимое, осязаемое, чувственное. Следовательно, приведенное обязательство предполагает в сердце человека склонность к вещественному, падкость на осязаемое, некоторую страсть питать себя и услаждать только видимым, чувственным. И действительно, в грехолюбце качествует *чувственность*: не имеет он вкуса к невидимому и духовному, а все чувственное так известно и так переиспытано... Потом внушает Господь, чтобы не стыдились Его в роде сем прелюбодейном и грешном. Это заставляет предполагать в грехолюбивом сердце стыдение людей, в ущерб добру и правде. Так оно и есть. Живет обычно человек этой ненарушимостью заведенного вокруг порядка, или установившихся отношений, оттого робеет поколебать их и для поддержания их готов бывает скорее покривить душой, нежели сделать кому-либо что наперекор, не уважить, войти в неприятности. Это – *человекоугодие*: «что скажут и как быть, если придется разорвать связи»? Должно быть это самая чувствительная уза греха, если для того, чтобы разорвать ее, он угрожается за сей стыд пристыжением на всеобщем суде: *Иже аще постыдится Мене и словес Моих в роде сем прелюбодейном и грешном, Сын человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своего со ангелы святыми.* Это заключительное обращение к веку грядущему указывает в грехолюбивом сердце отсутствие чувства будущей жизни, заставляет предполагать, что той жизни для него будто нет, а оно все погружено в жизнь настоящую. Так это и есть. Живет обычно человек на земле, будто тут вечно жить, а о будущем забывает; знает счастье только земное, и все цели сходятся у него в одном, как бы здесь хорошо прожить, а что дальние будет, о том и думки нет. Итак, *саможаление, чувственность, человекоугодие и земность* (что только и жизни, что на земле)

суть характеристические черты грехолюбивого сердца, – следовательно, и коренные возбудители греха и главные за него воители».

«Так вот эти-то корни грехов и являются возбудителями всех помыслов, восстающих на человека, когда он готов сделать движение из области греха на сторону добра, – поднимают весь рой искусительных помышлений, смущающих, ужасающих, пресекающих путь. *Саможаление* вопит: что это за жизнь? Впереди видится один труд, тяготы, скорби, лишения, которым конца не видно, иди, как среди терний по колючкам голыми ногами, – поминутные уязвления!» *Чувствительность* подает голос: «и ту вещь оставь и другую, и то перестань делать и другое, – словом, все, в чем я находил вкус, – а занимайся только духовным! Это отвлеченно, сухо, непитательно, безжизненно». «Что скажут? – Сочтут странным и чуждаться станут; между тем надо порвать и ту, и ту связь, – как же быть после? А вот с этой стороны и вражды еще жди». Это вопль *человекоугодия*. А вот вопль *земляности*: «будущее, конечно, будет, – кто против этого спорит, – но ведь далеко еще, а тут-то как прожить? Живали же другие... Земное мы знаем, а там что? Это – в руках, а то – где оно?»

«Да, приступит человек работать Господу, все это и завопит на него. И добро бы это были легкие какие-нибудь помышления, а то нет: они проходят до глубины души, поражают и влекут на свою сторону так, как если бы кто зацепил удоем за живое тело и тянул к себе. «Что тут делать человеку?»

«Помощь близ... Ты только усилия употребляй – и одолеешь, но употребляй усилия целесообразно. Молитвенно утвердившись в самоуничиженном предании себя воле Божией и вседействию благодати, –

а) «Спеши прогнать все эти помыслы из души, вытесни их из сознания особым напряжением самодеятельности, втесни их опять в то сокровенное место, из которого они вышли и возврати покой сердцу, потому что, пока не успокоится сердце, ничего нельзя будет делать дальше. Для сего, на первый раз, не занимайся с ними несколько и не вступай в беседу, хотя бы и не мирную. Толпа необразованных скоро разбегается, если

поступить с ними сурово с первого раза; если же скажешь снисходительное слово одному, другому, третьему, – они набираются смелости и делаются настойчивее в своих требованиях. Так и толпа искусительных помыслов становится безотвязнее, если позволить им сколько-нибудь замедлить в душе, а тем более, если войти с ними еще и в переговоры. Но если их с первого раза оттолкнуть сильным напряжением воли, отвержением и обращением к Богу, то они тотчас удалятся и оставят атмосферу души чистой».

б) «Но пусть прогнано это мрачное полчище злых помыслов, пусть сердце опять спокойно и стало на душе светло, – помнить надобно, что тут для дела своего собственно ничего еще не сделано. Эти враги все еще живы. Они только вытеснены из внимания и, может быть, намеренно скрылись, чтобы в нечаянном нападении в благоприятное время тем вернее возвратить себе победу. Нет, на этом никак не следует останавливаться, иначе ни покоя, ни успеха не будет. Их надо умертвить, выманить и заковать на жертвенник самоотвержения».

«Итак, снова утвердившись в молитвенном предании себя Богу и благодати Его, вызывай каждого из возбудителей греха и старайся отвратить от них сердце и обратить его на противоположное, – этим они будут отрезаны от сердца и должны будут замереть. Для сего дай свободу здравому рассуждению, а по следам его веди и сердце. Просветленное истиной и вспомоществуемое сокровенно действующей благодатью, рассуждение твое а) пусть сначала представит все безобразие сих, можно сказать, исчадий ада; ты же понудь сердце свое восчувствовать *отвращение* к ним; б) потом пусть живее изобразит опасность, в какую они ввергают, пусть укажет в них самых злых врагов; ты же подвигни сердце свое возыметь к ним *ненависть*; с) затем пусть полнее изобразит перед тобой всю красоту и сладость жизни, в которую вступить они мешают, всю прелесть свободы от сих тиранов; ты же сердце свое, уже возымевшее отвращение и ненависть к ним, направи устремиться от сих к тем, как елень на источники водные. Этим будет достигнуто требуемое. Коротка программа, но дело

совершится, может быть, и не так скоро. Тут означены только стороны, на какие должно обратиться рассуждение, нить же самого рассуждения – вести и довести до цели надо всякому самому; своеличному рассуждению видна действенная и сильная мысль в том или другом отношении. Ведать, впрочем, надо, что рассуждение – рычаг, все же дело – в поворотах сердца. Можно сказать, что коль скоро произойдут в сердце указанные повороты, то мы – у цели».

в) «Этот труд есть самый существенный в деле перелома воли. Надо и энергично производить его и не отступать, пока сердце не дойдет, в сих поворотах своих, до последних пределов; последние же пределы суть *противочувствие* греховным возбуждениям, – расположения, противоположные коренным требованиям греха. Таким образом, все надо трудиться над собой, пока, вместо *саможаления*, не возродится *безжалостность* к себе и непоощаение, не восчувствуется жажда страданий, желание умучить себя, истомить и тело свое и душу; пока вместо *человекоугодия* не образуется, с одной стороны, отвращение от всех недобрых обычаев и связей, некоторое враждебное, с раздражением, противление им, а с другой – *обречение* себя на все неправды и все поношения людские; пока вместо *вкуса* только в одном вещественном, чувственном, видимом, придет *безвкусице* к ним и омерзение и зачнется искание и жаждание одного духовного, чистого, божественного; пока, вместо *земности*, ограничение жизни и счастья только землей, не исполнит сердца чувство *странничества на земле*, с единственным стремлением к отечеству небесному».

«Когда образуются такие расположения, тогда все опоры греха будут подорваны. Он потеряет стойкость и власть определяющую, которая переходит теперь к самому человеку. Грех извергнут вон, стал вне. С сей минуты он уже будет искушающим, а не определяющим. И всякий раз стоит только привести в движение стяженные теперь противочувствия ему, чтобы прогнать его. Из сего видно, какой великой важности есть описываемый теперь труд: им образуется внутри нас из нас новое лицо, с решительным отвращением от зла и

направлением к добру, – совершается перелом воли, вследствие которого все в нас должно принять новый порядок».

«Вот человек стоит уже на самом краю области греховной; ничто не отделяет его от страны света, свободы и блаженства. Узы спали, легко и отрадно на душе; она готова воспарить к Богу. Но коварство врага еще не истощилось. Еще есть у него стрела, которую приберег он к последней минуте. Только что душа напряжет свои силы, чтобы сделать последний шаг из области самоугодливого греха, как поражает ее внимание жалобный вопль «еще день, и довольно, – завтра преступишь сию границу». Потому ли, что в предыдущей борьбе душа утомляется и требует отдохновения, или потому, что уж таков закон у греха, только голос сей слышится. Тут нет противления добру, а только прошение – несколько поослабить приобретенное напряжение. Это вопль самый обольстительный: враг стоит будто за нас, умоляет, чтобы мы сжалились над собой, но склонись только мало на сей вопль, на это внушение, и все потеряешь, что приобрел. Тайными какими-то путями те, прогнанные возбудители греха прокрадутся к сердцу, без нашего ведома совершат с ним прелюбодейство – и все расслабят и расстроят, что было задумано, так что, пришед в себя, человек видит себя на старой линии, как будто ничего и не предпринимал делать над собой. Холодность, дебелость и неподвижность опять одолевают его, – хоть начинай сначала все, что, казалось, уже было пройдено. Поэтому, не презирай сего малого будто бы требования: оно мало и ничтожно на вид, но на деле есть сокращение всего зла, есть прелестное представление рабства в виде свободы, льстивое дружество, скрывающее непримиримого врага. Возненавидь его всей ненавистью и, как только заметишь, – а он пролетает быстро, как молния, – спеши изгладить след его так, чтобы знака его не оставалось. Поставь себя опять в то же состояние, в каком был пред сим, и в том же напряжении, внутреннем и внешнем, решишь держать себя навсегда. Поразив и сего врага, ты останешься решительным победителем, взявшим себя в свои руки, станешь сам полным владыкой»⁵⁷.

Подвизающийся твердо решился оставить грех и начать новую духовную жизнь; но этого однако еще не достаточно, чтобы немедленно же приступить к деятельности. Существенно необходимо еще посвятить ее Богу. Иначе нравственность будет только естественная, языческая. Христианин должен делать добро не потому только, что оно добро, что этого требует нравственное достоинство человека, но главным образом в том убеждении, что оно есть жертва, угодная Богу. Цель творения разумного существа на земле не в нем самом, а в служении и прославлении имени Божия. Господь наделил человека нравственной свободой и в ней как бы уступил ему некоторую часть Своей Божественной власти, но с тем, чтобы человек сам произвольно принес свободу в жертву Богу, как высшее и совершеннейшее приношение. Чтобы иметь надежду быть принятым в новую жизнь, прежде всего нужно сознаться и раскаяться в неправоте прежнего порядка, нужно очиститься и получить прощение прежних грехов, а чтобы вступить в нее и начать действовать, необходимо предварительно воссоединиться с Богом и запастись духовными силами нести ее. Первое дается в таинстве покаяния, а второе в причащении. Покаяние существенно необходимо для решившегося идти путем добродетели, особенно в видах успокоения его совести, тогда еще тревожной и неустойчивой. Если свойство нашей совести таково и в обычной обстановке, что мы не решаемся предстать пред оскорбленным нами лицом до тех пор, пока не получим уверенности, что прощены им; то тем более нужно сказать это относительно обращения к Богу. Хотя верующий, давши обет оставить грех, уже получил некоторую надежду на принятие в новую жизнь, но это только его личная, робкая мысль и предположение, ничем и никем не удостоверенные. Для полного убеждения и вместе устойчивости своего внутреннего настроения ему необходимо свидетельство стороннего авторитетного лица, каковым в таинстве покаяния в полной мере является служитель алтаря Господня, разрешающий грехи от лица Самого Бога. Тогда кающийся вычеркивается на небе из списка осужденных, что ему также необходимо пред вступлением в новый мир. Без того не может

быть доступа и притока спасающей благодати. Истинная христианская жизнь состоит в общении со Христом. Желаящему вступить в нее должно воссоединиться с Господом, что возможно только в таинстве причащения, где под видом хлеба и вина Сам Господь входит внутрь верующего и вселяется в него. Всякая жизнь для своего поддержания и развития нуждается в соответствующем питании, особенно на первых порах. Такой действительной духовной пищей для верующего является тело и кровь Спасителя, Который Сам сказал: *плоть Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво*. Как начальная физическая пища сообщает характер нашей телесной природе и становится постоянной ее потребностью, так и первое достойное причащение тела и крови Господа положит основу и сделается неизменной принадлежностью всего последующего нравственного преуспевания подвижающегося. Поэтому он должен спешить воспользоваться этим неиссякаемым благодатным источником духовной жизни.

«Казалось бы, что все уже сделано, если принята решимость оставить грех и остается только действовать. И точно, можно действовать; но что это будет за деятельность и что за дух в ней? Человек остановился только еще на себе. Если он станет действовать, отправляясь от сей точки, то будет действовать от себя и для себя, хоть и в нравственном порядке. Это будет нравственность эгоистическая, языческая. Есть люди, которые говорят, что делают добро, как добро, – делают это потому, что достоинство человека того требует, или потому, что действовать иначе было бы неблагородно, неблагоразумно. Все такие делатели обличают, что образование в них внутреннего, нравственного человека не доведено до конца: они возвратились к себе, но от себя к Богу не подвиглись и себя Ему в жертву не принесли, – остановились, значит, на полдороге. Цель свободы человека не в ней самой и не в человеке, а в Боге. В свободе Бог уступил человеку как бы некую часть Своей Божественной власти, но с тем, чтобы он сам произвольно принес ее в жертву Богу, как совершеннейшее приношение. И потому, если возобладали ты собой, иди, отдай теперь себя Богу. Когда грешил ты, то не себя только терял, но,

теряя себя, отдалялся и от Бога. Теперь, возвращаясь из греховного плена, после того как возобладал ты собой, возврати себя и Богу».

«Казалось бы также, что и обращение от себя к Богу должно быть делом и не трудным и не многосложным, как например, обращение с запада на восток. Но, ведь, грешник, приступающий к Богу, не есть лицо от Него независимое и приближается к Нему не так, чтобы за ним ничего не было. Нет, он то же, что беглый раб, возвращающийся к своему господину, что виновный, являющийся пред лицо царя-судии. Надо посему приступить так, чтобы быть принят. В человеческих порядках господин принимает раба и царь возвращает милость виновному, когда, приступая к ним, каждый из них сознает вину свою, раскается в ней и дает искреннее обещание быть вперед совершенно исправным. То же – и в возвращении грешника к Богу. Он будет принят Богом, если а) сознает свои грехи, б) раскается в них и в) положит обет не грешить. Это – необходимые акты в сердечном воссоединении с Богом, от которых зависят твердость в новой жизни, совершенство в ней и благонадежность неизменного действия по ее требованиям. Блудный сын, возвращаясь ко отцу, говорил реку: *согреших* – сознание греха; *несть достоин* – окаявание себя; *приими, яко единого от наемников* – обет работать».

«Что особенно делает необходимым таинство покаяния, так это, с одной стороны, свойство греха, а с другой, – свойство нашей совести. Когда мы грешим, то думаем, что не только вне нас, но и в нас самих не остается следов греха. Между тем он оставляет глубокие следы и в нас, и вне нас, – на всем, что нас окружает, и особенно на небе, в определениях божественного правосудия. В час греха решается там, чем стал согрешивший: в книге живота он внесен в список осужденных – и стал связан на небе. Божественная благодать не низойдет на него, пока на небе не изгладится он из списка осужденных, пока там не получит он разрешения. Но Богу угодно было небесное разрешение – небесное изглажение из списка осужденных поставить в зависимость от разрешения связанных грехами на земле. Итак, прими таинство покаяния, чтобы сподобиться

Всестороннего разрешения и открыть в себя вход духу благодати. Совесть, теперь возочищенная, возвратившая нежность и чутье к нравственному порядку, не даст покоя, пока решительно не уверимся в прощении. Такова она в обыкновенном порядке нашей жизни; не дает она нам и на глаза показаться к тому, кого оскорбили, пока не уверимся, что он простил нас. В отношении же к Богу она еще разборчивее. Хотя в то время, когда человек возвышается до решительного обета, сходит на него некоторое уверение, что он теперь не противен Богу; но эта уверенность – своя и прочна быть не может, – ее скоро поколеблет сомнение: «да так ли, да не самообольщение ли это»; а сомнение внесет тревогу внутрь, от тревоги же – расслабление. При этом жизнь не будет иметь ни твердости, ни стройности. Итак, надобно человеку услышать всепрощение от лица Божия, чтобы, окончательно успокоившись уверенностью в милости Божией, действовать потом решительнее и тверже в этой уверенности. Поди же, исповедуйся – и получишь от Бога объявление о прощении».

«В притче о блудном сыне, отец, приняв возвращающегося к нему с раскаянием сына, после того, как, падши на выю его, облобызал его в знак всепрощения, – повелел одеть его и готовить вечерю светлую и отрадную. Родительское сердце не довольно было прощением, – оно решительнее хочет уверить сына в своем с ним примирении и сильнее выразить радость свидания с ним по расставании столь горестном. Отецеская любовь дает то, чего и не ожидала сыновняя надежда. Какой грешник мог ожидать большего чего-нибудь после того, как получил всепрощение? И вот, однако ж, он приглашается еще и на вечерю Господню, где Господь Сам дает ему плоть Свою ясти и кровь Свою пити. Это – венец щедродательности к обращающемуся грешнику, и однако ж не избыток, а существенная необходимость в воссоединении с Господом».

«Жизнь христианская есть жизнь в Господе Иисусе Христе. Уверовавший облачается во Христа и живет Им. Падший по крещении теряет эту благодать; восставая от падения и возвращаясь к Господу, ему опять надо сподобиться ее, – и сподобляется в св. причащении. *Ядый Мою плоть и пий Мой*

кровь во Мне пребывает и Аз в нем, говорит Господь (Ин. 6:56). Тут в кающемся и начало жизни о Христе Иисусе. Господь сказал, что Он есть лоза, а верующие в Него – ветви (Ин. 15:4–6). Ветвь не живет, если она не на лозе; так и верующие не живут, если не в Господе. Нигде нет жизни истинной, как только в этой лозе. Что не на ней, то мертво. Посему, кто хочет жить истинно, тот должен привиться к ней, принимать от нее соки жизненные и жить, питаясь ими. Привитие и совершается во св. причащении, – здесь христианин становится единым с Господом. Когда Господь руководил только грешника к полному покаянию, то толкал лишь в двери сердца; когда же отверзаются они сокрушением и покаянием, – Он входит внутрь и вечеряет с причастником».

«Теперь человек рождается вновь. Начинается у него жизнь совершенно в новом роде. Жизнь не может продолжаться без пищи, и притом пищи сродной себе. А такого-то рода пища и есть тело и кровь Господа. Сам Он сказал: *плоть Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво* (Ин. 6:55). Ими и должно начавшему новую жизнь питать сию жизнь. Тем паче необходимо вкусить сей нищи на первых порах, при первых, так сказать, движениях новой своей жизни. Говорят, что первая пища имеет влияние на характер телесной жизни и после составляет постоянную потребность тела. Какой же должен быть характер жизни у покаявшегося? – Жизнь о Христе Иисусе, Господе нашем. Что должно составлять постоянную потребность его? – Потребность общения с Господом. Пусть же спешит на первых движениях сей жизни вкусить тела и крови Христовых, чтобы положить, так сказать, основу жизни сообразной с Христом и зародить живую потребность постоянного с Ним общения посредством сего вкушения. Вкушающий, ощутив сладость сей манны небесной, уже не может потом не алкать и не жаждать больше и больше сего вкушения»⁵⁸.

В новую жизнь христианин вступает с одним добрым и ревностным стремлением служения Богу. Чтобы это стремление осуществить на деле и достигнуть конечной цели – живого Богообщения, он неизбежно должен пройти длинный, потовый

труд подвигов внешнего доброделания и внутреннего очищения. Успех тут в значительной мере зависит от степени и силы первоначальной ревности, которую подвизающийся прежде всего и должен укрепить. Желаящему сохранить неугасаемой ревность необходимо: 1) пребывать внутри, 2) зреть новый мир и 3) стоять в чувствах и помышлениях, приведших к новой жизни. Пред началом всякого важного дела человек обыкновенно сосредотачивает все свои силы на нем и усчитывает все средства, которыми он может располагать для совершения его. В отношении духовного подвига подобная подготовка дается в акте, так называемого, внутри пребывания. Последнее есть заключение сознания в сердце. Когда человек в своем сердце пробудился от греховного сна, тогда восстановленный дух проникает туда своим сознанием и начинает собирать и привлекать к сердцу все душевные и телесные силы. Это внутри пребывание не то же, что углубление при размышлении или дума, хотя много походит на него. Последнее состоит только в напряжении ума и держится в голове, оставляя другие силы не занятыми; а первое сосредотачивается в сердце, источнике и центре всех наших внутренних движений, ниже и глубже всего, что в нас происходит, так что все происходящее совершается уже поверх его, пред его глазами, при чем одно одобряется, а другое запрещается. Эта внутренняя собранность есть истинный показатель духовной мощи и первое условие господства подвизающегося над самим собой. Собранный всегда силен, подобно войску, приведенному в боевой порядок или пуку прутьев, слабых в одиночку и сильных в связке. Несобранный же всегда слаб и или ничего доброго не делает или, начавши делание, скоро падает. Тут наблюдается явление подобное тому, как владетелем города считается тот, кто занимает крепость. Всякое духовное дело неизбежно должно начинаться со внутреннего сосредоточения. Что бы ни предпринимал подвизающийся, прежде всего должен войти внутрь себя и оттуда уже начинать действовать. Эта глубоко жизненная истина ясно указана в Евангелии, когда Спаситель говорит: «Царствие

Божие внутри вас есть» и для начала всякого духовного дела заповедал: «вниди в клеть (сердце) твою и затвори двери».

Вступивший внутрь себя стоит на пороге новой жизни, пред дверьми нового духовного мира. «Старайся войти в храмину, находящуюся внутри тебя, и увидишь храмину небесную», – говорит один из св. отцов. Чтобы поддержать и возгревать дух ревности к хождению в новой жизни, необходимо с одной стороны все строение духовного мира так ярко напечатлеть в своем сознании, чтобы он всегда живо представлялся нам, а с другой стороны необходимо воспринять его чувством, глубоко войти и слиться с ним. Все строение духовного мира может быть кратко выражено так: «Бог единый, в Троице поклоняемый, вся сотворивший и вся содержащий воссоставляет, или по апостолу, возглавляет всяческая в Господе нашем Иисусе Христе (Еф. 1:10) чрез Духа Святого, в св. Церкви действующего, Который, по усовершении верующих, переводит их в другой мир, что и будет продолжаться до времени исполнения всех, или кончины века, когда, по воскресении и суде, воздастся каждому по делам: одни ниспадут в ад, другие вселятся в рай, и Бог будет всяческая во всех».

«Это – всеобъемлющая рама всего истинно-сущего, бывающего и имеющего быть. Здесь сокращенно все содержание божественного откровения. Все возможное и действительное входит сюда и есть здесь. Это также содержание символа веры. Главнейшие предметы здесь: вседержительство Божие, домостроительство спасения и четыре *последних* – смерть, суд, рай и ад. Эти именно предметы святитель Христов Тихон заповедует всем христианам непрестанно помнить, от младенчества до гроба».

Чтобы твердо установиться в явлениях нового мира, необходимо понуждать себя «воззреть на сии предметы сколько можно чаще, с желанием непрерывного зренья их. С первой минуты пробуждения к сознанию, войди внутрь и со всевозможным напряжением вставляй себя в этот строй и порядок. Сначала лучше устанавливать взор на одном каком-либо предмете и зреть его, пока напечатлется он, а потом переходить к другим. Когда переберутся все, тогда и весь строй

может быть сознаваем в один миг. Иные распределяют это делание по дням, иные – по частям дня: например, о смерти, после обеда, – как кто найдет удобным, или к чему сознает подвижнейшим дух свой. Только одного закона должно держаться, не переменять часто, ибо это отнимает у делания весь плод».

«В пособие к успешнейшему прохождению сего делания и совершенству в нем можно взять место св. Писания, относящееся к тому или другому предмету, и повторять его непрестанно в продолжении дня или более, например: *камо пойду? – предлежит единою умрети, потом же суд... Собираеши себе гнев в день гнева... Несть иного имени, о немже подобает нам спастися*, и проч.; иметь картину смерти, креста или суда страшного и поставить в таком месте, чтобы она как можно чаще и невольно ударяла в глаза; избирать книги и статьи, резко изображающие сии предметы, и беседы, если случатся с единомышленным, вести более о том же; чаще поминать суды Божии невидимые и неожиданные, случаи смертные, умерших родных и их состояние, видеть себя на одре смертном, смотреть на похороны. Все это резче действует на дух человека, если он стоит в этих предметах во время молитвы. При помощи Божией, таким порядком напечатление совершается очень быстро. Надобно только напечатленный в молитве предмет не кидать потом, а ходить с ним, пока можно, хотя бы и несколько дней, стараясь поддерживать впечатление то писанием, то чтением, то беседой, то другими способами».

«Такое зрение другого мира способно содержать и возгревать дух ревности тем, что доставляет истинное поприще для действия ревнующему духу. «Ты – не здешний, – говорит Златоуст, – а из другого мира; следовательно, и действовать должен как бы в том мире, а для того и зреть его». С другой стороны, кто зрит его, тот постоянно будет иметь пред глазами как бы норму какую и образчик, напоминающий, чтобы не уклониться, не сделать чего-нибудь криво. Это хорошо и тогда, когда кто умом только зрел эти предметы. Если же кто дойдет до блага воспринять их в чувстве хоть чуть-чуть, у того они возводят мгновенно ревность до великого напряжения. И

что из этого ни было бы принято чувством, оно того, кто принял, не допустит до греха. *Помни учит Сирах, последняя твоя, и во веки не согрешиши. Предзрех*, свидетельствует пророк Давид, *Господа, да не подвижуся*. Макарий Великий был иссушен, как сам он говорит, памятью огня геенского; другие же плакали непрестанно от памяти смертной. И множество есть изречений у св. отцов относительно сих предметов и относительно того, как сильно они напрягают дух человека и возгревают ревность. Пришедший в чувство их, зрит себя в великой тесноте, а в крайностях, известно, как бывает сильно напряжение»⁵⁹.

Вступивший на путь новой жизни прежде всего должен устроить свою внешнюю обстановку по духу ее и начать подвиги добродетели. Все относящееся к новому внешнему порядку можно назвать удалением от мира; но последнее означает главным образом не то, чтобы бегать человеческого общества, а оставить нравы, привычки и требования, противоположные духу Христову. Оставить мир есть ни что иное, как перечистить всю свою жизнь, устранить из нее все страстное, заменить чистым, не мешающим развитию духовных начал, а помогающим ему. Лучшее и совершеннейшее поприще для сего путь иночества. Доброделание начинается с внешних подвигов и заканчивается внутренним очищением сердца. Указать необходимые благочестивые упражнения не трудно, стоит только перечитать несколько житий христианских подвижников. Пост, труд, бдение, уединение, молитва с чтением слова Божия и св. отцов, говение с исповедью и причащением, дела милости телесной и духовной – все это в совокупности, а иногда преимущественно в одних каких-нибудь частях, можно встретить почти в каждом житии св. угодников Божиих. Во всех подобных добродетелях подвизающийся упражнялся и на предыдущих ступенях своего духовного преуспевания, но тут они получают высший и совершеннейший вид, имеют характер истинного подвига. Молитва нередко является непрестанной, в виде постоянного предстояния и хождения пред лицом Божиим; пост простирается до совершенного неядения в течение продолжительного времени, говение с исповедью и причащением – до степени непрерывного, ежедневного и т. д.

Преосв. Феофан подробно указывает предметы и содержание подвигов как для тела, так и для души, даже отдельно для ума, сердца и воли, и не менее обстоятельно излагает руководственные правила к жизненному применению их. С особенной любовью он останавливается на созидании добрых настроений сердца. Мы уже видели мысли святителя о воспитании сердца человека под влиянием и воздействием христианского богослужения среди обычной, мирской обстановки. Теперь послушаем, что говорит о том же предмете в назидание и руководство ищущим духовного совершенства писатель – сам великий подвижник.

«Образовать сердце значит воспитать в нем вкус к вещам святым, божественным, духовным, чтобы, обращаясь среди их, оно чувствовало себя как бы в своей стихии, находило в том сладость, блаженство, ко всему же другому было равнодушно, не имело вкуса и даже более – имело к тому отвращение. К сердцу сходится вся духовная деятельность человека: в нем отпечатлеваются истины, в него внедряются и добрые расположения; но главное, собственное его дело это показанный нами вкус. Когда ум зрит все строение мира духовного и разные его предметы, или в воле спеются разные благие начинания, – сердце под ними должно во всем этом ощущать сладость и издавать теплоту. Это соуслаждение духовному есть первый признак оживления умершей души от греха. Потому образование его – очень важный момент даже в начатках».

«Делание, направленное к нему, есть все вообще наше священнослужение во всех его видах – и общее и частное, и домашнее и церковное, а главным образом – движущийся в нем дух молитвенный».

«Священнослужение, т. е. все дневные службы, со всем устройством храма, иконами, свечами, каждением, пением, чтением, действованием, а также службы на разные потребности, потом служение домашнее, тоже с вещами церковными – освященными иконами, елеем, свечами, водой святой, крестом, ладаном – вся эта совокупность вещей священных, действующая на все чувства – зрение, слух, обоняние,

осязание, вкус – суть оттиратели чувств у омертвелой души, сильные и единственно верные. Душа омертвела от духа мира, обладающего ею через живущий в ней грех. Все строение церковнослужения нашего и своим строением, и значением, и силой веры, и особенно сокрытой в нем благодатью – имеет непреодолимую силу отвеать дух мира и, освобождая душу от его тяготеющего влияния, дает возможность вздохнуть как бы свободно и вкусить сладость этой духовной свободы. Вступивший в храм вступает совсем в другой мир, влияется от него и соответственно тому изменяется. То же бывает и с тем, кто окружает себя священными вещами. Частость впечатления духовного спешнее проникает внутрь и скорее оканчивает преобразование сердца. Итак:

1) Следует учредить возможно частое пребывание в храмах на церковных службах и обыкновенно на утрени, литургии, вечерне. Иметь стремление к тому и, при первой возможности, быть там каждодневно и хоть однажды, а если можно, даже безвыходно. Наш храм есть рай на земле или небо. Спеши в храм по вере, что он – место селения Божия, где Он Сам обещал скорее услышать; пребывая в храме, будь, как пред Богом, в страхе и благоговении, которые вырази терпеливым стоянием, поклонами, вниманием к слушанию вообще, без расхищения мыслей, ослабления и небрежности.

2) Следует не забывать и других священнослужений, частных, в храме ли то, или в доме совершаемых, а равно и своего домашнего молитвования со всем церковным устроением. Должно помнить, что это есть только дополнение некое служения церковного, а не замена его. Апостол, заповедуя не лишать себя собраний, давал знать, что вся сила служения принадлежит служению общему.

3) Следует совершать все церковные торжества, обряды и обычаи, вообще весь устав, и обложить себя им во всех исходищах, так чтобы постоянно пребывать как бы в некоторой особой атмосфере. Это сделать легко. Таково устроение нашей Церкви. Прими только с верой».

«Но главным образом, что дает силу церковному служению, это – молитвенный дух. Молитва – это есть как обязанность

всеобъемлющая, так и средство вседейственное. Ею и истины веры напечатлеваются в уме, и добрые нравы – в воле; но преимущественно оживляется сердце в чувствах своих. Тогда только спешно идут и первые два, когда есть это одно. Потому образование молитвы должно быть начато прежде всего и продолжаемо постоянно, неумоимо, пока не даст Господь молитву молящемуся»⁶⁰.

Труды добродетели требуют непрерывного напряженного усилия. Подвизающийся часто ослабевает и нуждается в возбуждении и обновлении духовной жизни, в питании и подкреплении своих нравственных сил. Лучшим средством к тому является учреждение говения со всеми его принадлежностями, с исповедью и причащением тела и крови Господа, и истинные подвижники не пропускают случая пользоваться им, восходя нередко до непрерывного говения. Ревнующим о непрестанном очищении своей совести и духовном обновлении спасительными таинствами покаяние и причащение необходимо:

1) «Всякий грех, тяготящий совесть, спешит очистить покаянием, не ожидая определенного времени говения. Хорошо и дня одного не держать его на душе, а еще лучше ни часа, ибо грех отгоняет благодать, лишает дерзновения и молитвы, черствит и охлаждает тем более, чем долее держится. Изверженный же через покаяние оставляет умиляющую росу слез.

2) Всякий день, отходя ко сну, творить частную исповедь ко Господу, в коей все греховное – в помыслах, пожеланиях, движениях страстных, равно все нечистое в делах правых открывается Богу, в чувстве покаяния, как такое, что хоть и против будто бы воли творится, однако же есть в нас и делает нас нечистыми и непотребными перед Богом и собственным чувством чистоты и совершенства. Ложась спать, отходишь как бы на тот свет; исповедь готовится к тому. Во время сна стяженное днем обращается в природу нашу, – должно перечистить его и непотребное отвергнуть с сокрушением; чисто все затем бывает.

3) Творить ежеминутно исповедь, то есть всякий помысел, всякое пожелание, чувство и движение порочное и нечистое тотчас по сознании исповедать Богу всевидящему, с сокрушением духа, и просить в том прощения и силы избежать впредь; равно как и очиститься в эту минуту от скверны. Это делание весьма спасительно. Оно то же, что протирать глаза, идя против пыли; оно требует строгого внимания сердца. Собранный же уже всегда усерден и ревностен. Напротив, оставляя помыслы и пожелания не изверженными сокрушением и покаянием, рану оставляют в сердце. А сколько бывает незамеченных ран, сколько приражений! Не диво, после сего, охлаждение и падение. Помысл к помыслу легче родит пожелание, пожелание к пожеланию – согласие, а там уж и прелюбодейство внутреннее и падение. Непрестанно же кающийся все возочищает себя и расчищает себе дорогу.

4) Иметь откровение, то есть всякое недоумение, смущение или новое разумение свое открывать другому единомышленному, или отцу своему духовному с тем, чтобы тот решал и определял достоинство и произносил суд.

5) Бывать, сколько возможно чаще, на литургии и, во время ее совершения стоять в крепкой и светлой вере в совершаемую тогда жертву Божию. Таинство тела и крови есть божественная для христиан пища и есть жертва. Причащаются на литургии не все и не всегда, но жертва приносится от всех и за всех. Все потому и должны участвовать в ней. Участвуют же верой, болезненным сокрушением о грехах, самоуничиженным припадением ко Господу, жрущему Себя, как агнца, за живот мира. Одно живое созерцание сего таинства сильно оживляет и возбуждает дух. Вера же и сокрушение всегда приносят очищение грехов, а нередко и сокровенное прикосновение Господа к сердцу христианина, услаждающее его и оживляющее, как бы причащение в духе.

6) Если нельзя быть в храме, то не пропусти часа священной и божественной жертвы без воздыхания и обращения к Богу; если можно, стань на молитву и сотвори несколько поклонов. Что-либо страшное в природе заставляет содрогаться всю тварь: гром, например, сотрясение земли,

буря. В минуту божественной жертвы, в храме совершается дело страшнейшее, величайшее на земле и на небе; но совершается невидимо, духовно, пред лицом беспредельного Бога Троидного, св. ангелов, всего сонма небесной Церкви, пред оком веры всех подвижающихся и живущих на земле, – невидимо, тем не менее, однако же, действительно. Потому-то верующему не должно пропускать этих минут без внимания. Но когда они помнятся, то самим этим памятованием разогревается дух и восхищается к Богу, чем и привлекается благодать».

«С самого начала христианства, истинные ревнители благочестия поставляли первым благом частое приобщение. При апостолах оно всюду: христиане все пребывают в молитвах и ломлении хлеба, то есть причащаются. Василий Великий в послании своем к Кесарию, говорит, что спасительно причащаться тела и крови на всяк день, а о своем житии пишет: «мы причащаемся четыре раза в неделю». И это общее мнение всех святых, что нет спасения без причащения, и нет преспеяния в жизни без частого причащения»⁶¹.

Однако нельзя ограничиться одной положительной деятельностью на пути к полному нравственному совершенству. В тесной и неразрывной связи с ней всегда идет напряженная отрицательная работа, направленная к изгнанию внутреннего зла, выражающаяся в борьбе «со страстями и похотьми». Самый навык и устойчивость в подвигах достигается чрез эту борьбу и брань, приобретается только после победы искушений и соблазнов. Теперь подвижник проходит самый трудный и высший момент – сокровеннейшее в глубине его духа самоочищение от внутренних врагов. Мы уже видели, как многочисленны и сильны эти враги и сильнейшие между ними – страсти. Они связывают человека как пленника, иногда так порабащают его, что он теряет образ и подобие Божие и нисходит до степени животного. Подверженный страстям не может и начать духовной жизни, ибо страсти убивают всякое семя и росток ее. Потому и необходимо всеми силами вооружиться на упорную борьбу с этими опаснейшими врагами. Можно указать следующие правила внутренней брани:

«Заметив приближение врага – начинающееся возбуждение или помысла, или страсти, или склонности, первое всего спешит сознать, что это враги. Для сознания в страстном врага не требуется большая головоломная работа. Довольно восстановить убеждение, что ко всему страстному не благоволит Бог. Великая ошибка, и ошибка всеобщая – почитать все, возникающее в нас, кровной собственностью, за которую должно стоять как за себя. Все греховное есть пришлое к нам; потому его всегда должно отделить от себя, иначе мы будем иметь изменника в себе самих. Кто хочет вести брань с собой, тот должен разделить себя на себя и на врага, кроющегося в нем. Отделив от себя известное порочное движение и сознав его врагом, передай потом это сознание и чувству, возроди в сердце неприязнь к нему. Это – самое спасительное средство к прогнанию греха. Всякое греховное движение держится в душе чрез ощущение некоторой приятности от него; потому, когда возбуждена неприязнь к нему, оно, лишаясь всякой опоры, само собой исчезает. И вот где позволителен и благопотребен гнев. У всех св. отцов нахожу, что гнев на то и дан, чтобы им вооружаться на страстные грешные движения сердца и прогонять их. Впрочем, это не всегда легко и не всегда возможно: легко поражать гневом помыслы, труднее – желания, но еще труднее – страсти, ибо они и сами суть сердечные движения. Когда это не помогает и враг не уступает таким образом победы без сражения, – мужественно, но без самовозношения и самонадеянности, вступай в борьбу. Началась брань, – храни преимущественно сердце: не давай доходить возникающим движениям до чувства, встречай их у самого входа в душу и старайся поразить здесь. А для сего спешит восстановить в душе убеждения, противоположные тем, на коих держится смущающий помысел. Такие противобуждения суть в мысленной брани не только щит, но и стрелы, – защищают сердце твое и поражают врага в самое сердце. С тех пор в том и будет состоять брань, что возникший грех будет постоянно отражаться мыслями и представлениями противоположными. Время продолжения ее зависит от многообразных обстоятельств, кои определить совершенно

невозможно. Не должно только ослабевать и сколько-нибудь, даже в мысли, склоняться на сторону врага. Врага должно преследовать до тех пор, пока и следов его не останется; иначе даже простой помысл, оставленный в сердце, как злое семя, принесет свой плод, в неприметном склонении к себе души»⁶².

Впрочем далеко не всегда подвизающийся может рассчитывать на успех в этой внутренней войне. Она ведется обычно с переменным счастьем. Иногда приходится переживать такие трудные, критические моменты, когда человек совершенно изнемогает, теряет под собой почву и готов впасть в отчаяние. Тогда-то он ясно сознает недостаточность своих сил и нужду в сторонней помощи. И эта помощь приходит к нему со стороны той же спасающей благодати, которая раньше возбудила его от сна греховного и указала новый путь жизни. Дух наш тогда является только поприщем и органом брани, силой же победительной и разрушительной бывает благодать Божия. Борющийся с воплем повергает себя Господу, жалуясь на врагов и ненавидя их, и божественная благодать в нем и чрез него поражает и изгоняет их.

«Брань кончена. Благодарите Господа за избавление от поражения, но не предавайтесь чрез меру радости спасения, не попускайте беспечности, не ослабляя ревности, – враг часто притворяется только побежденным, чтобы, когда ты предашься чувству безопасности, нечаянным нападением тем легче поразит тебя. Потому не снимай бранных оружий и не забывай предохранительных правил. Будь всегда бодрым и бдительным воином. Сядь лучше и расчисли добычу; осмотри весь ход брани – ее начало, продолжение и, наконец, что подало повод к ней, что особенно усиливало и что положило ей конец. Это будет своего рода дань с побежденных, которая чрезвычайно облегчит будущие победы над ними; так стяжевается, наконец, духовная мудрость и опытность подвижническая. Не говори никому о победе. Тщеславие, которого при сем избежать нельзя, отворит двери душевного укрепления и после победы над одним врагом должно будут сражаться с целой их толпой. Если же и поражен будешь, – сокрушайся, но не бегай от Бога, не упорствуй; спеши умягчить сердце и довести его до раскаяния.

Нельзя не падать; но можно и должно, упавши, восставать. Бегущий спешно, если и споткнется на что, спешно встает и опять устремляется по пути к цели, – подражай ему. Господь наш подобен матери, которая ведет дитя за руку и не покидает его, хотя бы оно очень часто спотыкалось и падало. Лучше, вместо бездейственного уныния, ободрись к новым подвигам, извлеки из настоящего падения урок смирения и осмотрительности, чтобы не ходить там, где скользко и где нельзя не падать. Если не изгладишь греха искренним раскаянием, то, получив некоторую в тебе крепость, он неминуемо повлечет тебя вниз, на дно грешного моря. Грех возобладает тобой и тебе опять нужно будет начинать с первой брани; но, Бог знает, будет ли возможно это. Может быть, предавшись теперь греху, ты перейдешь черту обращения, может быть, после уже не найдется ни одной истины, которая могла бы поразить твое сердце: может быть, даже тебе не будет дарована и благодать. Тогда еще здесь ты будешь принадлежать к числу осужденных на вечное мучение»⁶³.

За свои усиленные духовные труды подвижник удостоивается высшей, возможной для человека на земле награды – ощущения близости Божества и сладости богоугодной жизни, и тогда он вступает на истинный путь восхождения к живому Богообщению. Последний, решительный шаг в этом направлении, самое преддверие его есть отложение всякого житейского попечения о себе и мире и совершенное предание воле Божией. Тогда благодать Божия освящает все существо человека и Господь вселяется в него, начинается живое и действительное богообщение при полном слиянии божественных и человеческих начал жизни, когда подвижник по справедливости может сказать о себе вместе с апостолом: «живу же не к тому аз, но живет во мне Христос». Истинная сфера и поприще этого неземного состояния есть непрестанная умная молитва. «Стремление к Богу – цель. Но сначала оно – лишь в намерении, искомое. Должно сделать его действительным, живым, как естественное тяготение, сладостное, охотное, неудержимое. Только такого рода тяготение и показывает, что мы – в своем чине, что Бог

восприимлет нас, что мы идем к Нему. Когда железо тянется к магниту, это значит, что прикасается к нему сила магнитная; то же и в духовном отношении: тогда только и видно, что Бог касается нас, когда это есть живое стремление, – когда дух, минуя все, устремляется к Богу, восхищается. Сначала не бывает этого, – человек ревнующий весь обращен на себя, хоть и для Бога; но это воззрение на Бога есть только мысленное. Еще Господь не дает вкусить Себя, да и человек неспособен, потому что нечист. Он служит Богу, так сказать, безвкусно. Потом, по мере очищения и исправления сердца, начинает ощущать сладость в богоугодной жизни, с любовью и охотой ходить в ней, – она становится его улаждающей стихией. Душа начинает отрываться от всего, как от холода, и тяготеет к Богу, согревающему ее. Полагаются начатки сего тяготения в духе ревнующем божественной благодатью. Ее же наитиями и руководством и зреет оно среди указанного порядка, коим питается даже без ведома самого действующего. Знамение сего рождения суть: охотное, тихое, не напряженное внутри – пребывание пред Богом, сопровождаемое чувством благоговения, страха, радости и т. п. Прежде внутри себя втеснял себя дух, а теперь сам устанавливается там и стоит неисходно. Ему радостно быть там одному с Богом в удалении от других, или без внимания ко всему внешнему. Он обретает внутри себя царство Божие, которое есть *мир и радость о Духе Святе*. Такое погружение внутрь, или погружение в Бога, называется умным безмолвием или восхищением к Богу. Бывает оно преходящим, но должно сделать его постоянным, потому что в этом – цель. Бог в нас, когда дух наш в Боге истинно, ибо это есть не мысленное общение, а живое, безмолвное, отчужденное от всего, погружение в Бога. Как луч солнца уносит каплю росы, так и Господь восхищает дух, прикасаясь к нему. *Взя мя дух*, говорит пророк. Многие из святых бывали постоянно в восхищении к Богу, а на иных дух нападал временно, но часто. Так и зачинается, и зреет, и совершенствуется такое тяготение, или вступление в Бога, божественной благодатью в том, кто ищет Бога искренно, добросовестно, усердно».

«Существенное условие для сего есть очищение сердца для принятия влекущего Бога: *чистии сердцем Бога узрят*".

«Решительный же шаг в восхождении к Богу, самое преддверие богообщения есть совершенное предание Ему себя, после коего Он уже есть действующий, а не человек. В чем вся сила, или чего мы ищем? – Богообщения, того, то есть, чтобы Бог вселился в нас и начал ходить в нас, облекся как бы в наш дух, правил и его разумом, и волей, и чувством, чтоб еже *хотети и еже деяти в нас* было бы Его делом, чтоб Он был действующий все во всем, а мы сделались бы орудиями Его, или деемыми от Него, и в помышлениях, и хотениях, и чувствах, и словах, и делах. Этого ищет Господь, владыка всяческих, ибо Он один все в тварях делает чрез твари же. Того же должен искать и понявший себя дух».

«Условие к сему боговселению в нас и воцарению, или приятию вседействия, есть отречение от своей свободы. Свободная тварь, по своему сознанию и определению, действует сама от себя; но этому не должно быть так. В царстве Божию не должен быть кто действующий сам, но чтобы во всем действовал Бог; а этого не будет, пока свобода сама стоит, – она отрицает и отвергает силу Божию. И тогда только прекратится это управство против силы Божией, когда падет пред Ним наша свобода, или самостоятельная и самоличная деятельность, когда в человеке произносится решительное прошение: «Ты, Господи, твори во мне, что хочешь, а я и слеп и слаб».

«В этот-то момент вступает сила Божия в дух человека и начинает вседействие свое. Итак, условие боговселения в нас есть решительное предание Ему себя». Полное предание человека Божественной воле есть акт невидимый, внутреннейший и сокровеннейший, но он нередко обнаруживается и во внешней деятельности. Раздаяние всего имения, предание себя всеобщему поруганию (в юродстве), затвор, пустыничество – вот более часто наблюдаемые проявления его. Это такие повороты жизни, после которых некуда более обращаться, как к Господу. Так подвижающиеся прямо повергают себя в руки Божии и Им приемлются.

«Предавший себя Богу, или удостоившийся сего дара, начинает быть действуемый от Бога и пребывать в Нем. Человек повергает себя Богу, и Бог возьмет его и действует в нем, или его силами. В этом – жизнь духа нашего истинная, божественная. Повергающий себя в руки Божии приемлется от Бога и действует тем, что приемлет. Это живой союз, жизнь в Боге, утверждение в Нем всем существом: мыслью, сердцем, волей. Поприще богообщения, область, в коей оно образуется и действует, есть умная, духовная молитва... Молящийся пребывает в Боге и, следовательно, очень готов и способен к тому, чтоб и Бог стал пребывать в нем»⁶⁴.

Живое богообщение совершается в состоянии безмолвия, приводящего и заканчивающегося высшей христианской добродетелью – бесстрастием.

«У кого начали появляться эти невольные влечения внутрь и эти восхищения к Богу, и особенно у кого начали действовать совершенное предание себя Богу и непрестанная молитва, тот готов и способен вступить в безмолвие. Только он и силен вынести этот подвиг и проходить его с плодом. Удержать такого в общежитии и сожительстве с другими невозможно.

Что гнало Арсения Великого от людей? Это тяготение внутрь пред Богом. «Люблю вас, – говорил он, – но не могу быть вместе с Богом и с людьми». – «Истинный безмолвник, – говорит Иоанн Лествичник, – не желая лишиться сладости Божией, так удаляется от всех людей, без ненависти к ним, как усердно другие с ним сближаются».

«Выписываем нужное к понятию о безмолвии из 27 слова «Лествицы»».

«Есть безмолвие внешнее, когда кто, от всех отделившись, живет один; и есть безмолвие внутреннее, когда кто в духе один с Богом пребывает не напряженно, а свободно, как свободно грудь дышит, а глаз видит. Они совместны, но первому без последнего нельзя быть. Посему собственно безмолвник тот, кто существо бестелесное, душу свою усиливается удерживать в пределах телесного дома. Пусть келлия безмолвника заключает в себе тело его, а сие последнее имеет в себе храмину разума».

«На безмолвие не потянет того, кто не вкусил еще сладости Божией; сладости же сей не вкусит тот, кто не победил еще страстей. Недугующий душевной страстью и покушающийся на безмолвие подобен тому, кто соскочил с корабля в пучину и думает безбедно достигнуть берега на доске».

«Вкусивший сладости Божией стремится на безмолвие, чтобы ненасытно насыщаться им, без всяких препон, и непрестанно порождать в себе огонь огнем, рачение рачением и вожделение вожделением. Посему безмолвник есть земной образ ангела; на хартии вожделения, рукописанием тщания, освободил он молитву свою от лености и нерадения... Безмолвник – тот, кто духовдвижно вопиет: *готово сердце мое, Боже!* Безмолвник – тот, кто говорит: *аз сплю, а сердце мое бдит*».

«Таким образом, все занятие безмолвника – быть с Единым Господом, с Коим и беседует он лицом к лицу, как любимцы царя говорят ему на ухо».

«Возлюбившие блаженное безмолвие проходят делание умных сил и подражают образу их жизни. Не насытятся они во веки веков, восхваляя Творца: так и восшедший на небо безмолвия не насытится, воспевая Создателя».

«Но ни молитвы безленостной, ни хранения сердца неокрадомого нельзя возыметь, если не утвердилось наперед в сердце совершенное беспопечение. Нельзя с разумом проходить первых двух, кто не приобрел последнего, подобно тому, как не выучивши букв, нельзя читать. «Малый волос смущает око и малое попечение губит безмолвие». «Кто желает представить Богу чистый ум и смущает себя попечениями, тот подобен крепко сковавшему свои ноги и покушающемуся скоро идти. Посему истинное безмолвие и начинается по предании себя Богу и глубоком уверовании сердца в Его о нас попечении».

«Горение духа от Божия прикосновения окончательно очищает человека и возводит его в состояние бесстрастия. В этом огне переплавляется естество наше, как металл неочищенный в горниле, и является сияющим небесной чистотой, делающим его готовым Богу жилищем».

«Бесстрастие есть воскресение души прежде воскресения тела».

«Воскресением души должно называть исшествие из ветхости, именно, когда произойдет новый человек, в котором нет ничего от ветхого человека, по сказанному: *и дам вам сердце ново и дух нов*" (Иез. 36:26).

«Бесстрастный ко всем предметам, возбуждающим и питающим страсти, стал нечувствителен так, что они никакого действия на него не производят, хотя находятся пред очами его. Это оттого, что он весь соединен с Богом. Приходит он в блудилище – и не только не чувствует движений страсти, но и блудницу приводит к чистому и подвижническому житию».

«Кто сподобился быть в семь устроении, тот еще здесь, обложенный брэнной плотью, бывает храмом живого Бога, Который руководствует и наставляет его во всех словах, делах и помышлениях; и он, по причине внутреннего просвещения, познает волю Господню, как бы слышал некоторый глас, и, будучи выше всякого человеческого учения, говорит: *когда прииду и явлюся лицу Божию*, – ибо не могу более сносить действий его вожделения, но ищу той бессмертной доброты, которую Ты даровал мне прежде, нежели я впал в тление. Бесстрастный не к тому живет себе, но живет в нем Христос (Гал. 2:20), как сказал подвигом добрым подвизавшийся, течение скончавший и веру православную соблювший».

«Бесстрастие есть небесная палата небесного Царя. Таковые суть храм Божий» (1Кор. 3:16), и дух Божий живет в них» (Рим. 8:9).

«Достигшие сего суть таинники Божии, и состояние их есть то же, что состояние апостолов, потому что и они во всем познают волю Божию, слыша как бы некий глас, и они, совершенно соединив чувства свои с Богом, тайно научаются от Него словам Его. Знаменуется такое состояние пламенем любви, по коей они с дерзновением удостоверяют: *кто ны разлучит?*"

«Такое состояние есть плод безмолвия, когда проходят его с разумом, но не все безмолвники оставляются Богом в безмолвии навсегда. Достигающие чрез безмолвие бесстрастия

и чрез то удостаивающиеся преискренного богообщения и боговселения изводятся оттуда на служение ищущим спасения и служат им, просвещая, руководя, чудодействуя. И Антонию Великому, как Иоанну в пустыне, глас был в его безмолвии, изведший его на труды руководства других на пути спасения, – и всем известны плоды трудов его. То же было и со многими другими».

«Выше сего стояния апостольского мы не знаем на земле»⁶⁵.

Труды и подвиги затворника. Его молитва

Таков идеал истинно христианской жизни по учению Преосв. Феофана. Присмотримся же к личности писателя с точки зрения нарисованного им идеала. Мы уже сказали, что путь нравственного совершенства, изображенный в книжной теории, в действительности был пройден самим подвижником, особенно в его пустынных трудах и подвигах. Об этом ярко свидетельствует с одной стороны самое содержание «Пути ко спасению», а с другой стороны все дошедшие до нас сведения о жизни святителя в затворе. Вся книга носит на себе ясные следы богато одаренной и глубоко оригинальной личности автора. За каждой фразой ее скрывается духовный опыт писателя. Изображенных внутренних явлений с чужой жизни и с чужих слов никаким образом нельзя ни указать, ни разъяснить. Они настолько субъективны, что даже затруднительны для передачи сторонней речью. Чтобы иметь истинное представление о высоком достоинстве книги, необходимо перечитать и пережить ее самому. Все описанное здесь глубоко убедительно именно потому, что является плодом внутреннего опыта. И это неизменное впечатление каждого читателя. Также и все известные нам свидетельства о жизни святителя в затворе единогласно говорят, что она была истинно подвижническая. Молитва и богомыслие были постоянным, господствующим настроением духа отшельника; напряженный умственный труд в виде писания духовных сочинений и физические упражнения в качестве рукоделий чередовались между собой в течение дня. В затворе же ярко просияли и другие великие добродетели подвижника – полная нестяжательность, беспредельная любовь и милосердие к ближним, совершенное постничество и при всем этом глубочайшее, истинно евангельское смирение.

Поселившись в Вышенской пустыни, Преосв. Феофан в начале не имел мысли о затворе и полном прекращении сношений с внешним миром. Напротив, на первых порах он намерен был жить полной жизнью обители. Он некоторое время⁶⁶ участвовал в управлении монастырем, в течение шести

лет посещал монастырские храмы и по праздникам совершал богослужение, принимал посетителей и пр. Святитель тем охотнее разделял жизнь обители, что нашел в ней прекрасные порядки, соответствовавшие его аскетическим наклонностям. Благоустройство и монастырская тишина действовали очень благотворно на душевное состояние подвижника, и он совершенно успокоился от жизненных тревог, неизбежно связанных со службой епархиального архиерея. Нашлись минуты досуга, появилась даже скука. Конечно, трудно было на первых порах совершенно отрешиться от мира и были сильные искушения к возвращению в него. Тогда-то возникла мысль снова занять кафедру. Но это были только временные, преходящие состояния, неизбежная дань обычной слабости человеческой природы перед полной победой над ней. Идеальные стремления долга скоро одержали верх и колебания сменились настроениями совсем иного рода. Когда в 1875 г. из Киева было сделано предложение святителю опять вернуться на епархиальную службу, то в ответном письме уже слышится твердый тон решимости не оставлять своего *покая*: «писать – это служба Церкви или нет? Если служба, – подручная, а между тем Церкви нужная; то на что же искать или желать другой»? Как ни мало уделял времени Преосв. Феофан на сношения с внешним миром и в частности на прием посетителей, но все же это отвлекало его от главного дела, ради которого он пришел на Вышу. Он ясно увидел, что то и другое не совместимы. И тогда явилась мысль о полном затворе, которая, впрочем, осуществилась не вдруг. На подобный великий подвиг нельзя было решиться без надлежащей подготовки и предварительных опытов, и последние были сделаны. Сначала святитель провел в строгом уединении св. Четыредесятницу и опыт был удачным. Потом он уединился на более продолжительное время – на целый год и после того принял одного приезжего инок. Последнее оказалось совсем неудобным; и тогда уже бесповоротно был решен вопрос о полном затворе. В 1872 году после праздника св. Пасхи подвижник, раздав все свое имущество бедным, окончательно прервал всякие сношения с внешним миром, исключая письменных. Кроме слуги-келейника

к нему имел доступ только настоятель обители архим. Аркадий, который является в настоящее время единственным свидетелем этого единственного в своем роде явления в истории русской Церкви последнего времени.

Время затвора есть важнейший период, можно сказать, центр жизни Преосв. Феофана, ибо тогда по преимуществу явились во всей силе его великие труды и подвиги и прежде всего подвиг молитвенный. В сознании святителя, как было уже замечено, само понятие о затворе неразрывно сливалось с мыслью о непрестанном молитвенном общении с Богом. И действительно, подвижник является великим христианским молитвенником. Молитва была самой существенной потребностью его духа, истинным дыханием жизни. Молитвенный подвиг видимым образом выражался в неуклонном ежедневном совершении правил как частного, келейного молитвословия, так и церковного. В первые шесть лет своего пребывания на Выше Преосвященный неопустительно присутствовал за всеми службами в монастырском храме, а по окончательном затворе отправлял их в своей домово́й церкви. В последние 11 лет каждый день начинал божественной литургией, которую совершал молча по служебнику один, «в сослужении ангелов», а иногда и пел. В течение дня в свое время вычитывал по церковным книгам и другие службы, а когда этого не мог исполнить, то заменял их краткой молитвой Иисусовой. Совершение богослужения и даже самое стояние святителя в храме было поистине поучительно и назидательно. Когда он священнодействовал сам, то своим благоговением вселял глубокое благоговение и в служащих и в присутствующих при богослужении. «Едва ли кто из нас, иноков Вышинских, – говорит один из них, – когда-либо слышал во св. алтаре какое стороннее слово из уст святителя Феофана, кроме последования богослужебного. И поучений он не говорил, но самое служение его пред престолом Божиим было живым поучением для всех. Преосвященный был олицетворенное благоговение, Божий страх, полнейшая в себе собранность. Лицо его, по мере приближения к главным моментам священнослужения, делалось светлее и червленелось от

внутреннего вкушения благодати Господней. По причащении св. Таин, он всецело проникался миром внутренним Христовым, облакался кротостью и смирением, сообщая это свое внутреннее настроение всем не только сослужившим с ним и прочим инокам обители, но и посторонним богомольцам. Бывало, среди верующего простого народа только и слышны сердечные вздохи умиления и возгласы: «Господи, помилуй!»⁶⁷. Равным образом и когда он не служил сам, а лишь посещал богослужение в храме обители, и тогда его молитва была в высшей степени поучительна. Святитель очи свои закрывал ради собранности ума и сердца и весь отдавался сладостной беседе с Богом. Глубоко погруженный в молитву, он как бы совершенно отрешался от внешнего мира и ничего не видел из окружающего. Нередко случалось, что подносящий ему в конце литургии просфору инок стоял несколько времени дожидаясь, пока великий молитвенник снизойдет духом в наш дольний мир и заметит его». Такова же была и молитва подвижника в своей домашней церкви. Один из родственников, удостоившийся счастья помолиться вместе с Преосвященным в его келейной святыне, пишет: «Накануне (воскресения) всенощную в церковке совершал иеромонах – старичок, несколько певцов пели. Сам владыка стоял по середине церкви с служебником в руках; мы стояли несколько в стороне, но так, что лицо молящегося святителя видно было. Взор его направлен был на иконы, но заметно, что он созерцал нечто высшее, духовное; на лице показалась краска, какая является во время духовного просветления. По всему видно, что святитель совершал умно-сердечную молитву, сопровождаемую иногда поклонами. Так простоял он всю службу, не сядя, хотя стул стоял возле, куда он клал служебник»⁶⁸.

Внешне подвижник становился на молитву в определенное время, внутренне же и духовно он молился непрестанно, постоянно как бы предстоя и ходя пред лицом Божиим. Вот как он сам изображает это неземное состояние, очевидно, пережив его в своем личном опыте: «Бывает еще молитва (кроме обычной), которую именуют предстоянием пред Богом, когда молящийся, весь сосредоточившись внутрь сердца, мысленно

созерцает Бога присущим себе и в себе с соответственными тому чувствами, – то страха Божия и благоговейного изумления величию Его во всем, то веры и упования, то любви и преданности в волю Его, то сокрушения и готовности на всякие жертвы. Такое состояние приходит, когда углубится кто в обычной молитве словом, умом и сердцем. Кто долго и как должно молится, у того такие состояния чаще и чаще будут повторяться, а наконец состояние такое может сделаться постоянным, и тогда оно называется хождением пред Богом и есть непрестанная молитва. Это есть духовная молитва, Духом Святым в сердце движимая; молящийся сознает ее, но не творит, а она сама в нем творится. Такая молитва есть достояние совершенных. В таком состоянии пребывал св. Давид, свидетельствующий о себе: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся*⁶⁹ (Пс. 15:8).

Чтобы иметь возможно полное и ясное представление о высшей христианской молитве, а вместе с тем и о высоте молитвенного подвига Преосв. Феофана, необходимо привести его учение о самом хождении пред Богом, составляющем существо духовной молитвы: «Бог везде есть, все видит и все исполняет: *ходи пред Богом*. Когда царь осматривается вокруг себя с высоты престола своего, то всякий из присутствующих держит себя так осторожно, как бы царь на него одного смотрел, – так, как бы тут были один только он и царь, забывая все прочее. Царь нравственного мира, Бог, не только все видит, но и все исполняет существом Своим, – есть везде весь и видит не внешнее только, но и внутреннее, и притом полнее и совершеннее, нежели как видит себя тот, кого Он видит. Всякая разумная тварь обязана, как помнить сие всеприсутствие и всеведение Божие, так и располагать дела свои и внутренние, и внешние с чувством его, стоя как бы пред очами Бога, под Его взором, до того, чтоб все другое выходило из мысли и внимания, а был только он – действующий – и Бог, видящий его и дело его, или, что то же, ходить пред Богом, ибо настроение духа – действовать как пред очами Божиими есть хождение пред Богом. Оно обязательно для всех... Помни или не помни

ты, но Бог все видит, и дела твои все открыты Ему, или совершаются пред лицом Его. Так зачем скрывать истину и превращать ее в ложь? Что к сей мысли должно прилагать и Богоприличное расположение дел, сего требует почитание Бога. Когда сын пред лицом отца, или подданный пред лицом царя действуют, забывая о достоинстве их, то тем оскорбляют их. Потому любящие Бога и боящиеся Его *предзрят Его пред собою выну*, то есть, обращают это себе в характер и, что ни делают, сознают, что око Божие обращено на них. Плоды сего хождения бесчисленны; но, главное, от него естественно переходит в жизнь нашу чистота и непорочность слов, мыслей, желаний, дел. Св. Давид зрел Господа пред собой, да не подвигнется, т. е. чтобы не допустить какого неправого движения (Пс. 15:8). Тут не нужно и прибавлять: «когда зришь Бога, бегай неправды», ибо само зрение отвратит от нее... Потому, можно сказать, *заповедь о хождении пред Богом есть то же, что и заповедь о Богоугождении*. Другой плод от сего есть некоторая теплота духа. Зрение Бога не может быть холодным, если оно есть истинное. По мере усовершеня в лицезрении Божьем возрастает и теплота. После же они сливаются и как лицезрение, так и теплота превращаются в единое, непрерывное действие духа. Такое настроение духа есть самое лучшее приготовление к будущему, всеблаженному лицезрению Бога. Кто утвердился в нем, тот стоит уже в преддверии рая, созрел для него»⁷⁰.

Сказанное о духовной молитве несомненно относится и к личному подвигу святителя. Последний не оставил нас в неведении относительно этого важнейшего дела своей жизни – и в наше назидание дал следующее учение о собственном молитвенном труде. Преосв. Феофан признавал истинной только молитву чисто-духовную, совершенно отрешенную от всяких внешних образов, выражающуюся в живом ощущении молящимся вездеприсутствия Божия, каковую и стремился развить и осуществить в своей жизни. По его учению, Бога, как чистейшего Духа, невозможно изобразить никакими внешними чертами и подобиями. Всякий образ будет бесконечно далек от истины и не в состоянии дать понятие о сущности.

Воображение, как способность формировать образы, принадлежит совсем к иной, низшей области нашего внутреннего мира, чем молитва. Первое относится к так называемым душевным явлениям, живущим совместно и действующим под влиянием телесной природы человека, а последняя есть обнаружение духовных, высших и совершеннейших начал, самостоятельных и решительно независимых от всего материального. Воображение своим содержимым не может проникнуть в эту таинственную и недоступную для нее сферу. Только одно лицо Богочеловека может быть представляемо в внешних образах во всех тех обстоятельствах Его земной жизни, о которых повествуется в Евангелии. Но это будет изображение только историческое – одних свойств и явлений человеческой природы Спасителя. Божественная же Его сущность совершенно недоступна какому-либо виду изображений. Духовная молитва есть удел совершенных. Но и обыкновенные смертные могут достигать ее путем постоянных усиленных подвигов и упражнений в обычной молитве, из которых самым доступным и ближе других ведущим к цели представляется правильное употребление краткой умной молитвы Иисусовой. Последней необходимо так научиться и так твердо внедрить в свое сознание, чтобы она сделалась постоянной спутницей всех обстоятельств и явлений нашей жизни. Живое, из глубины сердца идущее совершение этой молитвы, будет всегдашним напоминанием и вместе нашей непрестанной мыслью о вседеприсутствии Божиим, или что то же духовной молитвой. «Как я молюсь? – пишет Преосв. Феофан вопрошающему о его личной молитве. – Встречаю у отцов, что молясь следует изгонять все образы из головы. Всячески стараюсь в час молитвы быть в том убеждении, что Бог вездесущий есть и тут, где мое сознание, и что Он видит и слышит не слово только, – произносимое или нет, – но и всякое движение мысли, и особенно чувство. Образа же всякого избегаю, как это ни трудно. Когда приходит молитва с чувством, тогда никакого труда нет держать безобразность в молитве. Это дает разуметь, что безобразность в молитве есть настоящее дело, – и что для достижения сего надо добиваться молитвы

сердечной, – и стало из головы сойти в сердце». «Лучшее начальное средство научиться сердечной молитве – это целесообразное совершение умной молитвы к Господу Спасителю. Дело это просто; стань умом и вниманием в сердце пред Господом и молись Ему: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя. И делай это непрестанно, и в церкви, и дома, и на пути, и за делом, и за столом, и в постели, словом – с той минуты, как откроешь глаза, до той, как закроешь их. Это будет точь-в-точь соответствовать держанию вещи на солнце, лучи которого, ударяя, проникают ее и нагревают. Тут есть держание себя пред лицом Господа, Который есть солнце умного мира. Эта спасительная молитва сначала обыкновенно бывает трудная, делательная. Но если не поленится кто потрудиться над ней, она станет и самодвижной, сама будет твориться, словно ручеек, журчащий в сердце. Это благо великое, и потрудиться стоит, чтобы достигнуть его. Труженики, преуспевшие в молитве, указывают для этого небольшой труд, или немного трудное упражнение молитвенное, именно: прежде или после молитвенного правила, утреннего или вечернего, а то и днем, определи несколько времени на совершение этой одной молитвы, и совершай ее так: сядь, а лучше стой молитвенно, сосредоточься вниманием в сердце пред Господом, воздвигнув убеждение, что Он тут и внимает тебе, и взывай к Нему: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», – и клади поклоны, если есть охота, поясные и земные. Так делай четверть часа, полчаса, больше или меньше, как тебе удобнее. Чем усерднее потрудишься, тем скорее молитва эта привьется к сердцу. Лучше взяться за дело поревностнее и не отступать, пока не достигнешь желаемого, или пока молитва эта не начнет сама двигаться в сердце: после того только поддерживай. Теплота сердечная, или горение духа, приходят именно этим путем. Чем более внедряется в сердце молитва Иисусова, тем более согревается сердце, тем самодвижнее становится молитва, так что огонь жизни духовной в сердце возгорается, и горение ее становится непрестанным, вместе с тем, как молитва Иисусова займет все сердце и станет непрестанно движущейся. От того получившие зарождение совершенной

внутренней жизни почти исключительно молятся этой молитвой, определяя ею свое молитвенное правило».

«Бог вида не имеет и есть невидим. Бог Сын видится в человеческом естестве, поскольку приял в Свое Лицо сие естество... Потому Его можно воображать в виде человека, во всех случаях, какие описываются в святом Евангелии... Это будет воображение историческое... Божеское же Его естество невидимо и образа не имеет. Троица Святая есть за пределами твари, – и как есть, для нас – недомыслимо. Молясь Богу, лучше не воображать Его никак, – а только веровать, что Он есть близ... и все видит и слышит».

«Также не надо душой воображать ни Божией Матери, ни святых, ни ангелов. А и им молиться в том убеждении, что слышат».

«Положим, такое различие... что для работ умовых нужны образы; они и есть в писании о Боге самом и всех вещах божественных. И воображение есть способность умовая – знательная. Воображение – способность формировать, и удерживать образы – есть способность чернорабочая... самая низшая! Уж поэтому не следует ему позволять являться со своими образами в высшую область, какова молитва... Умосозерцательная деятельность высока... а духовная, в молитве проявляющаяся, еще выше... Куда туда поспеть воображению... Вот где прилично: друже, како вшел еси семо?! Когда молитесь, отгоняйте все образы. Если допустите образы, то есть опасность – начать молиться мечте. Можете вы сказать, что образ, какой держите в уме, выражает истину? Вот и нельзя... следовательно, надо навекать безобразности... но путь один – сердечная молитва... Ум же без образов едва ли может быть».

«Помнится одно сказание о старце, который все образно представлял Бога. Когда ему растолковали, что так не следует, он сказал: вы отняли у меня Бога... А у него отняли не Бога, а мечту его»⁷¹.

Духовное писательство и занятия рукоделием

Все свободное от молитвы время Преосв. Феофан посвящал труду, главным образом литературному, отчасти и физическому. Святитель был поистине великий труженик Божий. Целая библиотека творений достаточно свидетельствует о его изумительном трудолюбии и выдержке. У него был заведен строгий порядок в занятиях и ни одна минута не пропадала даром. С вечера келейник готовил вино, просфоры и облачение для богослужения. День начинался принесением бескровной жертвы, а по окончании литургии легким стуком давалось знать о времени утреннего чая. В два часа обед, за которым в постные дни подавалась пища по уставу о посте, а в скоромные в последние годы святитель съедал только по одному яйцу и стакану молока. В четыре часа чай. Ужина не было. Утреннее время посвящалось самой серьезной работе – составлению духовных сочинений; после обеда вместо отдыха шли занятия рукоделием, а вечер отдавался писанию писем и чтению книг и журналов. И это неизменно в течение двадцати с лишком лет. Сам подвижник при всей своей скромности в одном письме иносказательно пишет о своей труженической жизни: «Я знаю одного человека, который всегда один – сам никуда не выходит, и других к себе не принимает. Спрашивают его: как тебе не скучно? Он отвечает: мне некогда, так много дела, что, как открою глаза, делаю-делаю, и никак не успеваю переделать, пока закрою их»... О духовных трудах святителя будет подробно говориться ниже, в своем месте; теперь же заметим несколько слов о телесных упражнениях.

Короткие промежутки между молитвой и умственными занятиями Преосв. Феофан наполнял физическим трудом в виде некоторых рукоделий. Последние, являясь отдыхом от умственного напряжения, вместе с тем подкрепляли телесные силы, а главное изгоняли из жизни его всякую мысль о праздности. «Без дела не должно быть ни минуты, – писал Преосвященный неоднократно. – Иначе будет грешная праздность. Нельзя все духовным заниматься, надо какое-либо

не хлопотливое рукоделие иметь. Только браться за него надо, когда душа утомлена, и ни читать, ни думать, ни Богу молиться не способна». По примеру некоторых древних подвижников, святитель занимался живописью, резьбой по дереву, токарным, столярным, переплетным мастерствами, для чего в его рабочей комнате, как мы уже видели, имелось несколько ящиков с необходимыми инструментами. Замечательно, что и эти физические труды и материальные средства служили к удовлетворению «единого на потребу». Все произведения подобных занятий носили религиозный характер, были посвящены Богу. Отшельник особенно любил священное искусство иконописания и сам был хороший художник. Нося в душе образы иного, высшего мира, он видимо желал окружить себя и на земле их святыми изображениями. По смерти святителя в келлии найдено много икон и картин священного содержания его письма – «Распятие», «Воскресение Христово», «Снятие со креста» – на полотне; образ Спасителя и Божией Матери – во весь рост на досках, портрет Саровского старца Серафима и др. К двум предметам особенно часто возвращалась мысль художника – к изображению св. Тихона Задонского и Богоявления. И это не случайно! Жизнь св. Тихона была идеалом для затворника, а идея Богоявления светилась даже в его имени – Феофан – с греческого – явление Бога. Такого же характера и другие плоды рукоделий – деревянная резная панагия, с деревянной цепью, деревянный резной крест для ношения на груди и т. п. Замечательно, что, достигнув добрых результатов в своих работах, святитель, всегда верный себе, отзывался о них с свойственным ему благодушием и скромностью. Так, посылая в Москву одному родственнику свое сочинение в собственном переплете, он приписывает в конце письма: «Переплесть у нас некому. Я и сам переплетчик, да уж очень плохой, не гош для Москвы»⁷².

Нестяжательность

Свои усиленные умственные труды Преосв. Феофан нес совершенно бескорыстно, ибо отличался полной христианской нестяжательностью. Он не только не имел пристрастия к стяжаниям, но его душа не лежала и ко всем способам приобретения их, например, хозяйству. Он не только ничего для себя не приобретал, но имеющееся у него все отдавал. Сочинения святителя еще при жизни его имели успех, некоторые из них выдержали по несколько изданий и могли бы доставить значительные средства, но он не получал от них ничего. За свои литературные труды автор не брал никакого вознаграждения, кроме известного количества экземпляров, предназначавшихся для безмездной раздачи. Он заботился лишь о том, чтобы цена его сочинений была не обременительна для покупателей и вознаграждала труды и издержки издателей. Известно, что собственниками и полными хозяевами творений Преосв. Феофана в настоящее время являются иноки русского Пантелеймонова на Афоне монастыря. На запрос об условиях уступки одного из своих сочинений святитель пишет: «Они (иноки) дают мне двести экземпляров, а денег хотят пришлют, хотят нет. Это не входит в мой расчет. Я уступаю им это молитв ради о моей многогрешности, а не ради прибыли»⁷³. Окончательно передавая афонцам право на издание своих литературных трудов, автор решительно не желал какого-либо вознаграждения личного для себя, только предложил назначить известную сумму в пользу своего племянника и его семьи. Многие почитатели подвижника выражали желание прислать ему пожертвование вещами и деньгами, но он совершенно отказывался принять их. Редкие исключения допускались только для самых близких знакомых, дабы не огорчить и не обидеть их, но с непременным условием употребить пожертвованное на благотворительные цели. Одна тамбовская помещица – Курдюмова по своему духовному завещанию назначила крупную сумму, в количестве 25000 рублей, на издание сочинений Преосв. Феофана. Последний пришел в

большое смущение от подобного щедрого дара и возвратил его родственникам своей почитательницы. И от этих десятков тысяч отказывался человек, который нередко не имел копеек для приобретения необходимых вещей. Все раздавши нуждающимся, святитель иногда по несколько месяцев оставался без всяких средств. Так, в июле 1875 г. он пишет в Петербург одному своему близкому знакомому: «За деньги благодарствую. У меня ни полушки не было. Промотал все деньги и до Рождества (время получения пенсии) ничего не имею»⁷⁴.

Дела милосердия затворника и учение его о христианской милостыне

Ревностно служа Богу, Преосв. Феофан не мог не служить и ближнему. Отсюда великая любовь святителя к делам христианского милосердия как для тела, так и для души. И в этом отношении свое слово он вполне осуществил в своей жизни. Подвижник придавал важное значение христианскому милосердию, особенно ввиду постоянного и повсюдного приложения его среди человеческого общежития. В творениях его мы находим обстоятельное учение об этом предмете, в котором, с одной стороны, установлен истинный взгляд на добродетель, а с другой – подробно рассмотрены и по достоинству оценены все те многочисленные ложные основания и мнимые причины, которые придумала человеческая скупость и равнодушие к участи ближнего, чтобы оправдать себя и усыпить совесть в отношении требований одной из главнейших заповедей Евангелия. По учению Преосв. Феофана сущность христианской милостыни состоит в том, чтобы помогать не только крайне нуждающимся, но и не отказывать всякому, просящему, причем подающий не только не кичится и не требует от неимущих прибегать к нему, как благодетелю, но сам спешит отыскать и посетить места обитания их. Наше материальное достояние есть дар Божий, при котором мы являемся не более, как временными приставниками, обязанными дать во всем отчет пред Богом и принести в свое время достойные плоды. Нуждающиеся – это меньшая братия Христова, наши заботы об обеспечении которой Господь принимает на Свое имя. Милостыня, как самое яркое обнаружение христианской любви, есть величайшая добродетель. Сам Иисус Христос при изображении Страшного суда указал ее одну, как истинный залог и действительное средство оправдания грешного человечества. Это не потому, что иных добродетелей не требуется, а потому, что милостыня есть главная, основная. Обладающие ею уже имеют другие. Все добро, творимое людьми на пользу неимущим, Господь благоволил принимать

как жертву Ему Самому. Подаваемое бедным чрез их руки прямо возносится к престолу Божию. Таким образом нуждающиеся по устройению промысла Божия суть орудия созидания нашего спасения. Так именно смотрели на существо милосердия величайшие праведники ветхозаветной и новозаветной Церкви. Авраам, Иов, Филарет Милостивый и др., обладая значительными богатствами, не оскудевали в них потому, что жили не для одних себя. Наблюдается ли подобное явление в современной христианской жизни? Кажется, нет добродетели, которая бы творилась у нас с большим небрежением, чем святое и обязательное для всех дело вспоможения бедным. Чтобы оправдать свою скупость и безучастное отношение к ближнему, мы изобрели целый ряд мнимо основательных причин и ложных поводов. То обвиняем просителей в неосновательном и незаконном прошении, то указываем на свои материальные недостатки, нередко, наконец, слагаем дело на других людей и обстоятельства. Самым обычным мотивом к отказу является подозрение относительно ложности прошений, что бедные напрасно просят, может быть, они не нуждаются, могли бы работать и пр. Прежде чем отказывать на подобных основаниях, необходимо предварительно расследовать обстоятельства и, притом, самым тщательным образом. Может оказаться, что многие из просящих не в состоянии, например, работать – один по болезни, старости, другой потому, что не имеет работы, заработок третьего настолько ничтожен, что не может обеспечить его самого и семью и проч. Если же подобных исследований мы не делаем, то и не в праве отказывать по одному подозрению. Последним мы оскорбляем нравственное достоинство человека. Может случиться, что протянувший руку за помощью, отдернет ее только потому, что прочтет в наших глазах обидное подозрение, и чрез то впадет в крайнюю, гибельную для него нищету. Своевременной же помощью, быть может, мы спасли бы несчастного. *Всякому просящему у тебя дай*, заповедует Господь. Это одна из самых первых заповедей в христианстве. О ней часто напоминают и Господь, и святые апостолы и, чтобы расположить нас ревностнее исполнять ее, оградил ее самыми

трогательными побуждениями и самыми поразительными угрозами. Ведает сие всякий и всякий по совести должным считает помогать всем нуждающимся по силам своим. Между тем, если пересмотрим дела наши построже, мы не найдем, может быть, ни одного дела, которое бы исполняли с меньшим вниманием, как обязательное для нас вспомоществование нуждающимся. Помогаем кое-как, лишь бы отделаться от докучливого просителя, а иногда и совсем отказываем, я не большей ли частью последнее? А совесть при всем том остается у нас спокойной, молчит и не обличает нас в том, что не помогаем, или помогаем не столько, сколько бы следовало. – Так, ведь, это бывает! – Спрашивается, какая же была бы тому причина?»

«Причина, полагаю, та, что грешная душа наша усваивает себе предрассудочные понятия о бедности и бедных, кои приходят на мысль, когда надо бывает оказать помощь, и расстраивают благие намерения наши до того, что не только совесть не обличает нас в отказе, или слабом пособии, напротив нам думается, что мы лучше сделали, ничем, или так легко, отделавшись от просителя».

«Чего не придумали скупость и своекорыстие, чтоб оправдать свою холодность и жестокость к нуждающимся! – Ложность прошений, праздность просителей, свои недостатки, тяжелые времена, необходимость запастись самим на черный день и проч. Все эти мысли ходят между невнимательными к своему долгу в речах и поговорках, заходят и к внимательным и их нередко сбивают с правого пути действий. Хотите ли дать свободу и простор сердоболию и не допускать его до омрачения ложью, разорим эти предрассудочные мысли и восстановим здравые христианские понятия о подаянии нуждающимся».

«Приходит на мысль, в то же время, как надо помогать, прежде всего: да нуждается ли просящий – кто его знает? – привык и просит; а нужды, может быть, никакой не имеет. Приходит такая мысль: мы верим ей, – и отказываем, или слабо помогаем. Но справедливо ли так поступать? Бывает, конечно, и так, как приходит нам на мысль. Но знаем ли мы наверно, что то лицо, которое пред нами, точно принадлежит к сему классу

притворяющихся нищих? А если не знаем, зачем подозревать и тем паче отказывать по одному подозрению? На деле это, может быть, мать, которая дома оставила голодных детей, или отец семейства, у которого жена больна и дети раздеты, или сироты старшие из сирот бесприютных и беспомощных, и подоб. – Таковым, конечно, не откажете. Смотрите так и на всех с первого раза, а подозрением не оскорбляйте неизвестных. Что, если нуждающийся, у которого и так тяжело на сердце, прочитает в глазах наших наше подозрение? Это, конечно, увеличит его скорбь и тяготу, и вместо утешения он отойдет от нас с большей скорбью. Хорошо ли это? то, что у него не мутно еще в глазах, лицо не искажено, тверда поступь, и одежда не в заплатках, – это последние остатки и его терпения и достатка. Захотите ли быть причиной, чтобы он дошел до последней крайности, которая начнется, может быть, тотчас вслед за вашим отказом? И заповедь Спасителя разве только тех прикрыть хочет, коим уже некуда деваться, кои не имеют ни крова, ни пищи, ни одежды, ни сил? Нет. На помощь такого рода людям не нужна особая заповедь. Он говорит: *всякому просящему у тебя дай*. Вы и будете давать, только поставьте себе законом – не подозревать просящего, не рисовать позади его картины предполагаемого довольства, а скорее картину крайней нужды и скорбь действительно его гнетущую. Тогда само сердце не даст вам покоя, пока не облегчите его участи. Ныне много распространяют подозрений на бедных. Но на все эти предъявления можно сделать одно решение: удостоверься, кто именно просит не по нужде, или не на нужду, и не давай такому; всем же отказывать потому только, что есть лживые просители, – грех. Святой Иоанн Милостивый не так делал. Он не отказывал даже и тем, о коих известно было, что они не бедны, и, когда предуведомляли его об этом, отвечал: «Верно в эту пору он терпит крайнюю нужду».

«Иногда от просителя мы к себе обращаемся и говорим: где взять?– Едва на свои нужды достает. С трудом концы с концами сводим! – Уж когда не из чего давать, кто и обязывает? Подавать должно от избытков, как и апостол изъясняет закон подаяния, говоря: *Аще усердие предлежит, поскольку аще кто*

имать, благоприятен есть, а не по елику не имать. Не бо да иным убо отрада, вам же скорби. Но правда ли то, что у нас ничего не остается за удовлетворением своих нужд? К тому же – разумно ли определено у нас, что должно считать своей нуждой? Нужда есть такое дело, которое очень можно и сократить и расширить. Исключите расходы на то, что нужным считает привычка, прихоть, тщеславие, пустые требования мира и все страсти: сколько будет оставаться в пользу нуждающихся?! Пусть даже и этих ненужных нужд нет; стоит захотеть, и из самой существенной нужды – из пищи и одежды, и прочих потребностей благоразумие всегда сумеет отделять часть Христову, – как действительно и умеет: ибо нуждами отговариваются от подаяния исключительно почти скупые, да расточительные миролюбцы».

«Говорят также иногда: что праздно шатаются? – работали бы и доставали бы себе насущный хлеб. Требование самое справедливое! – И апостол заповедует трудиться, делая своими руками, чтоб не только свои удовлетворять нужды, но иметь, что подать требующему. Но, отговариваясь этим предлогом от подаяния, удостоверены ли мы, что просящий может трудиться? Старому, малому и немощному куда трудиться? Но пусть и может иной трудиться, имеет ли он работу? Иной и готов бы работать, да не к чему рук приложить. В притче о делателях одна их часть до 11 часу, т. е. почти до ночи, не имела работы от того, что никто не нанимал. Но пусть и работу имеет кто, такова ли она, чтобы доставляла на все потребности. Как часто трудится человек день и ночь, а все томится нуждами, особенно, когда один работает для многих! И так дело говорить – трудись, – и кто согласится питать праздность? Но устройте наперед так, чтобы просящий трудом пропитывал себя и других, коих обязан пропитывать, и тогда отказывайте ему, а без того отказывать значит то же, что оставлять его умирать с голоду».

«Чего еще не говорят в извинение своей неподатливости и жестокосердия?! Один говорит: тяжелые времена; куда думать о других, хоть бы себя прокормить. Другой: себе нужно; надо запасать денежку про черный день. Третий: я разве один; есть подостаточнее меня, – подадут. Четвертый: ведь подаю, что

попадет под руки всякому, кто просит, – и проч. Но рассудите хорошенько, сколько во всем этом правды?! Тяжелые, говорит, времена, – и отказывает. Но если они для достаточных тяжелы; во сколько более они тяжелы для бедных?! Следовательно, по этому предлогу, не прекратить, а увеличить надо подаяние. Надо, говорит, запастись про черный день. Пусть надо; но ведь на это должна же быть мера? Иначе наши воображаемые будущие нужды никогда не дадут нам помочь бедным в их действительных, настоящих нуждах. Притом будущее от нашей ли предусмотрительности зависит, или от устройства промысла Божия? Конечно, от промысла. Так привлечите к себе милость Божию вашим милосердием к нуждающимся и будете иметь верный залог благоденствия в будущем. Кажется, мы не найдем примера, чтобы какой-либо дом разорился от щедродательности неимущим, а расточительность пустая многих пустила по миру. – Другой, говорит, подаст, – и отсылает просящего. Да подаст ли другой-то? А если и он также скажет: другой подаст, а потом и третий, и четвертый и т. д.; это будет то же, что оставить бедного на произвол судьбы. Нет. Тебе послал Господь этого бедного, ты и помоги ему. Не пропускай случая, который, может быть, не повторится. Я ведь подаю, говорит, что попадется, и кому придется. Хорошо хоть и это. – Но значит ли это подавать по всей широте долга и по всей мере возможности? Значит ли это обращать все внимание и усердие к сему святому делу? И не эта ли небрежность бывает причиной, что подаяние попадает не в должные руки и употребляется, не как следует?! Подаешь, кому придется. Тем же, кто поможет, которых стыд удерживает дома и которые молча, может быть, терпят более, нежели вопиющая о себе нужда? Нет – истинно христианское сердоболие не может быть довольным этим. Оно само спешит в места бедности, чтобы своими руками осязать раны ее и тотчас же приложить потребный целительный пластырь».

«Вот сколько враг придумал злых помышлений, чтобы отвлекать и добрых людей от подаяния. Сознаемся, что в большей или меньшей мере мы все увлекались ими по временам. Но все положим в сердце своем не поддаваться им

более. Ибо если они так слабы пред простым нашим рассуждением, как устоять нам на суде правды Божией, которая видит все – и в делах и в чувствах сердца, до последних его сокровенностей. Не так смотреть должны на бедность и бедных христианский смысл и христианское сердце. Истинные христиане приемлют ум Христов для суждения о всем и носят закон Бога своего в сердце своем, в руководство для дел. Бедные и все нуждающиеся – у них это меньшая братия Христова, или сам Христос, приближающийся к нам чрез них и себе присвояющий все, оказываемое им, – это ходящие среди нас милость и благословение Божие!.. Делая их участниками своего достояния малым подаянием, освящаем чрез то все остальное и удерживаем за собой титул достойного намерению Божию обладания им. Господь есть Владыка и нас и всего нашего. Благословляя нас достатком, Он предаёт его нам, как в притче виноград делателям – с условием доставлять ему во время свое плоды его. Неимущие – это рабы Господа – домовладыки, которых посылает он к нам приять плоды с достояния нашего. Подаваемое чрез их руки возносится к Господу; но так, что по закону милости Его снова возвращено будет нам, в виде вечного покоища, создаваемого из того правдой Божией. Неимущие посему суть делатели обители нам на небе – наши поверенные, коим доверяется все там учредить в такой полноте, которой достало бы на всю вечность»!

«Конечно, трудно нам сродниться с мыслью, и тем паче дойти до сердечного убеждения, что в подаянии милостыни, мы, иждивая, умножаем и, тратя, приобретаем; но оно так есть, если не всегда в отношении к временному, то всегда в отношении к вечному. Господь, снисходя, немощи нашей, неоднократно являл сие самым делом, в жизни разных благодетелей. Припомните житие св. праведного Филарета Милостивого. Как усердно, щедро и с каким терпением он сеял милостыню! И какой обильный принесло плод сеяние его, когда внучка его Мария сделалась супругой царя. Над ним точно еще здесь сбылись слова апостола: сеяй о благословении, о благословении и пожнет. Обитель св. Феодосия Палестинского, во время голода и засухи, питала всех окрестных жителей и

всех приходивших, а житницы всегда оказывались полными, даже в то время, как в них не чаяли найти и зерна. Что размножило горсть муки и чванец елея у вдовы, принявшей пророка Илию? Ее милостивость. От чего не истощались, а росли богатства у Авраама, Иова, Товии? От того, что они были благоподатливы. От чего и ныне есть роды, кои с незапамятных времен не прекращаются и живут в довольстве, передавая его из поколения в поколение? От того, что они не живут для одних себя, а считают долгом своим всегда делить избытки свои со всеми нуждающимися».

«Милостыня есть самая большая добродетель, самая ценная у Бога и близкая к престолу Его. Св. Григорий Богослов, перечисляя много добродетелей и высоко оценив каждую, прибавляет, что выше всех их есть любовь, а из дел любви выше всех деятельное сострадание и помощь нуждающимся. Почему и в описании страшного суда Господь поминает об исполнении, или неисполнении сей одной добродетели, не ради того, чтобы другие не имели никакой цены, но ради того, что как скоро она есть, то и все другие есть, а как скоро нет ее, то трудно иметь место в сердце и другим добродетелям. Она царица всех, истинная наместница и представительница Божества на земле. И потому еще так скоро отзывается на небе всякое благотворение, что Господь благоволил усвоить себе всякую милостыню, так как бы она шла прямо в Его руки. *Понеже, говорит, сотвористе единому сих братий Моих меньших, т. е. бедных, Мне сотвористе* (Мф. 25:40). Ты голодного наплат, а Господь говорит, что это ты Его самого наплат; ты нагого одел, а Господь говорит, что это ты Его самого одел; ты больного посетил, а Господь говорит, что это ты Его посетил; и всякое благотворение нуждающимся Господь считает благотворением Себе самому. Так удостоверяет Он словом своим Божественным, – и так объявит пред целым светом на суде Своем! Блаженны милостивые!»⁷⁵

Так учил подвижник. А вот как жил. Свою архиерейскую пенсию и некоторые пожертвования благотворителей на поминование их самих и своих родственников в его домовую церкви преосвященный рассылал нуждающимся в разные концы

России немедленно же по получении, как бы опасаясь пропустить случай сделать возможное добро и задержать у себя хотя малое время то, что не считал принадлежащим себе. «Я никогда не задерживаю у себя денег, – пишет святитель, – и все разматываю. Что их держать, когда случились»⁷⁶. Пред великими христианскими праздниками Пасхи и Рождества Христова особенно много делалось благотворений. Денежных конвертов по 10 и более приходилось сдавать тогда на почту от его имени вдовам, сиротам и другим несчастным, особенно нуждающимся в помощи и утешении во дни праздника. И характер этой благотворительности был истинно евангельский, по заповеди Спасителя, шуйца не знала того, что творила десница. Преосв. Феофан никогда не расспрашивал нуждающихся и не проверял, что их заставило обратиться к нему и куда пойдут его средства, не знал даже совсем многих из них, а подавал ради Бога. И все это делалось с великой любовью к ближнему. «Редкая почта проходит, – говорил он одному инок, – чтоб бедные не писали и не просили. Рад помогать и по возможности помогаю».

Еще более обширны были дела милости духовной, особенно по плодам своим. Этот род благотворительности по преимуществу ценил сам отшельник и завещал хранить другим. «И не телу только, – говорил он, – но и душе другого послужи, вразуми, совет подай, книжку хорошую укажи, утешь, подкрепи. И слово есть могущественное средство помогать. В нем душа выходит и, сочетается с другой, силы ему придает»⁷⁷.

И вся жизнь Преосв. Феофана есть непрерывный и неустанный подвиг на поприще этого духовного благотворения. Целая библиотека богомудрых писаний с решением важнейших вопросов христианской жизни, обширная переписка с разъяснением недоумений и указанием практического руководства ею, усиленная безмездная рассылка своих назидательных книжек, и, наконец, непрестанная молитва в соединении с постоянными заботами и скорбями за наш грешный мир – вот яркие свидетельства благотворительных трудов святителя с целью послужить важнейшему делу христианской жизни, – делу созидания спасения каждого

верующего! Вот подвиги христианского милосердия, имеющие непрекращаемое значение не только для современников благотворителя, но и для отдаленного потомства.

Отношение затворника к оставленному миру и отклики на современность

Дела милости последнего рода – думы о духовном благе мира, заботы о предохранении его от всяких отрицательных влияний и, наконец, скорби о нравственных недугах неизбежно приводят нас к мысли о необходимости выяснить вопрос об отношении затворника к оставленному им миру. Эта сторона жизни настолько важна сама по себе и занимает такое видное место среди подвигов пустытника, что мы считаем необходимым обозрению явлений ее дать отдельное место.

Затворившись от внешнего мира телесно, Преосв. Феофан далеко не прекратил своего духовного общения с ним. Напротив, он зорко следил и сердечно отзывался на все важнейшие явления нашей общественной жизни не только церковной, но и гражданской. Не только такие государственные события, как последняя Турецкая война, мученическая кончина Императора Александра II и др., но и частные крупные явления современной жизни в роде гибели парохода «Русалка» и ее экипажа нашли у святителя живой отклик и истинную оценку. Он глубоко сочувствовал нашей освободительной войне за славян, внимательно следил за ходом ее, радовался успехам и тяжело пережил заключение войны в виде берлинского конгресса. Когда настоятелю монастыря о. Аркадию приходилось посещать затворника в это время, то беседа всегда главным образом вращалась около войны. Преосвященный развертывал атласы и карты, указывал настоящее положение наших войск, делал предположение относительно того, что бы следовало предпринять и завоевать в ближайшем будущем, причем выражал полную уверенность в победе русских. На возражение настоятеля, что на деле не так легко вести войну, как можно предполагать по картам, что тут могут быть всякие несчастные случайности, святитель с жаром замечал, что о. архимандрит мало знает геройский дух наших войск, что они, одушевленные братской любовью к единоплеменным нам славянам, способны одолеть и не такого слабого и ничтожного врага, как турки. Да и

Господь не попустит, чтобы православное славянство далее терпело зверства фанатиков-мусульман. По поводу Берлинского конгресса Преосв. Феофан с грустью писал: «Прочитал, что выработал конгресс. – Тяжело, крайне тяжело! – Это нам; а что Государь!? Да утешит его Господь! Но верно иначе нельзя; верно не без основания боялись коалиции против нас. Начни новую борьбу, и все можно бы потерять. А теперь хоть часть удержана. Конгресс, видимо, не о пользах освобождаемых народов хлопотал; а все направлял к тому, чтоб унижить Россию. И по всем пунктам, без всякой нужды, сделал урезки. Какая была нужда урезывать выговоренное для Черногории и Сербии, или у нас выговоренное в Азии? – Никакой. А Болгарию разделил ни для чего, как для того, чтоб она еще послужила поводом к войне... Но Господь знает, что строит! Верно так лучше, и буди благословенна воля Его»⁷⁸. Но больше всего естественно занимали подвижника нравственно-религиозные и церковные вопросы. Тут не ускользали от внимательного наблюдения даже незначительные предметы. Торжественное празднование 900-летия крещения Руси, перевод св. Писания на русский язык, проекты реформы церковного суда и монашества, сокращение приходов и числа церквей, происки папизма и, наконец, широкое распространение в обществе противорелигиозных и противоцерковных идей – все это своевременно было замечено и всему дано авторитетное толкование. Явление последнего рода по преимуществу привлекали внимание святителя и он поистине стоял на страже церкви, сосредоточив свою деятельность на борьбе с лжеучением и защите христианства. Когда во второй половине прошлого столетия с запада хлынул в наше отечество целый поток материалистических идей, на юге России среди сельского населения широко развилась штунда, а образованные классы увлеклись пашковщиной, толстовщиной и др. Преосв. Феофан приходил в ужас и горько оплакивал судьбу православия. «Не перестаю плакать, – писал он в 1891 г., в Киев по поводу штунды, – видя, как гибнут христианские души, пораженные лжеучением». В другом месте он с глубокой скорбью замечает о направлении нашей интеллигенции: «Горько то горько, что

творится у нас среди мыслящих. Все ум потеряли. Философские воззрения не в ходу, руководятся ветром навеваемые началами. Св. вера отодвинута на задний план. И даже богословствующие потеряли настоящие основы богословствования православного. И Господь, кажется, отвратил очи Свои от нас и не посылает делателей». «Источник сего – распространение учения о самообразовании мира, по которому нет нужды в Боге, и души нет, – все атомы, и все химия, больше ничего. Это на кафедрах проповедуется и в литературе. Ктодохнет этим чадом, неизбежно отуманивается, теряет смысл и веру»⁷⁹. Но подвижник далеко не ограничился одной пассивной печалью. Нет, он сам энергично устремился на борьбу со злом и настойчиво к тому же возбуждал других. Он основательно изучает сочинение представителей материализма – Бюхнера, Фохта, Дарвина; не встречая в печати изложения вероучения Пашкова, торопит своих петербургских друзей, чтобы они пробрались на собрание последователей еретика и, все выведавши, о результатах своих наблюдений сообщили ему; подробно знакомится с последними противохристианскими произведениями Л.Толстого – все это с той целью, чтобы, запасшись необходимым материалом, приступить к борьбе с лжеучением, и начинает дело с пашковщины. Он пишет в Петербург целый ряд известных писем к «одному лицу», в которых с замечательной широтой и основательностью разбирается и обличается лжеучение Пашкова, как одна из отраслей протестантизма. Эти письма впоследствии явились главным оплотом православия в борьбе со всеми нашими протестантствующими сектами. Св. Синод высоко оценил их и, издав в большой массе, широко распространил, особенно путем безмездной раздачи. После того Преосв. Феофан приступил было к литературному труду по обличению штунды. Но случилось, что некто Ушинский совершенно неожиданно присылает ему для просмотра свое сочинение о том же предмете. Святитель вполне одобряет труд; возбуждая автора к продолжению своих работ по борьбе со штундой и сделав необходимые руководственные указания, передает ему это важное дело, а сам приступает к другой работе, не терпящей

отлагательств. Он пишет обширное исследование об иконопочитании в обличение молокан и других наших рационалистов. Уже были изготовлены общие сведения по этому вопросу, как писатель узнает, что один из орловских священников Остромысленский составил хорошую книгу по тому же предмету. Он успокаивается, оставляет труд и переходит к другому. В последние годы своей жизни Преосв. Феофан был очень занят мыслью о борьбе с идеями Толстого, которого считал самым злым из современных еретиков, как по направлению учения, так и по степени его распространения. Он глубоко изумлялся и совершенно не мог понять того, как русское православное общество могло увлекаться идеями человека, совершенно отрицающего христианство. В особенности ему казалось странным крайнее легковерие образованных людей, восторгавшихся произведениями, в которых основные положения в большинстве произвольны и совершенно бездоказательны, самая речь которых нередко полна внутренних противоречий, «то одно говорит, то совсем другое об одном и том же». Письма святителя по поводу толстовщины полны глубокого негодования, поистине дышат пламенным энтузиазмом древних ревнителей благочестия. «Вы помянули, – пишет он в ответ на одно письмо, – что многие переходят в иную веру, начитавшись сочинений Л.Толстого. Диво! У этого Льва никакой веры нет. У него нет Бога, нет души, нет будущей жизни, а Господь Иисус Христос – простой человек. В его писаниях – хула на Бога, на Христа Господа, на св. Церковь и ее таинства. Он разрушитель царства истины, *враг Божий, слуга сатаны*, как написал сам св. апостол Павел волхву Еллим, противившемуся его проповеди на острове Кипре (Деян. 13:8–10). Этот бесов сын дерзнул написать новое евангелие, которое есть искажение Евангелия истинного. Апостол святой Павел написал: *»кто новое Евангелие будет проповедать, да будет проклят, анафема«* (Гал. 1:8). И чтобы все затвердили это добре, в другой раз это подтвердил... (ст. 9). В евангелии богохульника сего цитаты похожи на наши, например: Иоан. гл. 1-я, ст. 1-й, а самый текст – другой. Между истинными текстами вставлены искаженные переводы

некоторых мест, а инде – вставлены совсем свои». «Посему он есть подделыватель бесчестнейший, лгун, обманщик. Содержание евангелия такое, что, прочитав его, я должен был решить: се бред белогорячечного»⁸⁰.

Преосв. Феофан признавал толстовское лжемудрствование не только разрушающим учение Церкви, но и подрывающим основы государственной жизни (суд и войско не нужны, присяга – преступна и пр.), а потому и считал недостаточным одну литературную полемику с ним, но требовал вмешательства административной власти. Он просит в письме одного своего влиятельного петербургского знакомого справиться о том, что намерены предпринять в высших столичных сферах против распространения зла и, повидавшись с обер-прокурором Св. Синода, убедить его обратиться к административным мерам. Не получая долго ответа, святитель в нетерпении шлет другое письмо, в котором ярко сказывается, как он горячо принимал к сердцу и насколько тяжело переживал печальные вести об успехах толстовщины. «Что же у нас с вами деется?! – Пошли вы к обер-прокурору Св. Синода, и там засели... Где вы теперь, Бог весть. Я все порывался писать, но придет время почты, подумаю: вот привезут письмо... а его все нет, и нет. Что же, удалось ли вам доложить его превосходительству, о чем хотели? – И если удалось, что услышали? – Я собирался сам писать... Покойно не сидится. Писали из Москвы, будто писание оного Льва – из бездны – читаются нарасхват. Как у него богопротивных нелепостей – что ни строка, то посудите, сколько зла творит он. – И все тайком. – Сверх того, говорят, он открыл свой дом, и дает доступ к себе всем – и всех просвещает.

Лучше бы мне не знать о сем ничего»⁸¹.

Преосв. Феофан ясно видел, как были недостаточны силы одного человека в столь сложной борьбе с общественным злом и стремился возбуждать к тому же и других. Он знал, что церковной властью принимались меры борьбы, составлялись даже целые общества, но считал их мало достигающими цели, так как дело велось в большинстве мертво и формально, не видно было живых деятелей, одушевленных горячей ревностью к защите православия. «Слабеет вера, – замечает он, – в иных

местах, не шутя, берутся поджигать ее... Что-то с этой целью состроилось в Саратове... Заводится и во Владимире. Но лиц действующих нет, как нет... Соберут деньжонок, накупят книжек и станут раздавать даром, или продавать по дешевой цене. Вот и все. Мертво. Живых действователей нет. И общества не принесут ожидаемой пользы. Поджигатели должны сами гореть. Горя, ходить всюду – и в устной беседе зажигать сердца... Вот что потребно»⁸²!

Святитель прежде всего рассчитывал и призывал к борьбе столичное духовенство, как самое образованное, из которого можно бы составить истинное духовное воинство. В одном из писем в Петербург говорится: «Ничего не слышу, какие у вас в Петербурге распоряжения о противодействии пашковцам, ирвингийцам, (спиритам), толстовцам?!

Эти язвы губят многих и в Петербурге, и везде. И следовало бы противопоставить им духовное воинствование. В С.-Петербурге много среди духовенства отличных иереев и по образованию и по нраву...

Сделать бы из них трубачей, и Иерихонские стены пали бы, в утешение верных сынов Израиля и во славу Божию»⁸³.

В другом письме в Киев Преосв. Феофан возбуждает на защиту Церкви одного, известного ему протоиерея. Он предлагает последнему образовать общество ревнителей православия, которые бы занялись составлением небольших популярных статей и листов по вопросам христианской веры и нравственности, каковые бы разносились по городу и развозились по деревням.

Подвижник видел серьезную опасность для православия от пропаганды и происков папизма, но не находил в духовной литературе сочинения с авторитетным и вместе популярным изложением и разбором главных пунктов учения католицизма, которое могло бы служить руководством для всякого православного. И вот в 1891 г. он пишет к редактору «Церковных Ведомостей», прося его «подговорить кого-либо, чтоб извлек из всего написанного о католичестве самое рельефное, легко читаемое и победоносное»⁸⁴.

Между тем и сам подговаривавший не пропускал случая сказать свое веское слово в обличение католицизма. Одной корреспондентке, недоумевающей по этому предмету, Преосвященный пишет: «По виду у нас с римскими католиками много сходства: догматы те же, кроме новых, изобретенных ими о происхождении Св. Духа и – недавний – о не причастии Божией Матери первородному греху. У них также догмат о главенстве папы. Таинства одни, но они у них почти все изменены в форме и разнятся ею не только от Восточной Церкви, но и от своих древних чиноположений. У них и вечерня, и утренняя, и литургия и другие молитвенные службы церковные, как и у нас. Но если рассмотреть, как все бездушно и даже бессмысленно! Когда проследить подробности, то явно всякому, как далеки они от истины. Лукавые пропагандеры смущают общим обзором, скрывая разности. Те же разности, кои слишком выдаются, они смягчают кривотолкованием. Например, у Гагарина... «У вас, – говорит он, – не определено соборно, как веровать о происхождении Свят. Духа; потому для вас верование об исхождении Свят. Духа и от Сына есть частное мнение, которое принимая кто-нибудь, никак не подлежит суду своей Церкви». Видите ли софизм? А разве постоянное верование Церкви, что Он не исходит от Сына, не есть голос Церкви? Когда не принят их догмат, разве этим не сказала вся Церковь, что не должна верить ему? А собор, бывший при патриархе Фотие и папе Иоанне VIII, разве не анафематствовал принимающих исхождение Свят. Духа и от Сына? Потом все писания богословские на востоке, все катехизисы, что значат, как не выражение учения православной Церкви? По всему сему верить, что Дух Святой исходит от Бога Отца есть догмат обязательный, а верить по-латински, что он исходит и от Сына, есть уклонение от Церкви, ересь».

«Говорят еще: «Что мешает верить происхождению Свят. Духа и от Сына? Это не уничтожает вашего догмата, а прибавляет к нему новую истину, знать же пять истин, конечно, лучше, нежели знать четыре». Каковы уловки! Хорошо к истине прибавить истину, а если ложь прибавляют, то искажают ее.

Горечь, подлитая к меду, губит мед. Суд написан строгий тем, кои прибавят».

«Дух католичества земной. Церковь у них, и по-ихнему есть политическая корпорация, человеческими силами и средствами поддерживаемая, каковы: инквизиция, индульгенции, – с видимой главой. Православная Церковь есть духовный союз всех в Иисусе Христе и чрез Него взаимно между собой. Церковь невидимо правится Господом и направляется к своему концу. У них ведет ее папа, и куда»⁸⁵?

Кроме деятельной борьбы с противохристианскими лжеучениями, Преосв. Феофан немало посвящал времени и труда обсуждению и руководственному изъяснению многих других явлений церковной жизни нашего отечества. Когда в семидесятых годах прошлого столетия у нас был начат перевод ветхозаветной Библии с еврейского языка на русский, то святитель живо заинтересовался этим вопросом. Он не разделял господствовавшего тогда в богословской науке мнения о предпочтении еврейского подлинника тексту LXX толковников и необходимости исключительно с него сделать русский перевод, так как по его убеждению было затруднительно доказать целост и неповрежденность древнейших еврейских списков, с которых приходилось вести перевод. Он считал за лучшее в основу положить текст LXX, как освященный примером продолжительного употребления его в древней вселенской Церкви, а к еврейскому подлиннику прибегать только в сомнительных и недоуменных случаях. По мысли святителя перевод с еврейского полезно было бы иметь для научных исследований, для всеобщего же употребления следовало бы вести перевод по тексту LXX. Преосв. Феофану возражали профессора духовных академий, специалисты библейского текста (Якимов и Горский), защищавшие преимущества еврейского подлинника, и между ними возникла оживленная полемика, которая продолжительное время велась на страницах тогдашних духовных журналов («Православное обозрение» 1875 г., «Церковный Вестник» 1876 г.).

Немало волновал Преосв. Феофана проект нового духовного суда, предложенный в тех же семидесятых годах Св.

Синоду тогдашним обер-прокурором граф. Д.Толстым, по которому предполагалось духовные дела подчинить ведению и компетенции обычного светского судопроизводства. В осуществлении проекта святитель видел великое зло. Св. Синод, принявши его, «сдвинулся бы с своего основания». Преосв. Феофан допускал возможность участия светского суда по духовным делам только под условием главенства в нем епархиального архиерея.

В 1888 г. Россия торжественно праздновала девятисотлетие своего христианского рождения при равноапостольном Владимире. Духовной властью положено было ознаменовать праздник составлением жития и акафиста виновнику торжества – св. Князю-просветителю. Преосв. Феофан находил подобный памятник слишком незначительным и не соответствующим размерам исторического события; с своей стороны предлагал отметить его новым переводом с греческого подлинника, с изъяснением, наших богослужебных книг. Он слышал много жалоб на темноту и малодоступность церковно-богослужебного текста пониманию неподготовленных, вполне разделял их и единственным средством к улучшению дела считал перевод и *поновление его*. Он допускал возможность изменения текста церковных книг, указывал и одобрял пример греческой Церкви, где последние часто *поновлялись* применительно к духовному развитию и нуждам современного христианского общества⁸⁶.

Смирение его

Пустынные подвиги и богомудрые писания прославили имя подвижника. Он сделался великим учителем христианской жизни. Многие искали его руководства, многие желали получить хоть несколько строк от руки его в свое назидание. Замечательно глубокое, истинно-евангельское смирение высказывал он в ответ на подобные запросы и стремления. Это был поистине кроткий муж, смиренномудрый ученик Христов. При всех своих добродетелях и высоких достоинствах он почитал себя, кажется, ниже всех. Свидетельств того очень много, особенно в письмах. Преосв. Феофан считал своим священным долгом по мере сил удовлетворять всякую, обращенную к нему духовную нужду и никогда не отказывал в своем ответе на вопросы по этому предмету. Быв фактическим руководителем духовной жизни многих лиц, он смиренно не признавал за собой этого великого достоинства и всегда решительно отказывался, когда возникал вопрос о том. «Вы предлагаете мне, – пишет святитель одному почитателю, – взять вас под свое руководство. Не могу и не понимаю этого дела.

Оттого никогда не берусь руководить. Прошу извинить мой отказ. Он делается в пользу вам; ибо, не зная дела, я мог бы завести вас не зная куда.

Желаю вам найти себе старца»⁸⁷.

Один почтенный архимандрит просит указания относительно управления обителью, и подвижник отвечает ему: «Что же это вы меня спрашиваете? Я человек очень недалекий в духовном различении вещей, и могу очень легко назвать черное белым, и белое черным. Потому не смотрите на то, что напишу, как на доброе решение»⁸⁸.

Другой священнослужитель чрез Вышенского инок просил себе наставления, как ему поучать своих прихожан. «Ну, кто я такой, чтобы давать другим наставления, – сказал святитель. – Пусть берет св. Тихона творение и читает в церкви, и довольно с него».

Получая лично от Преосвященного назидательные его книжки о духовной жизни, тот же инок однажды заметил: «Владыко святой! Как и читать ваши творения и святоотеческие; ничего я не вижу в себе похожего на то, что творили Божии угодники. Ничего у меня нет доброго». «Что же делать? – было ответом, – я вот и книги составляю и пишу, а и у меня ничего нет. Все от милости Божией! Надо смиряться»⁸⁹.

Многие стремились на Вышу – увидеть затворника, выслушать совет и указание, принять от него благословение, получить на память какой-либо предмет, но сам виновник столь высокого людского внимания решительно уклонялся от принятия всякого выражения его. Все приписывая доброте сердца своих почитателей и считая себя недостойным, он даже изумлялся, как бы не понимая самого источника подобных стремлений. «Меня удивило ваше желание иметь что-либо из моей одежды». «На Вышу незачем... Хотите верно с моей *святыней* повидаться. Увы! как срамна и отвратительна моя *святыня*, и вам гораздо лучше никогда не видать ее и не заботиться увидеть»⁹⁰...

Чем ни выше восходил подвижник по пути нравственного совершенства, чем ни больше приближался в нравственном идеалу, тем яснее сознавал крайнюю недостаточность одних слабых человеческих сил достигнуть его, тем больше ощущал свое личное недостойнство. Для великого христианского аскета, более чем для кого-либо другого было очевидно, что исполнение высшего Евангельского закона, требующего от людей такого же совершенства, *якоже и Отец Небесный совершен*, невозможно без помощи спасающей благодати. Все доброе своей жизни относя исключительно к туне подаваемой милости Божией, *подвижник вменял себя за ничто*, почитая себя последним из грешных и смертных неключимых рабов. «Я большой грешник, а молиться ленив». «Помолитесь обо мне многогрешном и всеокаянном», – так нередко выражал святитель свое душевное настроение в письмах последнего периода.

Подводя итоги и обобщая все сказанное о жизни Преосв. Феофана в затворе, мы невольно должны прийти к убеждению,

что жизнь эта представляет собой чрезвычайное и поразительное явление, совершенно невозможное для одних естественных сил человека. Пустынные подвиги святителя дали православной России великого избранника Божия, достигшего полного, возможного для человека на земле нравственного совершенства. Тот высочайший момент проявления человеческого духа – состояние богообщения, которое святитель считал конечной целью стремления земной жизни человека и о которой он с восторгом мечтал в книжной теории, теперь стал действительным актом его собственной духовной жизни. Он по справедливости мог сказать вместе с апостолом: «Живу не к тому аз, но живет во мне Христос». Та величайшая добродетель – бесстрастие, которую подвижник поставил на вершине лестницы возможных для человека совершенств, теперь сделалась отличительной, характерной чертой его нравственного состояния. И это не фраза только и не одно шаткое предположение. Будучи великим христианским постником и умерщвляя свою плоть, святитель был как бы весь проникнут духовностью и тело свое питал по стольку и для того только, чтобы оно помогало духу жить легко и свободно. Постепенно совершенствуясь, он достиг такого состояния, что жил исключительно духовными интересами; все же мирское, суетное не только не занимало его, но и крайне смущало. Очень характерен в этом отношении следующий рассказ одного Вышенского инокa. Однажды последний по своей духовной нужде пришел к Преосв. Феофану и, увидев его особенно ласковым и веселым, осмелился сообщить одну невинную новость из жизни монашескующей братии обители. Святитель вдруг закрыл свои глаза, сидел как бы погруженный в молитву, и ни слова не проронил в ответ на новость. Прошло несколько минут, опомнился инок, что погрешил. Тогда владыка открыл очи, начал разговор, но по обычаю о едином на потребу, о спасении души, о немощах наших, как жить и благоугождать Богу и пр.⁹¹ В конце своего затвора Преосв. Феофан совершенно отрешился от всего земного и тленного, весь ушел и поистине обитал духом в горнем мире. Жизнь подвижника видимо носила явную печать благодати Божией. Вот что

свидетельствует человек, глубоко интересовавшийся жизнью святителя, ближе других знавший, с такою любовью и умением изобразивший ее в воспоминаниях – своих личных и близких родственников подвижника: «В последние годы святитель в добродетельной жизни настолько усовершенствовался, что благодать Божия видимо обитала в нем, и все, что он ни делал, делал по указанно обитающего в его душе Духа Божия. Владыка сделался младенчески невинным. Иногда иноки, имевшие доступ к нему, замечали в нем особенную радость, мир и любовь»⁹².

Подобные высочайшие и исключительные обнаружения человеческого духа в земной оболочке неизбежно требуют для себя и соответствующего внешнего жизненного выражения. Тогда уже становится недостаточным и такой великий подвиг, как затвор. Остается еще сделать последний шаг на пути совершеннейшей христианской жизни, – пережить состояние так называемого схимничества, когда человек является на земле по истине ангелом во плоти. И Преосв. Феофан уже готовился принять схиму, даже сшил своими руками необходимую для того одежду, но внезапно наступившая смерть лишила его возможности привести в исполнение свое последнее чрезвычайное намерение.

Глава VI. Литературные труды. Сочинения нравоучительные

«Лучшее употребление дара писать и говорить есть обращение его на вразумление и пробуждение грешников от усыпления».

Преосв. Феофан

Общее обозрение нравоучительных сочинений

Количество печатных трудов Преосв. Феофана очень велико, и полное собрание их составляет довольно значительную библиотеку. По своему содержанию они распадаются на три главных отдела, из которых два самостоятельные – нравоучительный и истолковательный и третий – переводный по разным вопросам веры и христианской жизни. Многообразны предметы и крайне разнообразно содержание писаний святителя. Он, кажется, все решительно объял в них. Ни одна подробность духовной жизни не ускользнула от глубокого, внимательного наблюдения. Но среди этого разнообразия одна мысль, как мы уже сказали выше, несомненно господствует и проходит по всему целому, именно – мысль о едином на потребу, о важнейшем предмете человеческой жизни – о христианском спасении. Этот вопрос главным образом разрабатывается во всех нравоучительных сочинениях, его же ни на минуту не упускает из виду святитель при истолковании Слова Божия и с целью уяснения того же предмета переведены все древне-отеческие творения. Яснее всего он выражен в сочинении «Путь ко спасению» и о значении последнего в ряду своих трудов сам автор пишет к одному лицу: «Прочитали «Путь ко спасению». Добре! И еще прочитайте когда-нибудь. Тут все, что мною писалось, пишется и будет писаться»⁹³.

Важнейшие нравоучительные произведения следующие: 1) «Письма о христианской жизни», 2) «Начертание христианского нравоучения», 3) «Путь ко спасению», 4) «Письма о духовной жизни», 5) «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться», 6) «Востани спяй», 7) «Святоотеческие наставления о молитве и трезвении». К отделу же нравоучительных сочинений нужно отнести большинство проповедей, а также большинство писем. Глубокое знание и наблюдение самых сокровенных явлений духовной жизни в соединении с обширными сведениями во всех областях человеческой науки, в особенности в связи с исключительным проникновенным пониманием и изъяснением

Слова Божия и святоотеческих творений, глубокая назидательность в соединении с сердечной искренностью и какой-то особенной задушевностью со стороны содержания, замечательная простота, нередко доходящая до народного говора и вместе с тем возвышающаяся до истинной художественности в отношении внешнего изложения – вот общие, характерные черты нравоучительных трудов святителя. Главная задача их – это раскрытие высшего смысла и цели человеческой жизни, напоминание и возбуждение к искреннему покаянию и живому обращению к Богу. Основная мысль всего нравоучения – идея богообщения. Жизнь христианская должна быть всецело посвящена Богу. Все твори во славу Божию, по вере в Господа нашего Иисуса Христа в надежде бесконечной жизни – такова главная цель жизни христианина. «Вся ваша жизнь, во всех своих частностях и подробностях, должна быть посвящена Богу. Закон общий таков: все, что ни делаешь, делай сообразно с волей Божией, и в угодность Богу, в славу пресвятого имени Его. Так уж и осматривать надо всякое представляющееся дело, сообразно ли оно с волей Божией, и делать его не иначе, как удостоверившись, что оно точно сообразно с ней, и делать так, как угодно Богу, чтобы оно было делаемо. Кто с такой осмотрительностью и с таким ясным сознанием угодности Богу делаемых им дел поступает всегда, тот вместе с тем не может не сознавать, что жизнь его идет верно, – что хоть дела его не блестящи и несовершенны, но в них сознательно не допущено ничего, что бы оскорбляло Бога и не было Ему угодно. Это сознание исполняет сердце его тихим миром от спокойствия совести, и тем духовным радованием, которое рождается от чувства, что он не чужой Богу, и что хоть не велик, не знатен и не виден, но раб Его есть, старающийся всячески угождать Ему и все усилия свои к тому направляющий, и верующий, что и Бог Сам видит его таковым»⁹⁴.

«Что касается до других целей, то они, хоть и могут быть допускаемы, но никогда не должны быть поставлены главными: от них всегда должно восходить к Богу. Здесь особенно важны цели самих дел. Каждое дело способно иметь свою цель: например, цель милостыни помочь бедному, цель чтения

просветить ум. Но на них не должно останавливаться; ибо иначе дело будет вне главного значения христианина. Вообще, если позволить останавливаться на таких целях, то в жизнь христианина войдет бесконечное разнообразие, между тем как она вся должна иметь один тон. Тон сей сообщается ей единством цели, по коей она вся есть жертва Богу всецелая»...

В своих нравоучительных произведениях Преосв. Феофан изобразил идеал истинной христианской жизни и пути, ведущие к нему, с такой глубиной и широтой, как никто из наших духовных писателей. Он является поистине великим учителем христианской нравственности и его сочинения бесспорно лучшее, незаменимое руководство в этом отношении. обстоятельно познакомившись с нравоучительными трудами писателя, мы найдем, что по своему содержанию они делятся на два больших отдела. В одних излагаются общие основы и нормы христианской жизни, а в других указываются пути и способы приложения этих норм к руководству действительной жизнью. Первых меньше по числу и во главе их стоят «Письма о христианской жизни» с «Начертанием христианского нравоучения». Сочинений второго рода значительное большинство и между ними важнейшее «Путь ко спасению». Есть и такие произведения, в каких оба означенные элемента соединяются. Таково, например, замечательное сочинение «Что такое христианская жизнь и как на нее настроиться»?

Учение об устройстве человеческой природы

Нравственное богословие Преосв. Феофана, как уже было замечено, опирается на христианскую психологию. И действительно, законы нравственного порядка выводятся им из устройства человеческой природы, причем с особенной настойчивостью отмечается та мысль, что законы эти вполне соответствуют и лежат в существе ее, а не являются чем-то посторонним и навязанным извне. Бесконечное превосходство христианства над всеми религиями и человеческими учениями в том именно и состоит, что оно вполне отвечает коренным и глубочайшим стремлениям человеческой природы, что «душа человека по природе христианка». Кто хочет прожить соответственно своему высокому назначению, тот не имеет другого истинного руководства кроме требований и правил христианской нравственности. «Я имею намерение, – пишет святитель, – приступая к изложению основных положений нравоучения, все достодолжное выводить из устройства человеческого естества. Жить нам надобно так, как Бог создал нас. Уж как же иначе человеку и жить, как не так, как он устроен. Установив здравые понятия о том, как устроен человек, получим вернейшее указание на то, как ему следует жить. Мне думается, что многие потому и не живут как должно, что думают будто правила о сей достодолжной жизни навязываются совне, а не исходят из самого естества человека и не им требуются»⁹⁵.

Обозревая психологические основы христианской нравственности, Преосв. Феофан делит все явления сложной человеческой жизни на три отдела – телесный, душевный и духовный. К первым относятся все потребности нашей физической природы, ко вторым способности – ума, сердца, воли и низших чувств, а важнейшими и более осязательными обнаружениями духа являются: страх Божий, совесть, недовольство ничем тварным и др. Основание подобному делению святитель находит в учении ап. Павла, некоторых св. отцов, а также у древних греческих философов – Платона и Аристотеля; тому же учит и его собственный духовный опыт.

Изъясняя текст ап. Павла: *«Сам же Бог мира да освятит вас всесовершенных (во всем); и всесовершен ваш дух и душа и тело непорочно в пришествие Господа нашего Иисуса Христа да сохранится»* (1Фес. 5:23) – экзегет пишет: «Дух и душа и тело – Богооткровенное указание на состав естества человеческого. Как малый мир, человек совмещает в себе все виды жизни, проявившиеся в его предшественниках по лестнице творения. В нем есть и растительно-животная жизнь, и животное-душевная вместе с душевно-человеческой; и духовная, исключительно ему принадлежащая и его характеризующая. Их и означают слова: тело, душа и дух. Тело, – ваш животное-растительный организм, со всеми его отправлениями и потребностями; душа – начало тех внутри нас сознательных явлений, кои начинаются чувственными восприятиями, влечениями и ощущениями и оканчиваются научными построениями, многообъятными начинаниями и предприятиями и произведениями вкуса; дух – орган богообщения, Бога созная, Бога ищущая и Богом живущая сила. Существенные черты его – сознание и свобода, движущие его начала суть, – вера в Бога, чувство всесторонней зависимости от Него и уверенность в Нем. Проявление жизни его суть: страх Божий, действие совести и жажда богообщения, выражающаяся (со внешней стороны) недовольством ничем тварным. Это и есть то дыхание жизни богоподобной, которое вдохнул Бог при творении в первозданного. Сочетавшись в человеке с душой животной, оно претворило ее в душу человеческую, которая потому в своих действиях являет основательное сродство и с животными и с духом»⁹⁶. При подробном анализе явлений каждого из означенных родов Преосв. Феофан везде настойчиво стремится отметить и отделить в них естественное и природное от пришлого, нажитого и неестественного. Рассмотрение приводит к убеждению, что в человеке, созданном по образу и подобию Божию, высшие духовные способности естественно должны господствовать, а низшие потребности души и тела должны быть в подчинении у первых. Так это и было в период неповрежденного, райского состояния. Но явился грех и порядок совершенно извратился. Низшие способности не только

освободились из-под власти высших, но и совершенно поработили последние. Впрочем, дух не всегда мирится со своим подчиненным положением и нередко выражает сильный протест против него. Отсюда постоянная внутренняя борьба в человеке между идеальными стремлениями и низшими потребностями, победителями из которой выходят очень немногие. Если крепкий духом великий апостол языков много страдал от того, что видел *ин закон во удех своих, противовоющих закону ума его*, то что же сказать о современных, нравственно слабых последователях его? Огромное большинство их не выносит и падает в непосильной борьбе. Но ревнующему о доброй христианской жизни не следует смущаться, падать духом и приходить в отчаяние, ибо несомненно, что настоящее нравственное расстройство хотя прирождено нам и с ним мы являемся на свет, но оно не природно и в начале его не было. А это убеждение очень важно и отрадно для духовной жизни. Если расстройство не лежит в существе нашей природы, а есть явление наносное и пришлое, то следовательно с ним возможна борьба, есть надежда на уничтожение его и восстановление нормального порядка. Напрасно утверждают противное люди, отрицающие свободу человеческую. Они совершенно не правы. Их обличает вся история христианской Церкви в лице целого сонма праведников, особенно в лице тех из них, которым Промыслом Божиим суждено было пережить тяжелую нравственную борьбу с грехом, падать в ней и восставать, подвизаясь по мере сил своих, пока не пришли в «мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова». Если человек по свободной своей воле вначале впал в грех и отпал от Бога, то, руководимый той же свободой, он властен и действительно может снова восстать и воссоединиться с Богом.

Эти общие нравственно-психологические взгляды Преосв. Феофан обосновывает и подтверждает частным обозрением всех важнейших сил и явлений человеческой природы как в первоначальном, естественном их состоянии, так и в настоящем, поврежденном грехом. Так, рассмотрев проявление физических потребностей питания, движения, чувствительности

и деятельности их органов – желудка, мускулов и нервов, он заключает, что естественная задача их состоит в поддержании жизни и сил тела, назначенного служить орудием нашего духа. Между тем в действительности нередко наблюдается совершенно обратное явление. Телесные потребности из служебных средств превращаются в главную цель жизни, вместо подчиненного положения господствуют, иногда порабащают дух человека. Последний, увлекаясь животолюбием и телолубием, несколько простых первоначальных физических нужд расплачивает во множество искусственно нажитых привычек и удовлетворение их доводит до крайних пределов. По-видимому, что может быть проще, как дать телу здоровую пищу и необходимую одежду? Но посмотрите, до каких прихотливых, часто извращенных вкусов дошел человек в своем питании и роскоши в одежде! Есть множество людей, которые целую жизнь заняты удовлетворением подобных искусственных потребностей, которые заставляют работать на себя целую массу других лиц, и все же не могут получить удовлетворения. Они так поглощены своими заботами, что не имеют времени подумать об иных, высших интересах, и дух их по необходимости голодает. Рассмотрение явлений физической природы человека и в других отношениях также несомненно приводит к убеждению, что тело наше в настоящем поврежденном состоянии, вместо назначенного ему плодотворного служения высшим целям, как необходимого органа для деятельности духа, часто вредит духовной жизни, а иногда совершенно порабащает дух, становясь идолом и тираном нравственно слабого существа.

Обозревая далее отправление душевных и духовных способностей, Преосв. Феофан глубоко проникает во внутренний мир человека. Это рассмотрение отличается вместе с тем замечательной силой и широтой самонаблюдения. Наблюдающий как бы спускается в самые тайные уголки, освещает самые сокровенные движения духа и не смотря на трудность наблюдения, везде успевает разобрать и отметить в них очень тонкие проявления нравственного начала. Сознание и самосознание, совесть, разум с его идеями, рассудок с его

понятиями, суждениями и умозаключениями, память, воображение, воля со своими желаниями и наклонностями, сердце с чувствованиями – все эти разнообразные силы и явление человеческого духа обстоятельно рассматриваются со стороны нравственно-доброй и нравственно-злой. Святитель подробно определяет естественное назначение и сферу деятельности каждой из них в кругу нашей внутренней жизни и указывает те ненормальные и часто уродливые проявления, какие они принимают в действительности.

Учение о совести

Особенно важное значение имеет учение о совести, этом высшем руководителе нашей нравственной жизни. Ему посвящена целая глава, с подробным и всесторонним изложением предмета в настоящем греховном состоянии человека, и в чистом, восстановленном, от падения. Рассмотрение деятельности поврежденной грехом совести дает ясное понятие о том, что все важнейшие и самые существенные отправления ее, как *законодателя, судии и мздовоздаятеля* совершаются ненормально и неправильно. Совесть, как законодатель, нередко и сама по себе неверно показывает законы, по которым нравственно обязан жить и действовать человек, как существо разумно-свободное. Тем более и чаще бывает это под влиянием и при столкновении требований ее с нашим самолюбием. Так нередко совесть затрудняется даже в определении основного вопроса нравственности – о том, что следует считать главным, руководящим принципом жизни. Мучительный вопрос пылкого евангельского юноши, *что сотворив живот вечный наследую?* есть вопрос всего человечества. В решении его можно встретить самые разнообразные, даже противоречивые взгляды и толкования. Одни, редкие, выше всего считают служение Богу, другие – общественную деятельность, третьи – кабинетные занятия ученого и пр. Конечно, еще больше этих точек зрения, при выяснении частных предметов и явлений христианской жизни. Когда же совести приходится встретиться с нашим эгоизмом, то ее законные требования или с умыслом ложно перетолковываются или же совершенно искажаются и даже заменяются другими, превратными началами. Так, под предлогом сохранения здоровья мы удаляемся от поста, под видом поддержания семьи отказываемся от благотворительности и пр. А нередко заходим гораздо дальше, прямо вводя в жизнь превратные и заведомо ложные правила: так скупость считаем бережливостью, расточительность – щедростью и пр. Не лучше отправляется долг совести и как

судии. По существу своему она обязана тщательно и неуклонно следить не только за нашими делами, но и за всеми внутренними движениями и при малейшей неисправности строго и нелицемерно судить. Но этого мы обычно не наблюдаем, особенно когда примешиваются страсти. Совесть в падшем состоянии – разбитое зеркало, ложно и фальшиво представляющее как нас самих, так и наши дела и занятия. Чаще всего мы видим, что человек строго судит других, а себя стремится оправдать, то ссылкой на свое неведение и слабость, то на обстоятельства и соблазны и пр. Нередко можно встретиться и с сознательным и упорным отрицанием своей очевидной виновности, что уже свидетельствует о глубоком повреждении совести. При ложности и неправоте двух первых отправлений совести естественно неправильно совершается и третье обнаружение ее в качестве мздовоздаятеля. Конечно, бывают случаи, когда нравственно падший испытывает сильные мучения совести. Но в большинстве сознание своей виновности остается только в мысли, не тревожа сердца, и человек является холодным зрителем своих, даже важных грехов. Это равнодушие и усыпление совести происходит и естественно, само собой, от частого повторения грехопадений. Но нередко мы производим его и намеренно, например, избирая себе снисходительного духовника, допускаем ложную исповедь и пр. Бывают и еще худшие случаи, когда, например, человек старается убедить себя, что мучение совести есть только плод суеверного страха неразвитого человека и пр. Не такова совесть в неповрежденном или восстановленном от греха состоянии. Деятельность ее вполне исправна во всех важнейших отправлениях, как законодателя, судьи и мздовоздаятеля. Тогда в совести, как чистом зеркале, ясно и рельефно отражается вся наша духовная жизнь. Справедливые требования ее сознаются и исполняются, как непреложный и обязательный закон. Наш совестный суд обращается исключительно на себя, причем совершается без всякого укрывательства и ложного снисхождения, со всей основательностью и полнотой, касаясь не только видимых дел, но и тайных помышлений и намерений; осудить же других считается большим грехом. Здесь не только

нет места самооправданию и упорной несознательности, но наоборот, вся жизнь проходит в самоосуждении и покаянии. Становится совесть исправной и в воздаянии. Прежнее окаменелое нечувствие исчезает, а взамен его появляется необычайная духовная чуткость, даже к малейшим внутренним движениям и переменам, выражающаяся то в глубоком сокрушении духа, то в радостном успокоении. Но и это сокрушение и даже бывающие иногда мучения совести тут имеют совсем другой характер, чем в прежнем греховном состоянии. Они отрадно умирительны, не ожесточают, не сожигают. Многие подвижники всю жизнь проводили в слезах, иные были сухи от непрестанного представления огня геенского. Но подобные состояния с одной стороны приносили им бодрость духа и освежение, а с другой – исполняли сладостью мира, неизъяснимой отрадой и блаженством. «Как разум назначен открывать человеку иной, духовный, совершеннейший мир и давать знать о его устройстве и свойствах, так совесть назначена к тому, чтобы образовать человека в гражданина того мира, куда впоследствии он должен переселиться. С сей целью она возвещает ему тамошние законы, обязывает выполнять их, судить его по ним, награждает или наказывает. Совесть называют практическим сознанием. В сем отношении можно сказать, что она есть сила духа, которая, сознавая закон и свободу, определяет взаимное отношение их. По занятиям или действиям, в совести видят законодателя, свидетеля или судью и воздаятеля. Во всех сих сторонах ее видны большие в ней разности в добром христианине и в человеке-грешнике, отпавшем от Бога».

«Уж потому самому, что грешник отделился от Бога, должно ожидать, что совесть у него не может быть исправна; ибо, если она есть, то голос Божий в душе (законодатель), то око Его (свидетель), то наместница Его правосудия (судья и воздатель); то при отпадении от Него все сии Божественные, так сказать, наития на нас через дух – должны ослабеть и умалиться в числе и силе. Сверх того, совесть не действует одна, отдельно, а берет себе в посредники и орудия другие силы: рассудок, волю,

силу чувствования. Если сии расстроены в путях своих, то и от совести нельзя ожидать правой деятельности».

«Есть невольные, ненамеренные, так сказать, уклонения совести от путей правды, как бы заблуждения, и есть намеренные ее искажения или порча совести от противодействия ей, в угодность порокам и страстям. Эти две стороны сейчас же представляются во всех трех действиях совести. Так дело совести, как законодателя, – показывать законы, по коим должно действовать существу разумно-свободному, и склонять к тому волю его силой своего обязательства».

«Как мало у совести силы побудить волю к исполнению своих предписаний, ясно даже сознаваемых, о том и говорить нечего. Это она еще может как-нибудь сделать, если не встречается с какой-нибудь страстью и склонностью; но коль скоро есть подобное столкновение, голос ее не слышится, и силой его одного человек не может преодолеть себя. Посему часто человек согрешает по бессилию совести, многие добродетели знает только по слуху, многими из них только соуслаждается, равно как и пороки иные не любит на словах и – до времени и случая».

«Само законодательство, кажется, дело и легчайшее, отправляется совестью неверно. Предписание совести сознаются в виде требований. Так как и другие потребности, естественные или привитые после, тоже выставляют свои требования; то неудивительно, что человек при смятении, царствующем в нем по падении, не может иногда разобрать, чему повиноваться. Так, относительно *главного начала* в нравственной деятельности, или того, куда должно быть устремляемо все внимание и направлены все помышления, совесть большей частью совсем почти молчит; оттого человек должен бывает вопрошать: *что сотворив, живот вечный наследую?* и, когда к нему обращаются с подобным вопросом, приходит в смущение и вынужден бывает сознаваться в неведении, а если иногда и предлагает что в ответ, то предлагает начала превратные, составляемые превратным умом в заговоре со склонностями, как у фарисеев, саддукеев,

стоиков и др. Но когда неизвестно главное начало, то вслед за тем не только теряется нить взаимоподчинения и соотношения частных законов, и одни возвышаются пред другими без разумных оснований, по случайным обстоятельствам, но и многое входит в закон, что не должно быть законом. Так, например, иной выше всего ставит гражданскую службу, другой – богослужение, тот кабинетные занятия ученого. Касательно же частных случаев, когда, т. е., совесть сейчас же должна определить, как кому поступить в известном случае, – еще больше неопределенности, недалиновидности и запутанности. Тут, большей частью, она или предоставляет человека самому себе, отчего он нередко оставляет без внимания доброе; а делает худое что по одному неведению зла; или колеблется между *да и нет*, поставляет человека в нерешительном уверении, хорошо ли то, что он делает; или называет горькое сладким, а сладкое горьким, и это – даже у законодателей, занимавшихся тем, людей опытных в жизни. Вообще, совесть оставляет человека действовать наудачу, по влечению обстоятельств, без внутреннего уверения и одобрения. По всему видно, что сей, законодатель отстранен от своей должности, лишен господства и до того ослабел, что не вступается в свои права; напротив, действующей представляется иная некая сила – за совесть».

«Еще большему повреждению и искажению подвергается законодательствующая совесть, если встречается с эгоизмом и ему подчиняется. Здесь сначала ее законы перетолковываются, потом извращаются и, наконец, заменяются совсем иными, самовольными и даже противными законам истинным. Мы охотно верим тому, что любим, и сильно желаем, чтобы истина была на стороне любимого. Поэтому, если случится услышать голос совести с заповедью, противной нашей склонности, то он имеет для нас меньше убеждения, нежели требование сердца. В подобных обстоятельствах тотчас рождается недоумение касательно истинного смысла заповеди; мы спрашиваем с сомнением: да так ли это должно понимать? таково ли требование закона? ко всем ли оно идет? идет ли ко мне и моему положению? При этом раздумии дела большей

частью отстраняются, оставляются до другого времени под сомнением; но скоро затем представляются мысли в угоду сердцу, закон перетолковывается, и мы удаляем себя от исполнения его под разными предлогами. Так, под предлогом сохранения здоровья, удаляются от поста и воздержания, а под предлогом поддержания благосостояния семейного и нужд, отказываются от благотворения; в виде праведного возмездия берут рост; отстаивая честь, выходят на дуэль, и проч. Все сие, впрочем, пагубно в половину, если заходит недалеко, касается частных случаев и при том у одного лица; но долговременная деятельность в одном роде, с перетолкованием смысла закона, доводит до того, что он совсем искажается и в совести, а на место его ставится превратное правило. Оттого считают скупость бережливостью, расточительность – щедростью, гнев чувством благородного негодования, потворство – снисходительностью, жестокость – ревностью по правде, лесть – гибкостью характера, хитрость – благоразумием, гордость – чувством достоинства. Случись при этом кому-либо обращаться в таком кругу, где помянутые мнения приняты, и содержатся, как правила, определяющие внешнее поведение человека, во всех его положениях, – что удивительного, если он сии правила примет за решительное законодательство совести, и удовлетворение им станет считать и первым делом и добродетелью, как, напротив, жизнь или поступки не по ним станут осуждать не языком только, но и чувством совести».

«Совесть, как *свидетель и судья*, сознает, как обошелся человек с предписанным ею законом, и, подводя под него поступок со всеми обстоятельствами, и внутренними и внешними, определяет, прав ли человек или виноват. Суд суда совестного, как говорится, неподкупен. Это и бывает так, только не всегда. Можно ожидать неверности в суде совестном во всех тех случаях, где неверно законодательство совести, ибо тогда нет начала для суда. Сверх того, для верности суда надобно заметить поступок во всех частях, особенно внутренние при нем бывшие расположения; у человека же грешника, при постоянном расхищении ума, многое очень может быть опущено из внимания. Потому у него совести не к чему прилагать суда.

Наконец, не последнее дело при сем – ревность к правоте, чтоб неослабно преследовать все преступное, ибо без сего многое и из замеченного может быть пропущено мимо ушей; это и еще основание неверности суда совести у грешника, ибо он и грешник потому, что не имеет ревности к правде. Из сего следует, что совести следовало бы действовать так: ревнуя о правде, тщательно следить за делами человека, и мало-мало какая окажется неисправность, тотчас предавать его суду и судить не лицемеря. Но таких действий нет в совести у человека-грешника. Как же можно ожидать верного суда от такой совести»!

«Уже из того видна его ненадежность, что по нему каждый человек самому себе представляется лучшим, нежели каков есть на самом деле. Исключая решительных случаев и важных грехов, всякий готов говорить: что ж такое я сделал? Поэтому богобоязненные судьи о себе самих и говорят себе: от тайных моих очисти мя. Совесть в падшем состоянии – разбитое зеркало. Как разбитое зеркало, она теперь не так представляет дела наши и нас, как бы следовало».

«Такова совесть, как свидетель и судья, если к ней не примешивается страсть; в сем же случае весы ее еще больше склоняются на неправую сторону, и суд искажается. Когда совесть сама по себе судит о частных случаях, то здесь суд ее еще бывает по временам не неверен; но коль скоро надлежит судить свои страстные дела, суд совести всегда крив. Таков суд у честолюбца за честолюбие, у скупца за скупость и проч., тогда как в других делах та же совесть бывает недремлющей. Немалый признак искажения совести есть уклонение суда от себя на других. Совесть нам дана за тем, чтоб судить нас самих; если она судит других, надобно сказать, что она не свое дело стала делать. На это осуждение других можно теперь смотреть, как на указание того, каков бы должен быть суд наш над нами самими, и как на обличение постоянной неверности сего последнего. Так в осуждении других суд обыкновенно бывает скор, мгновенен, тогда как над самим собой он медлен, отсрочивается, а следует – наоборот; суд о других бывает неумолимо строг, тогда как суд о себе всегда прикрывается

снисходительностью, а следует – наоборот. Оканчивается же сей суд всегда почти: несмы, якоже прочие человецы... Как строго купец судит о делах правоведа, светский – о духовных, и проч. Тогда как на других беспрерывно идет из сердца осуждение, себя любим мы покрывать оправданием. *Самооправдание* – общий почти грех. Выставляют то слабость, то неведение, то обстоятельства, то соблазны, примеры. Если, наконец, не удастся это, упорно стоим за себя. *Упорная неосознанность* – плод великого повреждения совести и вместе сильного эгоизма. Человек внутри говорит наперекор себе: не виноват, – пустое, – ничего! и при этом разные употребляются извороты, преимущественно касательно судимого поступка, напрягаясь подвести его под случаи, в коих подобные поступки бывают извинительны».

«Совесть, как *мздовоздаятель*. Коль скоро произнесен суд и человек сознал в себе: виноват, – начинается скорбь, туга, досада на себя, укоры, терзания или мучения совести. Такие чувства и суть воздаяние за грехи от совести, как напротив отрадные чувства совестного оправдания суть воздаяние за правду. Что это есть и как бывает сильно, показывают те преследования, каким подвергаются великие преступники от совести, когда она и внутри терзаниями, и ввне привидениями страшит их и наяву, и во сне. Но и опять сколько несправедливости у нее и с сей стороны! основание им *одно* – в неверности первых двух действий, законодательства и суда, ибо невинного за что мучить? *другое* – в состоянии сердца: сердце ожестелое равнодушно, как его ни вини. От этого сознание своей виновности большей частью остается в мысли, не тревожа сердца, и человек часто говорит: виноват, да что ж такое? – и остается холодным зрителем своих грехов, нередко немалых. Немалое имеют значение при сем обстоятельства времени и места. Так, недавнее преступление беспокоит еще довольно сильно, а вдали от него мы покойны. Нередко нападает на совесть страшливость (скрупулезность), по которой, считая всякое почти дело грехом, она за все тревожит и ест человека. Состояние того, кто подвергается такому суду,

мучительно и потому есть состояние болезненное, неестественное».

«Но все это происходит само собой, без нашего злонамеренного участия. Где же привходит умысел, там мы или искажаем совестное воздаяние, или заставляем его молчать. Это производится разными способами усыпления совести. Усыпление, сие приходит и само собой от учащения грехопадений, ибо известно, что второе падение меньше мучит, третье еще менее, и так все менее и менее, а наконец, совесть совсем немеет: делай, что хочешь. Из опасения, чтоб усыпленная совесть как-нибудь снова не пробудилась, прибегают к разным хитростям. Таковы: избрание себе снисходительного духовника, лживая исповедь, ложное успокоение себя разрешением, ограничение дальнейшего исправления одной внешностью, или одними внешними делами благочестия, и чрезмерная надежда на милосердие Господне; или, еще хуже, – убеждение себя, что мучение совести есть суеверные страхи, из неопытного детства перешедшие; намеренное удаление себя от лиц и мест, даже от предметов размышления, могущих растревожить совесть; намеренное развлечение или предание себя суетным, одуряющим, сильным впечатлениям и, наконец, край всего – хвастовство своими грехами. Такими способами мало по малу успеваем совсем заглушить совесть, и она молчит до времени».

«Итак, совесть в греховном состоянии, по законодательству, по суду и воздаянию, то сама собой неверна, то намеренно искажается ради страстей. От сего одни свободно предаются всему разливу страстей и греховной жизни, ибо, когда совесть улажена со страстями, кто вразумит? Другие живут в холодной беспечности, ни худо, ни добро. У тех и других, очевидно, деятельность извращена, и она пребудет такой до пробуждения совести. Мерой развращения определяется, что бывает при сем с человеком, ибо иные, хотя после сильного и томительного перелома, возвращаются к жизни истинной; другие, напротив, с пробуждением совести предаются отчаянию и допивают горькую чашу беззаконий, чтоб потом испивать до дна и чашу гнева Божия».

«У человека к Богу обратившегося и восстановившего благодатное с Ним общение, совесть заблуждающаяся вразумляется, искаженная исправляется во всех трех своих должностях. Первый луч благодати падает на совесть и своим Божественным огнем очищает ее, как злато в горниле. Когда же совершается обращение и восстанавливается общение с Богом, тогда возвращается совести и вся первоначальная сила. Тогда что будет препятствовать гласу Божию – закону совести – проходить до глубины души? Что помешает лучу из oka Божия – суду совести – пасть на дело и намерения человека и осветить их? Или почему бы душа не могла согреваться теплотой предчувствуемого благоволения Божия или содрогаться страхом гнева Божия? Между Богом и совестью средостение разорено, силы орудные для совести восстановлены, следовательно, совесть обладает всеми способами для исправного действия».

«Так она делается исправной в законодательстве. Сознание законов Божественных и возбуждает грешника от усыпления, но оно впоследствии не сокращается, а возвышается. Этому способствует сама благодать, которая, как помазание учит всякого, как должно поступать (1Ин. 2:27), и руководит его на всех путях жизни, тайно и явно. Этому способствует жажда слова Божия, от коего обратившийся грешник не отстаёт, а ищет или слышать или читать его, впивает его, питается им и все черпаемое из него превращает в глубине сердца в правила и начала и тем освещает свою совесть. Этому способствует сама жизнь. Чувствуя себя определенным нахождение в воле Божией, он тщательно исследует волю Божию для себя и во всех касающихся до него случаях и всегда в отношении к греху говорит себе: *како совершу глагол злый и согрешу пред Богом*, – а к добру: *готово сердце мое, готово!* Таким образом навикает он жизни законной в своем кругу и не имеет уже нужды справляться с книгой законов, но знает их прямо, подобно опытному правоведу. Что же касается до нападений со стороны развратной воли, то, хотя они и чувствуются, но голос их подавляется тот же час; даже хотя бы он и еще слышен был, деятельность законная наперекор им не

оставляется, ибо определено ходить по воле Божией без сожаления, со всякими пожертвованиями, среди всяких озлоблений и внутренних и внешних».

«Является она исправной *в судопроизводстве*. Бдительное и трезвенное око, уставленное на себя, замечает все оттенки дел внутренних и внешних. Когда в то же время с другой стороны стоит чистое зеркало совести, – что препятствует отражаться в сем зеркале делу в истинном его виде, и потому – суду совести быть истинным? Суждение есть приложение общего начала к частному случаю. Если то и другое есть, то оно не может не совершиться и, если то и другое верно, то и суждение не может быть не верным. К совершенству сего действия совести далее способствует то, что считается величайшим грехом, – осудить другого, и, когда это случится нечаянно, очищается сильным раскаянием. Но когда суд весь обращен на себя, то здесь он совершается без укрывательства, без ложного снисхождения, со всей подробностью и полнотой, касаясь не дел только и слов, но и намерений и мыслей. В предостережение же от погрешностей в сем деле избирается сторонний судья (духовник или опытный старец, которому открывают все), который и решает дело и которого решение принимается, как решение Божие. Здесь не встретится грубого самооправдания и неосознанности, ибо жизнь почти вся проводится в самоосуждении и чувствах покаяния; дела свои не считаются совершенными и законченными и свое лицо – достойным милостей. Как плодотворны такие расположения! Они сначала приводят мир в душу, не возмущаемый никакими внешними неприятностями, ибо виновный чувствует себя достойным всяких казней; потом и чистоту в жизнь, ибо, чем больше осуждается дел или сторон в делах, тем они должны становиться совершеннее, если такой пересмотр совершается с целью достигать совершенства».

«Исправна она и в *воздаянии*. Окамененное нечувствие прогнано, когда Божия благодать разваряла все существо человека; есть и постоянная молитва об избавлении от него напоследок. Посему, как в барометре легкое колебание в атмосфере отражается тотчас, так и в обратившемся или жало

обвинения совестного – тотчас оставляет рану болезненного сокрушения, или елей оправдания намазывает душу помазанием мира и исполняет отрадным благоуханием радости. При сем заметить должно, что и мучения совести совсем иной имеют здесь оттенок, нежели какой имеют они у необращенного. Они отрадно-умиленны, не ожесточают, не отрывают, не сожигают. Может быть, это потому, что по обращении, при ревности к Богоугождению, случаются только некоторые, нечаянные, ненамеренные грехи. Правда, не оставляются без внимания и прошедшие дела и, когда нужно, воспроизводятся деятельно, разъясняются со всеми обстоятельствами, со всеми последствиями, и предаются внутреннему суду, как бы настал час смерти, суда Божия и окончательного приговора, и в разверстом таким образом сердце омывается слезами все содеянное вопреки воле Божией; но опять и это не подавляет их духа безнадежностью. Бывает в крушении дух от сличения прошедшего с будущим, но оно всегда оканчивается отрадным успокоением в Боге: грешник, но Твое создание, к Тебе обращаюсь, буди воля Твоя! – И в этом горении совестном избавляют себя от огня будущего. Мир совести у святых не исключал такого крушения духа, а напротив, многие все время проводили в слезах, иные были сухи от того, как говорили они, что помнили беспрестанно огонь геенский, который опалял их непрестанно (Макарий Вел.). Такое состояние совести с одной стороны приносило им трезвенность, освежающую и ободряющую, с другой, в отношении к Богу и всему характеру их жизни, преисполняло их сладостным миром, неизъяснимой отрадой, всеобъемлющим Богоблаженством. Мир Божий, превосходящий всякий ум, осенял их (Флп. 4:7). В этом состоянии они получали непреодолимое воодушевление на дела богоугодные. Апостол Павел дороже всего почитал свидетельство своей совести и ради его шел на все скорби. То же чувствовали и другие (Иов. 27:6). Это – отрадная манна, укрепительная пища небесная, приносимая ангелами с неба. Это и есть радость о Духе Святе, или сила, по коей можно, следуя апостолу, непрестанно радоваться».

«Плоды такого состояния совести суть: прежде всего – дерзновение пред Богом, по которому несмущенно и несомненно обращаются к Богу, как невинные дети к отцу: потом – живая, сильная и скорая деятельность, ибо чистая совесть привлекает силу Божественную, которая, преисполняя собой всю душу, сообщает ей неутомимость, непрестанность труда, непреодолимость препятствиями, в чем, собственно, и состоит *свобода духа*, свойственная человеку; наконец и воля сливается с совестью и прекращается всякое внутри восстание: человек вступает в то состояние, когда ему закон не лежит, потому что он сам весь преисполняется законом»⁹⁷.

Философское мировоззрение святителя, как основание его нравоучения

Приведенные взгляды Преосв. Феофана на устройство человеческой природы находятся в тесной внутренней связи и определяются общим нравственно-философским мировоззрением его, а потому для возможно полного выяснения и обоснования первых необходимо указать второе. Свои воззрения на мир и человека святитель выразил в письме к одному ученому естествоведу-химику, искавшему истинной, христианской жизни. Содержание письма представляет собой редкий в духовной литературе опыт примирения выводов светской науки с началами христианского богословия в учении о природе и происхождении важнейших явлений ее. Оно, между прочим, несомненно свидетельствует и о том, какой громадной и многосторонней эрудицией обладал покойный владыка. Наряду с обширными сведениями о богословских истинах ему были доступны глубокие и основательные знания в области естествоведения и философского изъяснения его. Существенное содержание письма выражается в следующих положениях. Основу мира составляют атомы. Сами по себе они мертвы и получают жизнь только от присущих им некоторых неведомых сил. Последние имеют различные степени жизнедеятельности, соответственно трем главным царствам природы. Низшие силы свойственны неодушевленной, так называемой, неорганической природе, и производят такие явления, как химическое соединение, кристаллизация и др. Следующую ступень составляют силы, действующие в царстве растительном. Наконец, высшие обнаруживаются в животном мире. Вместилище стихий и сил природы есть Душа мира, созданная Богом еще до творения всего настоящего множества и разнообразия предметов и явлений. Это был именно тот хаос, о котором говорится на первой странице Библии. Целые царства и отдельные предметы видимой природы постепенно выделялись из Души мира в течение шести дней по творческому глаголу Божию. Венец творения – человек одной стороны своего

существа получил от Души мира, например, тело и душу, а другие, именно высшие способности духа непосредственно от Бога, Который Сам благоволил вдохнуть в него Свое дыхание. Так было в начале. Так есть и теперь. Тело и душу ребенок получает от родителей, а дух вдыхается в него Богом, Который везде есть. Своими низшими душевно-чувственными способностями и силами человек живет и действует в пределах и по законам природы, дух же значительно поднимает его над природой и переносит в иной, высший, совершенно отрешенный от нее мир. Правда, при настоящем нравственном повреждении человека последнее явление не всегда заметно и ясно наблюдается, но первоначальное его назначение и состояние было именно таково.

«О мире я так думаю. Основа мира вещественного – атомы. Но атомы не все одинаковы, – они ни движения, ни соединения взаимного иметь не могут. Все производят действующие в них силы. Какие это силы? Я допускаю лестницу невещественных сил душевного свойства. Взаимное притяжение, химическое сродство, кристаллизация, растения, животные, – производятся соответствующими невещественными силами, которые идут, возвышаясь постепенно. Субстрат всех сил сих – Душа мира. Бог, создав сию Душу невещественную, вложил в нее идеи всех тварей, и она инстинктивно, как говорится, выделяет их, по мановению и возбуждению Божию».

«Душа создана вместе с словом: *да будет свет!* Свет сей – эфир, есть оболочка Души. Словами: *да будет* – творилось нечто новое... Во второй день – твердь. Когда Бог говорил: *да изведет земля...*, то ему внимала Душа мира и исполняла повеленное. Она выделяла из себя всякого рода растительные души, которые и дали разнородные растения и потом стали воспроизводить их по роду своему. То же, по слову Божию: *да изведет земля душу живу всякую*, Душа выделила души животных, которые и произвели разные роды животных. Когда надлежало сотворить человека, то не земле дается повеление: *да изведет*, а в тайне Пресвятой Троицы произносится: «Сотворим». Когда Бог творил человека, то образовал прежде тело из персти. Это тело что было? Оно было живое тело, было

животное в образе человека, с душой животной. Потом Бог вдунул в него дух Свой, – и из животного стал человек – ангел в образе человека. Как тогда было, так и теперь происходят люди. Души отражаются от родителей, или влагаются путем естественного рождения, а дух вдыхается Богом, который везде есть. Сей дух, соединяясь с душой животной, поднял ее над душой животных на целую стадию, и видим в человеке, что до известной степени у него все идет, как у животных... до смышлености, а далее начинается ряд сил, хоть душевного свойства, но выше души..., рассудок, воля, вкус. Еще далее: страх Божий, совесть, недовольство тварным, стремление к Богу. Это совсем отрешенные от души проявления духовные. Можно еще, между душой и духом, поместить душевно-духовность: идеальничающий ум, перестраивающая все заново воля и творчество (в искусствах). Это гениальность, с умовой, практической и художественной стороны. Дух в душе, или душа в духе. Это все естественные проявления. Они очень не в настоящем виде являются на опыте, по причине расстройств сил в падении. Благодатные действия являют дух и духовность в настоящем их виде».

«Души низшие духа и человека погружаются в Душу мира. А душа человека не может туда погрузиться, но духом увлекается горе, – это по смерти. Так вот где вашей химии источник. В некоей химической Душе. В этой Душе есть инстинктивно чуемый образ того, что надо сделать из стихий. Она их забирает и строит свое. В мире или его составе надо различать, кроме стихий, еще систему сил, расположенных лестницей – от низших к высшим идущей. Низшая сила есть та, которая действует в мертвой природе, и которой высшие изделия суть явление химических сочетаний и кристаллизации – (например, снежинки – разводы на окнах зимой и подоб.). Выше этой стоит сила растительности, которая в своей власти держит и кристаллизующую силу, и силу химических сочетаний. Выше растительной силы стоит – животная, которая в своей власти держит и растительную силу и кристаллизующую и силу химических сочетаний. – Выше животной-душевной силы – силы человеческого естества, которое содержит все силы низшие его

в своей власти, и ими действует. Или так: душа животных, умея действовать как животное, умеет и то производить, что свойственно душе растительной и химической. Равно растительная душа, умея делать свое, умеет делать и химическое. – Тут единство природы. Помнится мне, что у Шуберта – история души – подробно раскрываются сии положения. С этим удобно мирится и падение и искупление».

«Правду вы говорите, что мы о материальном мире менее знаем, нежели о духовном. И не дает Бог и не даст, потому что это не нужно для нас. Мы всегда останемся в сем отношении на поверхности...

Владение стихиями и силами, действующими на земле, будет расширяться; но это не ведение, а только умение пользоваться тем, что открывается само собой. Суть дела навсегда сокрыта для нас»⁹⁸.

Таковы психологические основы христианской жизни. Учение об этом предмете дает возможность Преосв. Феофану утвердить и развить основную мысль всего своего нравоучения о том, что настоящая ненормальная жизнь поврежденного грехом человечества представляет собой ничто иное, как обширную арену борьбы между идеальными стремлениями духа и низшими потребностями души и тела. Результатом этой борьбы определяется ценность личности и деятельности каждого человека. По степеням своего нравственного совершенства люди только и различаются между собой силой развития и мерой жизнедеятельности у них духовных начал. Эта мысль неизменно проходит, объединяя и обобщая все многочисленные нравоучительные труды Преосвященного Феофана. Он неоднократно повторяет, развивает и доказывает ее как в общих основных положениях, так и во многих частностях и подробностях. Наконец, он считает необходимым установить и проверить ее исторически. Историческое исследование, между прочим, дает писателю необходимый материал и основание указать и выяснить те пути и средства, руководясь которыми, можно было бы восстановить нарушенный грехопадением нормальный порядок нашей духовной жизни. «Бог создал человека для блаженства и

именно в Нем, чрез живое с Ним общение. Для сего вдунул в лицо его дыхание Своей жизни, что есть дух... Человеку даны в духе сознание и свобода, но не затем, чтоб он зазнавался и своевольничал, а затем, чтоб сознав, что все имеет от Бога и для того, чтоб жить в Боге, все свободно и сознательно направлял к сей единой цели. Когда он так бывает настроен, то в Боге пребывает и Бог в нем пребывает. Бог, пребывающий в человеке, дает духу его силу властвовать над душой и телом, а далее и над всем, что вне его. Таково и было первоначальное состояние человека. Бог являлся прародителям и подтвердил все сие Своим Божественным словом, наказав им Его Единого знать, Ему Единому служить, в воле Его Единого ходить. Чтоб они не запутались в соображениях, как все это выполнять, Он дал им небольшую заповедь – не вкушать плодов от одного древа, названного Им древом познания добра и зла. Так и начали жить наши прародители и блаженствовали в раю. Позавидовал им падший прежде того по гордости дух и сбил их с пути, наустив их преступить данную им небольшую заповедь тем, что обольстительно представил, будто со вкушением от запрещенного плода они вкусят такого блага, которого без того и вообразить не могут, – станут как боги. Они поверили и – вкусили. Дело вкушения, может быть, и не велико, но худо, что поверили, не зная кому. Может быть, и это не так бы было важно, если б не те страшно преступные мысли и чувства к Богу, какие, как яд, влил в них злой дух. Он наговорил им, что Бог запретил им вкушать от древа затем, чтоб и они не сделались богами. Этому поверили. Но поверив так, они не могли не принять хульных о Боге помышлений, будто Он завидует им и неблагожелательно к ним относится, а приняв такие помышления, не могли миновать и некоторых недобрых к Нему чувств и своевольных решений: так мы же сами возьмем то, до чего Ты не хочешь допустить нас. Мы сами себя устроим наперекор Ему. Вот эти-то мысли и чувства были страшно преступны! Они-то и означают явное отступление от Бога и враждебное восстание против Него. У них внутри то же произошло, что приписывается злему духу: выше облак

поставлю престол мой и буду подобен Вышнему, – и это не как летучая мысль, а как враждебное решение».

«Так сознание зазналось и свобода воссвоевольничала, приняв на себя устройство своей участи. Отпадение от Бога совершилось полное с отвращением неким и враждебным восстанием против Него. За это и Бог отступил от таких преступников, – и живой союз прерван. Бог везде есть и все содержит, но внутрь свободных тварей входит, когда они Ему себя предают. Когда же в себе самих заключаются, тогда Он не нарушает их самовластия, но храня их и содержа, внутрь не входит. Так и прародители наши оставлены одни. Если б покаялись поскорее, может быть, Бог возвратился к ним, но они упорничали и – при явных обличениях ни Адам, ни Ева не сознались, что виноваты. Последовал суд и наказание изгнанием из рая. Тут опомнились, но уже было поздно. Надо было нести наложенное наказание, а за ними и всему роду нашему».

«Дух был властен над душой и телом, потому что состоял в живом общении с Богом и от Него получал Божескую силу. Когда пресеклось, живое общение с Богом, то пресекся приток и божеской силы. Дух, себе оставленный, не мог уже быть властителем души и тела, но был увлечен и сам завладен ими. Над человеком возобладала душевность, а через душевность – телесность, и стал он душевен и плотян. Дух хоть тут же, но без власти. Он заявляет свое существование то страхом Божиим, то тревогами совести, то недовольством ничем тварным, но его предъявлений не берут во внимание, а принимают только к сведению, всю заботу обращая на устройство своего быта здешнего, к чему и назначена душа, – и быта, более вещественного, потому что здешняя жизнь посредствуется телом и что все телесное осязательнее и кажется нужнее».

«Когда произошло такое извращение порядка в соотношениях частей естества нашего, человек не мог уже видеть вещи в настоящем виде, не мог держать в должном порядке свои потребности, желание и чувства. Они пришли в смятение, и беспорядочность стала характеристической их чертой. Но это недоброе, конечно, состояние было бы еще

сносно, если б не страсти, а то страсти превзошли и тиранят человека. Смотрите, как рассердившего бьет гнев, как лихорадка? Как завистливого источила зависть, что посинел, бедный? Как опечаленного иссушила скорбь, что он – кости и кожа. – Таковы и все страсти. Вошли же они вместе с самостью. Как только произнеслось внутри праотца: *так – Я* сам... так самость внедрилась в него – сей яд и сие семя сатанинское. Из нее потом развилось все полчище страстей. Расплодившись внутри, они еще более возмущают и без них уже смятенное там состояние».

«Так вот в чем болезнь. Дух зазнался и засвоевольничал. За это: потерял власть и подпал под владычество души и тела и всего внешнего. Отсюда смятение душевно-телесных потребностей и желаний, – и особенно их безмерность. Эту безмерность сообщает им от себя дух, ими поработанный. Сами по себе эти потребности мерны и не бурливы. То, что они меры не имеют и бурлят, это от того, что дух бушует в них; ибо у него по природе энергия безгранична. Отсюда обжорство, пьянство, копление денег... и прочее многое, чему меры не думает давать человек».

«Так что же нужно для того, чтоб все в нас поставить в прежний – первоначальный чин?»

«Как скатились мы под гору, обратно тому надо и восходить опять на гору. Как зашла болезнь, противоположно тому действуя, можно изгнать ее. Отпали от Бога, надобно воссоединиться с Ним. Отпали, усомнившись в слове Бога, надо восстановить полную веру сему слову. Потеряв веру Богу и в Бога, приняли мы пагубное решение: *так я сам*, – надо уничтожить это – *я сам*. Когда образовалось это пагубное – *я сам*, дух наш потерял свойственную ему силу властвовать над душой и телом, и напротив сам подпал под иго рабства им; надо восстановить сию власть духа. Когда власть духа пресеклась, потребности души и тела разбрелись в разные стороны и в желаниях наших произошло смятение; надо все эти потребности опять привести к единству и установить в их чине взаимоподчинение. Вместе с пагубным: – *я сам*, втеснилась в

круг жизни нашей стая страстей, подобно диким зверям, терзающих нас; надо изгнать сии страсти»⁹⁹.

Понятие об истинно-христианской жизни

Последними словами ярко начертана краткая по форме, но необъятно обширная по содержанию программа жизни и деятельности, нравственно-обязательной для каждого истинного христианина. Подробному указанию и всестороннему раскрытию путей и средств, ведущих к выполнению этой программы, а вместе и достижению последней цели христианской жизни – соединению с Богом посвящено большинство нравоучительных трудов Преосв. Феофана. С одним из таковых способов, притом самом важным и совершенным, мы уже подробно познакомились по сочинению «Путь ко спасению». Сам автор относит последнее произведение к числу аскетических и оно действительно таково. Хотя изображенный в книге путь нравственного совершенства был жизненно пройден писателем ее, но тут же нельзя не видеть и того, что подобный подвиг далеко не всем по силам. Его могут проходить с успехом только совершенные, особые избранники Божии, находящиеся под чрезвычайным руководством спасающей благодати. Лучшей средой и удобнейшим средством к осуществлению нравственного христианского идеала святитель признает путь иночества. Но и пребывание среди общества само по себе не может служить существенным препятствием ко спасению. Преосв. Феофан далеко не был сухим и холодным ригористом, отрицающим всякую мирскую жизнь и ее радости. Напротив, признавая семейство и гражданственность богоустановленными учреждениями, он неоднократно и настойчиво свидетельствует, что и среди обычных условий человеческого общежития возможно вести богоугодную жизнь и противную мысль нужно считать заблуждением. По учению святителя, как мы уже видели, удалиться от мира не то значит, чтобы бежать от семейства и общества, а оставить все, что опасно для нашей нравственности – порочные обычаи, привычки и требования. Свои мысли и наблюдение о возможности и средствах спасения среди мирской обстановки Преосв. Феофан изложил в словах и беседах, особенно во время епископского служения в Тамбове и

Владимире, а также в письмах к лицам, искавшим его духовного руководства. Тут приходилось применять на практике выработанные им религиозно-нравственные идеалы. Желая дать руководственные правила для своих пасомых относительно духовной жизни, архипастырь иногда вел с ними целый систематический ряд поучений о пути ко спасению, а чаще всего касался этого предмета по частям, применительно к практическим нуждам и случаям. Рассмотрев содержание нравоучительных бесед, мы находим, как было уже замечено, что в некоторых из них проповедник устанавливает понятия об истинной христианской жизни, в других указывает средства и пути к ней, а в третьих, наконец, подробно изобразил ступени восхождения по этому пути. Святитель придавал важное значение раскрытию понятия о существе христианской жизни, не раз ставил и обстоятельно выяснял вопрос о том. По его учению в это понятие неизменно входят три элемента – внешние добрые дела, внутренние чувства и настроения, служащие основанием дел, и, наконец, посвящение тех и других Богу, как необходимое условие нравственной ценности их. Истинно-богоугодная жизнь, – говорит святитель, – слагается из следующих частей: *«Из добрых дел, видимо для всех телом совершаемых, в свое время и в своем месте. Это вот что: просит кто милостыни, подай ему. Причинил кто обиду, прости ему. Пришел враг, ухлеби его. Сел за стол, вкушай пищу по уставу и воздержно. Настало время молитвы, молись благоговейно и как велено... Идешь на должность, трудись усердно, и так далее, и далее. Всякая минута и всякое место имеют свои добрые дела, которые непременно должен исполнять всякий, вступающий в них. В сем отношении вся жизнь человека должна быть непрерывной цепью добрых дел, с той минуты, как он приходит в сознание в сем мире, и до той, как выйдет из него... Как те, кои вышивают картины бисером, ряд за рядом прикрепляют бисеринки к своим местам и именно такие, а не другие бисеринки к тому или другому месту, и только тогда, как соблюдут все сие, не спутают бисеринок и не допустят перерывов и пропусков, картина получает приличный ей вид и свое имя; так и в отношении к нам, тогда только и*

сочтет Господь кого-либо добродетельным, когда он всю картину жизни своей будет развивать так, что не пропустит ни одного места и ни одного момента времени без того, чтоб не сделать обязательного для него тогда дела».

«Другую часть составляют *добрые чувства и расположения*, скрывающиеся под видимо совершаемыми делами. Это суть любовь, мир, терпение, кротость, милосердие, воздержание, смирение, благоговение, отрешение от всего и проч., и проч. Добрые дела, видимо совершаемые, чтоб быть добрыми истинно и служить ко спасению, должны быть непременно выражением какого-либо из внутренних добрых чувств; так что, коль скоро в основе их нет доброго чувства, которым они должны быть воодушевляемы, то они негодны и богопротивны. Так, например, благоговейное к Богу обращение ума и сердца есть доброе, богоугодное внутреннее настроение. Когда оно есть на душе, то требует неотложно и соответственных себе дел, которые и бывают, именно: домашняя молитва, долгие поклоны, хождение в храм Божий к службам, посещение святых мест, чествование икон, возжжение лампад и фимиама, и проч. Подобная же сумма видимых дел есть и для выражений каждого внутреннего чувства; например, для выражения милосердия есть семь дел телесного и семь дел душевного милосердия. Но всегда надобно помнить, что последние, т. е., дела видимые, тогда только и имеют цену, когда они служат выражением первых, т. е., внутренних чувств. Так, все видимые дела благочестия: поклоны, молитвословия, хождение в храм, и проч., тогда только будут истинно добрыми делами, когда служат выражением внутреннего благочестия, или благоговейного к Богу обращения нашего ума и сердца, а без сего последнего они ничто. То же должно сказать и о всех делах милосердия, что они тогда только и суть истинно-добры, когда служат выражением искренней ко всем братской любви во славу Божию, а не каким-нибудь приспособлением к другим, желанием выказаться или как ныне часто говорят, желанием обнаружить гуманность; это – язычество в христианской одежде. То же надо сказать и о всех других внешних делах, – что истинная цена их определяется внутренним расположением...

Ибо иначе можно например, телом быть в храме, а душой – в блудилище, языком снисходительно извинять, а в сердце осуждать, положением тела показывать почтительность, а внутри питать презрение, глазами не смотреть будто на лица, а в душе распалиться похотью, и проч., и проч. Внешне все сии дела и хороши, но цена их пред Богом уничтожается чувствами, кои питают при совершении их в душе».

«Третью часть составляет крепкая, как смерть, ревность о славе Божией, воодушевленная пламенной любовью к Богу и воодушевляющая все добрые чувства сердца и все добрые дела видимые».

«Когда в сердце есть добрые расположения, можно бы, кажется, и успокаиваться на счет своей участи. Но вот что возьмите во внимание! Мы созданы Богом, созданы по образу и подобию Божию, созданы для того, чтоб славилось нами имя Божие во вселенной, или для того, чтоб всех себя всецело посвятили мы Богу... А между тем вот что может быть! Иной сердоболен и сердоболие свое обнаруживает делами, но и помышления не имеет о Боге, при всех делах и чувствах сердобольных. Сердоболие такого не помянется пред Богом, ибо оно не от Него принято, как заповедь, и не Ему посвящено, как служение и жертва. Иной кроток и безгневен и сие расположение обнаруживает делами, не позволяя себе увлекаться чувствами раздора и мщения; но при сем он следует какому-то инстинктивному расположению к уступчивости, образуемому сознанием бессилия и робостью, а не заповеди Господа, Который говорит: «Прости! Мне отмщение – Аз воздам!» Кротость такого не имеет цены пред Богом. Иной воздержен и крайне воздержен: мало спит, почти не ест и не пьет, редко видят его вне, он всегда дома и за делом – но не Богу посвящает он труды свои, а или корысти, или пустой славе человеческой. Воздержанности и трудолюбия такого не признает Господь достойными награды. Так и во всем прочем! Недостаточно иметь добрые чувства и расположения (кои могут быть и естественные – прирожденные), надобно еще, чтобы они возглавлены были одним коренным расположением – ревностью о славе Божией, ею были проникнуты и служили ее

выражением. Коль скоро сего нет, или нет в должной степени и мере, вся доброта наша ни во что вменится пред лицом Господа, Который скажет некогда: отойдите от Мене, не вем вас!.. Не вем вас потому, что вы в праздности жизни своей не давали Мне знать о себе посвящением Мне ваших добрых чувств и дел»¹⁰⁰.

Побуждения стремиться к ней. Наличное содержание внутреннего мира человека в его настоящем, поврежденном состоянии

Нарисовав идеал истинно-христианской жизни, Преосв. Феофан всеми средствами располагал и возбуждал свою паству к достижению его, чтобы паства не осталась холодным зрителем, но чтобы каждый член ее по мере и степени своих сил стремился к духовному совершенству. Для этого проповедник избирает два пути – отрицательный чрез указание действительных недостатков человека и несоответствия его жизни нравственному закону и положительный – напоминанием о некоторых достоинствах и преимуществах, свойственных каждому верующему по самому его христианскому званию. По глубокому убеждению святителя, большинство наших пороков суть грехи нашей духовной неразвитости и неведения. Живем дурно потому, что ясно не сознаем размеров порока и всего вреда его для нашей нравственности, не видим в других и сами никогда не думали о лучших формах жизни. Но если бы человек с одной стороны подлинно уяснил себе и усвоил христианский идеал, проникся им не только умом, но и чувствами сердца, а с другой точно определил уровень своего настоящего духовного состояния и поставил первое зеркалом для второго, то он наверно не остался бы равнодушным зрителем картины. Он тогда ясно понял бы совершенную неудовлетворительность и полное несоответствие своей жизни евангельскому закону. Тогда бы он несомненно ощутил крайнюю нужду в новом, лучшем порядке. Но при представлении своих недостатков иной может дойти до крайности, может почувствовать свое полное бессилие при достижении цели и впасть в отчаяние. Такого человека необходимо ободрить и поддержать, приведя к убеждению, что вместе с недостатками он, как христианин, обладает некоторыми важными преимуществами, например, присущей ему с момента духовного рождения в таинстве крещения Божией благодатью, которая при благоприятных условиях может стать опорой его новой жизни.

Чтобы по истинному достоинству оценить свое настоящее нравственное состояние и вместе почувствовать серьезную нужду в новой лучшей жизни, самым надежным средством к тому является путь самоуглубления – войти внутрь себя и обстоятельно рассмотреть наличность своего духовного содержания. Внутри себя человек найдет множество самых разнообразных предметов и явлений, можно сказать, все кроме должествующего быть *единым на потребу*, кроме мысли о спасении. Внимательно наблюдающему прежде всего бросается в глаза полный хаос в строе духовного мира, совершенное расхищение ума и отсутствие сосредоточения на чем-либо определенном. Дальше, выделяется по своей силе многопопечительность и пристрастие человека к материальным интересам, связывающие его игом житейских забот, как пленника; наконец, в глубине всего лежит сердце, полное одной или нескольких страстей, господствующих и дающих тон и окраску каждой личности. Святитель настойчиво рекомендует этот путь самоуглубления, как лучшее средство ознакомиться с самим собой, почувствовать свою нравственную несостоятельность и возжелать лучшей жизни. «Смежите внешние чувства ваши, – обратите око внимания внутрь и смотрите, что там».

«На первый раз вы ничего там не увидите, не потому, чтоб там не было ничего, но потому что там слишком много всего, – и все сбито и бродит в беспорядочном смятении. Вы будете испытывать то же, что испытывают в густой туман. Как в сем случае туман, как стеной, заграждает от нас все предметы и сокрывает их в себе: так кто в первый раз обращается внутрь себя, тот видит, что как мрачным покровом закрыто все его внутреннее. В этом можно удостовериться теперь же».

«Но не прекращайте труда самоуглубления. Потерпите немного в сем труде, и вы скоро начнете различать мало по малу происходящее внутри вас, подобно тому, как вошедший снаружи в слабо освещенную комнату, постоявши немного, начинает один за другим различать находящиеся в ней предметы».

«Усугубьте же внимание и смотрите: вот предмет, который вас занимал, отошел, – его место заступил другой; этот тотчас замещен третьим; не успел этот показаться, как его теснит четвертый, гонимый, в свою очередь, пятым и т. д. . Одно помышление спешно сменяется другим, – и это так быстро, что всегда почти нет возможности дать себе отчет в том, что прошло чрез нашу голову. Эта подвижность помышлений не оставляет нас не только в промежутках занятий, например, при переходах с одного места на другое, но и во время их, как бы важны они ни были: – и во время молитвы здесь, в храме или дома, – и во время чтения и даже размышления углубленного и проч. Обычно называют это думаньем, в существе же дела – это есть расхищение ума, или рассеянность и отсутствие сосредоточенного внимания, столько нужного в деле управления самим собой. Вот это и поставьте первой чертой нашего внутреннего человека. Подобие ему – смятение снежинок, падающих при ветре, или толчение насекомых в воздухе в летние вечера. Противоположное ему состояние у святых есть внимание ума, по коему ничто самовольно не входит в голову, – и не выходит из нее, все подчинено свободе и сознанию, в коем обычно пребывает один Бог и лицо Его созерцающее».

«Присмотритесь еще внимательнее, и вы различите в себе, – под этим смятением помышлений в уме, – в воле постоянную заботу об устройении своего быта, которая непрестанно точит душу, как червь, гонит человека-труженика от одного дела к другому, устремляя его все вперед, по недовольству ничем обладаемым, и при производстве одного всегда представляя сотни других дел, будто неизбежных. С первого пробуждения нашего от сна осаждает душу забота и не дает нам – ни посидеть на месте, ни поговорить с кем, как должно, ни даже поесть спокойно, пока не свалит утомленных в глубокую ночь на отдых, в свою очередь, возмущаемый заботливыми сновидениями. Эта болезнь именуется *многозаботливостью*, которая снедает душу, как ржа железо. Ее и поставьте второй чертой бывающего внутри нас. Противоположное ему свойство святых есть беспечалие, которое не есть беззаботность, а

смиранный труд, – правильный, – в предании себя и своей участи всепродуманному попечению Божию». Смотрите еще глубже, – и вы должны увидеть внутри пленника, связанного по рукам и ногам, против воли влекомого туда и сюда, в самопрельщении, однако ж, мечтающего о себе, что он наслаждается полной свободой. Узы сего пленника составляют пристрастие к разным лицам и вещам, окружающим его, от которых больно нам отстать самим и болезненно расстаться, когда другие отнимают их у нас. Как на удочку попавшаяся рыба плавает еще, но никак не дальше, как позволяет нить, к коей прикреплена удочка; или как птица в клетке летает и ходит, но никак не далее пределов клетки: так пристрастие оставляют еще душе свободу действовать, как хочет, пока она не касается предметов их. Коснись дело до сих предметов, душа никак не совладает с собой. И чем больше пристрастий, тем меньше круг свободы. А бывает и так, что иной совсем связан, и не в силах сделать движение в одну сторону без того, чтоб не причинить себе боли с другой. Подобно тому, как идущий где-либо в лесу и запутавшийся там и руками, и ногами, и платьем в прилипчивую траву, каким бы членом ни двинул, чувствует себя связанным: таким точь-в-точь чувствует себя и пристрастный ко многому тварному. Это поставьте третьей чертой нашего внутреннего состояния – *пристрастность*. Противоположное ему свойство святых есть отрешенность от всего, свобода сердца, внутренняя независимость».

«Расхищение ума, многозаботливость и пристрастность – это еще не вся доля наша. Хотя они качествуют внутри, но все еще витают как бы на поверхности сердца. Приникнем глубже вниманием к сему сердцу и прислушаемся к тому, что там. Упрежу ваше соображение сравнением. Путник в горах, – видит пещеру, вход в которую прикрыт разросшейся травой, – внутри мрак. Приложив ухо, он слышит там шипение змей, рычание и скрежет зубов диких зверей: это образ нашего сердца. Случалось ли вам когда наблюдать за движениями его? Попробуйте сделать это, хотя в продолжение небольшого времени, и вот смотрите, что вы можете там увидеть. Получили неприятность – рассерчали; встретили неудачу – опечалились;

враг попался – загорелись местью; увидели равного вам, занявшего высшее место, – начинаете завидовать. Подумали о своих совершенствах – заболели гордостью и презорством. А тут человекоугодие, тщеславие, похоть, сластолюбие, леность, ненависть и проч. – одно за другим поражают сердце. И это иногда в продолжение нескольких минут. Все это исходит из сердца и в сердце же возвращается. Справедливо один из подвижников, внимательных к себе, созерцал сердце человеческое полным змий ядовитых, кои суть страсти. Когда загорается какая-либо страсть – это то же, как бы змий выходил из сердца и, обращаясь на него, уязвлял его жалом своим. И когда возникает змий – больно, и когда жалит – больно... Ужаливая, питается он кровью сердца и тучнеет; тучнея, делается более ядовитым и злым, и еще более тиранит сердце, в коем живет. Так бывает не с одной только страстью, но со всеми, а они никогда не живут по одиночке, а всегда все в совокупности, одна другую заслоняя, но не истребляя»¹⁰¹.

Внимательно наблюдая жизнь и движение страстей, мы, несомненно, заметим, что самые сильные и злые из них те, которые имеют в своей основе самолюбие и питаются им. Они-то лежат в самой глубине сердца и оттуда властно определяют и направляют нашу нравственную жизнь, характеризуют нашу личность. Самолюбие, заключающее человеческую жизнь в узкий круг преследования одних личных интересов, должно считать с христианской точки зрения норовом более других противоестественным, ибо человек создан для служения Богу и ближнему. Во внешнем нашем поведении оно сказывается и обнаруживается в трех главных видах – *самовозношения, своекорыстия и любви к наслаждениям или чувственности*. Самовозношение – яркое и более других заметное проявление самолюбия. Оно есть принадлежность всех возрастов и всех нравственных состояний. Не только люди, обладающие действительными достоинствами, но и не имеющие их при первой возможности готовы показать себя. Знал враг человеческого рода эту всеобщую слабость и без затруднения прельстил первых людей именно внушением искусительной мысли, что будут *яко бози*. По-видимому, нет ничего

предосудительного в том, что человек имеет слабость полюбоваться собой. Но это только по-видимому, ибо из превозношения вырастает немало других пороков, как от своего корня. Превозносящийся всегда своеволен, потому что предпринимает и ведет дела по одному своему личному, чаще всего случайному и мимолетному усмотрению, даже иногда по капризу, а не по голосу разума и совести или по совету других людей, более сведущих и опытных. Он чрезмерно самонадеян, ибо успеха в предпринятом ожидает только от себя и своих личных сил. Занимая видное положение в обществе, требует, чтобы его воля беспрекословно исполнялась другими, а потому склонен к властолюбию. При неисполнении своих желаний становится мстителен и пр. и пр. В своекорыстии особенно обнаруживается существо самолюбия. Своекорыстный исключительно живет своими личными интересами. Личная польза, выгода – основная пружина и высшее мерило его деятельности. Где они есть, он на все готов, не исключая самых тяжелых трудов и лишений. Когда же они отсутствуют, и он пальцем не двинет. Особенно не красив и предосудителен этот порок, когда принимает вид крайней скупости. Наша чувственность выражается, главным образом, в служении телу. Чувственный только, и занят своими физическими удовольствиями, в удовлетворении их только полагает и находит цель жизни. О духовных вещах и вопросах ему некогда и подумать, да они и не интересуют его. Из чувственности, как семени, вырастает много пороков, служащих обнаружением ее и нередко искажающих здоровую человеческую природу. Так потребность в питании влечет чувственного человека к объедению и пьянству; разнообразие цветов – к щегольству; естественная склонность к продолжению рода – к сладострастию и распутству и пр.

Так порочна человеческая природа, между тем наша совесть в большинстве спокойна и даже мы склонны думать, что у нас все идет нормально и нет ничего особенно дурного и предосудительного. В чем же тут основная, коренная причина? С одной стороны в нашей духовной неразвитости и неведении, а с другой – в беспечности. Ясно не видим опасности для

нравственной жизни, а потому и не ощущаем тяжести греха. Постоянное внимание и внутренний контроль над своими душевными состояниями для нас совершенно непривычны. Подвиг бдения над самим собой один из самых тяжелых и неприятных. Еще горшие плоды приносит беспечность. От частых нарушений нравственного закона и падений у нас постепенно притупляется острое вначале чувство различия добра и зла; наконец, мы становимся «постыдно» равнодушны к тому и другому. «Семя всего нравственного зла – самолюбие. Оно лежит на самом дне сердца. Человек по назначению своему должен бы забывать себя в своей жизни и деятельности, – должен бы жить только для Бога и людей. Освящая свою деятельность возношением ее, как благодарственной жертвы, к Богу Спасителю, он должен бы всю ее простирать на пользу ближних и на них же изливать все, что ни получил от Щедродавца – Бога. Одно здесь не бывает без другого: нельзя любить Бога, не любя ближних, и нельзя любить ближних, не любя Бога, – равно как любя Бога и ближних, нельзя не жертвовать собой славе Божией и благу ближних. Но когда человек мыслью, сердцем и желанием отвращается от Бога, а вследствие того и от ближних; то естественно останавливается на одном себе, – себя поставляет средоточием, к которому направляет все, не щадя ни Божественных уставов, ни блага ближних».

«Вот корень греха! Вот семя всего нравственного зла! Глубоко кроется оно во внутренности сердца. Но разрастаясь и подаваясь ближе к поверхности сердца, семя сие выходит из него уже в трех видах, как бы в трех стволах, проникнутых его силой, преисполненных его жизнью: в самовозношении, своекорыстии и любви к наслаждениям. Первое заставляет человека говорить в сердце своем: кто как я; второе: всем хочу завладеть; третье: хочу жить в свое удовольствие».

"Кто как – я! – Какая душа не ощущала в себе подобного движения? Не те только, кои от природы одарены высокими совершенствами, или своими трудами успели сделать что-нибудь важное и общепольное, могут мысленно возноситься над другими. Самовозношение проходит по всем возрастам,

званиям и состояниям; следует за человеком чрез все умственные и нравственные степени усовершеня; оно не подчиняется никаким внешним отношениям, и хотя бы человек жил один, в безвестности и отдалении от всех, он всегда, и везде несвободен от искушения превозношения. С тех пор, как он к сердцу принял первую лесть змия: *будете яко бози*, с тех пор он начал возвышать себя над всеми, как Бог, – начал ставить себя выше той черты, на которой поставлен природой и обществом – это общая болезнь всех и каждого. Кажется, что опасного полюбоваться мыслью, что я выше того, другого, третьего? – А между тем, смотрите, сколько зла и сколько темных порождений проистекает из сей незначительной, по-нашему, мысли. Мыслью и сердцем возносящий себя над всеми, если предпринимает что, предпринимает не по гласу разума и совести, не по советам мудрых и внушению слова Божия, а по своим соображениям, предпринимает потому, что этого ему хочется: он своеволен; – если приводит в исполнение предпринятое, – всего ожидает от одного себя: он самоуверен, самонадеян; когда исполнит, все относит к себе, и оттого бывает высокомерен, горд, притязателен, неблагодарен; – поставляя себя в отношение к другим, желает, чтобы везде и во всем исполнялась его воля, чтобы все двигалось по его мановению: он властолюбив и склонен к насилию; поставляя других в отношение к себе, не может терпеть их влияния, в каком бы скромном виде оно ни являлось: он презрителен и непокорлив; встречая нарушение своей воли, выходит из себя; обиженный воспаляется мстью; он жаждет чести и славы, когда обладает сильным характером; лицемерен и тщеславен, когда слаб душой; дерзок, своенравен, спесив, склонен к пересудам, когда низок. Вот в каких видах является самовозношение, вот сколько греховных движений одолжены ему своим происхождением! – Едва ли кто может не изобличить себя в том или другом».

"Хочу, чтобы все было мое, замышляет своекорыстный – и вот вторая отрасль коренного нравственного зла. Заметнее всего раскрывается в ней дух самолюбия. Оно, как бы само лично, действует здесь: своекорыстный не скажет слова, не

сделает шага и движения без того, чтобы отсюда не вытекла для него какая-нибудь выгода. Так все у него рассчитано, так все упорядочено, всему дан такой ход, что и время и место, и вещи, и лица – все, к чему прикасается его рука и мысль, несет в его сокровищницу сродную себе дань. Личная польза, интерес – это коренная пружина, везде и всегда приводящая в быстрое движение все его существо, и по ее возбуждению он готов все обратить в средство для своих целей: будет искать высших степеней достоинства и чести, если это выгодно; возьмет самую трудную должность, если она прибыльнее других; решится на все труды, не будет ни есть, ни пить, лишь бы соблюдалась его польза. Он или корыстолюбив, или любостяжате́лен, или скуп, и только под сильным влиянием тщеславия может любить величие и пышность. Его собственность дороже ему самого себя, дороже людей и Божественных постановлений. Душа его как бы поглощается вещами и живет даже не собой, а ими. Вот сила и область второй отрасли злого семени – самолюбия! И у кого нет каких-нибудь вещей, с которыми расстаться столь же больно, как потерять самое сердце, – расстаться со счастьем?»?

"Хочу жить в свое удовольствие, говорит порабощенный плоти, – и живет в свое удовольствие. Душа погрязает у него в теле и чувствах. О небе, о духовных нуждах, о требованиях совести и долга, он не помышляет, не хочет и даже не может помышлять (Рим. 8:7). Он изведal только разные роды наслаждений; с ними только и умеет обходиться, говорить о них и рассуждать. Сколько благ на земле, сколько потребностей в его теле, столько полных удовольствиями областей для преданного чувственности, и для каждой из них образуется в нем особенная склонность. Отсюда – лакомство, многоядение, изнеженность, щегольство, лень, распутство – склонности, сила которых равняется силе закона природы, стесняющего свободу. Станет ли он услаждать вкус, делается сластолюбивым; игра цветов научает его щегольству, разнообразие звуков, – многословию; потребность питания влечет его к многоядению; потребность самосохранения – к лени; иные потребности – к распутству. Состоя в живой связи с природой чрез тело, душевно преданный телу столькими

каналами пьет из нее удовольствия, сколько в теле его отпавлений и вместе с наслаждениями он впивает в себя и коренной дух природы – дух механического, произвольного действия. Потому, чем у кого больше наслаждений, тем теснее круг его свободы, кто предан всем наслаждениям, тот, можно сказать, совершенно связан узами плоти».

«Вот как разрастается в нас зло от малого, почти незаметного семени. На дне сердца, как мы заметили, лежит семя зла – самолюбие; от него идут полные его силой три отрасли зла – три его видоизменения; самовозношение, своекорыстие, чувственность, а сии три рождают уже бесчисленное множество страстей и порочных наклонностей; как в древе главные стволы пускают от себя множество ветвей и отростков, так образуется в нас целое древо зла, которое, укоренившись в сердце, расходится потом по всему нашему существу, выходит вовне и покрывает все, что окружает нас. Подобное древо, можно сказать, есть у каждого, чье сердце хоть сколько-нибудь любит грех, с тем только различием, что у одного полнее раскрывается одна, а у другого другая сторона его».

«Что же за причина, что мы большей частью не замечаем его в себе и нередко держим на мысли и в слух, не стыдясь, говорим: что ж такое я сделал? Или чем я худ? Причина тому очень естественная, и она есть новое порождение живущего в нас греха. Не замечаем потому, что не можем. Этого не позволяет нам грех: он очень хитр и предусмотрителен. Не покровенное древо зла, изображенное нами, с первого раза могло бы стать пред взором ума и оттолкнуть от себя каждого; потому он спешит одеть его листвию, прикрыть его безобразие, и прикрывает так, что не только корня и стволов, даже и ветвей не может различить душа, в которой растет сие древо. Этот покров слагается из неведения, нечувствия и беспечности. Не знаем своей опасности, потому и не ощущаем ее; не ощущаем, потому и предаемся беспечности. Таково сердце человека греху работающего, кто бы он ни был. Противоположное сему сердце святых свободно от страстей, или украшается бесстрастием»¹⁰².

Присутствие и явление благодати Божией в его жизни

Преосв. Феофан возбуждает человека ко вступлению на путь добродетельной жизни не только с отрицательной стороны, как уже замечено выше, но и с положительной – напоминанием о некоторых принадлежащих ему духовных дарах. Христианин и в своем настоящем, поврежденном и греховном состоянии не должен отчаиваться во спасении, ибо ему по самому существу христианского звания присущи некоторые духовные преимущества, которые при благоприятных условиях могут послужить основой и облегчить его нравственное возрождение. Прежде всего такой дар он имеет в благодати, живущей в нем с момента духовного рождения в таинстве крещения. Многие христиане, погруженные в греховную жизнь, не замечают в себе этого дара, даже изумляются, когда им указывают на него. Это чаще всего происходит от того, что люди не имеют ясного представления о действиях и проявлениях благодати Божией. Многие под последним разумеют какие-то особенные, чуть не чудесные знамения. Между тем обнаружением благодати являются все более или менее усиленные и повышенные наши нравственно-религиозные настроения. Так, когда человек в своем уме особенно ярко представит какой-либо теоретический догмат христианства – Промысл Божий, искупление и др., глубоко погрузится в размышление и проникнется им до забвения всего окружающего; когда в чувствах сердца настолько сильно напечатлется какая-либо практическая истина, например, мысль о будущей загробной жизни, что верующий как бы в действительности переживает явление ее – испытывает мучения совести, блаженство праведников; когда, наконец, иному приходится пережить особенно восторженное духовно-нравственное настроение, причем человек, отрешившись от окружающей действительности, ясно ощущает свою полную внутреннюю неудовлетворенность и недовольство установившимся строем жизни; когда ему представляются крайне мелочными и суетными все обычные жизненные

интересы и он считает себя способным и готовым на подвиги добродетели – любви, самоотверженного служения ближнему – все это несомненные обнаружения благодати Божией. Нет такого человека, который бы не переживал подобных состояний и, следовательно, всякий испытывал действие благодати. Все различие между людьми в этом отношении состоит только в том, сколь часто встречаются подобные явления в их жизни. У одного они обнаруживаются в редких, исключительных случаях, у другого бывают чаще, а есть и такие, у кого они выражают постоянные нравственные настроения. Итак драгоценный дар св. благодати несомненно присущ каждому верующему, хотя при настоящем порядке в большинстве находится в скрытом состоянии. При лучших же нравственных условиях он может ярко обнаружиться и сделаться источником и опорой новой духовной жизни. «С изумлением иной спросит: вот и я христианин, и я верующий, – неужели же и во мне есть благодать св. Духа?! Так и есть. И да не отменяет никто благодати Божией. Мы изумляемся: неужели есть в нас благодать? А Апостол изумляется нашему о сем неведению. – *Или не veste*, – говорит, – *яко храм Божий есте и Дух Божий живет в вас*. Благодать Св. Духа несомненно изливается на нас в св. таинствах и пребывает в нас с того времени, как крещаемся и помазуемся миром; но являет себя различно, судя по различному отношению нашему к сей благодати. В иных пребывает она сокровенной, неявляемой; в иных обнаруживает себя в свойственных ей действиях на нас, но обнаруживает не непрерывно, а с перерывами; иных, наконец, осеняет вполне и неотступно являет действие свое, – и для них и для других заметно».

«Кто принял таинства, в том есть уже благодать, хотя она не являет еще своего присутствия сквозь действия человеческие. Так семя, брошенное в землю, но еще не прозябшее и не проросшее из земли, – хотя есть, но его не видно. В ином месте есть жила чистой и целительной воды, но скрыта под землей. Люди ходят по тому месту и нередко пьют дурную воду, а чистая вода тут же есть, да скрыта. На ином поле лежит под землей какое-либо сокровище; хозяин трудится,

обрабатывает землю и иногда мало добывает трудами... а сокровище тут же, да не видно. – Таким же образом и в сердце нашем бывает сокрыта благодать, как сокровище, как родник, как семя; но она в иных не видна, не являет плодов, не источает воды, не обогащает. Она есть, но не обнаруживает своих действий. В притче Спасителя, получивший один талант и скрывший его в землю, имел талант, но ни сам не пользовался им, ни другой не видел его. Так и здесь. Крещенный и миропомазанный уже получил благодать возрождения и дар Св. Духа и имеет его, но, обратив заботы свои на иные предметы, он может зарыть сие сокровище в земле сердца своего так, что ни ему, ни другим оно не видно. Он может томиться жаждой духовной или пить гнилую воду земных утех; а источник благодати, могущий утолить его жажду, тут же в нем, да завален. Он может голодать и быть бедным духовно; а сокровище духовное всеобогатяющее и семя древа плодоносного и всенасыщающего – тут же в нем, да загромождены хламом земных дел и забот. Поройся в земле и, может быть, откроешь сокровище, или родник чистой воды. Пройдет влага и тепло к семени, и оно прорастет и плод принесет. Так и здесь, – дай простор благодати действовать, и она воздействует и явит силу свою в тебе и на тебе».

«Подвиги самоотвержения, труды добродетеля и благочестия дают простор действию в нас благодати Св. Духа, и она – сокровенная приходит тогда в явь и действие свое показывает – и самому благодать носящему и другим».

«Но, и въявь пришедши, или воздействовав уже в сердце, благодать не вдруг являет всю силу свою, или всю полноту своих действий, а постепенно, по частям, прерывчато. То действует на одну сторону естества нашего, то на другую, то на одну силу, то на другую, – то мысль просветит, то сердце усладит, то силы укрепит. И ни одного нет из тех, кои не преданы какой-либо греховной страсти, и ни одного нет, кто не ощущал бы в себе иногда действие благодати. Когда в уме вообразится какая-либо св. истина, например: творение, промысление, искупление и проч., или какое событие евангельское – распятие, воскресение, вознесение и проч. –

вообразится так сильно, что окует все внимание ума, и так ясно, что он созерцает все подробности и убеждается и питается тем, – то это плод благодати Божией. Когда сердце поражается страхом суда, или исполняется надеждой благ вечных, или чувствует сладость, умиление, сокрушение, отрешение от всего с такой силой, что оно будто переносится совсем в другую область – из окружающего нас, то это есть действие благодати. Когда душа ликует, благодушествует, готова на всякое добро, на всякий труд, на всякое лишение и даже смерть, все терпит, не страшится никаких препятствий в Богоугождении, – все сии и подобные состояния суть явления действующего в нас Духа Божия».

«И не даром, когда побывает кто в каком-либо из сих состояний, именует его благодатным состоянием. В нем дается вкусить человеку то, чего ничто земное дать не может. Всякий бывает в сих состояниях, но не у всякого они бывают постоянны; а приходят и отходят, даются и отъемлются подобно тому, как в видимом мире бывает то светло, то облачно, то ветрено, то тепло, то холодно. Так судила спасительная благодать для нашего ж блага, чтоб не связать свободы нашей, чтоб постепенно воспитать нас к благодатному пребыванию и научить ценить благо, которое дается не вдруг, а после многих опытов даяния рукой, как бы сокращенной. Благодать, – говорит св. Диадокх, – иногда неизъяснимым каким-то ощущением открывает сердцу свое присутствие, и потом опять скрывается, ожидает, чтоб душа ревностнее еще взыскала Господа, вкусив блага от стремлений к Нему. Из вкусивших сего кто не пожелает, чтоб учащались сии состояния и, приходя, не скоро отходили, но продлялись и долее давали себя ощущать? – Трудись и ищи! Но ведай, что усугубить или умалить, продлить или сократить, зависит от Господа, устрояющего спасение наше так, чтоб все споспешествовало нам во благо. – Сие говорится не за тем, чтоб кто руки опустил, а чтоб усугубил труд, который, как ведомо, по милости Божией, все преодолевает. Трудись и ищи»¹⁰³.

Учение о средствах и путях к истинно-христианской жизни

Решившемуся отправиться в путь, предварительно необходимо знать правильное направление его, встречающиеся препятствия и запастись всеми нужными средствами к успешному прохождению его. Такими необходимыми условиями на пути спасения являются следующие пособия: 1) знание и содержание православного учения о главных истинах христианских для освещения направления пути, 2) принятие благодатных таинств Церкви для стяжания духовных сил, нужных при движении, 3) участие во всем христианском богослужении и труды добродетеля, как лучшие упражнения для подкрепления и возгревания этих сил и 4) наконец – необходимость верить себя руководству духовных пастырей с целью получить указание к преодолению препятствий и разъяснению сомнений и недоумений, могущих встретиться по дороге. Для всякого христианина, тем более для вступающего на путь доброй жизни, существенно нужно знание главных истин веры – о Боге, мире и человеке, особенно необходимо уяснить и установить человеку его истинные отношения и обязанности к Верховному Существу и своему ближнему. Христианство дает на это полные, определенные и непререкаемо авторитетные ответы, не допускающие никаких сомнений и колебаний. Богооткровенные истины всем доступны и им можно научиться повсюду: в храме Божиим – во всем здесь читаемом, поемом и действующем; в слове Божиим или Св. Писании, в творениях древних отцов и учителей Церкви и, наконец, во множестве выходящих ныне религиозных, назидательных книг и повременных изданиях. Но далеко не все люди духовно питаются от этого благодатного источника. Некоторые предпочитают заниматься какой-либо светской наукой, а огромное большинство живет и довольствуется так называемым легким чтением в виде целой массы издаваемых теперь повестей, романов и произведений периодической печати. Так как в этой области мало истины, а где она и бывает, обычно в

изобилии украшается и затемняется продуктами фантазии, то потому душа человека, всегда в существе своем стремящаяся к обладанию истиной, по необходимости чувствует себя неудовлетворенной и поистине голодает. Душа наша не может жить и требует здоровой духовной пищи, а ей взамен того дают камень. Оттого наше время по справедливости называется нервным, потому-то между нами так много настолько разочарованных и нравственно разбитых, расслабленных, что при первой жизненной неудаче они готовы покончить с собой и действительно кончают. Для успешного и достойного прохождения по пути добродетели верующему необходимы духовные силы, и он получает их в таинствах православной Церкви, которые сопровождают христианина от колыбели до могилы, обильно подавая и сообщая ему свои благодатные дары для всех важнейших моментов жизни. В особенности необходимо святое таинство тела и крови Господа, где верующие принимают истинную духовную пищу и питье. Из житий святых угодников Божиих мы видим, что великие христианские подвижники нравственно питались и подкреплялись им непрестанно, восходя до непрерывного, ежедневного причащения. Но подаваемые в таинствах благодатные силы для своего развития и надлежащего действия нуждаются в соответствующих благоприятных условиях жизни верующего. Такой истинной атмосферой для христианина с одной стороны является церковность, а с другой труды благочестивого добродетеля. Постоянное и неослабное участие во всех богослужебных чинах церковных значительно развивает и подкрепляет духовные силы человека и создает вокруг него как бы неодолимую ограду для отражения всякого рода греховных искушений и нападений, а практические упражнения в трудах добродетели претворяют духовные начала в плоть и кровь нашей нравственной жизни, закрепляя и делая их прочным, неотъемлемым достоянием нашего внутреннего мира. «Собирающемуся идти в путь, чтоб благополучно совершить свое путешествие, надобно знать сей путь, знать направление его и долготу, равно как и все, могущее встретиться на его протяжении, а при самом шествии надо

видеть и его, и то, чем он окружен. Так и христианину, желающему достигнуть живота вечного, надобно знать и ведущий к нему путь, и все ему соприкосновенное, все, что и выше его, и окрест, и впереди его, надобно осветить умственную атмосферу собранием здравых понятий о всем сущем и бывающем, – надобно знать: что есть Бог, что мир сей, как он стоит и куда ведется, что мы, зачем мы здесь, и что ожидает нас за гробом, как нам должно держать себя в отношении ко всему окружающему, – к Верховному Существо – Богу, к братьям нашим – человекам и к миру невидимому, – ангелам и святым. Знающий все сие шествует при свете; а незнающий сего сидит во тьме, и, если б вздумал идти, споткнется, потому что тьма ослепляет очи его. И только христианство разгоняет тьму сию, давая на все сие верные ответы в своем учении. Оно учит, что Бог, в Троице поклоняемый – Отец, Сын и Св. Дух, сотворив все единым словом Своим, все содержит глаголом Своей, и все ведет к Своему предназначению, паче же блюдет человека, и падшего – преестественно восстанавливает во Христе Спасителе, вразумляя его откровениями и руководя заповедями, определяющими все его обязательные отношения и составляющими собственно путь, коим следует идти. Совокупность всех сих понятий и есть свет, указующий нам путь и освещающий его. Итак – узнай православное учение христианское и содержи его всем сердцем, и будешь видеть путь в царствие, и все окружающее сей путь, и все, могущее встретиться в продолжении его. – Это первое».

«Где же незатруднительно может найти всякий и поучиться истине Божией? Обильно предлагается она в церкви Божией всем, хотящим внимать; предлагается и в чтении слова Божия, и в проповедях, и в песнях церковных, и во всем устроении и чинопоследованиях Церкви, и в писаниях отеческих, и во многих-многих душеспасительных книгах. Желющие обильно черплют здесь свет истины Божией и веселятся под осиянием ее. Но не все так делают, и не все, – по виду кажущееся быть вместилищем истины Божией, – в самом деле вмещает ее. Есть люди, кои дни и ночи просиживают над изучением какой-нибудь

науки – математики, физики, астрономии, истории и пр., думая, что питают душу истиной, а душа их чахнет и томится. Отчего? Оттого, что нет истины в тех местах, где хотят ее найти. Не потому так говорю, чтоб науки не могли вмещать истины... но что нередко она бывает оттуда изгнана, и замещена – то мечтаниями, то предположениями, противными истине. А ведь души не обманешь, – как не обманешь голодного, давая ему камень вместо хлеба. Вот она и томится! Но это будто еще дельные занятия – ученость. А что сказать о жадно читающих периодическую нашу письменность? Посмотрите, с каким усилием добывается молодой, а иногда и немолодой человек поскорее получить обычный месячный выпуск; с какой неудержимостью бросается пожрать, как говорят, полученную добычу? Тут и пища на ум нейдет, и сна бывает мало... А какой плод? Две-три удачные фразы, две-три льстящие фантазии, два-три обманчивые предположения, – и все тут... прочее никуда нейдет. И душа недовольна. Берется другая, третья книга... все то же... Душе больно! – Заводятся взаимные беседы... все то же, потому что и предметы бесед и образ трактования их берутся из тех же книг... Приложите к сему мелочность обыденных занятий и соотношений, и вы поймете, что, если б открыть тот слух, которым слышится речь души, вы услышали бы горький в ней вопль: изведите меня из сей темницы... мне тошно здесь. – Дайте мне взглянуть на Божий свет! Так это и есть. – Но кто послушает? Видите, тут не в тоне – питать душу истиной Божией!., и ее томят. И добро бы далеко было идти за сей истиной... Нет, – она тут же; но не хотят открыть очей, чтобы воспринять свет ее. Войди в церковь, послушай, что здесь поется, читается и действуется, и узришь свет истины Божией. Раскрой Евангелие или хотя в руках поддержи сию Божественную книгу, и то отраднее будет душе твоей. А отеческих писаний разве мало у нас теперь в доступном для всех переводе? А других духовных книг и повременных духовных изданий сколько?! но всех сих сокровищниц истины Божией мы не знаем, даже и имен их не слышали».

«Но пусть и знает кто путь, и путь сей освещен: что пользы в сем знании, если нет сил идти по нем? Больной, расслабленный, безногий, лежа при пути, по которому необходимо идти, и так необходимо, что, если не пойдет, погибнет, будет только больше сокрушаться от того, что знает и видит сей путь. В таком бы положении были и мы, если б Господь, просветив нас светом ведения, не дал нам сил идти по указанию сего света: ибо сами собой мы не можем идти, не имеем сил, мы расслаблены, разбиты. Но не смущайтесь! *Все Божественные силы, яже к животу и благочестию, заготовлены уже нам Господом, призвавшим нас в чудный Свой свет (2Пет. 1:3), и всякому верующему подаются в святых таинствах Церкви, подаются независтно, в таком обилии, сколько кто желает и может вместить. Крещение возрождает, миропомазание укрепляет, св. причащение преискреннейше соединяет с Господом Иисусом Христом, св. покаяние восстанавливает падшего, который падает снова по крещении, и пр. Всякое таинство дает особую божественную силу, нужную человеку на пути в Царство Небесное... Итак, зная содержимые Церковью таинства, бывай сколько можно чаще причастником их, с верой и по всему чину, установленному в св. Божией Церкви, – и силы Божественные, нужные к совершению пути в Царство Небесное, никогда не оскудеют в тебе. – Это второе».*

«Но на пути могут ослабевать и истощаться силы, могут встречаться приманки и увлечения. От первого должно прекратиться шествие; от второго – принять ложное направление; конец же того и другого – пагуба. Как же быть? Надо обновлять силы, и отрывать приманки и увлечения. Что нужно для этого? Одно: неуклонно исполнять все постановления Церкви и все чины ее – священнодейственные, молитвенные и освятительные. И вот почему! В св. таинствах мы приемлем благодать Св. Духа, как искру Божественную, ниспадающую в наше естество. Как для того, чтоб искра, павшая в вещество, превратилась в пламень, необходим воздух и движение сего воздуха; так необходима своего рода атмосфера и движение сей атмосферы и для того, чтоб искра Божественной благодати, принятая нами в таинствах, проникла

в наше естество и превратилась в пламень. Сию атмосферу и составляет наша церковность – все чины священнодействий, молитв и последований Церкви, окружающих человека во всех положениях; а движение сей атмосферы есть непрестанное последование священнодействий Церкви одних за другими и непрерывное участие человека то в одном, то в другом. Здесь разумеются дневные службы: вечерня, утренья, литургия, праздники церковные, крестные ходы, молитвования на разные случаи – в домах и церквях, путешествие по святым местам, паче же всего св. посты с говением и причащением Св. Таин. Чем кто усерднее участвует во всех сих чинопоследованиях, тем сильнее и сильнее будет разгораться в нем искра благодати, пока не превратится в пламень, поглощающий весь состав его – душевный и телесный. Кто будет так действовать, у того никогда не истощатся силы, тот никогда не потеряет бодрости на пути и не впадет в беспечность. Этот же способ дарован нам и для того, чтоб отрывать от себя приманки и развлечения мира. Кто живет по уставу Церкви, тот, как за оградой спрятавшийся, не боится соблазнов его. Церковность есть как бы отпевание и отчитывание от омрачения, производимого дыханием мирского духа. Коснется ли кого эта зараза, – беги в церковь, и все отойдет, – или будь неуклонно верен указаниям Церкви, и мир не найдет случая прирастись к тебе; ибо все, что есть в мире, есть и у нас в церкви, только в чистейшем, Божественнейшем виде... Там гулянья, – у нас св. праздники: там балы, – у нас церковные служения: там театры, – у нас Божественные священнодействия. Сравнивай всякий, что лучше, – и не увлекайся пустой приманкой и не оставляй ради ее существенного, плодотворного и питательного. Итак, живи по церковному, и будешь жить, как в духовной атмосфере и ограде, – и силы твои никогда не ослабеют в тебе к продолжению пути, и никакие приманки не увлекут тебя на распутья. – Это третье».

Истинная сердечная церковность не может остаться одним внутренним настроением подвижающегося, но неизбежно скажется вовне и несомненно обнаружится в трудах и подвигах добродетели или исполнения заповедей Божиих. «Как для

растения нужна влажность – соки, которые пьет оно корнями, и, проводя в ствол, образует себя переделанной осадкой их, так нужно своего рода переделание и осадка духовных соков и для души. Сие совершается повседневными доброделанием, или исполнением заповедей, к каким случаи представляет обыкновенное течение жизни нашей. Как соки в растении или пища в теле нашем, оставаясь не переделанными, обременяют только и тяготят, не принося пользы: так все духовные стихии, какие приемлет душа, – истина Божия, таинства и священнодействия и пр., будут только тяготить ее – здесь и вечно – судом совести и Божиим, если она не претворит всего того в свою кровь духовную доброделанием. Вот отчего больны, скорбны и унылы души людей, кои погружены в одни заботы житейские, или одни дела служебные и еще хуже в дела страстные; а о том, чтоб сделать какое добро, и помышления не имеют. Не пропускают они ни одной частички питательной в душу, и она сохнет-сохнет. Не потому так говорю, чтоб дела службы и дела житейские – хлопоты по семейству, торг, обороты разные и разные предприятия были пагубны для души... Нет. Не они сами по себе пагубны, а пагубно то, если ими только одними и занимаются, не заботясь о добродетели, и если, совершая их, совершают не во славу Божию, а для каких-нибудь самолюбивых целей. Как соки в нашем теле обращаются в живую кровь чрез соединение их с кислородом воздуха: так все дела и служебные и житейские могут обращаться в питательную для души стихию, если будем их посвящать все Богу! А когда сего нет, – нет притом и добрых дел, то чем питаться душе? Вот она томится тогда, и жалуется человеку, и внятно говорит ему: пересади меня с этой сухой или гнилой почвы – на ниву Божию, ниву добрых дел, заповедями Христовыми требуемых».

«Коротко скажу вам четвертое. Могут на пути встретиться препятствия, которых не догадаешься, как преодолеть: могут быть расставлены сети, которых не сумеем миновать; могут быть сочетание стезей, при которых не сообразишь, куда идти; может набежать облако, которое скроет совсем путь, и устрасит громом и молниями: к кому тогда обратиться? Как быть? Кто

поможет во всех таких случаях? Ангелы с неба? Но они являются только в чрезвычайных обстоятельствах, оставляя обычное течение дел существующему у нас порядку. Так кто же поможет? Пастыри – отцы духовные, которые и даны Церкви, по апостолу, для того, чтоб не допускать христиан *вляться* недоумениями, – и вести всех неуклонно по пути в живот вечный, научая каждого приходить в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4:11–15). Так, будь покорен руководству отцов духовных, и избежишь распутий и преткновений на пути в Царствие Небесное, и скоро и безбедно притечешь к вратам рая»¹⁰⁴.

Ступени восхождения по ней

Вступивший на путь богоугодной жизни не сразу делает значительные успехи, а движется очень медленно и постепенно восходит к совершенству. На первой ступени он обращается от греха к добродетели и все свое внимание сосредотачивает на совершении внешних добрых дел. Во втором периоде переходит от внешних явлений к своему внутреннему миру и занят преимущественно очищением сердца чрез борьбу со страстями и похотьми. На третьей ступени обращается от себя к Богу и предстоит в своем сердце пред лицом Его. Высшую добродетель имеют только совершенные, а первые две степени доступны всем. Хотя последние служат только подготовительными путями к высшей ступени, но и они необходимы и имеют большую нравственную цену. Кто на какой ступени бы ни подвизался, не потеряет мзды своей, только пусть не стоит на одном месте, ибо это опасно, а стремится вперед по мере своих сил по заповеди апостола, «задняя забывая и в предняя простираясь».

«Есть степени умного восхождения к Богу. Их можно насчитать много. Укажу вам главнейшие:

Первая ступень есть обращение от греха к добродетели. Человек-грешник не помнит о Боге и о спасении души своей не заботится, а живет, как живется, удовлетворяя своим страстям и склонностям без всяких ограничений, лишь бы только это не расстраивало его взаимных к другим отношений. Очевидно, куда приведет человека такой путь! Но грешник в беспечности и нерадении не видит того. Господь же бдит над ним. И бывает, что или ангел-хранитель в сердце, или слово Божие – чрез слух, – открывают очам его бездну, в которую он идет, смеживши очи. Когда грешник восприимет в чувство опасность своего положения и возжелает избавиться от готовой ему пагубы, тогда полагает в сердце своем твердое намерение отстать от прежних своих худых дел и обычаев и начать жизнь по заповедям Божиим. Эта перемена жизни на лучшее, или, как я сказал, обращение от греха к добродетели и есть, – первая ступень

восхождения к Богу. Того, кто вступил на сию ступень, вы видите занятым с напряжением сил сим одним доброделанием. Нет его ни на гуляньях, ни в театре, ни на балах, – нигде, где потешают страсти, и чрез сих служат сатане. Он всегда за делом, – или на должности, или в трудах по семейству, или в делах благочестия и благотворения. Ходит в храмы на службы Божии, как только есть возможность и соблюдает все уставы Церкви, помогает всячески нуждающимся, дело свое ведет добросовестно, терпит, когда нужно терпеть, – и за себя и за других, соблюдает мир и мирит, отличается постоянством и степенностью, не болтает попусту, не бранится, мало спит, мало ест и пр. Вот эта первая ступень»!

«Вторая ступень есть обращение от внешнего доброделания к возбуждению и блюдению добрых чувств и расположений. Внешние дела ценятся более всего по чувствам и расположениям, с какими совершаются. Сии чувства не всегда бывают исправны, при видимой исправности, и потому губят большую часть наших добрых дел. Например, в церкви быть богоугодное дело... но к сему делу может привиться тщеславие и сделать его небогоугодным. Можно с удовольствием стоять в церкви, но для того, чтобы глазеть на то или другое, или чесать слух, как охуждает апостол. И это уничтожает доброту пребывания в церкви. То же может случиться и со всяким добрым делом. Можно милостыню подавать и поститься, да видимы будем; можно много трудиться для других – из человекоугодия; можно уединяться и терпеть – из презорства; можно быть усиленно деятельным – из зависти, – держаться на службе и исправно служить из корысти и неправедных прибытков, так что, если проследить всю сумму наших добрых дел, и строго обсудить чувства, с какими они совершаемы были, может оказаться, что они все – ничто, уничтожаются недобротой сокрытых под ними чувств. – А ведь это жаль! Так вот и надобно нам строго смотреть, чтоб никакие худые чувства и расположения не оскверняли наших добрых дел. Сначала, когда только обратится человек от греха к доброделанию, ему, можно сказать, еще некогда заняться своим внутренним... Вся его забота обращена на то, чтоб отвыкнуть от

худых дел и привыкнуть к добрым. Например, в церковь он не ходил, а проводил это время в какой-либо утехе; надо отвыкнуть от сего обычая худого и привыкнуть к церкви. Милостыню не подавал и тратил деньги на другое что, расточал, прогуливал: надо отвыкнуть от гулянья и привыкнуть к милостыне – подаянию; постов не соблюдал, а ел много, сладко и скромно; надо и здесь от одного отвыкнуть, а к другому привыкнуть. Так и во всем! Так говорю, на первых порах, когда обратившийся от греха только еще отвыкает от дел и обычаев греховных и привыкает к доброделанию, ему некогда следить за своими чувствами, хотя и не невозможно и не необычно сие. Тут борьба его с собой дает высокую цену всякому его делу, хотя бы и проскользнуло когда-либо недоброе чувство. Но потом, когда он навьикнет доброделанию и установится в порядке добродетельной и благочестивой жизни, непременно должно ему войти внутрь своего сердца и строго смотреть за своими чувствами. Прежде враг старался отвлекать его от добрых дел, когда были еще сильны привычки греховные. Теперь же, когда он отвык от сих последних и установился в добре, враг начнет неправыми чувствами уничтожать доброту дел. Так и надобно обратиться внутрь и смотреть за своими чувствами. Вот то время, когда работающий добру, дошедши до сознания беды, опасности или бесполезности труда, если при добрых делах не бывает добрых чувств, положит твердое намерение войти внутрь себя, строго смотреть за своим сердцем и не допускать ни в каком случае недобрых чувств и расположений, или этот поворот и обращение от внешнего доброделания к удобрению внутренних чувств и расположений есть вторая ступень в восхождении к Богу. Называется это внутри-пребыванием, вниманием ума, трезвением, различением помыслов, или очищением сердца. Дело сие состоит все в том, чтобы отгонять недобрые чувства и привлекать, возбуждать и укреплять добрые... С самого утра, говорит св. Диадокх, стань у входа сердца, и посекай главы исходящих оттуда злых помыслов. Ибо какое бы дело ни пришлось нам делать, тотчас лезет из сердца худое помышление, чтоб его осквернить. Наш долг – худое помышление отогнать, а доброе на место его воспроизвести и с

сим добрым помышлением совершить дело. Например, вы собираетесь в церковь; и пойдут помыслы: нарядись получше, чтоб на тебя смотрели, или иди-иди, там увидишь того-то или ту-то... или еще: – сходи; сходишь, скажут, что ты благочестивый и под. Все это надо прогнать, а на место того воспроизвести в сердце чувство обязанности быть в церкви во славу Божию, и с сим чувством сходить в церковь. Как в этом, так надо поступить и в прочих делах. Чем бдительнее кто смотрит за сердцем и чем безжалостнее будет отсекал недобрые помышления и чувства, возникающие из него, тем скорее ослабит, заморит и истребит сии страстные помыслы. Они будут показываться все меньше и меньше, а наконец, и совсем улягутся и перестанут беспокоить, а на место их укоренятся чувства добрые и святые. В сердце водворится тогда мир и невозмутимый покой. Это походит на то, как стакан мутной воды поставить так, чтоб он не колебался. Нечистота все будет оседать вниз; чем более она спадает, тем чище становится вода, а наконец, и совсем очистится. Небо, солнце, луна и звезды в нем будут видимы! Вот это вторая ступень – очищение и чистота сердца чрез борьбу с помыслами и страстями»!

«Третья ступень – есть *обращение от себя к Богу*, которая состоит в том, чтоб стоять умом в сердце пред лицом Бога, что, собственно, и есть вхождение во внутреннейшее – за завесу – путем новым и живым. Первые две ступени суть только приготовление к сему, но такие, что без них ему быть нельзя. Как, наоборот, те две без сего последнего не приводят к цели. Начало сего состоит в том, чтобы утвердиться в помышлении о присутствии Божиим. Где бы кто ни был, что бы ни делал, сознавай, что всевидящее око Божие утверждено над твоим сердцем и все проникает его. Как солнце на небе светит и освещает всю вселенную, и все твари движутся и действуют под его освещением: так да творим и мы все свои духовные дела, – на умственной тверди своей имея утвержденным умное Солнце – Бога всевидящего. Сие настроение внутрь нас само собой приходит по умиротворении помыслов на второй степени, – и очищении сердца от страстей. Ибо так говорит Господь: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*. Но не в одном

зрении существо сей степени, как бы холодном Богу предстоянии. Это только преддверие. Дело же самое в том, чтобы сердцем к Богу устремляться, забыв все – и в себе и окрест себя, в Боге исчезать, или к Нему восхищаться. Святые отцы называют его исступлением, т. е. выступлением из обычного порядка жизни и погружением в Бога, по-гречески *экстасис*. Чтобы сделать это понятнее для вас, скажу вам – один-другой пример: об одном старце говорили, что он помнил себя только до первой *славы*, т. е., на три псалма, а потом погружался в Богосозерцание и так умно – без слов молился Господу, стоя неподвижно. О другом старце говорили, что он вечером становился на молитву, обращаясь лицом на восток, воздевал руки свои, был восхищен к Богу, и так пребывал неизменно до тех пор, пока солнце, взошедши, ударами лучей своих не низводило его с блаженнейшей высоты. Вот это и есть восхищение, или самое вступление во внутреннейшее – пред лицо Бога. Это высшее его состояние. Но обычное проявление сей степени – в начатках – есть горение сердца, – или возбуждение чувств при чтении, молитве, доброделании, дома и в церкви, за делом и на пути. Плод сего – молитва. Вспадет чувство на сердце, человек входит сознанием внутрь; и ничего не хочет иметь в мысли, кроме Бога. Если в сем состоянии он молится, то сытости не знает поклонов и молитвенных воздыханий к Богу. Горение сердца ублажает его, и ему всегда хотелось бы быть в сем состоянии, как уверяет Макарий Египетский, если б можно. Вот, кто начал приходить в такие состояния, тот вступил на третью ступень, т. е. стал восходить от себя к Богу! Это предел восхождений, но такой, которому конца нет, ибо Бог бесконечен»¹⁰⁵!

Теперь верующий переживает такое нравственное состояние, когда во внутренней его жизни раскрывается царство Божие, когда наступает момент исполнения слова Евангелия – *царствие Божие внутрь вас есть*. Святитель Феофан, несомненно лично переживший подобное неземное состояние, все течение его наглядно изображает следующими чертами. «Отличительная черта состояния, когда раскрывается царствие Божие внутрь, есть *внутри-пребывание*. Сознание все

сосредотачивается в сердце и стоит пред лицом Господа, изливая пред Ним свои чувства, более же всего болезненно припадая к Нему в смиренных чувствах покаяния, с соприсущей готовностью весь живот свой посвящать на служение Ему единому. Такой строй устанавливается каждодневно, с минуты пробуждения от сна, держится весь день, при всех трудах и занятиях, и не отходит, пока сон не смежит очи. Вместе с образованием такого строя, прекращается все настроение, которое характеризовало внутри до этого момента, в период искания, в это переходное состояние томления. Неудержимое брожение мыслей прекращается; атмосфера души становится чистой и безоблачной: стоит одна мысль и память о Господе. Отсюда *светлость* во всем внутреннем. Все так ясно; всякое движение замечается и достойно оценивается, при умном свете, исходящем от лица Господа созерцаемого. Вследствие сего всякий недобрый помысл и недоброе чувство, приражающиеся к сердцу, в самом зародыше встречают сопротивление, и прогоняются. Тут исполняется то, что советует Филофей Синайский: «от утра стань у входа сердца и именем Иисусовым поражай подступающих врагов». Это прогнание недоброго может быть мгновенно, но может длиться часы, дни, месяцы и годы; между тем существо дела всегда одно, именно то, что ничто недоброе не допускается в сердце, а встречает решительный отпор с минуты сознания недоброты его, и гнание его не прекращается, пока совершенно не упразднится от него сердце. Вслед за сим, что ни думается, что ни чувствуется, что ни желается, что ни говорится и ни делается, думается, чувствуется, желается, говорится и делается, по точному сознанию, что все такое не оскорбляет неотступно созерцаемого Господа, благоугодно Ему и сообразно с Его волей. Если же против воли и проскользнет что-либо противное, тотчас смиренно исповедуется Господу и очищается внутренним покаянием или внешним исповеданием, так что совесть всегда хранится чистой пред Господом. В награду за весь такой внутренний труд подается дерзновение к Богу в молитве, которая и теплится непрестанно в сердце. Теплота молитвы непрестанная есть дух этой жизни, так что, с прекращением сего

тепления, прекращается и движение духовной жизни, как с прекращением дыхания прекращается жизнь телесная»¹⁰⁶.

Частное наставление о том, как христианину располагать свой день

Преосвященный Феофан стремился дать не только общее руководство и установить основной строй духовной жизни вверенных и вверившихся его водительству лиц, но применительно к действительным потребностям последних нередко удовлетворял частные нужды, входил в личные интересы, можно сказать, благоустраивал каждый их день и каждый шаг. Тут приходилось применять на деле выработанные им и вышеизложенные начала. Так одной корреспондентке, искавшей совета и указания относительно порядка своей ежедневной жизни, святитель пишет: «Ваше время только то, когда вы у себя в комнате. Его потрудитесь распределить так, чтоб оно все принадлежало Господу, – утренние часы особенно... от просонок до 12 час. Тут поместите вашу утреннюю молитву. Лишь проснетесь, вставайте. Не жалеете тела. Если оно блажить хочет, рассердитесь и сгоните себя с кровати. Хорошо, если б сей час же и на молитву, чтоб все думали, что вы еще спите. Вы уже знаете, что поклоны умиляют. Да, поклоны весьма важное дело. Ими надо начинать – три, пять, десять... пока посогреется сердце; ибо с просонок оно всегда бывает вяло и холодно. Потом прочтите утренние молитвы не спешно, со вниманием, зря Господа пред собой, чтение сопровождайте поклонами поясными или земными, смотря по движению сердца; но чем чаще, тем лучше... Заключите чтение опять поклонами, моля Господа о том, в чем чувствуете нужду, пока насытится сердце. Число поклонов, ежели нужно, определите себе сами, а то так, сколько душе угодно... хоть сотню. По совершении молитвословия, хорошо несколько времени провести в Богомыслии, или в творении молитвы Иисусовой. Сядьте, или стоя и ходя говорите: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий помилуй мя... говорите сию молитву побольше раз... уж не менее сотни. Потом и днем, сколько можно чаще, творите сию молитву. И к иконе днем-то хорошо почаще подходить и класть поклоны по усердию пять,

десять, и более, с молитвой: Господи помилуй, Боже милостив буди... вот и все. И пред сном такой же порядок, т. е. несколько поклонов вначале, молитвы на сон грядущим, несколько поклонов опять, и по крайней мере сотню молитв Иисусовых. Как хорошо ходить в церковь для воспитания духа молитвенного! Устройте же себя бывать чаще в церкви за обедней, или вечерней, или как можете. Если б всякий день и все службы бывать в церкви, то скорее бы разверзся источник молитвы сердечной... Бывайте по крайней мере по возможности. К сему молитвенному труду надобно приложить чтение Слова Божия и св. отцов. Хорошо читать каждый день дневное Евангелие и дневной апостол. И сделайте так – утром, после молитвы Иисусовой. Но читайте с размышлением, углубляясь в силу слов и, сколько можно, доводя до сердца. Хорошо, когда какое место займет всю душу. С ним можно ходить весь день, держа его в памяти. Из св. отцов: св. Исаака Сирианянина, Ефрема, Макария Египетского, Достопамятные сказания, Лествицу, Варсонофия и Иоанна и друг. Из них каждый день прочитывайте сколько-нибудь. Много не надо читать... Прочитавши что-нибудь, жуйте его, пока дойдет до сердца. И довольно. Вот вам признак полезного чтения! Когда какое место так займет, что все мысли и внимание сосредоточатся в нем, это хорошо. Всякое другое чтение есть праздное».

«По вечеру, или после обеда, хорошо читать жития святых дневных. Для того под руками имейте Четь-Минею. Есть ли у вас какое рукоделие? Если нет, изобретите. Без рукоделия плохо. Читать и молиться (разумею молитву и вове выражаемую) нельзя непрестанно. А праздно сидеть, мысли блуждать начнут; так и надобно в помощь себе рукоделие изобрести. Рукоделие продавайте и на милостыню раздавайте, прося Господа о помощи в науке молиться Ему. Как распределить молитву, чтение, рукоделие, вам самим виднее. Только так распределите, чтоб не было праздного времени ни минуты»¹⁰⁷.

Учение о том, как сподобиться человеку мирной, христианской кончины

Давши руководственные правила нравственной жизни, Преосв. Феофан считал необходимым разъяснить своей пастве и вопрос о том, как сподобиться человеку мирной христианской кончины. По учению святителя препятствием к установлению правильного понятия о смерти и переходе в загробный мир являются следующие причины – излишнее пристрастие к земным вещам, недостаточно ясное представление о силе и важности благ будущей жизни и, наконец, страх пред будущим судом. Желая умереть по-христиански и достойно вступить в новый мир должен в течение своей земной жизни устранить все эти препятствия. Будучи сам великим аскетом, Преосв. Феофан вместе с тем был далеко не склонен насиловать чужие убеждения и совсем не требует от каждого христианина полного отрешения от мира и неизбежных его принадлежностей. Напротив, он прямо говорит, что нам нельзя обойтись без многих материальных вещей; только настаивает, чтобы мы имели правильное понятие и установили надлежащее отношение к ним, как не имеющим сами по себе никакой нравственной цены, а служащим только средством для поддержания жизни нашего духа и необходимой обстановкой для его деятельности. Следует так расположить к материальным предметам свое сердце, чтобы с ними во всякое время можно было так же легко расстаться, как например, скинуть ненужную одежду. Конечно, сделать этого сразу нельзя; но возможно достигать подобного состояния чрез внимательное, неослабное наблюдение за своим внутренним миром, путем медленной и настойчивой борьбы с самим собой и упражнения в добродетели, постепенно отсекая одно пристрастие за другим, начиная с меньших и слабо развитых. Одновременно со стремлением отрешиться от излишней привязанности ко всему материальному, мы должны возбуждать и воспитывать в себе вкус и любовь к духовным благам загробной жизни, возгревать желание ее по образу и примеру апостола, который желание

имый разрешится и со Христом быти. Одним из лучших средств к тому служит размышление о скудости и ничтожности благ земных, о высоте и величии благ небесных, а вернее всего ведет – ощущение горечи всего земного и вкушение сладости небесного, что дается только путем продолжительных и усиленных подвигов веры и благочестия... Всякого человека в конце жизни смущает страх предстать пред грозного судию. Так как основанием этого страха являются наши грехи, то самым естественным и надежным средством избавиться от него, конечно, было бы – не делать их. Но человек не только рождается и живет, но и зачинается во грехах, а потому он должен всю свою нравственную деятельность сосредоточить на принятии и употреблении духовных мер и способов к ослаблению и уничтожению их, каковых мер нет нужды изобретать и отыскивать, ибо они обильно предлагаются Церковью уже давно готовыми – и лучшими из них являются покаяние за прошлое и твердое намерение не грешить в будущем. Покаявшийся и решившийся оставить прежнюю греховную жизнь может смело явиться на суд, хотя бы он и не успел еще совершить важных подвигов добродетели, так как имеет за себя великого ходатая пред Отцом-Судией – Его Единородного Сына, излившего пречистую и бесценную кровь Свою за доставление средств и возможности спасения падшего человечества. Если на земле преступник уверен, что за него заступится наследник престола, то без боязни пойдет к царю, какое бы преступление ни совершил. То же бывает и на небе.

«Смерть не есть уничтожение, а переход из сего земного жилища в другое. Но когда – возьмите пример из обычной жизни, – когда из одного места в другое переходят не только с душой покойной и мирной, но и радостно? Тогда, когда не бывают ни к чему привязаны в том месте, из которого выходят, – и того места, в которое переходят, не только не страшатся, но и всячески желают, ради чаемых в нем утешений и приятностей. Расположимся же подобно сему и относительно смерти – и мы встретим ее не только без скорби и страха, но и с радостным желанием... Именно –

1) Погасим в себе всякое пристрастие к телу и всему телесному, к земле и всему земному. Ибо, когда ничто не привязывает на земле, откуда будет скорбь при оставлении ее? Как свободно и легко отделяются одна вещь от другой, когда они не связаны и не склеены, а только приложены друг ко другу: так легко будет отделение души от тела, когда в ней не будет привязанности к телу и когда она пребывая в теле, не по телу живет. Странник, идущий к своему назначению, спокойно и охотно оставляет места, где останавливается. Почему? Потому, что не успевает к ним привязаться, что они для него чужие. Так и когда сердце наше будет считать чужим себе все земное, нам не будет затруднения перейти в другую жизнь».

«Конечно, нам нельзя быть без некоторых вещей, или даже многих вещей. Но можно так расположить к ним свое сердце, что с ними так же легко будет расстаться, как скинуть ненужную нам одежду. Об этом и позаботимся. Трудновато сие? Да... но можно сделать сие не вдруг, а мало по малу. Как враг опутывает душу пристрастиями земными? – Навязывая их одно за другим, подобно тому, как паук опутывает попавшиеся в сети насекомые, набрасывая на них паутинку за паутинкой. Наоборот – кто хочет выпутаться из сих сетей, пусть ухитрится действовать противоположно тому – отсекай одни пристрастия за другими, начиная с меньших и доходя до больших. Как завязший в тину выдергивает член за членом, пока совсем освободится: так станем отсекай пристрастие за пристрастием, пока станем совершенно свободными. Если употребим такой труд, то к часу смертному можем быть совсем уже отрешены от всего и готовы без скорби оставить землю и все земное, ожидая только мановения Божия».

2) «Но не одни пристрастия земные могут возмущать покой души в час смерти. Не менее тревожит и страх, – как явиться на тот свет, где надо стать пред лицо Бога – Судии праведного, очи Которого светлее солнца – все проникают, и все видят, а у нас много грехов. Как тому, кто знает что за собой, страшно идти к начальнику, и тем более к царю: так страшно грешникам предстать пред Бога, – так страшно, что, по слову Божию, они бывают в необходимости кричать: горы, падите на ны! Причина

сему – грехи, оскорбляющие Бога. Потому, желает ли кто без страха встретить смерть и покойно перейти на тот свет, пусть позаботится о том, чтобы быть безгрешным, или если уже погрешил, пусть сделает, чтобы грехи сии не послужили ему в осуждение. Как это сделать? Искренним покаянием и решимостью – не нарушать более заповедей Господних. Кто грешил – вперед не грехи, а о прежних грехах принеси покаяние. Покаяние и сокрушение о грехах с исповедью и обещанием не грешить более – изглаждают грехи отовсюду, где они печатлеются – из существа нашего, из всего окружающего, – и даже из памяти Божией и делают кающегося грешника неповинным пред лицом Бога праведного, облакая его одеждой оправдания, заемлемой от ризы Господа, ради нас пострадавшего... Разрешение священническое раздирает рукописание грехов, а разодранное рукописание теряет всю свою силу, по воле самого Судии, Который сказал: *елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесах* (Мф. 18:18). Уверенность в сем исполняет сердце грешника благонадежием, и хотя он знает, что грешил, но идет пред Судию без трепета, зная, что его приход туда предварило уже оправдание, или что там при Судии есть и Ходатай, готовый заступиться за него... Ибо *аще кто согрешит, Ходатая имамы ко Отцу Иисуса Христа Праведника* (1Ин. 2:1). Если б какой преступник уверен был, что за него заступится наследник престола, голос коего силен у царя, то без боязни шел бы к царю, какое бы преступление ни сделал. Так без страха и смущения может явиться пред Судию Бога и грешник, – покаявшийся: ибо там за него заступится едиnorodный Сын Божий, грехи наши взявший на Себя и вознесший на древо, и сказавший: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные грехами, и Аз упокою вы* (Мф. 11:28). Так, кто хочет покойно умереть, покайся и впредь не грехи».

3) «Если за тем к сим двум расположениям, т. е., отрешению от всего земного и покаянию, присоединим еще возжелание благ будущих, то смерть нами встречена будет не только без скорби и страха, но и с охотой. Охотно иной оставляет дом, когда в нем сыро, или печи дымят или кровля

худа... Иной, хотя и не встречает в доме каких неприятностей, охотно переходит в другой дом ради того, что предполагает в нем найти более удобств и выгод житейских. Так, когда мы умом постигнем и сердцем ощутим с одной стороны скудость и ничтожность благ здешних, с другой – высоту и необъятность благ, ожидающих нас в другом мире, то не только с охотой, но с сильным устремлением будем желать перехода из сего мира в другой, подобно Ап. Павлу, который говорил о себе, что сильно желал разрешиться и со Христом быть, и Пречистой Владычице, которая каждое утро ходила на гору Елеонскую, (где потом на краткий срок положено было и тело Ее), и молила Божественного Сына своего, чтоб поскорее взял Ее отсюда и дал возможность зреть красоту лица Его... в селениях небесных. Душа, постигая, что значит жизнь здешняя и жизнь в другом мире, будет вздыхать о сей последней, как пленный вздыхает об отечестве, странник о родном доме и сидящий в темнице о свободе... и с немалым желанием призывать себе смерть, как избавительницу, благодетельницу и утешительницу. Спросите, – как возвести душу к таковому настроению? – Можно размышлением о ничтожестве благ земных и величии благ небесных, а вернее всего – ощущением горечи всего земного и вкушением сладости небесного. Ибо тогда выйдет то, что вкусив сладкого, не захотят горького – отвратятся от последнего и возжелают первого. Или еще лучше: тогда душа будет бежать из сей жизни в другую, как бегут из душной комнаты на свежий воздух».

«Вот и все, что нужно нам, чтоб умереть спокойно. – Не иметь пристрастия к здешнему, совесть очистив – жить добродетельно, – воспитать в себе сильное желание благ вечных. Первое и последнее придут сами собой, когда будет главное, т. е., чистая совесть и добрые дела»¹⁰⁸.

Глава VII. Проповеди

Общая характеристика их

В главе о епископском служении Преосв. Феофана мы рассмотрели его практическую деятельность, как проповедника, а теперь скажем несколько слов о его литературных гомилетических трудах. Проповеди святителя находятся в ближайшей и тесной связи с нравоучительными сочинениями и стоят, как часть и особый отдел последних. Преосв. Феофан принадлежит к числу очень плодovitых проповедников, ибо от него осталось четыре тома поучений, из которых одни были произнесены по должности ректора академии в С.-Петербурге, а другие – в звании епископа к Тамбовской и Владимирской паствам. Особенно была обширна и производительна его учительная деятельность во Владимире. Менее чем за три года общественного служения здесь он произнес 138 слов и бесед, причем в течение одного 1864 года сказал 74 проповеди, из которых на месяц март падает 9, а на август даже 11. Такое обилие поучений объясняется взглядом архипастыря на значение проповедничества в пастырском служении. Епархиальные дела он называл «пустенькими», только проповедывание Слова Божия считал делом существенно важным, «обязательством, свыше ему предопределенным». Для него проповедь – «священнодействие слова». «Слово есть могущественное средство помогать ближнему. В нем душа выходит и, сочетаясь с другой, силы ему придает». «Проповедь единственный истинный садовый нож в руках делателей вертограда Божия». Вот почему святитель так дорожил учительным правом; ради сохранения его он готов был пожертвовать всеми другими. «Пусть возьмут все права, – замечает он, – а оставят одну свободу, не стесняясь говорить по-пастырски».

Каково же содержание, – в чем существенный характер и основное направление церковно-учительных трудов Преосв. Феофана и к какому роду проповедников принадлежит их автор? В русской православной гомилетической литературе сложилось два рода произведений. У одних проповедников

исходным пунктом их учительного слова служат явления наблюдаемой ими современной действительности, историческая жизнь современного общества. У других же церковных учителей началом и точкой отправления являются главным образом их собственные душевные состояния, потребность поделиться со слушателями благочестивыми чувствами своей религиозно-настроенной души. Они редко затрагивают те или другие явления современной общественной жизни. Характер и содержание их проповеди почти исключительно определяется их личным душевным настроением. Лучшими и выдающимися представителями первого направления у нас признаются преосвященные – Иоанн Смоленский, положивший начало ему, Никанор Херсонский и в последнее время Амвросий Харьковский; а выразителями второго направления являются – приснопамятный Московский святитель Филарет, Иннокентий, Димитрий Херсонские и др. К числу последних принадлежит и Преосв. Феофан. Основную задачу и главный предмет своих проповеднических трудов сам святитель ясно и определенно выразил следующим образом: «Лучшее употребление дара писать и говорить есть обращение на вразумление и пробуждение грешников от усыпления и такой должна быть всякая церковная проповедь и всякая беседа». Т. е., по убеждению Преосв. Феофана церковно-учительное слово должно быть ни чем иным, как непрерывным благовестием о путях духовного совершенства. И действительно, хотя между поучениями его встречаются беседы догматического, литургического и исторического содержания, но огромное большинство их нравоучительного характера. В своей проповеднической деятельности архипастырь широко и особенно настойчиво стремился выполнить основную задачу всей своей жизни – указание пути ко спасению. Из предыдущих отделов книги мы видели, какое видное место занимают нравственные вопросы в поучениях Преосв. Феофана. По проповедям его мы уже знаем учение об идеале истинно-христианской жизни, о путях и ступенях восхождения к нему, о мирной христианской кончине, о молитве и пр. Здесь нам хотелось бы привести несколько хронологических данных о том,

что мысль о спасении всегда была господствующей и занимала внимание проповедника, начиная с самых первых опытов его учительной деятельности. Еще на школьной академической скамье юный студент уже глубоко размышлял о предметах христианской нравственности и в своей первой проповеди на Вознесение Господне он уже задается вопросом об отношении и плодах этого славного священно-исторического события ко спасению человека и таковыми считает: «возвышение, примирение, освящение и укрепление ищущих спасения людей». Чрез два года по окончании академического курса – в 1843 году, произнося слово на Воздвижение в храме Новгородской семинарии, проповедник для того и рассуждает о тайне креста Господня, чтобы показать как течет из него, как из источника, истинно христианская жизнь». «Чтобы восстановить и воскресить нашу настоящую жизнь по падении, – говорит он, – надлежит умертвить того чуждого человека, который всем завладел в нас, стал душой всей нашей деятельности. Желая спастись должен погубить свою душу, по заповеди Спасителя. И действительно, все губящие ее чрез внутреннее распятие со страстями и похотями и только они одни и начинают жить истинно по духу». В следующем 1844 году иеромонах Феофан говорит о спасении в слове на св. Пасху; в 1845 г. касается того же вопроса в проповеди на Благовещение и т. д. Еще шире и обстоятельнее ту же мысль стал развивать и раскрывать проповедник со вступлением на святительскую кафедру. Тут уже вопросы нравственного совершенства по временам занимали целый ряд непрерывных церковных бесед, например, в Тамбове было произнесено пять слов о спасении, с полным и всесторонним раскрытием предмета, в систематическом порядке и естественной последовательности.

Указанной задачей и важнейшим предметом учительного слова Преосв. Феофана определяется истинный характер и внутренние достоинства его слов. Главная особенность святителя, как проповедника, и вместе высшее достоинство в том, что он поистине и наиболее полным образом в новое время осуществил идеальное требование христианской проповеди, указанное апостолом и состоящее не в диалектике и

риторике, а в явлении духа и силы, религиозного верования и убеждения. Проповеднические труды его характеризует то исключительной важности свойство, точное понятие о коем нельзя выразить никаким словом человеческим и которое в гомилетиках носит название *помазания*. Эта истинная искра божественного огня, всегда присущая и проникающая поучения Преосв. Феофана, делает их единственными и несравненными, близко напоминающими проникновенные беседы древних христианских подвижников-пустынников. Его слово есть проповедь жизни единственно для Бога и в Боге, проповедь аскетического идеала и для жизни в самом гражданском обществе. Во всяком церковном поучении Преосв. Феофана ярко обнаруживаются, как типические, два явления. С одной стороны, внутреннему сознанию проповедника всегда преподносятся, как живые, образ Господа и Спасителя нашего Христа, Его Пречистой Матери, апостолов и всех святых. Мысль его всецело занята их учением и заповедями, памятованием смерти, суда, вечного блаженства праведников и вечных мучений грешников. С другой стороны слово святителя вращается главным образом в области внутренней, сокровенной жизни людей, в сфере их духовно-нравственных состояний и сердечных движений. Оно всегда исходит из глубины его любвеобильного сердца, прочувствовано и пережито им самим. В нем проповедник износит наружу сокровище внутренней христианской жизни и все богатство своей личной нравственной силы, причем глубина и широта психологического анализа нередко являются просто изумительными. Вместе с тем проповедник постоянно обращается с призывом к верующей душе слушателей, чтобы она в глубине и тайне своего сердца искала и создала то тихое и безмятежное царство Христово, о котором говорится в Писании: *«царствие Божие внутри вас есть»*. При этом он не столько доказывает, сколько высказывает свои идеи, столько же поучает своих слушателей, сколько трогает их, воодушевляет религиозным чувством, наполняет сердце то раскаянием и сокрушением, то отрадой и надеждой, то умилением и благодарностью к Богу. Отсюда учительное слово полно того огня внутреннего убеждения и

вдохновения, которое, действуя с неотразимым влиянием на духовный мир слушателей, приводит в возбуждение все силы души, способно так захватить сердце человека и подвинуть его на высокие дела добродетели.

Итак, по своему содержанию и основному направлению проповеднические труды Преосв. Феофана по преимуществу и главным образом имеют характер нравоучительный и назидательный. Между его поучениями резко бросается в глаза незначительное число произведений, так называемого, публицистического содержания – на современные проповеднику темы и злобы дня, и еще меньше всего два-три слова обличительных. Тому и другому явлению были основательные причины. Поучений первого рода мало говорил святитель совсем не потому, что мало интересовался и наблюдал современную ему общественную жизнь. Напротив, он всегда зорко следил за всеми важнейшими проявлениями ее и, когда настояла нужда, смело обсуждал их с церковной кафедры. Когда в половине прошлого 19 столетия русское образованное общество увлеклось заимствованными с Запада новыми идеями, большей частью материалистического направления, тогдашний ректор столичной академии энергично возвысил свой авторитетный голос в защиту христианского мировоззрения против этих идей. Он произнес несколько поучений о духе времени и в частности свое замечательное слово о прогрессе, в которых глубоко и основательно раскрыл весь вред и опасность нового направления для нравственной и религиозной жизни нашего общества и указывал средства к предотвращению зла. Считая современные ему явления общественной жизни преходящими и случайными, святитель не в обсуждении их полагал важнейшую задачу церковного слова. Он прежде всего и главным образом стремился насадить в сердцах своих слушателей истинное понятие о духе христианской нравственности, в том справедливом предположении, что частные случаи жизни тогда определяются уже сами собой, без его руководства. Так же не без основания воздерживался проповедник и от обличительных поучений. Он избегал грозных укоров и резких обличений в том убеждении, что путем мягкого

положительного разъяснения истины скорее можно привлечь к ней слушателей, чем обилием порицаний и угроз. Впрочем, тут важную роль играло и любвеобильное сердце святителя и его замечательная снисходительность к чужим немощам. Опыт показывает, что люди высокой нравственности и истинной добродетели бывают в жизни людьми наиболее терпеливыми и снисходительными к недостаткам ближних. Они знают, как труден путь добродетели, чтобы, ступая по нему, можно было бы поручиться, что, не преткнешься.

Проповеди Преосв. Феофана замечательны и по самому своему внешнему способу составления; ибо они не есть обычный продукт сухой головной работы, а представляют собой живое и непосредственное излияние глубоко чувствующего сердца проповедника. О характере составления их сам автор пишет: «Особенность моих проповедей та, что они не сочиняемы. Обычно бывало вечером, после всенощной, выпью стакан чая, прочитаю Евангелие завтрашнее, потом Апостол... и какая мысль упадет и займет внимание и сердце, ту беру в тему и проповедь там внутри уж сама собой строится. Часа полтора, много два... и проповедь готова... утром читаешь, немножко подладишь. Иногда тему дают внешние обстоятельства, как бывало при посещениях монастырей..., но производство все то же. Это писанные экспромты; как они не из головы шли, то и представляют подслащенное нечто»¹⁰⁹. Этот основной тон по временам видоизменяется в своем развитии. Так поучение к Владимирской пастве носят на себе следы более продолжительной рассудочной работы, чем слова, произнесенные в Тамбове.

Что касается внешней формы изложения проповедей Преосв. Феофана, то хотя они в печати и носят оглавление «слова, речи и беседы», но по своему общему характеру они по преимуществу заслуживают названия последних. Большинство их представляет сердечное собеседование пастыря со своей паствой, как отца с детьми. Это простая, задушевная речь, в которой проповедник с одной стороны вполне открывает слушателям свою душу, а с другой – входит во все духовные нужды их, с трогательной заботливостью и снисхождением

приспособляется к настоящему нравственному состоянию слушателей с целью возвысить их до своего уровня. Чтобы успешно вести подобные беседы, существенно необходимо для пастыря искренне и глубоко любить пасомых. И Преосв. Феофан действительно сердечно любил свою паству и всегда глубоко интересовался жизнью, всегда шел навстречу нуждам ее. Благодаря таким беседам, между епископом и верующими создавались и устанавливались чисто семейные отношения. Подобно тому, как бывает у домашнего очага, когда после дневного труда отец собирает около себя своих детей и ведет с ними речь обо всем, интересующем их, так и архипастырь беседовал с собравшейся около него паствой, в мире и покое воскресного дня, о всех важнейших предметах христианской веры и жизни. Несмотря на свою поразительную простоту, по временам доходящую до народного говора, проповеди Преосв. Феофана относятся к числу красноречивых, ибо они обладают тем истинным красноречием, которое состоит не в громких фразах и красивых жестах, а в том, когда слово оратора, выходя из глубины его сердца и живого убеждения, прямо направляется к сердцу слушателя, проникает в душу и овладевает ей. «Слово, исходящее из духа благонастроенного, – скажем словами самого святителя, – и без внешних средств риторики будет назидательно. Или лучше в нем-то и есть источник исключительно истинного красноречия, а не во внешних приемах». Замечательно, что при своем выдающемся литературном таланте, Преосв. Феофан никогда не решался говорить своих поучений без тетради. С одной стороны тут сказывалось его смирение и чрезвычайная скромность во мнении о самом себе, как бы боязнь излишне довериться и положиться на свои силы, а с другой – подобная особенность вытекала из глубокого благоговения к Слову Божию, из опасения не сказать наизусть что-либо неточное, лишнее и особенно неверное и ложное. По мысли святителя, кто в священном месте во имя Божие возвещает Слово Божие, тот отвечает за каждое слово. О проповедниках, говорящих без надлежащего приготовления, легкомысленно и поверхностно, нужно сказать, что они не имеют достаточного уважения ни к

верующим душам, ни к Самому Богу, пославшему их с проповедью для душ. Было бы недостойным и оскорбительным для божественной истины представить ее чадам Божиим в несоответствующей ей оболочке, без необходимой точности и серьезной важности.

По свидетельству современников, проповеди Преосв. Феофана производили сильное впечатление и привлекали массу народа. Внимание молящихся было настолько велико, что и при слабом голосе проповедника речь его достигала самого отдаленного угла храма. Многие, слышавшие поучение лично, впоследствии просили автора прислать их на память для себя. Об успехе церковного слова святителя мы имеем несколько достоверных свидетельств. Так о проповедях к Владимирской пастве один из слушателей писал: «Вскоре по приезде, Преосвященный Феофан произвел впечатление на здешнее общество своими проповедями. Каждое служение свое он сопровождает архипастырской беседой. Его слово овладевает вниманием слушателей до того, что, даже при слабости его голоса слышно последнему нищему у церковного порога; речь так общепонятна, что привлекает множество слушателей из простого народа»¹¹⁰. Проповеднические труды святителя высоко ценили и такие авторитеты Церкви, как покойный митрополит Макарий. Когда Тамбовская паства при прощании с ним выражала свое глубокое сожаление, говоря, что его никто не может заменить, и что она его никогда не забудет, владыка заметил: «Вы скоро забудете меня, если я скажу, что на мое место назначен Преосвященный Феофан. Это замечательный человек, особенно, как проповедник. Проповеди его лучше моих». И в настоящее время они не потеряли своего значения. Издаваемые в последние годы отдельными брошюрами слова о молитве, о храмах, о покаянии и причащении и др. нашли себе большой круг читателей и выдержали уже по несколько изданий.

Наша речь об общественном церковно-учительном служении Преосв. Феофана была бы неполной, если бы мы не сказали о другой стороне его служения, – усиленных трудах с целью поднятия и развития дела проповеди среди самих

проповедников – пастырей и учителей Церкви. Деятельность святителя в этом отношении была очень широка и разнообразна. Он в своих поучениях весьма часто призывает подведомственное ему духовенство к неопустительному проповедованию Слова Божия, издает официальные распоряжения в виде указов и инструкций, посылает частные письма, составляет комитеты, пишет целые гомилетические трактаты и, наконец, усердно молится о ниспослании пастырям учительного дара. Конечно, силы одного архипастыря далеко были недостаточны для успешного ведения по целой обширной епархии такого сложного дела, как церковное учительство. И вот епископ привлекает к нему епархиальное духовенство, воздействуя и располагая его всеми возможными и зависящими от него мерами и средствами, как административными, так в особенности нравственными. Преосв. Феофан при всяком удобном случае настойчиво убеждал и внушал духовенству, что проповедничество есть первый, прямой и священный долг его, а вместе с тем должно быть и внутренней потребностью, если только оно правильно и сознательно относится к своему высокому служению. По мысли святителя весь смысл и значение пастырства заключается не в каких-либо внешних преимуществах, а во внутреннем, нравственном влиянии на душу паствы, для чего лучшим и единственно надежным средством является слово проповеди. «Торжество пастырства не в видимом блеске без силы и не во внешних преимуществах, а во внутренней силе их слова над душами пасомых, когда всякий пастырь может сказать: овцы гласа моего слушают, т. е. свой ум и волю покоряют его слову, свои понятия слагают по его учению, свою жизнь устрояют по его советам, и свои сомнения решают его вразумлениями. А всего этого как достигнуть? Не иначе, как чрез проповедь слова; ибо у нас одно это орудие»¹¹¹. Для истинного служителя алтаря Господня проповедничество должно быть внутренней, психологической необходимостью. Как заботливый и попечительный отец, видя нужды своих детей, не может удержаться, чтобы не прийти к ним на помощь, так и пастырь Церкви не должен оставаться равнодушным к удовлетворению насущных духовных

потребностей своих пасомых. К тому же, как присущая человеку жажда истины томит сердце верующих, ищущих и не обретающих ее, так и не высказанная истина должна томить и тяготить душу самого пастыря: «Проводники христианской истины – уста иереев Божиих. Кто из них затворяет уста свои, тот преграждает путь истине просящейся в души верующих. Оттого и души верующих томятся, не получая истины, и сами иереи должны ощущать томление от истины, которая, не получая исхода, тяготит их. Облегчись же, *иерей Божий*, от сей тяготы, испусти потоки божеских словес в отраду себе и в оживление вверенных тебе душ. Когда же увидишь, что и у тебя самого нет истины, возьми ее: она в святых писаниях и, исполняясь ею, препровождай ее к детям твоим духовным: только не молчи. Проповедуй, ибо на это ты призван»¹¹².

Пастырь Церкви, выступающий на учительную кафедру, обязан внимательно и усиленно подготовиться к своему высокому служению и прежде всего должен обладать известной степенью нравственной благонастроенности. Кто хочет вести и руководить других, тот сам должен стоять на известной высоте, дабы ясно видеть, как направление самого пути, так и идущих по нему. Нужно учить не только словом, но и главное делом жизни. Слово бывает действенно только того, кто сам пережил и перечувствовал его в собственном опыте. Иначе оно будет, как медь звенящая и кимвал бряцающий. Пастырь, сам не утративший от недугов духовных, подобен слепцу, решившемуся вести другого, подобного ему, слепого. «Назидать или созидать других может только тот, кто сам воссоздан, чей ум светло созерцает истины, чье сердце согрето теплой любовью к сим истинам». «Того не сообщишь другим, чего сам не знаешь». «Истину можно сказать только по опыту, по вкушении только духовных благ самим делом». «Проповеднику нужно постоянно слышать голос Божий в своей душе. Недостаток же такого настроения ничем не может быть заменен. Проповедь умная, вооруженная всеми способами риторики к возбужденно страстей, к поражению воли, к увлеченно сердца и всеми грациями словесной эстетики останется проповедью

холодной, бессильной, пустозвучащей. Это будет пустоцвет, не могущий дать плода».

И сам святитель, дававший столь возвышенные и мудрые наставления и указания пастырям своей Церкви, являлся для них величайшим авторитетом и истинным образцом, ибо он подлинно учил не только словом, но великим подвигом своей жизни. Как будто о нем было сказано слово древнего историка об одном из отцов Церкви: «Ему немного нужно было слов, ибо для наставления и назидания других достаточно было его жизни».

Располагая духовенство к усиленной проповеди, Преосв. Феофан советует ему не стесняться в выборе тем и предметов, так как слово Божие и сама человеческая жизнь дают обильный материал для того. Учительное слово он понимал очень широко и разумел под ним всякое жизненное явление, способное возбудить и расположить к религиозному настроению. Слово Божие может доходить и доходит до нашего сердца самыми разнообразными путями. Оно постоянно слышится в храме Божиим, за всяким богослужением и вне храма, во всяком молитвословии и песнопении. Оно – в пастырских проповедях, во всякой назидательной книге и душеспасительной беседе. Оно в школах, картинах и пр. Мы как будто объаты словом Божиим, оглашаемся им со всех сторон. «Если вы сыграете на фортепьяно или споете что-либо такое, – пишет святитель одной своей корреспондентке, – что западет в душу слушающих и заставит их вздохнуть ко Господу, то вы тоже сделаете, что делает хороший проповедник в церкви». Вместе с тем Преосв. Феофан давал и практические советы относительно способа составления церковных поучений. По его мнению у нас чаще всего не говорят проповедей потому, что неправильно смотрят на приготовление их. Думают, что проповеди писать то же самое, что и книгу составлять. Между тем это, дело совсем иное. Тут никак нельзя ограничиться одной работой холодного ума, но необходимо призвать на помощь чувство и сердце. Что только когда-либо вспадет из религиозных предметов на мысль и сердце, все то следует немедленно же и занести на бумагу. Про свой личный опыт святитель рассказывает, что он, по

вступлении на Тамбовскую кафедру, в начале сравнительно редко говорил поучения потому, что затруднялся в составлении их, смотря на дело, как на научную работу. Но Воронежский Преосв. Серафим навел его на мысль о том, что проповеди следует писать под влиянием минуты, по вдохновению и за один прием. Святитель на первых порах хотя и недоверчиво отнесся к данному совету, но вскоре же сделал первый опыт после всенощного бдения под воскресный день. За литургией произнес слово и в начале чувствовал стеснение и затруднялся, но дело обошлось вполне благополучно, и этот удачный опыт положил начало всей последующей усиленной учительной деятельности святителя, в конце развившейся до неумолкаемого благовестия. Наряду с частными и случайными мерами и советами по ведению проповеднического дела, Преосв. Феофан предпринимал и целый ряд систематических мероприятий по этом у предмету. Свои взгляды на проповедничество святитель обычно проводил в «Еп. Ведомостях». Так, в Тамбове он сам внимательно следил за епархиальным органом, помещая в каждом номере его большей частью не менее двух проповедей. Одна проповедь была святоотеческая, а другая, произнесенная или им самим или кем-либо из выдающихся тамбовских пастырей. Здесь же помещались изречения старцев подвижников и нравоучительные случаи из их жизни, служившие темами для поучения и располагавшие читателя к вере и благочестию. Для пробуждения духа пастырской и проповеднической попечительности о народе он печатает известное описание жизни св. Тихона Задонского, по запискам келейника последнего Чеботарева. Наконец, в Тамбове он напечатал в «Ведомостях» свой гомилетический трактат под названием «Как составить проповедь», а во Владимире написал особую, обширную инструкцию по постановке церковного учительства, в которой точно определяет: кто, когда, где и что должен проповедывать. Кроме того, Преосв. Феофан принимал и энергические воздействия епархиальной власти в том же направлении. Так, способных и ревностных священников он поощрял наградами, а небрежных и ленивых вразумлял советами и исправлял разного

рода взысканиями. Всегда добрый и крайне снисходительный, архипастырь в этом отношении был строг и требователен. В других случаях обычно ключарь вместо епископа делал выговоры и замечания неисправным членам духовенства, но тут сам святитель лично принимал меры. Так в «Тамбовских Епархиальных Ведомостях» (1861 г.) мы находим следующее его распоряжение: «священника Светлова, без уважительных причин не говорившего ни одного поучения в течение целого полугодия, оштрафовать на вдов и сирот духовного звания на 6 руб. серебром и пропечатать не говорившего поучений в Ведомостях ко сведению по епархии».

Достоин внимания то обстоятельство, что Преосв. Феофан признавал дело церковного учительства настолько важным и вместе трудным, что для благоустроения его считал недостаточным одних человеческих сил и естественных мер и средств, а иногда прибегал и к сверхъестественной помощи. Так, в творениях его сохранилась следующая, составленная им на основании изречений св. Писания молитва по этому предмету: *«Господи Иисусе, Свете мира, истина небесная, воссияй свет Твоего Богоразумия в умах и сердцах учеников Твоих, делателей на жатве Твоей; да будут они умным светом мира, творцами и учителями словес Твоих, учащими пасомых ими блюсти вся, елика заповедал Ты им. Отверзи умы разумети писания; сотвори их всех пресвитерами, добре прилежащими своему званию и делу, тружениками в слове и учении, обучающими себя и пасомых ко благочестию. Слово Твое Божие, Господи, живое и действенное, острейшее паче всякого меча обоюдоостра и проходящее до разделения души же и духа, членов же и мозгов да будет им зеркалом духовным, светильником ногам их и светом стезям их, поучаясь в коем день и ночь и творя повеления Господни, да спасутся сами и слушающие их»¹¹³.*

Чрезвычайный собственный пример неустанного, ревностного проповедания Слова Божия и все принятые меры Преосв. Феофаном к устройению церковного учительства среди духовенства оказали самое благодетельное влияние и принесли обильные плоды. Дело проповеди в Тамбове и во Владимире за

время служения святителя сильно развилось количественно, окрепло и прочно установилось качественно. Проповедь всюду слышалась, а главное она так располагала и привлекала сердца верующей паствы, что последняя во дни праздников во множестве направлялась в храм Божий, оставляя как свои обычные занятия, так и гуляния и увеселения, о чем мы имеем следующее свидетельство: «Благодаря просвещенной заботливости нашего архипастыря у нас в Тамбове началось с недавнего времени нарочитое еженедельное проповедование слова Божия по субботним (за всенощной) и воскресным дням (за литургией и вечерней). Поучение так понравилось публике, что она в означенные дни с усердием спешит в те храмы, где они произносятся. Утешительно, что люди всех сословий, обоюго пола с великим сочувствием встретили новое доброе дело... При звуке вечернего колокола, густая толпа гуляющего народа вдруг начинает редеть, благовест церковный напоминает о вечернем проповеднике, и вот многие, даже весьма многие, оставляют народное зрелище и спешат в собор вслед архипастыря, который каждый раз сам присутствует при сказывании поучений»¹¹⁴.

Проповеди в недели говения. Понятие о говении и как следует проходить его

Чтобы иметь возможно полное и определенное представление о характере церковно-учительной деятельности Преосв. Феофана, возьмем еще на выдержку несколько поучений, кроме уже вышеприведенных, именно – некоторые из его замечательных слов, произнесенных в недели говения. Ревнуя о поддержании и развитии духовной жизни своей паствы, святитель считал необходимым уяснить ей все главнейшие вопросы, связанные со столь важным периодом жизни каждого христианина, как время говения. Он сообщил понятие о говении и о достойном прохождении его, подробно разъяснил, как нужно готовиться и совершать исповедь, как следует проводить канун и самый день причащения, наконец, раскрыл плоды причащения и указал, что потребно покаявшемуся и причастившемуся и пр. Вот некоторые из этих руководственных поучений, существенно нужных и полезных для всякого говеющего, с необходимыми дополнениями из других сочинений святителя:

1) *Понятие о говении и о том, как следует проходить его.* «Говение должно отличать от пощения, или достойного, по уставу Церкви, проведения постов. Оно есть часть поста, но отличается от него большей строгостью касательно пищи и сна и тем, что всегда соединяется с другими благочестивыми занятиями, каковы: прекращение житейских забот и дел, сколько можно, чтение, кто может, св. книг, неопустительное хождение в церковь на положенные службы и пр. Вообще это время исключительно посвящается благочестивым занятиям, кои все направляются к тому, чтобы достойно принести покаяние и исповедь и потом причаститься».

«Таким образом очевидно, что во всем составе говения есть перечистка всей жизни, восстановление всего ее строя, возочищение целей, возобщение с Господом, обновление духа и всего нашего существа. Это то же, что измование зачерневшего платья, или омытие в бане после дороги. Христианин в пути и

при всей осторожности, не укроется от пыли – помыслов страстных и пятен – грехопадений. Как бы ни была мала нечистота, но она то же, что порошок в глазу, или песчинка в часах; глаз не смотрит, часы не идут. Потому неизбежно от времени до времени перечищать себя. Как мудро потому у нас устроено в Церкви и как спасительно повиноваться со смирением такому учреждению!»

«Вот значение говения! Оно – средство к питанию, возгреванию и хранению в нас жизни; но, главное, оно – тщательный пересмотр жизни, падений, их причин, и установление средств избегать их. Когда грехи познаны, сокрушением и неприязнью извержены из сердца, исповедью с обетом омыты, тогда сосуд готов. В причащении приходит Господь и общится с духом достойного, который чувствовать должен: *не убо есмь один, но с Тобою*".

«Все, что вы загадываете, так и должно делать всякому говеющему. И попоститься, и в церковь походить, и поединиться и почитать, и подумать, и собой заняться, все нужно. Но все эти дела надо направить к одной цели – достойному причащению святых Христовых Таин. Чтобы достойно причаститься, надо душу очистить покаянием. Чтобы покаяние совершить как должно, с сокрушением искренним и твердой решимостью не оскорблять более Господа; для этого назначаются все другие подвиги говенья, – и хождение в церковь, и домашняя молитва, и пощение, и проч. все».

«Первое в производстве покаяния есть – войти в себя. Не дают нам войти в себя и заняться собой житейские дела и заботы, и мыслей блуждание по миру неудержимое. Потому говеющий, на время говения, сколько кому возможно, прекращает свои хлопоты, и, вместо хождения по делам, домоседствует. Это пресечение хлопот есть дело крайней важности в говении. Кто его не сделает, тот наверное проговееет кое-как. Приступите же к говению, все отложше».

«Положим, бросили все и сели в своей комнате. Что же тут-то делать? И наедине можно просидеть попусту. Надо взять занятия, идущие к говению. Какие же? Молитву, чтение, размышление».

«Молитва эта, кроме церковной. Та уже сама собой разумеется. Как молиться в церкви, знаете, конечно. Вот что однако ж примите во внимание! ходить в церковь охотно, как в дом Божий – родной, не морщась, и не скучая. Идти в церковь не затем, чтобы только простоять службу, а затем, чтоб от души помолиться, помолиться с теплотой сердечной, с излиянием пред Господом чувств сокрушения, смирения и благоговейного страха и с возношением усердных прошений о своих кровных духовных нуждах. Как в этом успеть, наперед надо сообразить, и в церковь пришедши, на то себя напрягать. Не пустым считать только то простояние на службе, в продолжение которого сердце согрелось и тепло к Богу взывало. Это главное. Слушать службу тоже надо, и вслед за ней вести свои мысли и чувства. Вникать в то, что поется и читается, паче в ектении, ибо они суть сокращенное изложение всех наших нужд, с прошением о коих не постыдно обращаться к Богу. Дай, Господи, вам ощутить сладость пребывания в церкви, чтобы вы стремились туда, как стремятся в теплую комнату с холоду. В говении главнейший производитель дела, для которого говеют, есть пребывание в церкви достодолжное. Прочие дела суть подмоги и подспорья ему».

«Говеющий только и знает, что церковь и дом. Пришли домой: что тут? И тут надобно, сколько есть сил, благоговейное к Господу хранить обращение ума и сердца. В свою комнату прямо из церкви спешите, привет ей делайте несколькими поклонами, прося Господа благоговейно, с пользой душевной провести предлежащее время уединенного дома пребывания. Затем отдохнуть немного надо, посидевши. Мыслям же все-таки блуждать не давайте, а говорите в себе, ни о чем не думавши, одно: Господи, помилуй! Господи, помилуй! Отдохнувши, какое-либо дело надо делать: или молиться, или рукодельничать. А какое когда, – уже это сами себе определяйте».

«Как дома молиться? Вы хорошо сказали, что надо немного надбавить против обыкновенного правила молитвенного. Надо – надо. Но лучше, если вы прибавите не лишние чтения молитв, а подольше будете молиться без молитвенника, сами своим словом, изъявляя пред Господом свои кровные нужды

духовные. Читайте и утром, и вечером не более того, как и в обыкновенные дни; но пред началом молитвословия вашего и после него, сами своей молитвой молитесь, и в промежутки читаемых молитв вставляйте свою молитву, кладя поклоны поясные и земные, и на колена становясь. Докучайте Господу, Матери Божией и Ангелу-Хранителю, в своем к Ним слове испрашивая все, что чувствуете для себя крайне нужным; молитесь, чтобы дали познать себя, а по познании, вложили желание и снабдили силой исправить все неисправное, а паче, чтобы исполнили сердце духом сокрушения и смирения, в коих жертва Богу, самая Ему угодная. Но слишком длинным и долгим правилом себя не вяжите. Лучше почаще вставать на молитву и класть поклоны в продолжении дня понемногу, но часто, чтобы весь день перетростить поклонами. Умом же совсем не отступайте от Господа, на молитве ли стоите, или другое что делаете».

«После молитвы – чтение с размышлением. Читать надо не затем, чтобы память набивать разными сведениями и понятиями, а затем, чтобы получить назидание и уразуметь, как исполнить получше то, что нужно для нас в эти дни говения. Для того читать надо немного, но всякое вычитанное положение доводить до чувства, посредством долгого к нему внимания».

«Что читать? Уж, конечно, – только духовные книги. Из них ничего вам больше не посоветую, как писание святителя Тихона. Есть книжка: *востани спяй* – выборка статей из святителя Тихона, располагающих к покаянию. Есть еще книжка о покаянии и причащении, проповеди на великий пост и приготовительные к нему недели, Я слышал, что она очень бывает пригожа в это время: в ней все говорится только о покаянии и причащении»¹¹⁵.

«Неспешное чтение с размышлением подходящих книг более всего сильно расшевелит душу. На него и налегайте. Утро, после молитвы (утреня слушается с вечера), все на него отрядите, до самых часов. Оно и к церковной молитве подготовит. И после часов можно продолжать то же, когда охоты и внимания достает. Придет во время чтения молитвенное движение, вставайте и молитесь. Читать вместе с кем, или в

одиночку? В одиночку лучше. Потому что при этом удобнее собой заняться и приложить читаемое к себе. Размышление вставлять надо в чтение, а то одно оно уйдет в мечтание и не залучить его».

«Все, что было сказано, есть рамка, в которую вставляется говение, или внешний чин и порядок, которого держатся обычно добрые говельщики. Потрудитесь и вы его придерживаться, если хотите быть доброй говельщицей. Только не принимайте пасмурного вида, не помрачайте лица своего. Все делайте с охотой, с добрым и радостным расположением духа. Так проводите время, как проводят его те, которым предстоит быть на пиру у царя. У этих только о том и мысли, и речи, как будет этот пир, как встретиться с царем: что сказать, как он приветит, как бы получше нарядиться и не ударить лицом в грязь, и проч. Но вам предлежит несравненно лучшее и высшее – предлежит пир не у земного, но у Небесного Царя. Если вы потрудитесь принарядиться, и приготовить так, что Царю понравится, то будете Им приласканы, получите то, чему цены нет и обрадованы несказанно».

«Пост представляется мрачным, пока не вступают в поприще его; но начни, – и увидишь, что это свет после ночи, свобода после уз, льгота после тягостной жизни. Слышали, что в нынешнем Апостоле говорилось: *ночь уже преjde, а день приближися* (Рим. 13:12). Ночь – это время до поста, а день – это пост. Апостол хочет, чтоб мы так же желательно встретили пост, как желательно встречаем день после долгой ночи. Примите только к сердцу то, чего требует, что дает и что обещает пост, – и увидите, что иначе сему и быть нельзя. Ибо чего требует пост? Покаяния и исправления жизни. Что дает? Всепрощение и возвращение всех милостей Божиих. Что обещает? Радость о Духе Святе здесь, и вечное блаженство там. Восприими все сие сердцем, и не можешь не пожелать поста».

«На пост восстает одна плоть, и неблаговолящие к посту плотские суть, хоть им не хочется ставить себя в этот разряд и они несколько благовиднее объясняют свое отчуждение от поста: не хочется оставить жизнь, привольную для плоти, вот и

поднимают жалобы на пост. Духовная же сторона наша любит пост, жаждет поста, ей привольно в нем. И надо бы сказать: возбуди и развей в себе духовную сторону, и будешь с постом в ладу, как с другом своим; но для раскрытия сей-то стороны и узаконен Господом пост. Вот и необходимо наперед самопринуждение; необходим наперед труд несладкий, чтоб потом вкусить плодов сладких. Пусть рассуждение плотское чуждается поста; ты под иго веры покорись и апостольскому учению внимли: *мудрование плотское смерть есть, а мудрование духовное живот и мир: зане мудрование плотское вражда на Бога есть, закону бо Божию не покоряется, ниже бо может*. Почему последующие мудрованию сему Богу угодити не могут (Рим. 8:6–8)».

«Вот с чем граничит отчуждение от поста из угождения плоти и подчинения себя плотскому мудрованию: с потерей возможности Богу угодить и даже со враждой на Бога! Почему, у кого есть хоть малая искра страха Божия, тот не станет чуждаться поста и сам, при свете сего страха, отразит все лживые предлоги к нарушению его. Можно бы сказать: оживи в себе страх Божий и охотно вступишь в поприще поста, и без труда пройдешь его весь от начала до конца; но и опять, как оживить страх без поста? Суета, заботы, пустые развлечения, утехы, страстные увлечения, а то и просто, одна толкотня заведенных отношений не дают войти в себя, опомниться и живо сознать свои обязательные к Богу отношения! Надо исполнить все его (поста) требования. Тогда улягутся суетные желания, помыслы и страсти, внятно услышится голос совести, и живо восстанет сознание Бога и ответственности пред Ним. А после сего, может быть, даже недостаточными покажутся обычные постные труды; ибо страх Божий, оживший сим путем, станет неодолимой, никаких преград не знающей силой, действие которой прямо направляется против всякого угодия плоти, поддерживаемого саможалением»¹¹⁶.

Как нужно готовиться к исповеди и покаянию и в чем существо их

2. *Как нужно готовиться к исповеди и покаянию.* «Исповедание грехов не представляет больших затруднений, когда успеет человек совладать собой и положить намерение оставить грех; но он не совладает собой, пока не раскается; не раскается, пока не осудит себя, и не осудит, пока не познает грехов своих. Так исходное дело в покаянии – познание грехов своих».

«Войди же теперь всякий в себя, и займись прежде всего рассмотрением жизни своей и всего, что в ней было неисправного. Конечно, всякий готов говорить и говорит о себе, что он грешен, и не говорит только, а нередко и чувствует себя таковым; но сия греховность представляется нам в нас в виде смутном и неопределенном. Этого мало. Приступая к исповеди, надобно определительно разъяснить себе: что именно в нас нечисто и грешно, и в какой мере. Надобно знать свои грехи ясно и раздельно, как бы численно. Для сего вот что сделай: поставь с одной стороны закон Божий, а с другой собственную жизнь, – и смотри, в чем они сходны и в чем они не сходны? Бери или свои дела и подводи их под закон, чтоб видеть, законны ли они, или бери закон и смотри, исполнялся ли он, как следует, в жизни твоей, или нет? Например ты был оскорблен и отмстил: так ли велит закон христианский? Видел погрешности других и осуждал: так ли следует по заповедям Христовым? Сделал что доброе и высился, или трубил пред собой: позволительно ли так делать христианину? Или закон велит в церковь Божию ходить неленостно и стоять в ней благоговейно, во внимании и молитве: исполнял ли это? Закон велит не похотствовать, не гневаться, не завидовать, не присвоять чужого и проч.: сообразовалось ли поведение наше с сими правилами?.. Так пройди и закон весь, и свою жизнь всю. Но чтоб ничего не опустить в сем важном деле самоиспытания, хорошо держаться в нем какого-либо порядка. Вообрази себе яснее все обязанности наши в отношении к Богу, ближнему и

самим себе, и потом точнее и подробнее просмотри свою жизнь по всем сим отношениям. Или перебирай заповеди десятизакония, одну за другой, со всеми частными предписаниями, содержащимися в них, и смотри, исполнил ли ты все требуемое ими? Читай также, кто может, нагорную беседу Спасителя, где Он изъясняет закон древний, восполняя его духом христианским, или читай послания апостольские в последних главах, где излагаются обязательные для христиан дела и расположения в общих обозрениях: например с 12 гл. послания к Римлянам, или с 4 послания к Ефесеям, послания апостола Иакова и св. Иоанна Богослова первое, и прочее. Смотришь во все это, как в зеркало, и увидишь, где в тебе какое есть пятно или безобразие».

«Вследствие такого пересмотра жизни, откроется в числе наших дел, слов, чувств, помышлений и желаний множество или прямо противозаконных или полузаконных, таких, т. е. в коих не совсем чисты были намерения, хоть они внешне и сообразны с законом; соберется всего многое множество, и, может быть, вся жизнь окажется составленной из одних дел недобрых, как непрерывная цепь, или непрерывный ряд изделий безобразных и отвратительных».

«Но в этом только начало самопознания, и останавливаться на сем не должно. Надобно проходить далее в познании своей греховности, или глубже входить в греховное сердце свое. Под делами и словами, под частными мыслями, желаниями и чувствами постоянные расположения сердца, служащие для них источниками; совокупность сих расположений составляет личность человека и определяет его характер: их-то потому особенно и надо узнать. Труда тут немного: добросовестность наша пред собой не позволит нам скрыть — чем обладает сердце наше и какие обитают в нем властители. А то, и осязательного можно указать о том свидетеля, именно: какие действия недобрые чаще вырываются, и притом с такой силой, что мы совладать с собой не можем, для тех надобно полагать в сердце соответственную склонность, или страсть, которая и служит постоянным их производителем. Если, например, кто, указывая на другого, в одном случае скажет: смотри, что он

делает! в другом с досадой повторит: какая несообразность! а то – мину покажет насмешливую, и вообще охотнее и больше говорит о чужих делах с невыгодной стороны, тому нетрудно догадаться, что он недугует богопротивной страстью к осуждению».

«Такое рассмотрение приведет нас к познанию господствующих в нас страстей, или одной преобладающей над всеми. Известно вам, что корень всему злу в нас есть самолюбие. Из самолюбия выходят гордость, корыстность и страсть к наслаждениям, а от них уже и все прочие страсти. Они все есть у всякого, кто грешит; но не у всех в одинаковой степени: у одного гордость преобладает, у другого корыстность, у третьего страсть к наслаждениям. И гордый не чужд корыстных видов и наслаждений; но легко одолевает их, когда удовлетворение ими может унижить его; и своекорыстный готов поутешиться, если это ему ничего не стоит и пр. Так у всякого одна какая-либо страсть господствует, а другие стоят как бы в тени и в подчинении ей. Эту-то господственную и надобно увидеть и определить, чтобы потом на нее решительнее и действовать можно было. Один св. отец говорит: Господь требует от тебя восстановления целомудрия; а ты богадельни, да часовни строишь: исправь прежде первое, и второе богоприятно будет».

«Но и еще далее надобно идти в познании себя. После всего надобно определить общий дух жизни нашей, или отличительную черту ее, именно: кому мы служим? Господу, или себе и греху? Что имеем в виду? Себя, или Господа, Его славу и угождение Ему? За кого всегда стоим? За имя Божие, или за свое? Эта черта определяет: что мы такое сами в себе и чего потому ожидать себе должны? Познанием его возглавляется самопознание. Это – общий вывод из предыдущего, который сам собой скажется в совести, ясно определится в сознании, и исповедуется пред лицом Господа всеведущего».

«Так, наконец, вообразится вся картина нашей греховности и вся история нашей греховной жизни: дела, чувства и расположения и главный дух жизни! Вслед за сим надобно возболезновать о себе и оплакать грехи свои».

«Познавши свою греховность, не будь холодным ее зрителем. Не проходи ее мысленно с таким же равнодушием, как ходят по чужому, запущенному и заросшему дурной травой полю. Приблизь сие познание к совести, и вместе с ней начни возбуждать в сердце спасительные покаянные чувства. Сим чувствам, естественно самим собой следовало бы происходить в нас, но не всегда бывает так. Сердце огрубевает от греха. Как чернорабочий человек грубеет от свойства своих работ, так грубеет сердце у человека, который сам себя предаёт на черную работу греху и страстям, копает рожцы и питается ими. Потому нелегко оно умягчается, когда надо бывает возводить его к раскаянию. Вот и еще труд, и труд более значительный: ибо в деле покаяния – все от чувств сердца!»

«Приступая к сему, прежде всего понудь себя дойти до самообличения, напрягись возбудить в себе чувство виновности, так, чтобы в глубине сердца твоего сказалось: виноват! Тут будет борьба с самооправданием, или извинениями своих падений и грехов. Чтобы отогнать их, устрани из внимания все, оставь себя одного и Бога – Судию, и без укрывательства укори себя: знал ты, что не надобно грешить, и грешил; мог воздержаться и избежать увлечения, и не употребил во благо свое своего самовластия; и совесть претила тебе, а ты с презорством заглушал сей Божий в тебе глас. Затем сообрази места, времена и обстоятельства греховных дел своих, и из всего извлеки сведения, которые заставили бы сердце твое и совесть твою проникнуться чувством виновности и воззвать: виноват! ничего не имею в оправдание! Так переходи от одного греха и от одного нечистого расположения к другому, и ко всему, как подпись какую, прилагай: виноват!»

«Совершая, добросовестно сие действие обличения, ты сердечно утвердишь за собой все грехи свои; сознаешься, что и в том виноват, и в другом и в третьем, – во всем виноват; облечешься, как бы во грехи свои и почувствуешь, что они лежат на тебе всей своей тяжестью; сознаешь себя безответным в них и воззовешь: окаянен аз! После же того, как произойдет сие в сердце твоём, поспеши возбуждать, или

изводить из сердца, предрасположенного уже к тому, болезненные чувства, составляющие содержание истинного раскаяния; именно: печаль, что оскорбил Бога; стыд, что довел себя до такой неисправности; жаление, что мог воздержаться и не воздержался; досаду на свой грешный произвол, не внимавший никаким внушениям разума и совести. Чувства сии сами собой готовы будут возрождаться из сердца, после сознания грехов и своей виновности; но ты и сам помогай им развиваться, и раздражай их сильнее и сильнее. Пусть горит в них душа, как в огне: чем более будет гореть, и чем сильнее будет горение, тем спасительнее. Предел, до которого надо довести сие болезнование о грехах, есть омерзение к грехам и отвращение от них. В сем отвращении опора решимости не грешить и надежда самоисправления. Кто отвращение возымел ко греху, тот стал вне его, или изверг его из себя и имеет теперь полную свободу действовать, не чувствуя влечений его. Вот минута, когда смело можешь приступить к обету – не грешить, который произнесется в сердце твоём пред лицом Господа. Пади тогда пред Ним и скажи: не буду! Никогда не буду грешить, хотя бы умереть пришлось: только спаси и помилуй! Сей сердечный обет должен увенчать чувства раскаяния и засвидетельствовать их искренность. Он не в слове, а в чувстве, и составляет внутренний завет сердца с Богом, восстанавливает религию сердца»¹¹⁷.

Как следует проводить канун дня причащения и с какими мыслями и чувствами приступать к таинству

3. *Как следует проводить канун дня причащения и с какими мыслями и чувствами приступать к таинству.* «Вот и суток нет уже до той великой минуты, когда примете вы в себя Господа. Радуйтесь и веселитесь; но вместе не выпускайте из мысли и того, что как минута сия есть самая драгоценная и решительная в жизни вашей; то она требует всего вашего внимания и всесторонней осмотрительности. Господь хочет Сам даться вам и с Собой принести все дары Свои! Сколько преступно не воспользоваться туне предлагаемой здесь милостью, столько же или еще более преступно приступить к принятию ее, не так, как достоин. *Ядый и пийй недостоине, суд себе яст и пьет, не рассуждая тела Господня*" (1Кор. 11:29).

«Сие ведаете, – и, конечно, всякий по силам своим, усердствуете явить себя достойным принять грядущего к вам в св. Тайнах Своих Господа. Полагая, что и теперь вы тем же заняты, и я хочу подойти к мысли вашей со словом своим и вместе с вами до подробности разъяснить, как должно нам расположиться и действовать, чтобы достойно приступить к пречистым Христовым тайнам».

«Начнемте с сей минуты, и будем идти шаг за шагом, пока приблизимся к самой чаше Господней, определяя на всем протяжении спасительный образ настроения и действия».

«При самом первом движении сретае нас св. апостол Павел с своим кротким, но строгим наставлением: *да искушает же человек себе, и тако от хлеба да яст и от чаши да пьет* (1Кор. 11:28). *Да искушает себе*: пусть испытает, достоин ли, и в сей уверенности приступит к св. Тайнам; ибо, если приступит недостоин, будет суд себе ясти и пити. Ах, братия, страх наводит слово сие на грешную душу! Ибо, кто может сказать, что он достоин приступить к трапезе Господней? сколько грехов! сколько нечистот, сколько явных оскорблений Господу! Страшно приступить. Но и не приступать не безопасно; ибо, если не вкусим плоти Господа и не пием крови Его, живота не имеем в

себе. Тесно нам от обою, и что сотворим? В объятия Самого милосердного Господа повергнем себя, вопия ему: милостивый Спасе! пощади нас, недостойных»!

«Не слишком, однако ж, мятитесь и не тревожьте себя напрасными страхами! Господа оскорбляет не только то, если кто не готовый с дерзостью приступает к чаше, но и то, если кто без разбора мучит себя беспорядочной боязливостью. Милосердый Господь не связывает нас невыполнимыми условиями, и требует от нас немногого, – что всякий в силе выполнить, если хочет, без затруднений. «Кто, – говорит св. Димитрий Ростовский, – исповедал грехи свои совершенно, ничего не утаивши, кто жалеет о них, плачется и кается, кто имеет волю и неременное намерение не возвращаться более к греху, но блюстись опасно от всякого грехопадения, кто постом и молитвой и другими подвигами благочестия приутрудил себя, умиловляя Господа, кто со всеми примирился, и ни с кем не оставил у себя вражды, тот достойно готов. И *так от хлеба да яст и от чаши да пьет*. Если все сие выполнено вами, или выполнится, благодушно приступите к Господу с детским, смиренным дерзновением. Мы грешны, кругом грешны. Но Господь и пришел грешных спасти. Не грехи преграда, а упорство в грехах и нераскаянность. Если это есть, не приступайте. Грехи же оплаканные, исповеданные и разрешенные уже не в вас и не на вас. Они то же, что сучья отрубленные от дерева. Когда любили мы грехи, они были на дереве жизни нашей живыми ветвями и питались от него; когда же мы отвратились от грехов, стали гнушаться ими, раскаялись и исповедались, этим действием мы отсеки их от себя. В минуту разрешения они отпали от нас. Теперь это сухие ветки. И Господь идет попалить в нас сие терние погрешений».

«Так преимущественная забота ваша да будет, чтобы грехи свои сознать, оплакать, исповедать и положить твердое намерение отстать от них. Сделано ли уж сие вами, или будет сделано, благодарите Господа. Чрез разрешение грехов Он Сам Себе приготовляет в нас достойную Себя обитель, очищенную и пометенную».

«К сему главному действию останется только приложить потом еще одно – сохранить неразвлеченным внимание и сердце безмятежным. Блюдитесь рассеяния и смятенных забот. Если всю неделю были оставлены дела, тем паче обязательно оставить их теперь, – и от всего отстранившись, в себя войти и там пребыть с единой мыслью о Господе, имеющем прийти к вам. Всякое движение мысли устранили, и единого Господа созерцая, молитесь к Нему умной, немногословной молитвой, говоря: не отвержи мене, Господи, от лица Твоего, не погнушайся мною, много оскорбившим Тебя, не отжени меня от трапезы Твоей, как нечистого. Живи мя, по слову Твоему, посети мя, по милости Твоей, хотя и недостойного. Или просто одно слово твердите: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя. Или и без слов, в сердце припадайте к стопам Его, *милости чая*".

«Этим одним можно бы ограничить все занятие. Но бывает, что мысль не сильна пребыть в сем едином. Тогда дайте ей в занятие размышление о самом причащении, и чтобы она не блуждала много, связывайте ее словами Господа и св. апостолов о сем таинстве. Пусть внимает тому, что сказал Господь! Пусть поучается в том, что изрекли апостолы, – и созидает тем душу свою».

"Аз есмь хлеб животный, – говорит Господь, – иже сшедый с небесе: аще кто снест от хлеба сего, жив будет во веки. И хлеб, егоже Аз дам, плоть Моя есть, юже Аз дам за живот мира. Аминь, аминь глаголю вам: аще не снесте плоти Сына Человеческого, ни пиете крови Его, живота не имате в себе. ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, иматъ живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день. Плоть бо Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво... ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, во Мне пребывает и Аз в нем (Ин. 6:48–58). Размышляйте о сем, и поучайтесь. Или возьмите слова, кои на вечери говорил Господь: примите, ядите, сие есть тело Мое. Пите от нея вси, сия есть кровь Моя. Или то, чему учит апостол: аще кто яст хлеб сей и пьет чашу сию недостойно, повинен будет телу и крови Господней и проч., что я приводил уже в начале беседы».

«Дайте какое-либо из сих изречений уму своему и пусть рассуждает, и извлекает назидание себе, и к сокрушенной молитве себя располагайте. А когда придет молитва, падайте опять пред Господом мысленно, или и телом, и не отступайте от молитвы, пока есть молитва».

«Так позаботьтесь провести остаток нынешнего дня, особенно вечером, пока не успокоитесь сном. Вот настанет утро. Как только откроете вы очи свои, поскорее возьмитесь за свою мысль, поспешите первее всего воскресить сознание величия наступившего для вас дня, дня благословенного в днях жизни вашей, говоря в себе: сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в он. Наступила пасха души вашей. Но не суетитесь и не развлекайтесь многим. Поспешите опять собраться с мыслями и установить внимание ваше на едином, на том, что имеет быть с вами и для вас, и так готовьтесь во св. церковь к божественной литургии, поспешая к коей, говорите в себе: се жених грядет, изыдем в сретение, и идите так, чтобы не погас светильник, возженный в сердце вашем».

«Блюдитесь. Враг всячески будет покушаться погасить светильник сей. Это и успевает он сделать, навевая на душу какое-либо недоброе состояние, или рассеяние мыслей, или заботу о чем-либо, или недовольство чем, или неудовольствие на кого, или другое подобное. Всякое из сих движений вносит смятение в душу и расстраивает ее. Сохраните внимание и обращение к Господу ума и сердца, и избежите сего преткновения».

«Так блюдя такое настроение, войдете вы в храм Господень. И здесь пребывая, так себя чувствуйте, как бы вы были в Сионской горнице, в среде апостолов, коих причащал Сам Господь: ибо и здесь, как и там, Он есть действующий. Он раздаваемый, Он же и раздает. Он причащает, Он же и то, чем причащаться имеете. Священнодействующий есть только орган Его. Священнодействие само будет приготовлением трапезы, именно для вас. Приготавливающий есть Господь и приготовляемое – Его пречистое тело и Его пречистая кровь. Какое в сем побуждение ко вниманию!»

«Внимайте же, паче нежели когда, всему читаемому и поемому, но все направляйте к тому помышлению, что это для вас готовит Господь спасительную вечерю, и соответственные тому возгревайте чувства и расположения, принося их, как жертву, в сердце Господу всевидящему».

«Возгревайте веру в действительное присутствие самого Господа и Спасителя в св. Тайнах, который на небе во славе одесную Бога и Отца сидя, здесь на земле благоволит сокровенно под видом хлеба и вина даваться верным для приготовления их к небожительству. И от сей веры исходя, и мысленно созерцая Господа, грядущего с неба – посетить вас, самоуничженно взывайте, подобно праведной Елисавете, посещенной Пресвятой Девой: откуда мне сие, что сам Господь хочет прийти ко мне, или взывайте словами пророка Давида: что есть человек, яко помниши его, или сын человек, яко посещаешь его?! Или словами сотника: несмь достоин, да под кров мой внидеши. От самоуничжения переходите к сыновнему страху, не отревающему, а благовейную трезвенность приносящему, и поставляющему дух наш в состояние бесплотных, в страхе лицо свое закрывающих, но не бегающих от престола Божия, а только сильнее взывающих: Свят, Свят! Свят! Ибо воистину здесь Господь, и Господь внидет в вас. Какая душа не готова была бы воззвать с ап. Петром: изыди, я грешен, если б самая сия грешность, по заповеди Господа, не обязывала и искать и чаять сего посещения Господня. Сей волей Господа и воодушевляйтесь к дерзновенному желанию и жажданию Господа, с некоторой стремительностью, нетерпеливостью, неудержимостью порывайтесь принять Его, как стремительно елень бежит на источники водные, помня слово премудрости, глашающей: «жаждущии, идите на воды, идите, вкусите хлеб, который я приготовила вам, и вино, которое растворила вам», и слово самого Господа приглашающего: «жаждай, да грядет ко Мне». Се жажем, Господи! скажите в сердце своем, и благонадежно течем к Твоей щедродательности! Ущедри нас, многомилостиве, и подаждь нам здравие, яко больным, очищение, яко прокаженным, свет, яко омраченным, крепость, яко расслабленным, утешение, яко

скорбным, мир, яко смятенным, оживление, яко умерщвленным грехами! Чаем, Господи: что все сие будет в нас вместе с приятием Тебя! ибо тогда со апостолом воззовем; аще ты Господь, сущий в нас, по нас, кто на ны? От сего затем чаяния, которое не посрамит, опять переходите к себе, и, свою готовность сретить и принять Господа свидетельствуя, снова сильнее возгрейте сердечное сокрушение и обещание отвращаться от греха, хоть бы того ради и умереть пришлось, – и оплавав прошедшее, самого Господа молитесь – омыть и очистить вас в светлое жилище Себе, вопия к Нему: *наипаче омый мя от беззакония моего и от греха моего очисти мя. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови в утробе моей*".

«Так переходя от одного чувства к другому – от веры к самоуничижению, от самоуничижения, к страху, от страха к желанию, от желания к надеждам, от надежд к сокрушению, вы составите внутри себя духовную песнь – затрапезную, которая Господа усладит и привлечет внимание небожителей».

«В сем-то благодатном настроении и небесном осенении приступите наконец к чаше Господней, которую зря, воздайте поклонение приступающему к вам самому Господу, с апостолом Фомой воззвав: Господь мой и Бог мой, и, отверзши уста и сердце, примите Господа, смиренно и благоговейно, трезвенно мыслью моляся Ему словами св. Димитрия: вниди, Свете мой, и просвети тьму мою; вниди, животе мой, и воскреси мертвость мою; вниди, Врачу мой, и исцели язвы мои; вниди, Огню Божественный, и попали терние грехов моих, и сердце мое пламенем любви Твоей разжжи; вниди, Царю мой, сядь на престоле сердца моего и царствуй во мне, Ты един Царь мой и Господь».

«Приготовьтесь так сретить Господа, – и Он снидет в вас несомненно, – и возвечеряет с вами в сердце вашем»¹¹⁸.

Плоды достойного причащения

4. *С достойно причащающимися Сам Господь!* «Великой милости Божией сподобились вы ныне, причастившись св. Животворящих Христовых Таин; потому что вместе с сим причащением Сам Господь вошел в вас и стал обитать в сердцах ваших. Какое это великое и неизреченное благо! И подумать о нем не посмели бы мы, если б Господь Сам не сказал: *ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, во Мне пребывает и Аз в нем* (Ин. 6:56). Т. е. кто вкушает плоть Мою и пьет кровь Мою, тот во Мне и Я в нем. Так сие и бывает, по слову Господню, со всяким, кто, поговевши и исповедавшись, причащается св. Христовых Таин. Так сие есть и с вами».

«То, что вы приняли, есть тело и кровь Господня, а где тело и кровь Господа, там и Сам Он. По виду вы приняли хлеб и вино; а самым делом это есть тело и кровь Господня. Когда Господь в первый раз причащал св. апостолов, то Он тоже подавал им хлеб и вино; но подавая хлеб и вино, к хлебу сказал: *сие есть тело Мое*, а к вину – *сия есть кровь Моя*. И как Он есть Бог, то, как сказал, так и сделалось, – хлеб стал телом, а вино – кровью. По виду только казались они хлебом и вином. Но Господь Иисус Христос как тогда был, так и теперь есть тот же Господь. Как тогда Он причащал апостолов, так потом Он же причащал и причащает всех верующих. На литургии – это Он приходит Сам и совершает таинство. Архиерейские или священнические тут только руки и язык, а совершитель сам Господь. Сам Он здесь говорит хлебу, чтоб он стал телом, и он становится телом, говорит вину, чтобы оно стало кровью, и оно становится кровью. Потом Он же Сам и причащает: наши только руки и лжица, а причащает чрез них Сам Господь. И вас Он Сам причащал истинным Своим телом и истинной Своей кровью. И вместе с сим Сам вселился в вас и стал обитать в вас».

«Видите, какая великая милость Божия является к нам во святом причащении! О сей-то великой милости и рассуждайте теперь с сердцем, полным благодарности и благоговения».

«Может быть, вам робко думать, что Господь в вас, или вы затрудняетесь думать, как это Он в вас? Но так есть; ибо это Он Сам сказал, а не люди придумали; почему и именуется сие дивным и предивным таинством».

«И не это одно дивно, а еще и то: Господь есть в каждом из вас не частью какой, а весь, так однако ж, что хотя Он есть в каждом из вас, все же Сам не разделяется и не размножается, а цел и неразделен пребывает. Все одно, как теперь вот я говорю какое-либо слово; каждый из вас слышит сие слово и принимает его все. Слово мое одно, и один раз я говорю его; а входит все, не часть какая его, а целое слово. И хоть бы тут тысяча народа стояло, все услышали бы и приняли все мое слово, а не часть какую. Так и в святом причастии; сколько бы ни причащалось людей, все причащаются от единого тела, и все имеют его все, а не часть какую и сами Господа имеют они в себе всего, а не часть какую. Господь же чрез сие не разделяется, а цел и неразделен пребывает. Возьмите вы, например, несколько зеркал и поставьте их против солнца. В каждом зеркале будет видно все солнце, а не часть его; и сколько ни поставь зеркал, хоть числа им не будь, в каждом будет все солнце, а не часть его. Солнце же само не истратится чрез это, не пропадет, а останется цельное и нераздельное, и одно и то же. Так во святом причастии: сколько вас ни есть, у всякого есть весь Господь. И Сам Он цел и неразделен; всюду есть и все исполняет. Так видите, чего сподобились вы: Господь в вас! Благодарите же Господа за сию милость, говоря в сердце своем: Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! И о том подумайте, как бы не обеспокоить Господа. Когда приходит какой гость большой, вы держите себя скромно, говорите чинно: вот Господь посетил вас, а кто больше Господа? Смотрите же, не суетитесь и не развлекайтесь, а благоговейно и со страхом себя держите, особенно ныне. И не об этом только думайте, но и о том, чтоб приятное что-либо доставить Господу. Когда гость приходит, вы стараетесь успокоить его и предлагаете ему только то, о чем знаете, что оно приятно ему: вот и Господу теперь предлагайте то, что Он любит. А что Он любит? Любит все доброе и благословляет его,

а от всего худого отвращается и поражает его гневом. Приносите же Ему, что каждый из вас придумает доброго. Один приди и скажи: вот, Господи, я перестану серчать и браниться, но буду тих и кроток. Другой скажи: я, Господи, перестану лежать и лениться, а начну усердно работать и трудиться. Третий скажи: я, Господи, не стану гордиться и презирать других, а буду смиряться и почитать себя хуже всех. Четвертый скажи: брошу, Господи, питье и гулянье, а стану жить воздержно и степенно; излишек же, какой будет, стану отдавать на милостыню или на церковь. Так каждый свое добро принеси Господу и предложи Ему как дар. Когда скажете так Господу в сердце своем, Господь будет радоваться тому и утешаться тем. Приятно Ему будет быть у вас, и Он благословит вас и всякое вам благо подаст и душевное и телесное. Видите, какое у вас в руках благо! Смотрите же – не потеряйте его каким-нибудь неразумием и делом непотребным. И день этот часто поминайте, что вот были вы на трапезе у Господа, и Он Сам вас напитал Своим пречистым телом и пречистой Своей кровью, и думайте – как это велико, как радостно, и самым делом радуйтесь, пока доживаете до другого причащения»¹¹⁹.

Что потребно покаявшемуся и причастившемуся

5. *Что требуется покаявшемуся и причастившемуся? Се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти, что будет,* сказал Господь расслабленному по исцелении его (Ин. 5:14). Сей же утешительный и вразумительный глас и мы все слышали, когда на исповеди получили разрешение во грехах своих. Теперь всем покаявшимся и разрешенным возвращено здоровье душевное, все пришли в свой порядок и чин. Что прочее требуется? Требуется блюстись, чтобы опять не впасть в ту же беду. Бросил грех: не возвращайся на него. Получил помилование: не подвергайся опять гневу и осуждению. Вступил на правый путь, не уклоняйся с него. Снова будет враг влечь тебя в свою область тьмы: не поддавайся. Будет он ухитряться, чтобы отуманить тебя льстивыми обещаниями: не вдавайся в обман. Знаешь, как зол грех; знаешь, как трудно одолеть его: не входи же снова в содружество с ним. Помог тебе Господь, встал ты: стой же и мужайся, и да крепится сердце твое».

«Враг будет нашептывать тебе: падешь, восстанешь опять. А ты противопоставь ему свою речь: встал я теперь, благодарение Господу! но если снова паду, не могу сказать, встану ли. В руках же падения навсегда оставаться не хочу, не хочу быть рабом греха и жертвой геенского пламени. Так отражай лесь врага. И сим страхом нового падения в грех отрезвляй душу свою и воодушевляй ее на шествие путем начатого самоисправления».

«Утверди ты себе то очень вероятное помышление, что если падешь снова, кто знает – встанешь ли? А останешься в падении: погибнешь. Враг будет сбивать уверением, что Господь милосерд. Помиловал и опять помилует. Точно, милосерд Господь; но сей милости Его к нам есть мера. Есть мера долготерпению Божию. Прощает-прощает, а наконец, видя, что грешник все снова отдается греху, совсем оставляет его в руках падения его. Разверните книгу пророка Амоса и начинайте читать. В 1 и 2 главах изображаются у него суды Божии на

Дамаск, Газу, Идумею, на иудеев, израильтян и другие народы. Ко всем им одинаково слово Господне. Раз, два и три согрешил Дамаск; прощал Я его. Когда же теперь и в 4-й раз он оказал свое нечестие, не отвращусь ли его? Отвращался и полагал наказание. Раз, два и три прощал Я Газу; в 4-й не отвращусь ли ее? Отвращался и посылал казнь. Раз, два и три щадил Я иудеев и израильтян, в 4-й не отвращусь ли их? Отвращался и наказывал. Так бывает и с нами. Согрешит кто и покается: простит Господь. Еще согрешит и покается: еще простит. И еще простит. И еще простит. Наконец, видя, что у нас все то же и то же, полагает такое решение: столько и столько прощал; если и еще начнет то же делать, отвращусь от него. Сей-то суд и да напишет в сердце своем всякий, опять влекомый на грех. Прощал Господь доселе, а теперь, если падешь, страшишь, не отвратился бы Он от тебя вконец. Фараону сколько раз прощал Бог его упорство? Наконец, бросил его и сделал распоряжение о выходе израильтян, не дожидаясь его согласия. И хотя потом опомнился Фараон и поспешно приказывал: пойдите, скажите, чтобы скорее выходили, это не помогло ему и суда о нем Божия не отвратило. Так и ко всякому может истощиться, наконец, Божие милосердие. И то наипаче страшно, что мы не можем сказать, когда именно ударит час сего истощения. То отвержение Божие по 4-м преступлении, что значит у пророка Амоса, и эта казнь Фараона после десятикратного противления Богу, не означают, что можно спокойно предаваться в узы греха, с нарушением обета до 2 и 3 раз, а показывают только; что есть предел милованию Божию; когда же Он застигнет кого – неведомо. Утверди лучше в мысли твоей, что для тебя он последует тотчас после падения, которому готов ты предаться, и тем отрезвляй мысль свою и придавай мужества сердцу на сопротивление возникающим порывам. Приводи себе на память несчастье Сампсона. Однажды и дважды входила в него сила разорвать узы, которыми опутывали его филистимляне по предательству Далилы; но и в последний раз, когда острижены были волосы его, он не ожидал, чтобы не пришла к нему та же сила, а вышло иначе. Отступил от него Господь и предал его в руки врагов его. Сам же Сампсон и не думал, что уже постигло

его Божье отступление; напротив, проснувшись, говорил: *изыду, якоже и прежде, и отрясуся*, т. е. стряхну эти узы – и не разуме, яко Господь отступи от него (Суд. 16:20). Вот и народ иудейский миловал, миловал Господь, а наконец, что изрек? *Се оставляется вам дом ваш пуст* (Мф. 23:38). Но ни первосвященники, ни старцы, ни книжники, и никто другой думать не думали, что уже постигло их сие грозное определение».

«Сего-то грозного суда бойся, когда начнет тебя снова влечь грех. Бойся, чтобы и о тебе не сказал, наконец, Господь: *се оставляется дом твой пуст*. Милостив Господь ко всем грешникам и с клятвой уверяет, что не хочет смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему. Но ты сам частыми своими падениями доведешь себя до того, что с тобой ничего нельзя будет сделать. Восстание от падений есть то же, что починка платья, или дома, или другой какой вещи. Бывает же так, что иную вещь чинят, чинят, а наконец, бросают оттого, что уже и чинить ее нельзя, не к чему рук приложить. То же может случиться и с душой. Исправляет ее Господь, исправляет, а наконец, совсем бросает; оттого, что своими частыми падениями она, наконец, так расстраивает себя, что ее и поправить нельзя. Ибо на чем основывается возможность восстания нашего? На добре, в нас остающемся, несмотря на то, что работаем мы греху. На сие добро нисходит благодать, оживляет его и дает ему перевес над злом. И встает человек. Но каждое новое падение все более и более снедает наше добро, после каждого падения все менее и менее остается его в нас и, следовательно, менее и менее остается места, куда снизойти может благодать, чтобы восстановить нас. Что дивного, если, наконец, и все свое добро истратим мы в рабстве греху и потеряем, таким образом, возможность восстания. Не останется для нас никаких к тому средств».

«Припомните, как опомнились вы в последний раз и встали. Пришли спасительные помышления и отрезвили. Или страх смерти и суда, или пагубность греха, или стыд пред Господом Спасителем, или другое что сильно подействовали на душу, поразили ее. Душа пришла в себя, и при помощи Божией

бросила грех, покаялась и стоит теперь в намерении не оскорблять более Бога грехопадениями. Если же снова падете вы в грех, то какими потом мыслями потрясете вы себя, когда уже все, могущие потрясать, перепробованы и свою потрясающую для вас силу истратили на теперешнее ваше восстание? Для следующего возбуждения вас силы в них не осталось. Со спасительными помышлениями бывает то же, что с лекарством. Как от частого употребления лекарств в теле притупляется чувствительность к ним, так и в отношении к потрясающим и возбуждающим истинам душа теряет, наконец, всякое чувство. Ни угрозы, ни обещания, ни смерть, ни ад, ни рай, ни яд и горечь греха – ничто не поражает и не приводит в движение душу. Она сделается, как камень. И что же тогда с ней будет? То же, что присуждает апостол земле, пившей множицею сходявший на нее дождь и износившей одни терния и волчцы: *непотребна есть, клятвы близ, еяже кончина в пожжении*" (Евр. 6:8).

«Приложите к сему, что частое падение в грех образует привычку грешить, которая вяжет бедную душу и тирански держит ее в рабстве у себя. Пусть даже один грех обратится в привычку, он всю душу пленяет и во всей мучительно властвует. Посмотрите, что делает паук со своей добычей? Часть за частью опутывает у нее тонкой паутиной, пока запутает ее всю, после чего она хотя делает еще некоторые движения, но они бессильны освободить ее. Так и грех, к которому частым падением привыкает человек, сила за силой в него проникает, пока исполнит собой и душу и тело, и на все отправления их наложит узы рабства себе. Хотя потом и приходит иногда человеку на мысль бросить свой грех; но душа, видя, как многоплетенно запуталась в нем, не решается поднять руки, чтобы распутаться, и предается совсем безнадёжию одолеть грех, как пишет апостол о язычниках, что они в нечаяние вложшеся, предаша себя студодеянию, в делание всякой нечистоты, в лихоимании (Еф. 4:19), и как евреи, заморенные рабством египетским, даже тогда, как от лица Божия принес им Моисей обещание свободы, не верили, чтобы это могло совершиться».

«Итак, покаявшиеся и вступившие в добрый путь, бойтесь снова впасть в грех. Увидьте сквозь прелесть греха, покушающегося снова увлечь вас, решительную свою пагубу. Не смотрите на него легко, а как на пропасть зияющую, на ад отверстый и готовый поглотить вас безвозвратно. И опасением такой горькой участи отрезвляйте свою мысль и чувства сердца отвращайте от греха. Борьба, конечно, неизбежна. Но стоящему легче бороться, чем падшему. Встали? стойте же и боритесь. Господь будет вам помощник. День ото дня все легче будет становиться борьба. Наконец, она и совсем стихнет. Добро возьмет преобладающий верх, и потечет ваша жизнь мирно, путем богоугодного доброделания, и приведет вас к блаженному исходу отселе в вечные райские обители. А если снова падете, опять пойдет смятение мыслей и чувств, опять мрак и томление, опять страхи и мучения совести, опять туга и всякое нестроение. Начнете опять маяться в рабстве греху и, может быть, без конца; и промучившись здесь, ввержены будете в нескончаемые муки по смерти, в грехах неоплаканых и неисправленных»¹²⁰.

Глава VIII. Письма

Общая характеристика переписки

Особый вид литературных трудов Преосв. Феофана представляет его переписка, которая была громадна. Со всех концов России летели в Вышенскую пустынь письма. Нередко почта приносила их до 20–40. В настоящее время уже имеется в печати десять книг собрания писем, из которых восемь в самое последнее время изданы Афонским Пантелеймоновым монастырем. Но это далеко еще не полное собрание переписки. Достоверно известно, что только одна помещичья семья в Тамбове имела тысячу писем святителя. Такое, поистине необычайное, количество корреспонденции с одной стороны объясняется массой лиц, искавших нравственного руководства Преосв. Феофана, множеством и разнообразием их духовных нужд, а с другой стороны характером отношения самого руководителя к этому делу. Преосвященный любил и придавал важное значение своей переписке. Ни великие научные труды, ни молитвенные и другие аскетические подвиги не заслоняли от него нужд и скорбей грешной души. Он находил необходимым и возможным ежедневно уделять по несколько часов на переписку из столь дорогого ему времени. Замечательно сердечное внимание и деликатность святителя в отношении своих корреспондентов. Он признавал своим долгом отвечать на всякое письмо, как бы оно ни было мало и незначительно по своему содержанию, ибо отказ считал оскорбительным для писавшего. Он никогда и никому не отказывал в совете, и если иногда замедлял ответом, то только потому, что другие находились еще в худшем положении и нуждались в более скорой помощи, причем всегда просил извинения за промедление. В этом отношении очень характерен следующий факт. Масса богомольцев, посещавших Вышенскую пустынь, особенно из среды женщин-простолюдинок, узнав о том, что Преосв. Феофан никому не отказывает в своих ответах, стала во множестве направлять к нему свои письма и краткие записки, иногда по самым незначительным, даже мелочным вопросам. Не будучи знаком с духовной жизнью корреспондентов,

святитель пришел в большое затруднение в своих ответах и в начале имел намерение молчать; но мысль о возможности оскорбить отказом писавших остановила его. В одном из своих писем он замечает по этому поводу: «Не зная их (богомолков), затрудняешься, что им ответить, – и пишешь, большей частью, общие мысли... Пишут же они иногда дело, а иногда пустошь. Я хотел не отвечать, но тут же и раздумал, потому что какой ни есть, все же ответ дается. Отказ же всегда оскорбителен»¹²¹.

Крайне разнообразно содержание писем, но основной тон их нравоучительный. Они, как и книги, содержат ответы на один и тот же великий вопрос всей жизни Преосвящ. Феофана – вопрос о путях ко спасению. Только книги представляют руководственные указания по общим предметам и нуждам, для всех равно необходимым, переписка же – ответы на частные случаи, на частные, личные духовные потребности, сомнения и недоразумения. Но эта основная тема значительно видоизменяется в своем развитии применительно к большему разнообразию самих писавших и их духовных запросов. Письма получались от самого разнородного круга лиц: по их званию и общественному положению – от собратий-архипастырей и высокопоставленных светских сановников с титулами князей и графов до крестьянина в деревне и послушника в монастыре; по степени просвещения – от мужей науки и высшего образования до едва грамотного корреспондента; по своему нравственному состоянию – от тяжкого грешника, кающегося и борющегося со страстями до отшельника и схимонаха, погасившего в себе не только страсти, но и интерес к самой земной жизни и т. д. При подобном составе корреспондентов естественно крайне разнообразны были духовные нужды и применительно к последним приходилось давать ответы. С литератором и общественным деятелем шла переписка по важным вопросам общественной жизни, с ученым о научных предметах, с учителем и воспитателем по педагогике, с иноком о монашеских порядках, с светским человеком, ищущим духовного руководства, обсуждался вопрос о том, как устроить христианскую жизнь среди обычной мирской суеты и т. д. Не беря на себя задачи обстоятельного изложения всей переписки,

каковой сложный предмет требует целого самостоятельного исследования, мы полагаем, что достаточно указать важнейшие предметы корреспонденции, чтобы дать понятие о громадности и значении ее.

Самая оживленная, самая большая по количеству и важная по содержанию была переписка у Преосв. Феофана с известным писателем по церковным вопросам Н.В.Елагиным. Последний близко стоял к высшим сферам духовного ведомства и вместе с тем имел отношение к литературному и общественному движению столицы. От него Преосв. Феофан получал сведения о выдающихся явлениях в гражданской и церковной жизни нашего отечества и чрез него же мог оказать свое влияние в потребных случаях в желательном направлении. В этой переписке, занимающей целую книгу (150 писем), затронуто столько важных вопросов, что поистине нужно удивляться, как мог святитель, при своих усиленных литературных трудах и аскетических подвигах, вести столь обширную корреспонденцию с одним лицом. Самое значительное количество писем посвящено изображению печального нравственно-религиозного состояния русского общества второй половины 19 столетия, особенно яркие обнаружения которого сказались в виде сильно развившихся противоцерковных сект – лорда Редстока, Пашкова, Л.Толстого, штунды и др. В письмах охарактеризовано существенное содержание каждой из них, даны важнейшие руководственные указания к обличению и отмечена степень распространения. С этой стороны переписка представляет собой очень важный исторический памятник. В ней будущий историк найдет яркую картину важнейших движений нравственно-религиозной жизни и мысли тогдашнего русского общества, особенно среди его образованного класса. Второе место по числу занимают письма, направленные против перевода библии на русский язык с еврейского подлинника вместо греческого, где читатель, не знакомый с вопросом, встретит подробное и основательное изложение доводов против перевода. Далее, следует переписка в защиту монашества, против тогдашних нападок (в 70 годах) на него, против проекта нового церковного судопроизводства, желавшего подчинить

духовные дела светскому суду, о необходимости лучшего перевода богослужебных книг в видах облегчения понимания их и др. Есть несколько корреспонденций по поводу последней нашей турецкой войны, которой очень сочувствовал святитель и заключение каковой в виде Берлинского конгресса признавал крайне несправедливым и унижительным для России. Встречается также немало писем с решением вопросов относительно некоторых важных отдельных и частных предметов, в роде следующих: 1) Изъяснение догмата о св. Троице по поводу неправильного толкования его немецкими богословскими писателями, причем мимоходом авторитетно разъясняется и общий вопрос о том, как православному богослову пользоваться протестантскими учеными трудами. 2) Откуда в мире зло? 3) Программа христианской психологии. 4) Взгляд на европейский вопрос в России, основная мысль которого состоит в том, что евреи своей страшной эксплуатацией подают основательные поводы к ожесточению против них народных масс¹²².

В переписке с одним ученым естествоведом-химиком, искавшим духовной жизни, Преосв. Феофан подробно раскрывает и убедительно доказывает полную несостоятельность одних материалистических воззрений на мир, отмечает невозможность с точки зрения их объяснить целую обширную область нравственных явлений, причем при обстоятельном решении вопроса развивает свою, вышеизложенную философскую теорию о происхождении природы и ее важнейших стихий и сил.

Учителю церковной истории в духовной семинарии дается наставление о постановке и преподавании этого предмета, причем делается предостережение – не увлекаться новыми модными историческими теориями и подробно характеризуются основные взгляды известного немецкого историка Неандера. Мировоззрение последнего, по мнению Преосв. Феофана, существенно неправильно и неправославно в том отношении, что он отрицает апостольское предание, как начало и источник христианского учения, происхождение всех догматов и самого символа веры выводит, как результат литературной и жизненной

борьбы разнообразных общественных партий христианских народов первых веков нашей эры¹²³.

В письмах о монашестве подробно излагаются правила иноческой жизни и в частности делаются наставления о молитве, поклонах, поведении в церкви, размере келейного правила, взаимном откровении помыслов и исповеди, чтении духовных книг, старчестве и др. По вопросам монастырской жизни святителю приходилось много писать по просьбе и нуждам лиц, по самому своему положению заинтересованных ею: настоятелю монастыря он дает указания, как править обителью, духовнику – об исповеди и нравственном руководстве своих духовных детей, послушнику – о должном прохождении назначенных ему послушаний и т. д.

Значительное большинство из общего количества писем адресовано светским лицам, интересовавшимся духовными вопросами и затруднявшимся устроить свою жизнь по-христиански среди обычной житейской обстановки, а также искавших совета и утешения в тяжелые минуты жизни. Тут святителем давались указания как относительно общего жизненного строя, так и частных явлений, о чем в некоторой степени можно судить по следующему оглавлению писем к одной только семье: 1) Как совмещать житейские дела с служением Богу, 2) Подражание монастырским порядкам дома, 3) О хранении чистоты совести, 4) О воспитании детей, 5) О преподавании Закона Божия малолетним, 6) Совет о пользовании болящей припадками, 7) Наставление о сыне, которому не дается наука и проч.¹²⁴

Письмо о том, что православное иконопочитание не есть идолопоклонство

Наконец, немало представлялось и особенных, исключительных поводов, экстренных случаев, когда люди, пережившие какие-либо важные, критические моменты, требовали немедленной духовной помощи и руководства. Так одна молодая женщина, обратившаяся из сектантства в православие, долго не могла привыкнуть к новой нравственной обстановке. Многие тут было для нее настолько необычайно и не похоже на прежнюю жизнь, что ее еще неокрепшая совесть глубоко смущалась и тревожилась; она тяжело страдала, колебалась и готова была возвратиться на старый путь. Прежде всего, новообращенная не могла себе достаточно уяснить православного учения о молитвенном призывании святых, близкого, по ее мнению, к страшному греху идолопоклонства. Со своей новой, острой духовной нуждой женщина устремилась к Вышенскому подвижнику и тогда только успокоилась, когда получила следующий ответ: «Вас смущает, как вы пишете – моление к святым, и вы боитесь, как бы не подвергнуться осуждению в идолопоклонстве. Нет, наше моление святым и их чествование не имеет ничего идолопоклоннического. Было бы идолопоклонство, если бы мы почитали их богами; но мы чтим их, как слуг Божиих и ходатаев о нас пред Богом. Внутреннее чувство должно говорить вам, что вы не почитаете их Богом, и не считаете их первой причиной просимых благ, а только орудием подаяния их. Взывая в святому, мы говорим: «Святой Божий, помолись о нас; умоли Господа дать нам то и то». Возьмите во внимание и вот что: мы, живущие здесь на земле, чада церкви, просим друг друга молиться о нас... Все это делают. И никто не думает, чтобы тут было что идолопоклонническое. Вы пишете же ко мне: «помолитесь о том-то и о том-то». Опасаетесь ли при этом провиниться в идолопоклонстве? Я думаю, что никого еще в свете не было, кто б так думал. Как же это у вас в голове держится мысль, что когда святые были здесь на земле, можно было безопасно

просить их о молитве, а когда они перешли туда – в Царство Небесное, стало нельзя? Отошедшие отцы и братия наши, несмотря на сие отшествие, пребывают в Церкви Божией, так же, как и мы, оставшиеся здесь...

Отношения наши взаимные, как членов церкви, остаются те же, в силе... вот и молим их, как молили прежде».

«Существо идолопоклонства в том, что твари присвояют божеские свойства, и в силу сего чтут их... мы же святым Божиим никаких божеских свойств не присвояем... а чтим их как совершеннейших из людей, в меру возраста исполнения Христова достигших... а чрез то приблизившихся к Богу, приискреннее других. Войдите внутрь себя и рассмотрите; считаете ли вы святых богами... чувство должно сказать вам это. Если окажется, что вы считаете их такими, то перестаньте считать, а если не считаете, нечего и смущать себя помыслом – не попасть бы в идолопоклонницы»¹²⁵.

Переписка Преосв. Феофана представляет собой замечательное литературное явление как по содержанию, так и по форме. Глубина и всегдашняя серьезность предмета речи в соединении с художественной простотой внешнего выражения, свойственные другим произведениям его, отличают и переписку. Начавши читать последнюю, не скоро оторвешься от вдохновенных страниц. Письма несомненно имели очень важное значение для получавших их и были истинным руководством нравственной жизни, а в тяжкие минуты являлись великой отрадой и духовным утешением для многих скорбных душ. Святитель чутко угадывал духовные потребности писавшего и не жалел своих сил, обстоятельно и сердечно разъясняя все вопросы и недоумения. Он как-то особенно умел войти в положение корреспондента и между ними на первых же порах устанавливалась самая близкая, чисто родственная, внутренняя духовная связь, при которой жизненные нужды высказывались с полной искренностью и откровенностью. Последней руководитель придавал важное значение и настойчиво располагал к ней. «Обещаете быть откровенной. Добре! пишет он одной молодой корреспондентке, ищущей духовной жизни. Уж откровенность – первое дело в переписке:

иначе нечего было ее и затевать. И пишите всегда сплеча – все, что есть на душе, и особенно полнее излагайте вопросы, которые зашевелиятся в голове и станут настойчиво требовать решения. Тогда и решение будут приниматься, как земля жаждущая принимает воду».

«Как вы обрадовали меня ответом! А я растерялся в догадках, что бы такое было! А вот что! Бабушка немножко болела. Ну – бабушка победоносное слово. Для внучек нет теплее места, как у бабушек. Нет и для бабушек дороже лиц, как хорошие внуки. И за это надо Бога благодарить. А вы чаще утешайте бабушку и повнимательнее слушайте, что она говорит. У стариц – мудрость, опытами и трудами жизни приобретенная. И они часто невзначай, в простых фразах, высказывают такие мудрые уроки, которых и в книгах поискать – не найдешь»¹²⁶.

В нашем православном отечестве было немало лиц разного звания и состояния, для которых письма Преосв. Феофана были единственным и незаменимым нравственным руководством, без совета с автором которых они не предпринимали ни одного важного дела. Были даже случаи, когда под влиянием его переписки и других сочинений люди оставляли наш грешный мир и шли на суровые подвиги иночества¹²⁷. Особенно ярко сказалось значение руководства святителя после его смерти, когда руководимые предоставлены были одним своим силам в устройстве христианской жизни. В этом отношении замечательно письмо некоего почтенного юриста, ниже приведенное в нашей заключительной главе. Много делал Преосв. Феофан для общего духовного блага жизни. Но особенно он был незаменим, как советник и утешитель в моменты тяжких испытаний ее. Уже один тот факт очень характерен в этом отношении, что кто хоть раз обратился со своей нравственной нуждой к подвижнику, тот уже никогда не оставлял наставника и рекомендовал его другим. Один опытный и поживший педагог, сам начальник и руководитель целого учебного заведения, неоднократно обращавшийся к святителю с своими житейскими скорбями, пишет: «В это время (после потери детей) измученный житейским горем и недоумением, я – немощный – ринулся со своей глубоко

скорбной докукой, которой и забыть не могу, к сильным людям – людям веры Христовой, и, во-первых, к Святителю Феофану. Святитель Феофан в то время уже был вне мира, *в затворе*; но он хорошо знал лютую скорбь житейскую и не замедлил мне ответить святительским утешительными словом...». «Скорби житейские и потом по воле Божией не оставляли меня, и я всегда обращался за утешением к епископу Феофану. То была *потреба* измученной души моей. Письма ко мне святителя представляют высокий учительный интерес для всякого страждущего и обремененного христианина. Я привожу их с любовью к почившему любвеобильному архипастырю, утешившему меня силой святой веры во дни великого моего горя, и рад буду всем сердцем, если святительские слова окажут научение и пользу не одному мне»¹²⁸.

Письма: о вечности мучений грешников

Из всей массы эпистолярной литературы Преосв. Феофана мы приводим здесь только несколько писем по предметам, имеющим общее руководственное значение и наиболее разработанным – именно о вечности мучений грешников, о необходимости каждому христианину быть в живом союзе с Церковью, о значении церковной обрядности и о свободе человеческой воли. Присоединяем одно письмо по вопросу о духовном утешении бывшего богача, неожиданно лишившегося всего своего состояния, как образчик того, как умел святитель приходить на помощь к человеку в самые тяжелые минуты его жизни.

1) Один из многочисленных корреспондентов Преосв. Феофана, недоумевавший относительно христианского учения о вечности мучений грешников, обратился к нему за разъяснением этого важного предмета, и святитель пишет целый обстоятельный трактат, в котором выясняет вопрошающему не только общий смысл и значение догмата, но и решает частные недоумения, например, относительно примирения и согласия его с благодатью Божией. Существенное содержание этого замечательного письма следующее: «Недоумение ваше таково, *как можно, чтобы будущие мучения были вечны?! Никак нельзя. Это благодати Божией противно*».

«Прежде всего спросите у своей детской веры, – знает ли она, что Бог именно так определил. – И если не знает, просветите ее, указав ей прямые Божеские о сем определения. Господь ясными словами, не допускающими никакого перетолкования, говорит: *идут сии в муку вечную*. Это говорит Господь, нас ради человек и нашего ради спасения воплотившийся, пострадавший, умерший, воскресший, вознесшийся на небо и седший одесную Отца, чтобы и там выну ходатайствовать тоже о спасении всех и каждого. Если говорит так Тот, Кому столько стало спасение наше и Кто ничего так не желает, как чтобы все спаслись; верно иначе сему быть нельзя. Мы имеем подлинные новозаветные писания. Там стоит: *идут*

сии в муку вечную. За тем, сколько ни есть переводов нового завета, во всех стоит: *идут сии в муку вечную.* И никаким переводчикам никакого повода не представилось и в голову не пришло как-нибудь иначе перевести эти страшные слова: *в муку вечную.* Потому не может подлежать сомнению, что Господь именно так сказал. Истолковывать же тут нечего, слова ясны без толкования. Пытались дать слову – *вечный* кривое толкование, не верующие, а неверы, будто *вечный* означает здесь относительную вечность: долго-долго, но не без конца; долго так, что эта длительность покажется вечностью, но все же и конец будет. Что такое толкование криво, обличает тут же стоящее другое слово: *в живот вечный.* Живот вечный и кривотолки разумеют без конца. Так надо понимать и муку вечную. Оба изречения стоят в одинаковых условиях. Что разумеется об одном, нельзя того отрицать у другого. Если живот без конца, то и мука без конца».

«Ты стоишь за благодать и милосердие Божие. Но речь твоя имела бы смысл, если бы вечность мук определили люди, безжалостные и неумолимые ригористы. Тогда резонно было бы возразить им: ваше положение не может быть принято; потому что оно противно благодати Божией. Но когда такое определение постановил Сам Господь, всеблагий и всемилостивый; то уместно ли как бы в лицо говорить Ему: быть не может, это противно Твоей благодати? Разве Он переставал быть благом, когда изрек сие? Конечно, нет. А если не переставал быть благом, то нет сомнения, что такое определение совершенно согласно с Его благодатью. Ибо Бог никогда ничего не делает и не говорит, что было бы противно Его свойствам. Для детской веры этого объяснения совершенно достаточно. И я на нем покоюсь более, нежели на каких-либо других разъяснениях, что и вам советую».

«Говорите: Господь на кресте молился за распинателей; можно ли, чтоб Он казнил кого-либо из грешников вечными муками?»

«Господь молился и молитва Его тотчас принесла плод. Разбойник покаялся, и, уверовав в Господа, открыл себе вход в рай. Сотник исповедал Господа Сыном Божиим, и, освятившись

верой, имеется в числе святых. Верно и все те, которые пошли с Голгофы, бия себя в перси, не лишились благой части. Так и все, которые, нагрешив пред Богом, обращаются к Нему в слезах покаяния, всегда получают прощение, и пред ними дверь рая не заперта. Если б все люди, грехам повинные так поступали, все бы вошли в рай; и ад остался бы занятым одними духами злобы – ожесточенными и нераскаянными. Вы опираетесь на милосердие прощения. Но прощение не безусловно: покайся, и прощение получишь. А нераскаянного как простить?»

«Господь милосердый всех готов простить, только покайся и прибегни к Его милосердию. Если бы и бесы покаялись, и те были бы помилованы. Но как они закоснели в упорном противлении Богу, то и нет им помилования. То же и в отношении к людям. Невозможно помилование тех, которые упорно противятся Богу. Что такие есть, это думаю, вы знаете. Что многие из таких и на тот свет отходят богоборцами и богоненавистниками, и этого, полагаю, отрицать не станете. Что же их там ожидает? Уж видно что! Как они Бога знать не хотели, то и Бог скажет им: не вем вас, – отойдите. А когда такое решение от Бога изойдет, кто отменит его? Вот и вечное отвержение, – печать ада! Остается строить надежду, нет ли покаяния за гробом! О, когда бы возможно было это?! Какое бы облегчение нам грешным! Господь столько милосерд, что только покайся, хоть бы то и за гробом, непременно простит. Но то наше горе, что надежды-то такой не на чем основать. Закон жизни таков, что коль скоро кто положит здесь семя покаяния, хоть бы то при последнем издыхании, то уж не погибнет. Семя сие возрастет и плод принесет – спасение вечное. А коль скоро кто здесь не положит семени покаяния и перейдет туда с духом нераскаянного упорства во грехах, то и там на веки останется с тем же духом, и плод от него во веки будет пожинать по роду его – Божие вечное отвержение»¹²⁹.

О необходимости для человека принадлежать и иметь живой союз с Церковью для спасения

2) Мы уже видели, что Преосв. Феофан, и из своего затвора внимательно следивший за всеми выдающимися явлениями русской общественной жизни, отозвался целым рядом писем по поводу появления ереси известного Пашкова, в которых наряду с обличением лжеучения как отрасли протестантства дал сильную апологию православия, причем особенно подробно раскрыл откровенное учение о домостроительстве нашего спасения чрез воплощение Сына Божия. При изложении этого догмата писатель долго останавливается на развитии мысли о необходимости для христианина иметь живой союз с Церковью и значении церковной обрядности. Сущность его учения по первому вопросу представляется в следующих чертах. Каждый христианин обязательно и неизменно должен принадлежать и иметь живой союз с Церковью потому, что в ней единственно существуют все необходимые средства ко спасению и вне общения с ней нет никакой надежды и возможности получить спасение. Последнее слагается из двух существенно-необходимых элементов – духовных сокровищ, дарованных нам туне искупительными заслугами Спасителя и того, что мы сами должны совершить для нашего спасения. К первому относятся истины Евангельского учения и благодатные дары св. Таинств – и те, и другие сокровенно хранятся только в недрах Церкви. Ко второму принадлежат наши собственные труды и подвиги добродетели, и последние могут иметь правильное течение только под руководством Церкви. Совершив дело спасения падшего человечества, Господь наш Иисус Христос вознесся на небеса, а духовные блага, приобретенные для нас, Он оставил на земле, во святой Церкви и помимо ее не дает их. Прежде всего Господь преподавал Свое божественное учение св. апостолам, а последние передали его всем верующим. Отсюда Церковь стала верной хранительницей Божественной мудрости, *столпом и утверждением* христианской истины. Она есть сокровищница не только истины, но и благодати. Своей

искупительной кровной жертвой Спаситель открыл путь нисхождению к нам Св. Духа, со всеми Его благодатными силами, без которых спасение наше невозможно. Но Дух Святой непосредственно сошел только на апостолов; после же них благодать Его сообщается верующим не иначе как только чрез таинства, учрежденные Самим Иисусом Христом и вверенные для хранения и совершения только в Церкви. По принятии благодатных даров христианину предлежит тяжелый и продолжительный, во всю жизнь, труд внешнего доброделания и внутреннего очищения своей природы от худых наклонностей и страстей, и водворения на их место добрых мыслей, чувств и расположений. Эти подвиги добродетели, по-видимому, должны быть предоставлены свободе каждого спасающегося. Но это только, по-видимому. Опыт свидетельствует, что человек в своем настоящем поврежденном состоянии помрачил и исказил первоначальные чистые требования своего внутреннего нравственного закона и уже не может обойтись без внешнего, стороннего руководства. Вот тут-то и приходит на помощь к нему Церковь со своими многочисленными к многообразным освянительными средствами. Она, как чадолюбивая мать, установила целый ряд чинов, учреждений и порядков, верно и целесообразно направленных к соделыванию спасения всякого верующего. Так Церковь назначила обязательно для всех святые посты однодневные и многодневные с целью усмирения нашей плоти и угашения похотей ее. Разнообразные дела милосердия с устройством разного рода благотворительных заведений – богаделен, больниц, странно-приимниц и др. существуют для воспитания в нас добрых расположений и чувств любви к ближнему. Наконец, непрерывное последование божественных служб церковных и домашних обильно питает высшие, молитвенные проявления человеческого духа и неизменно возводит достойных к последней цели христианской жизни – богообщению. Все это существенно необходимо в деле спасения и все это возможно найти только в Церкви.

«Желающему спастись необходимо быть в живом союзе с истинной Церковью Христовой. Почему? – Потому что Господу

угодно было в ней единой совместить все, потребное для спасения».

«В одиночку никто не спасается. Господь из всех верующих благоволил сочетать единое тело и Сам стал Главой его. Спасается каждый не иначе, как в Церкви, т. е. в живом союзе со всем сонмом верующих, чрез Церковь и с Самим Господом, как Главой ее. Господь назвал Церковь Свою виноградным деревом, в коем Он Сам – лоза или ствол дерева, а все верующие – ветви на лозе; посему Церковь есть единое нераздельное целое, живо сочтанное с Господом и в себе и во всех частях. Как ветвь, отложившись от дерева, засыхает и перестает жить, так перестает жить и всякий, кто каким-либо образом отделяется от Церкви Божией, а чрез то и от Господа. Святой Павел еще яснее представляет этот живой союз верующих с Церковью и Господом, называя Церковь телом Господа. Мы все верующие – тело Христово, Христос же Господь есть Глава сего тела. Как в теле всякий член живет не своей, а общей всему телу жизнью и если отделится от тела, умирает и истлевает, так и каждый верующий не живет особняком, но живет общей всей Церкви жизнью, и, если отделится от нее, замирает духовно и погибает (Ин. 15; 1Кор. 12; Еф. 4). Так доселе все истинно верующие законом жизни, ведущей ко спасению, полагают союз с Церковью. Церковь есть мать наша. И верно слово: кому Церковь не мать, тому Бог не Отец».

«В деле спасения надобно различать две стороны: *то*, что Господь совершил нашего ради спасения, – именно стяжанные Господом чрез воплощенное домостроительство блага во спасение наше; и *то*, что мы должны делать со своей стороны для получения спасения, – наши в содевании спасения труды. Из того и другого, – чрез сочетание их в лице спасаемом, – спееется дело спасения. Всякому можно сказать: позаботься удостоиться приятия сокровищ спасения, стяженных Господом, – усвой их себе и употребляй как должно, и спасешься. Но сие двоякое дело совершаться достодолжно может и совершается только в св. православной Церкви. В ней и благодатные сокровища во спасение, и практика всего того, что от тебя

требуется для твоего же спасения, с руководством в том, и словом и примером».

«Слыша: позаботиться удостоиться приятия благодатных сокровищ спасения, ты невольно можешь прийти к вопросу: где же их взять? Где прийти с ними в соприкосновение и как вкусить их? Они все в Господе, а Господь, стяжав их, вознесся на небо и воссел одесную Отца. Как достичь до Него? И кто силен к тому? На это скажу тебе: никак не достигнешь, и никто не силен к тому; но не приходи от этого в ужас. Господь вознесся на небо, а блага, Им для нас стяженные, оставил на земле, вверив их святой своей Церкви».

«Св. Церковь православная есть сокровищница благ спасения. Что бы тебе ни нужно было для спасения, все то найдешь в ней, и только в ней. Помимо ее и Сам Господь не дает сих благ. Так благоволил устроить Сам Он. Став Главой Церкви, Он не иначе действует во спасение наше, как чрез сие тело свое. И не ищи к Его сокровищам спасения другого доступа. Его нет».

«Господь Спаситель, яко ипостасная Премудрость, принес в Себе самом на землю, из таинниц триипостасного Божества, всю спасительную премудрость. Но не удержал ее сокровенной в Себе самом, а сначала преподавал ее апостолам, заповедав им преподавать ее и всем верующим из всех языков. Апостолы предали ее всему сонму верующих, заповедав преемникам своим блюсти ее. И стала Церковь столп и утверждение истины, которая, водворившись в ней, пребывает в ней и будет пребывать до скончания века. Хочешь ведать сию премудрость? Иди в Церковь православную, верную блюстительницу всего, преданного апостолами, и у ней поучайся ей».

"Кроме *истины* Господом и *благодать бысть* (Ин. 1:17). Воплотившись нашего ради спасения, Он принес Себя в жертву искупления нас, и открыл тем путь нисхождению к нам Духа Святого с благодатными силами своими. Отсюда два существеннейших блага воплощенного домостроительства в спасение наше, оправдание и освящение. И их оставил Господь на земле и вверил их своей Церкви».

«В Церкви Божией стоит непрерывно приносимая жертва тела и крови Господа, по заповеди Его, и в той силе, в какой благоугодно было Господу установить сие учреждение. Жертва сия приносится в определенное время; но как с движением солнца и час сей движется по земле с востока на запад с промежутками, едва, или совсем не заметными; то само собой очевидно, что жертва сия в каждое мгновение приносится на земле, или вернее – непрерывно стоит. Господь ходатайствует о нас на небе пред лицом Бога и Отца. Но там нет крови. Кровь свою благоволит Он таинственно источить в св. Церкви Своей, яко глава ее, в таинстве тела и крови. Сие творите, заповедал Он, *в мое воспоминание*. Сие, т. е., тело ломимое и кровь изливаемую, во оставление грехов. Так оправдательный и ходатайственный покров простерт и стоит над Церковью, привлекая и препровождая к нам всякие милости Божии. Хочешь быть причастником сих милостей? Бывай, сколько можешь чаще, на жертве сей и общение с ней держи, если не вкушением ее, то сокрушением и плачем».

Кровная жертва открыла путь нисхождения к нам Святого Духа, от коего все благодатные силы, яже к животу и благочестию. Без сих сил спасению нашему содеваему быть невозможно. Необходимо потому всякому стяжать благодать Святого Духа. Но непосредственно Дух Святой сошел только на апостолов; после же них благодать Св. Духа сообщается верующим уже не иначе, как чрез особые посредства, или таинства, по указанию Господа Духом Святым чрез апостолов учрежденные. И таинства сии вверены св. православной Церкви и суть в ней единой. И стала Церковь сокровищницей не истины только, но и благодати. Чувствуешь потребность благодати? Иди в православную Церковь, приступи к таинствам, и получишь благодать, всякую, какую взыщешь. Возрождения ищешь? Взыщи его в св. православной Церкви. Она, и только она, породит тебя водой и Духом в таинстве св. крещения. Дара Духа Святого ищешь? Взыщи его во св. православной Церкви. Она, и только она, преподает тебе его в таинстве миропомазания. Согрешил? Каешься и ищешь врачевания душевных ран и разрешения уз совестных? Иди в св.

православную Церковь. Она, и только она, в лице пастырей своих призвав власть вязать и решить, разрешит тебя от грехов и исцелит раны души твоей врачевательными обязанностями. Нужду имеешь и ищешь преискреннейшего общения с Господом? Иди в св. православную Церковь. Она, и только она, дав тебе вкусить тела и крови Господа от жертвы Его, ею всегда приносимой, сделает, что ты будешь в Господе и Господь в тебе, по неложному Его обетованию. Ищешь положить благодатную основу семейству своему? Иди в св. православную Церковь. Она доставит тебе сие благо, запечатлев благодатью брачный союз твой в таинстве брака. Немоществуешь телом и ищешь врачевания? Обращайся к Церкви святой. Она доставит тебе сие благо и с отпущением грехов, чрез таинство елеосвящения».

«Столько благодатных сокровищ вверено св. Церкви! Приставниками же и раздаятелями их поставлены сначала апостолы, а потом их преемники, которые и сами получают особую на то благодать чрез таинство священства, в Церкви же Божией. Таинство священства – верх таинств благодатных: ибо без него остались бы недейственными и все другие таинства, и Церковь превратилась бы в безблагодатную».

«Так ипостасная Премудрость Божия, создав себе дом св. Церкви, утвердила в нем столпов (отделений) семь, и всех приходящих к ней, по ее призыванию, обильно питает и напояет разнообразной своей благодатью. Семь источников благодати. Но два из них текут неразлучно с течением всей жизни спасаемого. Это таинства – покаяния и святого причастия, дающие благодать оправдания и благодать освящения, благодати, источные в жизни спасительной. Они развивают, укореняют, возвышают в духе человека все, потребное для спасения. И чем кто чаще пользуется ими, тем успешнее зреет духовная, спасительная жизнь. А без этого, она скоро засоряется, вянет и глохнет».

«Вторую половину дела спасения составляет собственный наш труд в содевании его. Казалось бы, что он должен быть совершенно предоставлен свободе каждого. Предоставлен, правда, но не вполне. Св. Церковь и сюда притекает своим

влиянием и властью. Я разумею под сим не указания только и поощрения, но известные порядки и труды, исполнение которых есть содевание того, что содевать требуется от нас нашего ради спасения. Известные труды во спасение возлагает св. Церковь на верующих, как долг, не стесняя однако ж свободы к самоохотным в том же роде начинаниям и деяниям, а напротив поощряя к ним и давая в отношении их руководство словом и примерами. Сама Церковь возлагает известные труды во спасение, и потому, что желает, чтоб все были как один в содевании спасения, и потому, что, считая труды те необходимыми в деле спасения, не полагается на свободную охотность к ним каждого по немощам самоугодливости нашей; а руководство свое дает в прочих свободных сего рода делах и начинаниях потому, что по неумению иное дело и труд можно сделать так, что вместо пользы от того будет вред делу спасения».

«Решившемуся содевать свое спасение и приившему на то благодать, предлежит, действием облагодатствованного духа своего, очистить душу и тело от страстей и перенастроить их на всякое добро, чтоб сделать храмом достойным Бога, обетовавшего вселяться в верующих и ходить в них».

«Надо душу и тело очистить и перенастроить силой духа облагодатствованного. Что для сего потребно? Потребны подвиги – для тела телесные, для души душевные, для духа духовные: ибо и его надобно оживлять и укреплять, чтоб он постоянно чувствовал себя обладающим силой властно действовать на душу и тело».

«Телесные подвига нужны потому, что тело, служит седалищем страстей. Не смиришь плоти, не будешь иметь успеха в преодолении страстей. Надо потому преутрудить плоть лишениями пищи, сна, покоя и всякого услаждения чувств. Но угодница страстей и страстолюбца есть душа. Ее потому еще больше, чем тело, надлежит взять в руки и трудить. В ней возникают помыслы и пожелания страстные и влекут к страстным делам, потому что в ней живут самые страсти. Дело спасающегося прогонять сии страстные движения, и на место их восстанавливать и водружать добрые мысли, чувства и

расположения. Это действовање, и все другое, что для сего делается, составляет предмет душевных подвигов. Наконец, подвиги духа – молитва и богомыслие, и все, что для сего предпринимается, как вспомогательное средство».

«На сии подвиги указывал Спаситель в нагорной беседе, когда давал наставление, как поститься, творить милостыню и молиться. Под постом совмещены здесь все подвиги телесные, под милостыней – душевные, под молитвой – духовные. У содевающих свое спасение действительно дело так и идет, что они проводят жизнь в молитве, доброделании и постническом воздержании. И вот к сим-то делам св. Церковь, обязывая верующих к трудам в содевании спасения, и принаровляет некоторые свои законоположения, порядки и учреждения».

«Как поприще для телесных подвигов, назначены в ней св. посты, – однодневные в среду и пятницу каждой недели, и в некоторые другие дни года, и многодневные, – четыре больших поста».

«Как поприще для душевных подвигов, кроме тех же постов, определены в ней разные благотворительные учреждения: больницы, богадельни, сиротопитальни, странноприимницы».

«Как поприще для духовных подвигов, есть в ней непрерывное последование молитвословий церковных, с наставительными на них чтениями и беседами, – молитвословий, обнимающих всю жизнь человека, в разнообразных ее направлениях и положениях».

«Все эти установления св. Церкви – молитвословия, посты, благотворения занимают и обязывают все тело Церкви, как одно лицо (в малом виде – это приход). Но это не стесняет свободы каждого, кроме сих общих трудов, избирать и держать свои частные, – свои пощения, свои молитвы, свои доброделания. Но св. Церковь, как попечительная о спасаемых мать, и на эту часть трудов верующих простирает свою заботу, заповедуя приступать к ним с совета и по указанию духовных отцов, и предлагая примеры к подражанию в прежде живших отцах и братиях, каждодневно воспоминаемых».

«Прохождение всех таких трудов по указанию и руководству Церкви составляет поприще общехристианского подвижничества. Но в Церкви Божией есть особые учреждения, в которых подвижничество в молитвах, пощениях и служениях всем с забвением себя составляет исключительную цель. Исходя из коренных потребностей духа и существеннейших стремлений христианских, сия мироотречная подвижническая жизнь, быв проводима, как следует, скоро любимцев своих возводит на высшие степени христианского совершенства и обогащает их, а через них и христианство, ведением о духовных вещах, недосязаемых при прочих порядках жизни»¹³⁰.

О церковной обрядности

Протестанты, а за ними и пашковцы упрекают православную Церковь в том, что она оматериализовала христианство, например, в богослужении дала слишком важное значение внешней обрядности наряду и даже иногда в ущерб духовному элементу, а с другой стороны завела слишком много обрядов, из которых не мало совсем ненужных и излишних. Преосв. Феофан обстоятельно разбирает и дает глубоко основательный ответ на эти кажущиеся многим сильными возражения относительно церковной жизни, церковных порядков. Христианство, говорит он, в высшей степени духовно, ибо благодатно, но не невидимо. И истинные христиане в высшей степени духовны, ибо облагодатствованы, но не бесплотны. Почему, при всей духовности, они не могут не действовать телесно не только в отношении к людям, но и к Богу. Отсюда совершенно необходимо в христианской жизни присутствие внешнего обряда, причем существо его совсем не в видимых образах, а во внутреннем настроении сердца верующего и ряде молитвенных последований. Внешние же, видимые действия и положение совершающих обряды и участвующих в них – только обстановка, неизбежная потому, что мы сами пространственны и временны и все дела и занятия наши совершаются непременно в известном месте и в определенное время. Так, например, прихожанин просит священнослужителей совершить какую-либо потребу в церкви или на дому. Духовенство облачается, отправляет службу, читает молитвы, поет, совершает каждение и пр. Верующие возжигают свечи, творят крестное знамение, кладут поклоны, становятся на колени. В чем тут существо дела? С одной стороны в ряде духовнейших, умилительных молитвословий и песнопений церковной службы, а с другой – в том духе веры, с которым христианин пригласил священнослужителей, а священнослужители совершили богослужбное чинопоследование. То же самое нужно сказать и о всех других внешних чинах и установлениях церковных. Так, существо

плодотворного и спасительного поста не в одном отказе от пищи и телесном воздержании, а в духе покаянного смирения и сокрушения, в отрешении от самоугодия плоти. Истинный смысл и значение милостыни совсем не в одних обедах для нищих или подачах по тюрьмам, богадельням, на церковных папертях, а во внутреннем настроении милостивца, в его искренней и сердечной любви к ближнему, в его горячем стремлении облегчить, по мере своих сил и средств, горькую участь страждущего и обремененного, по примеру и заповеди Спасителя и во славу Его святого имени. Что касается протестантских упреков нашей Церкви во множестве обрядов, то Преосв. Феофан замечает, что обилие их вполне естественно и законно, так как у нас и потребностей духовных очень много. Церковь своими богослужебными чинами и другими учреждениями обнимает всего человека и все его нужды. Она принимает христианина в свои объятия тотчас по рождении, сопутствует по всему течению жизни и, наконец, провожает в загробный мир, причем заботливо установила освященные священнодействия и молитвословия не только для общих всем людям важнейших моментов жизни, но и для многих частных явлений ее, составив целый ряд богослужебных последований на *всякую потребу*. Церковь щедро предлагает верующему все необходимое, что питает дух его и растит духовную жизнь. То она влечет нас в храм на молитву, то приглашает к таинствам, то пост предлагает, то место и образ благотворения указывает. Как наше тело растет и живет, принимая соки из разных видов материальной пищи, так и дух питается и живет, проходя многие чины церковные и извлекая для себя сокрытые в них духовные стихии. Как телесное дыхание освежает и оживляет организм, так и хождение в церковных порядках поддерживает и оживляет весь состав нашей нравственной природы. «Начинаю с первого укора, – пишет Преосв. Феофан в обличение протестантского учения о православной обрядности, – будто у нас христианство овеществлено, оплотянено, отелесено. Это, говорят они (протестанты), смотря на наши церковные порядки, или нашу церковную жизнь, видимо и телесно проявляемую и совершаемую. У вас, говорят, все только обряды и обряды, и

больше ничего. Исполнил обряд, и покоен, принимала ли в том участие душа, или нет».

«Скажем им: христианство в высшей степени духовно, ибо благодатно, но не невидимо. И христиане истинные в высшей степени духовны, ибо непременно облагодатствованы, но не бесплотны. Почему, при всей духовности – наивысшей, они не могут не действовать телесно не только в отношении к людям, но и в отношении к Богу, в самых духовнейших движениях сердец своих. Отсюда следует, что смотря на видимое, чем выражается христианская жизнь в Церкви и христианах, несправедливо все в них и ограничивать сей одной видимостью. Не справедливее ли, напротив, под этим видимым провидеть невидимое и духовное, как в слове мы осязательно встречаем сокрытую мысль».

«Иных, может быть, сбивает в сем деле с толку слово – *обряд*. Поясним значение сего слова. Возьмем богослужебную часть, потому что в ней наиболее выражается церковная жизнь, или в ней наиболее видна, прикрывая или и совсем закрывая собой другие части – подвиги и добротворение (пост и милостыню). Что есть каждое священнослужение? *Ряд* молитв читаемых, поемых и мысленно к Богу возносимых. В этом существо священнослужения. Но как мы заключены в пространство и время, то всякое такое служение требует своего времени, своего места и порядка, своей обстановки, *обряда*, того, что неизбежно обстоит ряд молитв, хотя не составляет существа служения. Священник в известном месте, в известное время, в определенном порядке, как положено в Церкви, совершает свое священнослужение, причем и он, и причт, и христиане присущие держат себя в известном положении. Все сие есть *обряд*. Но существо дела не в этом внешнем, а в *ряде* молитвословий, совершаемых при сем. Это же все привходит, потому что мы пространственны и временны и что ни станем делать, делаем в свое время, в своем месте и в известном порядке. И кто бы стал в этом полагать существо дела, сделал бы большую ошибку. Возьмем простое дело – писание письма. Тут перо нужно, чернила нужны, бумага нужна; нужно тебе и своим положением приспособиться к писанию. Но все это

внешняя обстановка, – такая, что без нее не напишешь письма; но и когда она есть, нельзя сказать, что письмо пишется или напишется. Письмо в уме и сердце образуется. Когда потом оно обычным порядком выразится на бумаге, совершится письмописание и явится письмо. Зародившееся в душе вызвало соответственное действие телом, и явилось дело совершенное. Таково и всякое священнослужение и молитвословие. Возбуждается в духе потребность и желание вознестись к Богу с прошением или благодарением. Это вызывает известное молитвенное действие телом, которое, быв совершено, являет дело молитвы, или молитву совершенную, – в коей внутреннее и духовное сочетано с внешним и телесным. Смотри на пишущего письмо, ты не думаешь, что во внешнем положении пишущего и в порядке его действия все дело письмописания. Не думай и не говори того же и о молитве и служении Богу, видимо телом совершаемых. Вот пример. Старушка просит священника отслужить панихиду на могиле сына или дочери, внука или внучки. Священник надевает епитрахиль и идет на могилу; причетник несет кадило и свечу. Смотри издали, что там делается на могиле? Священник читает и кадит, причетник поет, старушка кладет поклоны, стоя на коленях. Затем почитали, попели, покадили и пошли назад. Дело поминовения совершено. Но в чем тут существо дела? В том духе веры, который подвиг старушку пригласить священника совершить церковное поминовение, в таком же или сильнейшем духе веры, с которым священник начал, продолжал и кончил ряд положенных молитвословий. А прочее все что есть? Прочее все есть обряд, обстановка, неизбежная по условиям нашего теперешнего существования, не случайная, однако ж, но соответствующая, как значению сего служения, так и настроению совершающих и участвующих в нем. Тут сочетано внутреннее и внешнее, духовное и телесное. И кто остановился бы вниманием на одном внешнем, не проходя до внутреннего и все существо служения сего постановил бы во внешнем, не думая о внутреннем, тот обнаружил бы грубое неведение дела».

«Таковы все наши церковные молитвенные обряды. Они все совмещают в себе духовнейшие молитвословия, и кто совершает их или участвует в совершении их, о том следует говорить, что он духом ходит, выражая то и рядом внешних действий. Стало быть, нельзя говорить, что у нас в церковной жизни оплотняено, отелесено христианство, и мы – только внешние христиане».

«Так много слишком у нас обрядов, говорят ваши отступники, продолжает Преосв. Феофан; мы себя облепили ими так, что за ними не видно никакой в нас духовности. А иные, может быть, прибавляют: и все это без всякой нужды и пользы».

«Много? Пусть много. Что ж? Досадовать ли и горевать от этого? В каком доме всего много, охают там от того? Церковь есть дом Божий. Если в ней много всего, по экономии, какая в ней ведется, т. е. по устройению спасения чад ее, и слава Богу! Когда видишь дом всем полный, дух радуется; а когда в каком доме двор пуст и всюду хоть шаром покати, какое безотрадное оставляет это чувство».

«Много у нас церковности оттого, что нас много, и потребностей у нас много. Попечительная мать наша – Церковь, Главой своим руководимая, и заготовила все благопотребное, хранит то и иждивает щедро на нас – чад своих, в подобающее время и в должной мере. Перечислять ли все? Но вот общее!»

«Нужны тебе наставления, – иди в церковь, слушай и смотри. И чрез ухо, и чрез око польются в тебя всякого рода уроки. Слушай апостол, Евангелие, пророков, и поучайся; внимай песнопениям, и вразумляйся; смотри на священнодействия, и возносись горе, вникая в значение их и смысл; видишь изображения, поминай славные дела изображенных и порывайся подражать им, если то лица, или прославляй Бога, дивного в милости и правде, если то события. В церкви и неграмотные становятся не меньше грамотных, ведцами Божиих таин спасения, если внимают. Чувством долга понуждаешься жертву приносить Богу, Творцу своему, Промыслителю и Спасителю, иди в церковь. Здесь каждодневно

приносится бескровная жертва Богу, – тело и кровь Господа, единая достойная Бога жертва, сильная умиловать Его. Но приобщайся к сему жертвоприношению и сам сердцем сокрушенным и смиренным, и приноси на алтарь Господень слезу, чтобы она вместе с бескровной жертвой восходила пред лице Бога и, напоминая Ему о тебе, низводила на тебя Его благоволение и благословение».

«Желаешь ли навыкнуть молитве и получить руководство в ней? О! этим паче всего богата святая Церковь. Она и готовые молитвы даст тебе и научит самого своими словами возноситься к Богу в молитве. В ней все молитва, и всякий найдет там молитвы всякого рода и на всякий случай. Потребность молитвы во время обращения, как искра, западает в сердце, действием благодати, таинственно возвращаемой и восстанавливаемой. В пламень же сия искра разгорается веянием воздуха церковного во время участия в молитвенных последованиях церковных. Внимай молитвам, читаемым и поемым в церкви, – напрягайся и сам составлять свои молитвы, когда приглашаем бываешь к тому (ектениями), и молитва твоя скоро придет в движение, напряжется, окрепнет и начнет бить из сердца, как струя из неистощимого родника».

«Имеешь ли нужду смирить плоть, врага самого близкого, безотвязного и льстивого? Вот тебе в пособие и руководство пост за постом. Се – середина; не успеешь повернуться, как подошла и пятница; пройдет несколько недель, настает большой пост, за ним опять чередование дневных постов; а там опять другой большой пост. Так круглый год. Умей этим пользоваться, и будешь иметь плоть смиренной, и в ней, таковой, вместо вреда самого благопотребного помощника. Если пал и имеешь нужду очистить совесть свою, эти же посты дают тебе и сильное к тому побуждение и благоприятное время. Поговей, исповедуйся, причастись св. Христовых Таин, и, став таким образом твердой ногой опять на должный путь, теки им бодренно».

«Имеешь ли какую частную потребность? На всякую, какая бы она ни была, найдешь в церкви благопотребное удовлетворение. Помыслы ли смущают, духи ли стужают, скорбь

ли тяготит, в путь ли собираешься, или дома что начинаешь, на все это и другое многое найдешь в церкви и молитву ходатайственную, и священнодействие освятельное, и руководство указательное».

«Об источниках благодати, св. таинствах, не говорю; не говорю и о постоянном руководстве в духовной жизни и образцах для нее. Сам знаешь, что этим богата св. Церковь, и только Церковь православная».

«Видишь ли теперь, что нельзя не быть у нас многому? Много у нас потребностей, которые не пресекаются, а требуют своего всю жизнь, начиная с минуты рождения до смерти. Св. Церковь так и обнимает своей церковностью всего человека и во всю жизнь; она принимает его в свои объятия тотчас по рождении, сопутствует ему по всему течению жизни и препровождает его на тот свет. И как это благотворно! Мир окружает нас со своими прелестями и духи злобы с своими кознями. Св. Церковь, всесторонне окружая нас своей церковностью и совсем закрывая ею, и дух мира отвеивает от нас и стрелы духов злобы отражает. И выходит, что ходящий по всем уставам церковности есть как в непроницаемую броню облеченный, или как под мощные крылья укrywшийся, или как в несокрушимую крепость запряванный. Что это не пустые слова, знают те, которые проводят дни свои в смиренной покорности всему церковному, освящаемой и оживляемой искренней верой. Спроси, кто хочет их, и удостоверись, сколь великое сие есть благодеяние. А отчуждившиеся от всего церковного что суть? Что раздетый на морозе, что безоружный среди врагов, что бескровный, голый и голодный, не имеющий, где главу поклонить».

«Так слава Богу, что в Церкви всего много. И тяготиться этим нечего; да и не приходится тяготиться. Ибо судя по тому, как каждому надо бывает участвовать в церковных чинах, можно сказать, что на каждого приходится очень немного. Помолиться по уставу Церкви, утром и вечером, пред столом и после стола, пред началом дела и по окончании его, вот и все в иной день. В иной день, кроме того, надо бывает сходить еще в храм, чтоб или только помолиться обще со всеми, или и частную какую

свою исправить потребу. Много ли это? В семье в иной год и никакой не бывает потребы, ради коей следовало бы приглашать Церковь, в иной одна какая. Так на всякого вовсе немного падает церковности. Церковь же многое содержит и блюдет на всякий случай, всегда готова бывая со своей помощью».

«В Церкви Божией ничто не заведено без нужды. Что ни учреждено ею, учреждено в удовлетворение потребностей духовных, потребностей не придуманных, а живых, жизнью вызванных. К тому же учреждаемое учреждалось по благоизволению Господа, Главы Церкви, в духе Его, и сообразно с обетованиями. Без Господа ничто не вошло в Церковь, ни большое, ни малое; ибо она воистинну есть живое тело Его, Им живущее. В некотором отношении можно различать только степени нужности и важности содержимого Церковью: необходимое, полезное, утешительное, – так как и потребности таких же родов бывают. В обычных наших житейских домах иное таково, что без него дом – не дом, существенно необходимо; иное имеется и держится, как полезное; иное служит только к украшению дома или к удовольствию живущих; иное заведено и бережется на случай. И Церковь есть дом, Божий дом, и все надобное, в своем лишь роде, должно быть и в ней. И есть. Есть в ней существенно необходимое, без чего Церковь – не Церковь (священство, таинства, службы, посты, благотворительные учреждения), есть такое, что принято и держится, как спасительное и душеполезное – (иконы), есть такое, что утешает и услаждает чад ее – (пение). Какой хозяин станет выбрасывать вещи из дома потому только, что и без них дом – все же дом? Ибо для живущих в доме и приятное нужно, и без того, что служит только к украшению его, скучно жить, а полезное в то время, как потребуются от него польза, становится необходимым. Так и сущего в Церкви не следует касаться дерзкой рукой самочиния, а принимать все в том качестве, как оно заведено и держится. В ней все назидательно и питает дух верующих, имеющих очи и умеющих видеть»¹³¹.

Православный взгляд на праздники

В связи с решением того же вопроса о церковной обрядности Преосв. Феофан разбирает неправильное протестантское учение о христианских праздниках и в наше назидание дает следующее разъяснение необходимости и важного значения их: «Праздники установлены для воспоминания благодеяний Божиих и для воздаяния благодарения за них Всемилостивому Богу. Можно воспоминать сии благодеяния и благодарить за них каждый день, как и делает св. Церковь в своих каждодневных службах. Но Божии благодеяния столь велики, что зараз обнять их все во всей силе нельзя; не объявши их вполне, нельзя вполне и восчувствовать их благотворности; не восчувствовавши благотворности, нельзя и благодарение возыметь соответствующего им. Посему-то, несмотря на всегдашнее воспоминание сих благодеяний, св. Церковь назначает на воспоминание каждого из них особый день, – тот, в какой оно явлено нам, насколько сие можно определить. В этот день уж все мысли верных обращаются к одному воспоминаемому благодеянию, чтоб полнее его уразуметь, восчувствовать и благодарно прославить. Вот и праздник. Отсюда выходит, что сколько обязательно наисовершеннейше благодарить Бога за благодеяния Его нам, столько же обязательно и праздники иметь; далее, – если неблагодарный Богу не чествует, то не чествует и праздников не празднующий».

«Кроме того, праздники, как и весь богослужебный чин нашей св. Церкви, имеют воспитательное значение. Они веру оживляют и углубляют, давая повод к уяснению и большему уразумению догматов. По течению времени года, праздники, выдвигаясь один за другим, представляют вниманию и размышлению христианскому то один, то другой догмат. Церковные песнопения излагают его благоукрашенно, чтения из писания в церкви определяют его словом Божиим, поучения пастырские изъясняют его и прилагают к жизни, по опытам

жизни. И все сие слагается в душу празднующего. Так круглый год идет догматическое обучение верующего».

«Они воспитывают также дух благочестия и жизнь по вере. Ибо, отрывая от житейского и к духовному обращая внимание, возгревают в душе небесные чувства или дают ей вкусить и питаться небесными благами. Для обремененного житейским, желающего однако ж и небесного, это то же, что из душной комнаты выход на освежительный чистый воздух. Это бывает вообще от впечатления, какое оставляет в душе одно присутствие в церкви, видом своим представляющей небо, особенно же возбуждением молитвенных к Богу восхождений и благоговейного настроения самой службой. Кто как следует совершит праздник в церкви по церковному, то едва ли уклонится в тот день и далее на что-либо небогоугодное. А иной праздник свет свой бросает от себя иногда далеко вперед. Во все это время, возгретые в день его чувства не отходят, – и продолжают держать благотворное в душе настроение».

«А без праздников, ныне житейское, завтра житейское, и послезавтра тоже, и так без конца. Чего ожидать от такого порядка, кроме оземления всех помышлений и чувств? Люди праздные, без трудов имеющие все вдоволь, могут и при этом почитать и помолиться, а рабочие и трудящиеся не имеют этой возможности. И следствием беспраздничности непременно должно быть оскудение благочестивого духа. К тому же работающему и отдохнуть надо, чтобы собраться с силами, а без праздника стыдно это позволять. – Таким образом беспраздничность и дух подавляет, и телесные силы изможает»¹³².

Учение о свободе воли и об отношении предопределения Божия к свободе

3) В получавшихся Преосв. Феофаном письмах не раз встречались нападки на свободу человеческого духа и даже полное отрицание ее. Многих корреспондентов особенно смущал вопрос об отношении свободы ко всеведению и предопределению Божию. В ответах на письма святитель подробно изложил свое учение об этом важном предмете. Он является горячим поборником человеческой свободы, признает ее самым существенным свойством нашей нравственной природы и настолько высоким и ценным, что, по его мысли, Сам Господь не вмешивается и не стесняет ее. Отрицающие свободу лишают человека самого важного преимущества. Это обычно люди или слабовольные или совершенно равнодушные и небрежущие о духовной жизни, отрицанием свободы желающие прикрыться и оправдать свою нравственную беспечность и распущенность, слагая вину на других и обстоятельства. Учение святителя иллюстрируется целым рядом примеров и доказательств из обычной, повседневной жизни, а также из истории библейской и церковной, особенно из эпохи гонений, когда христианская свобода ярко просияла на весь мир в лице мучеников и исповедников, несмотря на принятые со стороны гонителей страшные усилия и поистине бесчеловечные средства к подавлению ее. Преосв. Феофан в частности решает вопрос об отношении свободы воли ко всеведению и предопределению Божию. Сделав предварительно замечание о том, что определения Бога о судьбе людей суть сокровенные советы Его, для нас до ясности непостижимые, и упрекнув современное, слабое в вере человечество за то, что оно настойчиво стремится везде и все подвергать разрушительному анализу своего ограниченного, но кичливого разума, требуя осязательных доказательств даже для тайн царствия Божия, святитель подробно останавливается на разборе возражений против совместного существования свободы и предопределения. Возражающие обычно признают

предопределение Божие причиной того или иного склада и уровня духовной жизни предопределенного, говорят, что оно стесняет и даже уничтожает волю и потому делает людей нравственно невменяемыми. Преосв. Феофан находит подобное положение ложным, обстоятельно развивает и авторитетно доказывает совершенно противную мысль. По его убеждению, предопределение не основание и причина, а прямой вывод и естественное следствие из всей жизни предопределяемого. Человек наперед предназначается к известному нравственному состоянию потому, что такая именно, а не иная будет его жизнь, которую Бог от вечности знает и предвидит. О нарушении, а тем более об уничтожении свободы тут не должно быть и речи. «Вы атакуете свободу, – пишет Преосвященный одному корреспонденту, обуреваемому религиозными сомнениями, – будто все строится так, что хочешь не хочешь, а делай. – Стоит только повнимательнее просмотреть дела свои, хоть в один день, или в полдня, и увидишь, что все мы сами делаем, и делаем потому, что так хотим. Кто вас привел на Вышу? – Связанным приволок кто, или сами решились и приехали? То, что вы называете понуждением, есть побуждение, без которого свободные дела не делаются. Но побуждение не есть необходимость делать, а предложение дела. Дело предлагается, душа обсуждает – сделать ли, и решает, делать или нет. Этого решения у души вынудить никто не может. Сама решает. Сюда и Божеская сила не заходит, и никаким мановением свободы души не связывает».

«Прародители пали. Почему? Нашли, что лучше будто не исполнять заповеди и нарушили ее. Змий предлагал. Ева рассуждала и нашла, что он не худо предлагает, – и по этому своему смыслению решила сорвать плод и вкусить. Решения этого никто не вынуждал».

«То же и духи пали, конечно, вследствие рассуждения и своеличного решения, что лучше не слушать Бога, а жить по своему смыслению. Рассудили так и отпали от Бога. Решение этого никто не вынуждал».

«Так и всякая душа действует. Побуждений может быть много и самых сильных и понудительных, а решение всегда от

воли души зависит. Она может решить и наперекор всем понудительным побуждениям. Возьмите мучеников. Предлежат орудия мучений, обещается покойная жизнь, иногда сбоку стоят мать и отец и уговаривают бросить несколько ладану в жаровню пред идолом; иногда кроме этого и жена молодая и любимая и еще с ребенком. Сколько понуждений! А мученик решает совсем наперекор им. Не свободен ли он?» «Человек всегда свободен. Свобода дана ему вместе с самосознанием, и вместе с ним составляет существо духа и норму человечности. Погасите самосознание и свободу, вы погасите дух, и человек станет не человек. Утверждая, что человек имеет свободу двигаться вверх и вниз по степеням жизни своей, я не утверждаю вместе с сим, что ему одинаково легко и удобно двигаться, сверху ли вниз идет он, или снизу вверх, или что эти движения могут совершаться в нем также быстро и часто, как переходы из одной комнаты в другую, бывающие по несколько раз в день. Я хочу этим только сказать, что человек, себя сознающий и свободный, есть виновник своего состояния внутреннего, и что если он, попав в такое состояние, которого одобрить нельзя, остается в нем, то сам виноват в том, и ответен пред Богом и людьми»¹³³.

«Сознавши, таким образом, что свободное решение всегда от нас, вы должны положить, что всеведение Божие не имеет на него определяющего влияния. Да этот вопрос давно решен, и очень удовлетворительно. Именно, Бог предвидит, потому что видит свободные решения ваши. Эти решения составляют предмет всеведения, и составляют его в том виде, в каком являются, именно, как свободные решения. Не все, что предвидит Бог, то и определяет. Богословы различают в Боге определение и поущение. Что определяет Бог, то так и бывает, как Он определяет, а что поущает, то может и не быть так, как бывает, хотя Бог и предвидит бывание того».

«Таково падение прародителей и духов. Они свободно пали, хотя Бог предвидел то. Со стороны Божией все сделано, чтобы не пали. Ясно сказано прародителям: не ешьте. И последствия указаны. Подобное сему надо предполагать и у духов падших».

«Не послушали, кто виноват? Зачем попустил Бог? Затем, что иначе надлежало отнять свободу или уничтожить в мире свободную тварь. Но без этого мир был бы гораздо ниже, чем теперь есть. И попустил Бог пасть, устроив образ восстания от падения. Мы идем к восстанию путем борьбы с противностями. Таков закон! И все, которые следуют ему, венчаются успехом».

«Что у духов, не знаем. Но поскольку свобода их свободна, то до решения суда и их восстание возможно, как возможно падение светлых сил. Будет ли оно, или не будет, не нам решать. Но возможности сего отвергать нельзя»¹³⁴.

«Спрашиваете, – говорится в другом письме, – как так, – предоставленные уверовали?.. стало быть, – которые не уверовали, не предоставлены. Чем же они виноваты? Недоумение ваше стоит на мысли, что они веруют, потому что, предоставлены, а другие не веруют, потому что не предоставлены. Мысль неверна: ибо дело бывает наоборот: предоставление от уверования, а непредоставление от неуверования. Видит Бог наперед жизнь человека в целом... и решает сему быть в числе верующих и спасенных, а сему не быть... Определение Божие есть вывод из всей жизни человека; сама же жизнь течет и по склонениям произволения, и по воздействию на нее Божеского Промышления и внутри и во вне... Бог все делает, чтоб вразумить человека. Если после всех попечений о нем, видит его не хотящим исправляться, то оставляет его, как бы говоря: ну, делать нечего, оставайся. Бог не хочет смерти грешника; но и произволения не насилует, и только все делает для склонения произволения на добро. Все такое Он предвидит о каждом, и как предвидит, так и определяет. Таким же образом решается и то, как Бог уши закрывает, чтобы не слышали и еще – как ожесточает... Бог все употребляет, чтобы образумить человека: одно не смиряет его, другое делает для него; другое безуспешно, третье употребляет... так до конца. Кто покоряется, тот спасается; и кто не слушается, начиная с первого вразумления до последнего, тот все более и более ожесточает, наконец делается никуда негодным и неисправимым. Вот этот итог и означает словами: уши закрыл Бог, или ожесточил... Этот образ Божия

определения такого: больше нечего Мне для тебя сделать, чтоб ты услышал, – не услышишь больше ничего, оставайся, как глухой... То же и об ожестении»...

«Возьмите себе за правило – в подобных недоумениях напомнить уму своему, что предопределения Божии, относительно ли отдельно каждого человека, или относительно целых народов суть сокровенные советы Божии, для нас до ясности непостижимые. В том же, что непостижимо, тотчас надо заставляя ум свой подклоняться под иго веры, или прибегать под кров веры. Ныне удержу нет от совопросничества. Все требуют доводить до ясного разумения. И слушать ничего не хотят... вынь да положь. Как Бог един и троичен? Как Бог Сын воплотился, будучи беспределен? Как Божия Матерь приснодева? Как хлеб и вино – тело и кровь Господа?.. Апостол говорит: велия благочестия *тайна* – *Бог явися во плоти*. Зачем же сюда лезть со своим мудрованием? То же и о всем надо смиренно подчиняться определениям веры, исшедшим из уст Божиих, хотя то и непостижимо для ума. В чем поклонение ума Богу? В покорном принятии глаголов Его, яко истиннейших. Если б вам кто сказал: упритесь-ка плечом в дом и спихните его под гору. Стали бы вы это делать? Конечно, нет, зная, что это невозможно. А если бы стали, не имели ль бы видящие сие права подумать, что у вас голова не в порядке... Вот этого приговора заслуживают все, кои пытаются разгадать тайны Божии, о которых Сам Бог сказал, что они непостижимы. Ныне мы *верою* ходим, а не *видением*. Стараться приближать к нашему пониманию тайны Божии, с покорностью вере, нет греха; но блаженнее те, кои не видя веруют»¹³⁵.

Утешение богача, потерявшего состояние

4) В заключение приведем письмо по следующему поводу. Один бывший богач пишет Преосв. Феофану, что он лишился всего имущества, сам и семья остались без хлеба, что он ропщет на Бога и готов наложить на себя руки. И с Выши не замедлило последовать пространное послание, полное духовной мудрости и глубокого житейского опыта, с сердечным желанием утешить и облегчить горе пишущего, разъяснить значение его материального и нравственного положения. «Было, говоришь, состояние, а теперь ничего нет, даже хлеба насущного. Кто может сказать, что это не горестно? Крайне горестно. Но помяни Иова – воодушевись. Ты, конечно, не столько потерял, сколько он. Темь легче тебе усвоить то, что он говорил и чувствовал: *Господь даде, Господь отъят. Якоже Господеву изволися, тако и бысть*. В отношении к имуществу мы у Господа – приставники, а Он – хозяин. Одного к одному приставляет, другого к другому, и переменяет приставников, как находит лучшим. Был ты приставлен к немногому, а теперь отставлен. Потерпи немного. Может быть, Владыка всего приставит тебя к другому чему. Иов и все потерял, и сам стал ни к чему не гош, а все не падал духом. Ты же еще на ногах и здоров, а растерялся и руки опустил. Легко, скажешь, говорить: потерпи, но как терпеть-то?! Есть надо, а нечего. С голоду умрешь. Ну, это ты немного увеличиваешь свою беду. Когда общий голод, тогда конечно умирают с голоду, а когда кругом все в довольстве, как умереть с голоду? Проси. Никто не откажет в куске хлеба и в другом, без чего жить нельзя. Стыдно? Что делать? Смирись, когда смирил тебя Господь. Смирением расположишь других еще к большему состраданию. И кое-как устроишься. А там Господь пошлет и лучшее что. Ты говоришь, что готов бы пойти в услуги. И прекрасно. Иди, не стыдись. А если и жена может тоже сделать, еще лучше. Ни одного положения нет низкого. Низко одно – быть неисправным и в чем-либо не верным. И водовоз и дровосек – почтенны, и пользуются в самом деле почетом, когда, как следует, работают.

Господь никогда не оставляет, а только дает разные положения и состояния и переменяет их для иных. Если бы Господь тебя оставил, то тебя уже не было бы на свете. О том, будто лучше покончить с собой, я и говорить не буду. Нелепость этого сама собой очевидна. Конечно, ты веруешь в будущую жизнь. Рассуди же! Ты сам себя произвольно в здоровом уме лишишь жизни, и совершишь смертный грех, с которым перейдешь и в другую жизнь, не покайся: ибо когда тут каяться? Почему прямо и будешь осужден в ад. Какое же это будет поправление своего положения? Убьешь себя, чтоб избыть от беды, и за то попадешь в безмерно большую беду, вечную, неизменную. Пока тут бедствуешь, можешь питать надежду на том свете за это лучшей сподобиться участи; а на том свете уж не будет такой надежды. Попадешь в ад, там и останешься. Вот какую внушает тебе враг поправку положения твоего горького. – А если будешь благодушно терпеть, то и здесь, может быть, поправишься, и на том свете милость встретишь. Благодушествуй же и терпи, помня слово Господа, что претерпевший до конца спасен будет»¹³⁶.

Глава IX. Истолковательные сочинения

Общая характеристика их

Одним из важнейших дел жизненного подвига Преосв. Феофана являются его замечательные труды по изъяснению Слова Божия. В них святитель настойчиво стремился к тому, чтобы дать обстоятельное толкование всех библейских книг, в особенности Нового Завета; но постоянно отвлекаемый многими другими серьезными занятиями и заботами не мог привести в исполнение своего желания и успел написать следующие сочинения: толкование на все послания ап. Павла, кроме послания к евреям¹³⁷, на псалмы 118 и 33 и евангельскую историю о Боге Слове. Свои труды экзегет главным образом сосредоточил на посланиях св. ап. Павла потому, чтобы прежде всего удовлетворить неотложную нужду Церкви. Другие новозаветные писания имели, хотя краткие, по его замечанию, толкования покойного Преосв. Михаила. Изъяснения же творений великого апостола языков совсем не было в нашей духовной литературе. При обозрении истолковательных сочинений прежде всего необходимо установить вопрос о том, к чему автор главным образом стремился в них, какая была важнейшая задача и цель его. Сам экзегет дает довольно ясный и определенный ответ на этот вопрос: «Богатство псалма сего, говорится во введении в изъяснению 118 псалма, и расположило нас посвятить размышлению о нем достойное время и предложить то вниманию богобоязненных и ревнующих о спасении своем христиан, в той уверенности, что это хоть какую-нибудь принесет им нравственную пользу». Та же мысль еще определеннее выражена при толковании 33 псалма: «Предлагаемые заметки вызваны желанием не столько дать ученое толкование псалма, сколько представить опыт, как обращать в созидание духовное столь употребительные в церкви Давидские песни, извлекая из них уроки для упорядочения своих мыслей и доброго настроения своего сердца и всей жизни». Следовательно, важнейшая цель изъяснения Слова Божия, по учению Преосв. Феофана, должна быть нравоучительная и назидательная. При толковании

священного текста его главным образом занимают нравственные вопросы; он прежде всего стремится извлечь заключающиеся в нем практические истины, которые бы послужили делу упорядочения и созидания нашей духовной жизни. Подобное направление истолковательных трудов святителя определяется с одной стороны взглядом на значение Св. Писания для христианской жизни, а с другой стороны с необходимой логической последовательностью вытекает из общего направления его литературной деятельности и даже всего его личного жизненного подвига. Преосв. Феофан смотрит на Слово Божие не только как на источник теоретических религиозных знаний, но и главным образом как на живое и действенное руководство в нравственной жизни. В нем не только божественное, откровенное учение, но и действительная благодатная сила, «яже к животу и благочестию». «Внимающий Слову Божию *собирает* светлые понятия о всем, что в нем и что около и что выше его; *выясняет* свои обязательные отношения во всех случаях жизни, и святые правила, как драгоценные бисеры, нанизывает на нить совести, которая потом точно и определенно указывает, как когда поступить в угодность Господу; *укрощает* страсти, на которые чтение Слова Божия действует всегда успокоительно. Какая бы ни волновала тебя страсть, начни читать Слово Божие, и страсть будет становиться все тише и тише, а наконец и совсем уgomонится. Богатящийся ведением Слова Божия имеет над собой столп облачный, руководивший Израильтян в пустыне»¹³⁸.

Нравственной важностью Св. Писания определяется характер чтения и усвоения его. От читающего требуется полное сосредоточение душевных сил, участие не столько холодного ума, сколько глубоко чувствующего сердца, при непременноm условии воспользоваться и применить прочитанное в жизни. «Чтоб питаться словом Божиим и питать им в себе духовную жизнь, надобно усвоить его вседушно. Для сего, приступая к чтению, поставь себя в присутствие Божие и испроси у Господа просвещение разума; затем молитвенно открыв сердце свое к принятию истины, пойми размышлением и уясни содержание прочитанного. К понятаму потом возбуди

сочувствие, или проводи его до сердца и полюби его; излюбленным восхоти воспользоваться в жизни, или определи, в каких случаях твоей жизни могут найти применение понятия и возлюбленные тобой истины и прилагай их к делу. Это и будет усвоение писаний вседушное». «Мало слышать и понять. Это интерес знания – безжизненный, холодный и надмевающий. Услышал, внял и понял; восприими понятное сердцем или лучше всем существом, введи то в себя и проникнись тем. Как это сделать? Так же, например, как на солнце согреваем тело. Держим тело открыто к солнцу. Лучи солнца, ударяя в него, проникают его и нагревают. Истины Божии суть лучи Божественного умного солнца. Держи под ними сердце. Они сами силой своей проникнут его и согреют. Вняв истине, не отрывай от нее внимания скоро, и она сама сделает свое дело. Употреблю другое сравнение. – Сердцем воспринять истину есть то же, что вкусить ее. Как доходим мы до вкуса пищи?! Измельчив и умягчив ее в устах. Так в устах ума резцом размышления благоговейного умягчай в себе истину Божию и дойдешь до вкушения ее сердцем. А когда вкусишь истину, не отстанешь от нее, но с апостолом воззовешь: кто ны разлучит»¹³⁹?

Глубокое убеждение в жизненной силе откровенного учения дало возможность Преосв. Феофану обосновать на нем свои важнейшие нравоучительные взгляды. Так как главным делом жизни каждого христианина и собственной литературной деятельности он считал решение вопроса о спасении, то и воспользовался Словом Божиим, как самой надежной опорой и высшим авторитетом при решении этого вопроса, а потому и толкования его представляют живую проповедь о путях к нравственному совершенству. Автор при выяснении библейского текста по преимуществу имеет в виду, чтобы живое и действенное Слово Божие проникало до сердца читателя и возбуждало в нем искру священной ревности служить Богу. Высокий прообраз подобных церковно-учительных творений мы находим только у древних св. отцов, особенно во вдохновенных толкованиях св. Златоуста, каковые великие экзегеты были постоянными и неизменными руководителями святителя. По

проникновенной глубине понимания священного текста, по полноте и широте его изъяснения, а равно и по простоте и общедоступности внешнего изложения истолковательные труды Преосв. Феофана занимают особое, исключительное место в нашей духовной литературе. Они стяжали автору славу лучшего, несравненного знатока и комментатора Св. Писания и дали высшую ученую степень – доктора богословия, которой его удостоил совет профессоров столичной академии, сделав при этом следующую авторитетную характеристику толкований:

«Толкования читаются с глубоким назиданием. Подобно своим неизменным руководителям св. отцам и учителям Церкви и по большей части их же словами, автор постоянно преподает читателю то одни, то другие нравственные уроки, вводит его в созерцание и оценку, на основании сказаний Слова Божия, различных положений и состояний сокровенной внутренней духовной жизни человека – христианина. Толкование 118 псалма ведется сплошь в таком именно нравоучительном духе, как это вполне отвечает и самому содержанию этого высокопоучительного псалма; таким же характером запечатлены и все толкования его на послания апостола Павла»¹⁴⁰. И этот необычайный успех становится понятным, когда мы знаем, что изъяснение Слова Божия было излюбленным делом жизни святителя, которому он отдавал все свои силы, которым по временам решительно увлекался до забвения всего остального. Глубоко погружившись в работу над посланиями ап. Павла к Коринфянам, он в декабре 1874 г. пишет из своего затвора: «Зато от всего отказался. Ничего не читаю. Только газеты посмотрю мельком. План-то мой велик. Весь Новый Завет протолковать. А потом псалтирь, а далее – притчи и ... умирать»¹⁴¹.

В особенности экзегет лелеял мысль дать изъяснение Евангелия, достойное важности великого предмета. Свою заветную думу он излил в следующих восторженных выражениях, определив вместе с тем идеально-возвышенный характер своих экзегетических творений. «На Евангелия не толкование надобно писать, а размышления, чтобы каждое слово и каждое движение Господа было торжественным

свидетельством Его Божества. Когда Бог даст начнем сию хвалебную песнь Господу, то ей конца не будет. О, когда бы хоть начало положить сему делу?!»¹⁴²...

Толкования догматического содержания. Учение о Священном Предании, как источнике Божественного Откровения и о значении его в жизни Церкви

По своему внешнему построению толкования представляются в следующем виде. Приступая к изъяснению известного места священного текста, экзегет прежде всего останавливается на толковании буквального смысла его – слов и выражений, причем нередко вдаётся в филологические подробности; затем обстоятельно раскрывает заключающиеся в тексте догматические и нравственные истины, определяет значение этих истин в ряду других, причем всегда стремится передать не только внешний смысл откровенного учения, но и дает понять и почувствовать читателю сокрытую для него божественную духовную силу и жизнь. Изъяснение большей частью ведется словами св. отцов, лучших экзегетов – св. Иоанна Златоуста, Василия Великого, Феодорита и др., причем святитель настолько глубоко проникается духом их, что трудно отличить, где кончается речь свято-отеческая и где начинается его собственная. По характеру своего внешнего изложения толкования не есть обычные отвлеченные рассуждения, но они по преимуществу представляют собой живую назидательную беседу умудренного в духовной жизни автора с читателем, беседу, полную живых образов и сравнений, где писатель для уяснения высоких библейских истин нередко обращается к внешней природе и душе человека, ссылается на подвиги древних отцов и учителей Церкви, а иногда на собственные опыты духовной жизни. Так как при изъяснении известных христианских истин, встречающихся в тексте, Преосв. Феофан всегда поставляет их в связь с другими, то сумма его экзегетических трудов дает богатый и разнообразный материал для целой системы христианского вероучения и нравоучения. В них мы находим подробное и авторитетное изложение многих важнейших догматических и нравственных вопросов, нередко на психологической почве, причем нравственные предметы значительно преобладают. Из нравоучительных истин

обстоятельно раскрыты вопросы – о назначении человека, о первоначальном райском состоянии и в связи с ним о грехе и пороке, всесторонне разъяснено учение о домостроительстве спасения человека, определен основной строй и нормы христианской жизни, указаны как общие добродетели так и частные порядки – семейные, общественные, церковные и пр. словом, не осталось ни одного важного предмета христианского нравоучения, которого бы не коснулись толкования. Из вопросов догматического характера более подробно разъясняются – о св. предании и св. писании, о воплощении Спасителя и о втором пришествии Его, воскресении мертвых и последнем суде, о таинствах, о дарах св. Духа и пр. Догматические истины чаще всего рассматриваются не только сами по себе, но и со стороны их нравственного применения, а нередко, где необходимо, толкование ведется вместе с апологией против понимания их инославными вероисповеданиями.

Предметы христианской психологии также занимают видное место в толкованиях. В них сообщается учение о главных духовных силах и способностях человека, – что такое дух, душа, совесть, сердце и пр. и определяется, какое значение каждой из них принадлежит в нашей внутренней жизни. С этой стороны экзегетические труды представляют собой сокращенное изложение истин, более обстоятельно раскрытых в нравственном богословии святителя.

Чтобы иметь представление о характере толкований Преосв. Феофана, возьмем на выдержку несколько образцов их в указанных направлениях – догматическом, нравственном и психологическом. Объясняет толковник второе послание ап. Павла к Солунянам и по порядку останавливает внимание на известном тексте: *«Темже убо, братие, стойте и держите предания, имже научистеся словом или посланием нашим»* (2Фес. 2:15). Последний дает ему повод изложить свое учение об одном из важнейших предметов христианского богословия – о св. предании, как источнике божественного откровения. Вопрос раскрывается с замечательной глубиной и всесторонностью. Экзегет дает истинное понятие о предании,

устанавливает его самостоятельность и независимость по отношению к св. Писанию, указывает способы сохранения, определяет важность для Церкви и пр. По учению святителя, под преданием нужно разуметь не одно устно сообщенное учение, но и все порядки, заведенные по наставлению и руководству апостолов в жизни первенствующей Церкви в переданные потомству самим делом и строем жизни. Устное предание несомненно существовало и жило среди верующих с самых первых времен христианства наряду и параллельно со священным Писанием. Об этом прежде всего ясно свидетельствует само Слово Божие, утверждая устами последнего писателя жизни Спасителя евангелиста Иоанна, что многое и другое сотворил Господь, *яже не писана в книгах сих (Евангелии)*. О том же говорит самый характер распространения веры Христовой и основания первых церквей апостолами. Последние не только проповедывали евангельское учение, но и заводили жизненные порядки – устраивали молитвенные собрания верующих, назначали пастырей, как духовных руководителей общества, сами совершали и учили других совершать таинства, давали наставления о том, какими добродетелями должен каждый украшаться в жизни – семейной, общественной и пр. Столь сложные и разнообразные явления новой жизни совершенно невозможно было на первых же порах заключить в какие-либо точные письменные формы и книжные рамки. По необходимости многое приходилось устанавливать без писем, словом и примером. Так, апостол Павел ясно заповедует епископу Тимофею, чтобы он «слышанное от него при многих свидетелях передал другим верующим, которые были бы способны других научить». (2Тим. 2:2). Наконец, по замечанию одного из древних отцов и учителей церкви (Кирилла Иерусалимского), о некоторых предметах веры апостолы намеренно не упоминали в своих посланиях, не желая обнаруживать их пред неверующими из опасения оскорбления и посмеяния, например, об образе совершения таинств. Но могло ли сохраниться предание неизменным и есть ли ясные достоверные свидетельства того? Целость и неповрежденность его не подлежит никакому сомнению. Каждый из апостолов

имел ближайших учеников и сотрудников, непосредственных свидетелей их жизни и деятельности – апостол Иоанн святого Поликарпа Смирнского, апостол Павел Дионисия Ареопагита и пр. Это были так называемые мужи апостольские. Приняв предание от апостолов, они в свою очередь передали его своим ученикам, последние другим преемникам и т. д. Так св. Поликарп, умерший в половине второго века, имел учеником св. Иринея Лионского , дожившего до начала третьего столетия. Ученики последнего могли передать предание верующим конца третьего и начала четвертого века, когда все христианское вероучение и нравоучение было записано в книги и приняло ту именно форму, в которой оно существует и теперь. Другое течение преемства предания шло путем самой жизни, в заведенных порядках и строе христианского общежития, передаваясь от предков к потомкам, как самое дорогое духовное наследие. Как сохранился на святой Руси, остроумно замечает Преосв. Феофан, обычай плести лапти? Конечно, только путем заимствования и передачи из рода в род. Тем более нужно сказать это о церковных порядках, которыми, конечно, верующие дорожили гораздо более, чем обычными житейскими занятиями и ремеслами. Так могли сохраниться предания и без писмен. Но их очень рано стали записывать и уж во втором веке существовало довольно значительное собрание писанных преданий под названием «Правила апостольские». Так неизменно шло и неповрежденно сохранялось предание наряду со св. Писанием и наряду же с последним создало все жизненные порядки первых христиан, а вместе с ними и последующую жизнь Церкви. Настоящее содержание нашего православного вероучения и нравоучения было установлено и заведено в своих основах и существенных чертах св. апостолами и все последующее развитие христианства совершалось на основании апостольского учения, письменно изложенная и устно переданная, как раскрытие частных из общего начала, в качестве различного рода применений и приложений апостольского учения ко времени и месту церковной жизни. Так уже при апостолах все христианское общество разделялось на мирян – пасомых и

пастырей – епископов и пресвитеров с их помощниками в лице диаконов. Из последнего учреждения потом образовалась вся сложная церковная иерархия. Также еще при апостолах между верующими явились люди, не довольствовавшиеся обычными добродетелями и искавшие совершенства и подвигов. Ап. Павел в послании к Коринфянам дает краткое руководство для них, а отсюда впоследствии явились все многообразные виды и чины христианского аскетизма. Далее видим, что во времена апостольские у христиан не все дни были равны, но некоторые назначались исключительно на молитву; не подряд было мясоястие, а были дни, в которые определялось соблюдать строгое воздержание; отсюда возникли все наши многочисленные праздники и посты и пр. Не говорим уже о семи богоучрежденных таинствах, учение о которых находится во многих апостольских писаниях и преданиях и употребление коих в христианском обществе первых веков было полное и повсюдное. Последующая история Церкви привнесла к ним только некоторые обрядовые частности и подробности. Исконное убеждение православной Церкви в несомненном существовании св. предания от времен апостольских, в его непререкаемой важности для церковной жизни, а также и полной исторической достоверности освятил своим авторитетом величайший отец и христианский учитель св. Златоуст, бывший в числе последних свидетелей и хранителей живого устного предания пред окончательным заключением его в письмена. «Апостолы, – говорит он, – не все предали верующим чрез послание; но многое сообщили без писмен. Между тем то и другое равно достоверно. Посему мы должны признавать достоверным и церковное предание. *Есть предание, больше не ищи ничего*».

"Предание... пишет Преосв. Феофан, в нашей обычной речи значит сказание, или обычай, или поверие, переходящее от предков к потомкам с незапамятных времен. Потому граничит с неопределенной молвой, подлежащей обсуждению и критике. В Слове Божиим, в устах апостола Павла, оно означает преподание Божественного учения, равносильно Божественному Откровению новозаветному, и обнимает собой

все, что внесено в человечество вследствие заповеди Господа: *шедше научите* (Мф. 28:19). "Слово или послание, суть способы преподания божественной христианской веры. И писание есть такое же предание, как и слово. Но в церковном употреблении потом преданием стало называться исключительно учение, устно апостолами преподанное и хранимое Церковью. Так потребовалось течением церковной жизни. Когда апостольские писания стали общеизвестны и вошли в один состав; тогда ту часть божественного откровения, которая в них заключалась, все почерпали из сих писаний. Между тем многое веровалось и было совершаемо в обществах христианских, чего нет в этих писаниях. На вопрос: откуда же это? отвечалось: так устно научили и лично учредили и завели св. апостолы, или так предано апостолами, или просто: предание есть. И стали, таким образом, это неписанное апостольское учение или божественное откровение называть преданием, а какое заключалось в писаниях апостольских, писанием. Уважали же и то и другое одинаково; одинаково дорожили и тем и другим».

«Многое из преподанного апостолами устно и заведенного ими лично, вошло потом в писание преемников их, пастырей Церкви, а многое оставалось ими незаписанным, а хранилось в сердцах, или в практике, в порядках жизни христианской. Иное намеренно не предавалось письмени, как, например, образ совершения таинств, по замечанию Кирилла Иерусалимского, ради сокрытия того от неверующих, кои не достойны ни слышать, ни читать о том, пока не уверуют. Отсюда само собой видно, как неосновательно инославные отвергают учения и чины церковные, не означенные в писании. Не имеет цены и тот их извет, будто опасаются принять что не апостольское, потому отвергают и все, не содержащееся в писании. Золотопромышленники собирают не то только, что явно есть золото, но часто землю и песок и притом в большом количестве, из опасения не пропустить бы какого зернышка золота, хотя его и не видно. Так следовало поступать и им. Многое, конечно, и после апостолов введено; но на основании апостольского предания и в том же духе. В этой же общей массе сокрыто и непосредственно апостольское. Дорого ли

апостольское? Всякому дорого. Вот и следует содержать все, содержимое Церковью, из серьезного опасения, как бы опасаясь принять не апостольское, не пограть и апостольского. Попрание апостольского есть уже дело пагубное; тогда как принятие в уважение не апостольского (непосредственно), но согласного во всем с апостольским и проникнутого духом его, никакого вреда причинить не может. Опасение законное одно, как бы не принять чего противного апостольскому. Но за этим блюдет сама Церковь, имея постоянным законом отвергать всякое предание, которое, являясь под именем апостольского, было бы противно апостольскому учению».

«Апостолы, насаждая христианство на земле, не теорию преподавали, а жизнь заводили. Пришедши в какое-либо место, преподавали людям христианское учение, здравые о всем понятия, давали заповеди, какими добродетелями следует украшать свое сердце, заводили порядки жизни, как держать себя вовне, или определяли христианское поведение, пред лицом верующих и неверов, устанавливали, как следует Богу молиться в общем собрании и частно дома, как совершать таинства, как поддерживать принятое учение, и назначив лица, которые за всем этим наблюдали бы, а иное и исполняли, и освятив их, отходили в другое место. Христианская жизнь во всем своем объеме тотчас и начиналась. Так и в другом, и в третьем месте и во всех; так один апостол, так и другой, так и все. И во всех концах земли, куда только достигли красные ноги благовестников, водворялись христианские порядки жизни нравственно-религиозные, семейные, церковные, общественные, все в одном духе, и по одному чертежу, не на земле составленному, а начертанному на небеси, подобно чертежу скинии. Отсюда – какой Церковь вышла из рук апостольских и явилась во всем мире, такой она есть по воле и определению Самого Бога, и такой она должна быть, чтобы содевать спасение гибнущего человечества. Вот и видим повсюду, с первых времен, в церкви Божией мирян и освященные лица, диаконов, священников, епископов, на которых лежало проповедывать слово, освящать таинствами, благодать подающими, и руководить в жизни; видим

установленные семь таинств и чины молитв и богослужений: вечерню, утреню и обедню; видим, что у христиан не все дни были равны, но иные отлагались исключительно на молитву и удовлетворение религиозных потребностей, и что не подряд было мясоястие, а были дни, и многие, в которые определено соблюдать строгое воздержание, и притом не одновременно, а на все времена; видим, что среди христиан во всех частных церквах были особые ревнители, которые все оставя и от всего отрекшись, посвящали себя исключительно на молитву и богомыслие, со строгим воздержанием и измождением плоти, в той неложной уверенности, что этим путем скорее искоренят в себе страсти, взойдут к чистоте и сподобятся ощутительного богообщения, всем христианам обетованного, силой и действием всеосвящающей благодати, которой и руководимы были в сем претрудном пути. Таковым в общем является строй христианской жизни с первых времен. Что привносилось после, то привносилось в этот же чин, не как новое учреждение, а как расширение, или лучшее приспособление к месту и времени заведенного апостолами. Быть постами обще всем христианам в одно определенное время есть апостольский закон. От апостолов, несомненно, учреждены посты в среду и пятницу, и пост в воспоминание страданий Господа. На этом основании потом в Церкви учреждены и все другие посты, и все чины постнические. Быть строгим подвижником (аскетом) апостолами положено, и общий закон им прописан даже в Писании (в посл. к Кор.); а потом из этого разрослись все чины иноческие. Собираться воедино на молитву и едиными усты хвалить Бога и молитву Ему возносить, есть апостольское учреждение. При них же введены и, может быть, ими же даны и некоторые песни церковные. Но потом из этого начала развилась вся разнообразная песненность церковная. Так и во всем. Весь строй христианской жизни, в общем, от апостолов. И после к сему общему строю ничего не прибавлено, а только развились частности обширнее и разнообразнее. Но тут же сокрыты и апостольские частности. И все это и по времени приложенное, и апостолами преданное, хранится святой нашей православной Церковью. Все нам и дорого в Церкви. И все, опасливые и

благочестивые христиане строго соблюдают молитвенные и освященные порядки, характеризующие нашу церковную жизнь, видя в этом необходимую поддержку нравственно-религиозной, внутренней христианской жизни.

О дальнейшем распространении и преемстве апостольского предания в истории и жизни христианской Церкви святитель в другом месте пишет: «Апостолы вполне организовали Церковь во всех частях церковной, спасительной жизни. И все это введено ими в жизнь христиан, и как жизнь и дело передавалось из рода в род. Пастыри и учителя после апостолов суть только блюстители апостольских преданий и учреждений. У каждого апостола было по несколько ближайших учеников, с ними неразлучно бывших и усвоивших во всех частях апостольскую премудрость. Эти ближайшие ученики были их преемниками в управлении церковью и в блюдении всего апостолами преданного. В церквах Палестинских, в Антиохии, в Тарсе, в Ефесе, Смирне, в Колоссах, в Филиппах, в Солуни, в Коринфе, в Афинах, в Александрии, в Риме и во всех прочих местах, где были апостолы, после них остались пастырями их ближайшие ученики».

"Это мужи апостольские. Никому в голову не придет подумать, чтобы кто-нибудь из сих учеников позволил себе отступить от апостольских постановлений. Они и на деле оказывались верны им».

«Мужи апостольские, по примеру и заповеди апостольской, правя Церковью, в то же время воспитывали при себе таких мужей, которые бы после них могли занять место их, и продолжать блюсти апостольские учения и порядки».

«Эти вторичные преемники, в свою очередь, воспитывали третичных и так далее».

«Все апостольское, таким образом, переходило из рода в род жизнью и делом. Апостолы все, что предали, ввели в жизнь – умственную, нравственную, семейную... и во все виды жизни. Жизнь от жизни загоралась... и жизнь апостолами заведенная блюлась...»

«Вот вам образчик... св. Поликарп Смирнский был ученик св. Иоанна Богослова, св. Ириней ученик Поликарпа. Св.

Поликарп мученически скончался около 60-х годов второго столетия. Св. Ириней прожил до начала третьего столетия. Это не единственный, конечно, пример. И можем положить, что вторичные преемники перенесли сохранно апостольское предание до 3 века... А третичные до половины и конца его».

«Сим путем апостольское предание сохранилось бы, если бы никто не писал из сих преемников. Но писатели скоро явились и когда писали, преимущественно писали, как предано было. Оттого, читая писание св. отцов второго века, видим апостольские слова и обороты речи, апостольские на все воззрения, а цитат почти нет».

«Отчего? Оттого, что все они были блюстители предания... И умствовали, и писали, как предали апостолы каждой Церкви».

«Апостольские писания собраны в книгу в конце первого века, при св. Иоанне Богослове. А списки их распространились к концу второго века. Оба эти века христиане питались преимущественно переданиями».

«Вы понимаете предание – как передавание из уст в уста... А оно было предание из жизни в жизнь, из дела в дело».

«Скажу простой пример – как столько веков хранится одинаковый образ плетения лаптей, печение хлебов... Дети делом перенимают у отцов и матерей и передают своим детям».

«Бывают школы, в которых влиятельный наставник передает свои учения особенно впечатлительно... И потом это учение заседает в школе и тянется века... Тем паче это уместно в христианстве».

«Потом все порядки христианские, и веровательные, и жизненные, и освятительные... вошли в писания отеческие... и закрепились».

«Мы чтим отеческие писания ради того, что в них блюдетя апостольское предание, которое узнается *в общем согласии всех их*».

«Таким образом, третий век чрез третичных преемников мог передать апостольское предание четвертому веку... В четвертом веке мы видим вполне все, что мы теперь имеем в писаниях отцов, хотя все оно по частям есть и в 3 и во 2 веках. Извольте

теперь общее иметь наведение: Греческая Церковь верно соблюла апостольское предание и передала его нам. Это апостольское наследие – у нас»¹⁴³.

Образцы нравоучительных толкований

В качестве образцов толкований нравоучительного характера считаем необходимым привести следующие места: объясняя стих 118 псалма *«От всякого пути лукава возбраних ногам моим, яко да сохраню словеса Твоя»*, экзегет начертывает целую программу нравственного исправления слабого духом человека, падкого на разного рода соблазны и приманки. «Пророк указывает, как исправилась неправость воли. Стал я возбранять ногам моим от всякого пути лукавого, и от судеб Божиих не уклоняться, и воля моя исправилась, навывкла хранить словеса Божии, и установилась в том».

«Совесть наша и всегда внушает нам бегать зла, но не достает воли следовать ей. Приманки самоугодия пересиливают ее, и человек идет на злое. А сделав злое однажды, не удержится и в другой, а потом скоро образуется и привычка к известному роду самоугодия наперекор совести. Так образуется одна привычка, потом другая, третья, десятки, сотни. Когда опомнится человек и задумает шествовать право, угождать Богу, тогда он находит себя со всех сторон связанным и опутанным. Как же быть?»

«Блюди твердую решимость хранить словеса Божии, всячески подогревай и поддерживай ее, содержи в сердце своем страх Божий, память смерти и суда Божия и затем возбраняй ногам своим от всякого пути лукавого. Нельзя тебе вдруг возлюбить доброе, чтобы по этой любви держаться его. Начинай с неделания худого, и хоть привычная воля будет порываться на худое, держи ее в пределах должного силой решимости твоей. Зло началось в сердце, а окрепло в привычных делах. К уничтожению его иди обратным путем: прекрати дела, и чрез них дойдешь до пресечения зла в сердце».

«Не ходи туда, где привык ты удовлетворять дурной привычке; пресеки сношение с товарищами греха и измени все порядки жизни, питавшие грех. Это значит возбранить ногам. Когда случай ко греху перед глазами, как удержаться от него

тому, кто привык к нему? А когда случаи отдалены, то хоть и придут мысли на грех, помутят-помутят в голове, да и отойдут. И прогнать их тогда удобнее, чем тогда, когда не мысли только, но и глаза, и уши, и осязание, и обоняние будут обдавать тебя паром греховным. Св. Отцы того, кто стоит пред соблазном, уподобляют стоящему на краю пропасти: как только вздумается врагу, он даже легким толчком может низринуть его туда. А того, кто удаляется от соблазнов, уподобляют они находящемуся далеко от пропасти: когда враг повлечет его в пропасть, он имеет еще время отбиться от него, или воззвать о помощи и избавиться от беды».

«Уклонение от путей лукавых отставляет зло и восстанавливает добро в душе. Но это внешний труд; к нему надо присоединить внутренний – возбранение мысленным ногам от мысленных же путей лукавых. Мысленный путь лукавый таков: начинается злая мысль, привлекает сочувствие, возбуждает желание и склоняет на дело. Когда кончится этот мысленный путь ко греху, тогда следует путь внешний к совершению греха делом. Прекратил ты эти внешние хождения ко греху, – доброе дело. Но не думай на этом остановиться, а старайся пресечь и внутренние пути к нему; ибо, несмотря на внешние уклонения от путей лукавых, мысленные странствования не тотчас прекращаются, а часто заходят туда и блуждают там. Итак, возбрани мысленным ногам от путей лукавых, чтоб они не повели туда и телесных ног. Прогоняй мысли худые, уничтожай сочувствия, а более всего берегись склоняться на зло. Пока этого нет, – ты все еще безопасен; но когда это появится, – ты уже в опасности. Хотя и при этом можно еще миновать ее; но лучше не подвергаться тому, ибо предлежит борьба. Пропать еще далеко; но враг уже уцепился и тащит туда. Главное в этом деле – уклонение от злых помышлений: они, как комары, жужжат; гони и не ослабевай. Если поспешишь заменить злые мысли добрыми, то дело твое во сто раз успособится и облегчится»¹⁴⁴.

В подобном же широком и глубоко-назидательном тоне ведется изъяснение содержания большей части 118 псалма. Так при толковании краткого стиха его *«Благ еси Ты, Господи,*

благостию Твоею научи мя оправдания Твоим» подробно раскрываются те многообразные пути, которыми Провидение устрояет судьбу и нравственно воспитывает человека и при этом мимоходом решается с точки зрения откровенного учения один из труднейших вопросов христианской нравственности – провиденциальный вопрос о причинах неравенства состояния людей на земле. Преосв. Феофан учит, что Господь, как чадолюбивый Отец, направляет жизнь людей к благим целям самыми разнообразными путями и средствами, избирая их соответственно природе и духовным силам каждого. Для одного полезно счастье и награды, а для другого более вразумительны лишения и наказания. Как опытный врач назначает то горькие, то сладкие лекарства, смотря по характеру болезни и свойствам натуры больного, то же самое необходимо в деле врачевания духовных немощей. Что касается часто смущающего нас вопроса о неравенстве распределения земных состояний, то один ограниченный разум человеческий никогда не может решить его удовлетворительно, ибо настоящая жизнь есть только краткая подготовка к вечному загробному существованию, где будет разгадка всех наших сомнений и недоумений. В откровенном же Слове Божиим дается прямое, ясное указание и руководство к разрешению этого вопроса. По библейскому учению все наши материальные и нравственные состояния – богатство и бедность, слава и бесчестие и пр. в руках Промысла Божия суть разнообразные духовно-воспитательные средства, назначаемые каждому в том виде и в такой мере, в какой они более всего полезны ему. Так Авраам был всегда доволен и счастлив. Иову суждено было неоднократно пережить самые резкие перемены – то огромное богатство и полное семейное счастье, то совершенная нищета в соединении с лишением семьи и даже опасностью для собственной жизни, наконец, снова – полное изобилие во всем. Саул бедственно кончает личную жизнь и вместе с тем полагает конец своей династии. И всё это совершается не потому, что Господь имеет власть и хочет того, а потому, что все это необходимо для достижения последних целей, предназначенных для каждой человеческой жизни. «Для одного

скорби вразумительны, а другого они могут ожесточить. Такого скорее образумит, неожиданное счастье, чем какие-либо потери. Вот такого-то человека и берет здесь пророк, и как бы опасаясь, чтобы скоро не последовал удар свыше, молится: не наказывай, но яко Благий, благостью Твоею научи меня»!

«И в медицине не все лекарства горьки, и не все пластыри рвут или жгут: есть лекарства сладкие, есть пластыри приятно-действующие. Хороший врач, когда видит, что, без ущерба лечению, может пользоваться без боли, всегда избирает последнее и сам по себе, а тем более, когда о том его просят. Не тем ли более поступит так сердобольный Отец наш Небесный, Который лучше всех видит, что кому благопотребно? «Посмотри на врача, – говорит св. Амвросий, – то горькие употребляет он лекарства, резание и прижигания, то приятные и не производящие ничего болезненного. Но когда больной, по своему темпераменту, не может сносить болезненного лечения, то долг врача избегать горьких медикаментов, или так составлять их, чтобы горькое было скрываемо в приятном. Так действует и Господь на нас, врачуя наши немощи».

«Нас часто смущает вопрос: отчего неравна участь людей? Никто еще не умудрился объяснить этого до осязательной очевидности в частностях. Но общий закон промысления Божия в этом отношении ясно открыт в Слове Божиим, и притом самый утешительный. Богатство и бедность, слава и безвестность, преобладающее господство и смиренное послушание, и все прочее, чем испещрен быт человеческий на земле, есть в руках Божиих право-образовательные средства. Что кому лучше идет в этом отношении, то ему и подается. Лучше светлый быт, – подается светлый; низкий – подается низкий; лучше средний, – и средний дается. И никак нельзя вступить в спор: вот – дескать тому как хорошо, а он между тем вовсе не так-то исправен. А почему ты знаешь, – может быть, если умалить его благосостояние, он станет еще хуже? Равно нельзя говорить: вот если б тому-то посчастливилось, сколько бы было от него добра! А как ты знаешь, что, если улучшится его состояние, он сам станет лучше? Всякому дана такая участь, чтобы в ней он делал добра лишь столько, сколько может. При другой участи он

не может столько делать; а изменить ее на худшее или на лучшее, значит ввергнуть его в зло существенное. Цель бытия нашего на земле – нравственное совершенство, для должного приготовления себя к вечности. Все сюда направлено Господом. Полная разгадка разнообразия участи наших будет там. Там все увидят, как все хорошо было устроено; а здесь мы живем пока во тьме. Разумнее всех тот, кто, всецело предав участь свою и всех людей в руки Господу, держит себя спокойным в отношении ее неравностей».

«Есть сказание, как один жил трудами рук своих, и все, что вырабатывал, раздавал бедным, удерживая на свою долю лишь столько, сколько нужно на прожитие; на утро ничего не сберегалось. Кто-то из богоугодных людей, видя, как он благотворит, подумал: что, если б ему достаток, сколько бы наделал он добра! – и стал молиться, чтобы Бог послал ему довольство. Послал Бог; но тот, сделавшись богатым, не только не стал помогать бедным, но и гнал их от себя с ожесточением. Увидев это, он опять помолился, чтобы Господь лучше возвратил его в прежнее труженическое житье. Господь и возвратил, и тот опять начал жить по-прежнему, делаясь тем, что добывал, с бедными. В этом же роде были бы и все другие поправки участи людских, какие мы придумываем иногда с нашим благоразумием и правосудием».

«То же и относительно изменений в участях: иному лучше постоянно ровное состояние, иному то повышение его, то понижение, а иному однократное изменение из лучшего в худшее, или из худшего в лучшее. Иов то в высшей степени счастлив, то крайне несчастлив, то опять счастлив, Авраам всю жизнь живет в полном довольстве; Иосиф из раба делается правителем целого царства; Саул бедственно кончает жизнь, и для всего рода своего полагает конец царскому величию».

«Так действует, Господь не потому, что имеет власть и силу изменять участи людей, а потому, что так действовать лучше всего для них самих, для их последних целей. А так как и счастьем ведет Господь к добру, то очень уместна и молитва: *благостию Твоею, Господи, научи мя оправданием Твоим*»¹⁴⁵.

Иногда отдельные слова или выражения Св. Писания поражают и останавливают внимание экзегета и дают ему повод указать и развить целую область нравственных понятий. Так, изъясняя известное евангельское изречение *»едино на потребу«*, он пишет: «Как только придется услышать нам слово *о едином на потребу*, тотчас приходят на ум потребности, необходимые для поддержания тела, и рождается вопрос: да как же это? Но когда говорится, что надо избрать единое на потребу, то это не значит, что внушается ничего другого не делать, а только соразмерять труды с достоинством дел: главному делу посвящать главную заботу и преимущественный труд, а делам побочным, придаточным – заботу второстепенную и даже десятистепенную и таковой же труд. Положи на первом месте богоугождение и спасение чрез исполнение заповедей, а на втором, третьем и четвертом – все прочее, относящееся к поддержанию жизни; и к первому прилежи всем сердцем своим, а к последним относись внешне, касаясь их как бы только концами пальцев, и будешь верным исполнителем того, что сказал Господь *о едином на потребу* и об избрании части благой. То будет у тебя главное дело, а это все – приделки или поделя, как выражались древние великие подвижники. Нельзя не трудиться и не делать в житейском и гражданском быту, но надо вести эти дела в подчинении главному, в его духе, а не противно ему».

«Припоминаю при этом беседу одного старца с учеником, который, на объяснение старца о различии дела и приделков, жаловался, что ныне (в то время, то есть, когда это говорилось) порядок извратился, и приделки стали главным делом, а главное дело – приделком, и просил объяснить ему это примером. «Вот видишь ли, – сказал старец, – сидишь ты за рукоделием, а тут ударили в било к церковной молитве; следует тотчас бросить работу и спешить в церковь, положив несколько поклонов в келлии своей. Ты так и сделаешь, если у тебя на сердце главным делом имеется дело Божие. Но если ты скажешь: «докончу, немного осталось, и просидишь сколько-нибудь за работой, отняв это время у службы Божией, то покажешь, что для тебя работа и приобретение работой дороже

дела Божия, и строй твой душевный перевернулся головой вниз, а ногами кверху. Так разумеи и о прочем». «Прилагая это сказание к себе и обобщая его, мы получим вот что: коль скоро у кого только и заботы, что о временных потребностях, дело же спасения и богоугождения всегда из-за них отодвигается на задний план и относящееся к нему исполняется лишь настолько, насколько допускают те заботы, и при том кое-как, наскоро, и то наполовину, то у него главное стоит не там, где ему следует быть, и приделе занимает не свое место. Там, где число таких лиц размножается до того, что не похожих на них уже не видно, все общество находится не в настоящем строе; с духовной точки зрения, это будет общество, ходящих вверх ногами. А так как это не в порядке вещей, то, естественно, что за этой непорядочностью развивается в нем и всякая другая непорядочность: отсюда смятение, разложение и пагуба»¹⁴⁶.

Образец толкования по предметам христианской психологии

Не менее глубоки и назидательны толкования священного текста по вопросам христианской психологии. Вот образчик их. Читается 15 ст. 2 главы послания к Римлянам *«Иже являют (язычники) дело законное написано в сердцах своих, спослушествующей им совести, и между собою помыслом осуждающим или отвечающим»* (Рим. 2:15) – и экзегет после разъяснения внешнего смысла речи входит в подробное рассмотрение взаимного отношения духовных способностей человека – совести, сердца и сознания, как производителей и совершителей нравственных дел. И тут не знаешь, чему больше удивляться, вдохновенному ли проникновению в священный текст Слова Божия, или широте психологического наблюдения и анализа явлений духовной жизни. По учению Преосв. Феофана, в глубине человеческого духа лежит совесть, как высший руководитель и законодатель нравственной жизни. Требование ее как бы перстом Божиим начертаны в нас и прежде всего отражаются в сердце, по самой своей природе всегда сочувствующем всему доброму. Но чтобы законные веления совести превратить в акт жизни, необходимо призвать на помощь сознание для определения степени их обязательности. Сознанные обязательными требования переходят из высшей области духа в низшую сферу души, с ее установившимися потребностями и нажитыми привычками. Тут идеальные стремления совести почти всегда встречают серьезные препятствия, так как они обычно нарушают любезный для нас покой греховной жизни и требуют жертв. Тогда начинается сильная борьба, сосредоточенная главным образом в области мысли, *помыслом между собою осуждающим и отвечающим*, когда мы стараемся с одной стороны защитить и оправдать законные требования, а с другой осудить и отвергнуть их. Хотя совесть при содействии сочувствующего сердца продолжает настаивать на исполнении своих предписаний, но никогда нельзя в каждом случае наперед определить, чем кончится

наша внутренняя борьба. Все зависит от свободной воли человека и установившегося строя его нравственной жизни. В значительном большинстве, конечно, он изнемогает в борьбе и падает. Но бывают и обратные моменты, при этом иногда совершенно неожиданно и без всякой предварительной подготовки, когда идеальные стремления торжествуют и человек круто изменяет, по крайней мере на время, обычное течение жизни. «Мог иной сказать: что язычники творят иногда законное, это бывает случайно; между множеством незаконных дел выпадает иногда как-нибудь и законное. Апостол предотвращает эту мысль, изображая, как естественно совершается производство нравственных деяний. Язычники *являют дело законное, написанное в сердцах своих*. Ибо всегда первое внушение на добро исходит из сердца. Встретился страждущий, – из сердца исходит сострадание, располагающее облегчить его участь. Видит кто обижающего, – из сердца исходить неудовольствие на него с понуждением защитить обижаемого. Получил кто благодеяние, сердце исполняется благодарностью к благодетелю. Пришло помышление о Боге, в сердце чувствуется благоговейное Ему поклонение и преданность, хотя бы не имел кто правых понятий о Божестве. Так всякое дело законное является написанным в сердце и у язычника. Но в сердце откуда оно? Сердце – производитель законного внушения, или только проводник? Само оно есть законное дело, или оно только являет, указывает дело законное, принимая внушение отъинуды и служа им только истолкователем? Глубже сердца в духе лежит совесть, страхом Божиим оживляемая. Она перстом своим пишет в сердце при всяком случае дело законное, – то, как следует поступить, иногда – помочь, иногда – защитить, иногда – не тронь, – это чужое и подобное. Дело законное и является написанным в сердце, и свидетельствуется чувством, указывающим образ действия».

«Но все ли здесь? Нет. Надо дойти до исполнения делом того, что внушено чрез сердце. И это идет так. Чувство сердца отражается в сознании; луч сознания опять ниспадает на совесть и вызывает обязательство – сделать так или иначе.

Сердце только сочувствует законному делу, как внушила ему совесть; совесть же, когда с делом обратилось к нему сознание, возлагает теперь на него нравственную необходимость действия так, а не иначе. Это и значит: *спослушествующей им совести*. Спослушествующей – свидетельствующей. Кому? Чувствам сердца. Совесть говорит сознанию или лицу человека: да, да; так должно поступить, как внушает сердце».

«Этим внутреннее законоположение на всякий раз и кончается. Дело законное указано и сознано обязательным. Но такое решение постановлено лишь во внутреннейшей, высшей палате, где ничто законное не встречает препятствий. Чтобы перейти этому решению в дело, ему надобно пройти чрез низшую палату – душу с ее потребностями, привычками и принятыми в правило внешними отношениями. Сюда и поступает всякое законное дело, – и как только поступает, всегда встречает бурю противоположений... Совесть между тем защищает свое дело. Происходит борьба внутри – *между собою помыслом осуждающим или отвечающим. Отвещающим* – защищающим, исполняющим адвокатскую должность. Слышится с одной стороны осуждение, а с другой – защита и оправдание. Какая сторона одолевает, по той и исполнение следует, – дело законное, внутри законоположенное, на деле или отвергается или исполняется. Кто решитель? Свободное лицо человека действующего. И никто не может решить, почему это лицо склоняется на ту или другую сторону, и решений его никаким образом нельзя подвести под какие-либо законы, чтобы по ним можно было и предугадывать его решения. Ибо у него бывает сейчас одно, а через час другое решение, при совершенно равных обстоятельствах».

«Вот все производство нравственного деяния. Из него видно, что нравственный закон написан в сердце человека и подкрепляется совестью. Но из этого не следует, чтобы он всегда необходимо был исполняем: ибо встречает помыслы, в борьбе с которыми не всегда выходит победителем. Виновник исполнения или неисполнения – свободный человек, который за дела свои и даст отчет в день, когда будет Господь судить

тайная человеков: ибо решение человека на дела совершаются втайне, а они-то собственно и подлежат суду и осуждению»¹⁴⁷.

Глава X. Переводные сочинения

Содержание и значение «Добротолюбия»

Переводные труды Преосв. Феофана прежде всего поражают своей громадностью. Сочинения эти следующие: 1) пять томов «Добротолюбия», каждый в 600–800 страниц большого формата; 2) огромный том «Древних иноческих уставов» – Пахомия Великого, Василия Великого, преп. Иоанна Кассиана и др.; 3) «Невидимая брань» старца святогорца Никодима; 4) Слова преп. Симеона Нового Богослова и др. Вся эта масса святоотеческой литературы по своему содержанию и направлению главным образом нравоучительного характера. Она подкрепляет основную мысль всех сочинений Преосв. Феофана о пути ко спасению глубоко назидательными примерами жизни и высоко авторитетными свидетельствами писаний древних христианских подвижников. Важнейшим из переводных произведений является «Добротолюбие», главный предмет которого составляет собрание писаний о духовной жизни первоначальников и великих учителей древнего аскетизма – Антония Великого, Макария Великого, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Феодора Студита, Максима Исповедника и многих других. Хотя сочинение это есть в общем переводное с греческого «Добротолюбия», но в нем много и самостоятельной работы переводчика. Прежде всего, русское «Добротолюбие» гораздо полнее греческого. В него вошли писания многих отцов, которых совсем нет в подлиннике. Немало прибавлено новых сочинений тех аскетов, произведения которых уже имелись в нем. В отношении некоторых святоотеческих творений вместо перевода сделано извлечение и наоборот. Несколько отделов, где было необходимо, переведено с лучшего латинского текста. Вообще же перевод сделан свободный, вольный, и его по справедливости можно назвать перифразом подлинника. Наконец, творениям предшествует краткое жизнеописание каждого автора, написанное переводчиком.

«Добротолюбие» в полном своем составе представляет собой широкое, всестороннее изображение и истолкование

внутренней христианской жизни. В нем открывается яркая картина движения нравственной жизни, начиная с первых признаков зарождения и оканчивая высшим, возможным для человека на земле совершенством. Пред умственным взором внимательного читателя попеременно проходят следующие важнейшие моменты ее: искушение и нападения внутренних и внешних врагов подвижника, его борьба и одоление, падение и восстание, начало и развитие отдельных проявлений духовной жизни, различные ступени общего преуспевания и свойственное каждой из них состояние ума и сердца подвижающегося, тягостное ощущение отдаления и сладостное близости к Богу и, наконец, полное и совершенное предание себя в *руце Божию*, с отложением всякого житейского попечения. Впечатление от созерцания этой картины похоже на впечатление от чтения увлекательного всемирного путешествия. Как путешественники пишут заметки о всем достойном внимания на пути, так и христианские подвижники, проследившие все тропы духовной жизни в разных направлениях, оставили нам свои наблюдения и замечания обо всех важнейших предметах ее. Только значение и способ усвоения тех и других явлений не одинаковы. Плоды путешествий читатель без затруднения может усвоить, не двигаясь с места, так как общие формы жизни во всех странах мира приблизительно сходны. Не то бывает в отношении к духовным опытам. Истинно понимать их могут только идущие путем этой жизни. Для не вступивших же на него это совершенно неведомая наука. Даже и начавшие подвизаться не все вдруг усвоят. Только по мере умножения собственных добродетелей становятся вполне ясными и понятными указания опытов, замеченных святыми отцами в своих писаниях.

«Добротолюбие» имеет очень важное значение для христианской жизни. Сам Преосв. Феофан, сродный по духу древним аскетам и глубоко проникшийся писаниями их, высоко ценил «Добротолюбие» и о достоинстве его дает следующий отзыв. «Это теплица духовная, в которую верующий, прочитывая указания о явлениях духовной жизни, входит сознанием и сердцем, и подлежа там ощутительным влияниям возбужденных созерцаний, чувствует, что он витает в сии

минуты в иной некоторой атмосфере, светоносной и живоносной. Это отрадные моменты, – и в продолжение их-то обычно зарождаются и зреют отпрыски на древе духовной жизни. И потому нет ничего дивного, что испытавший это, как только улучшает свободную минуту, спешит к опытным описаниям духовной жизни, как любящий прибыль спешит к местам, прибыль обещающим, и любящий удовольствия – к местам утех. Он часто при этом желает подышать оживляющим и ободряющим воздухом духовным. И однако ж это не есть праздное любопытство. Нет, это есть дело существенной необходимости для преуспеяния и благосостояния нашего духа»¹⁴⁸.

В приведенных словах заключается самая лучшая и правильная характеристика нравственного значения всех вообще древне-отеческих и в частности аскетических писаний о духовной жизни. Поистине достойно глубокого сожаления то обстоятельство, что не все разделяют этот взгляд. Люди, поверхностно знакомые с предметом, говорят, что сочинения, подобные «Добротолوبию», нужны только аскетам да разве нашим простолюдинам, что они мало пригодны для интеллигентного мирянина с одной стороны по далекости и своей отрешенности от условий обычной человеческой жизни, сухости и отвлеченности, а с другой по безыскусственной простоте, несложности и односторонности своего содержания. Мы вполне согласны с той мыслью, что «Добротолوبие» существенно необходимо для инока. Для вступивших на поприще истинно-христианской жизни и подвижающихся оно является действительным, незаменимым руководством, ибо здесь подвижники находят не только полное изображение идеала совершенной жизни, всех средств и путей, ведущих к ней, но и частные указания и разъяснения, в самых разнообразных направлениях, сомнительных и недоуменных случаев, могущих встретиться на пути. Ни один инок, сознательно живущий и серьезно относящийся к своему долгу, не может обойтись без «Добротолубия», которое потому уже издавна сделалось для него насущной потребностью и поистине настольной книгой. «Добротолوبие» также является избранным

и излюбленным чтением и для нашего простолюдина. Жаль только, что сравнительно высокая цена издания представляет значительные затруднения к широкому распространению его среди верующей массы, хотя нам лично приходилось встречать его в таких семьях, где не было других книг и которые на приобретение книги отделили часть из своих скудных сбережений. Нам известен даже такой трогательный факт: несколько крестьянок-черничек, пришедших на богомолье в Саровскую пустынь, увидя «Добротолюбие» в книжной лавке и не имея возможности купить его поодиночке, приобрели один том в складчину, буквально израсходовав на покупку последние копейки. Возвратившись на родину, они с истинным духовным наслаждением и утехой по очереди пользовались и хранили книгу, как сокровище и святыню. Но мы совершенно не разделяем взгляда о малопригодности «Добротолюбия» для интеллигентного мирянина, а напротив признаем его несомненно существенно полезным для каждого христианина. Внимательно читающий изображение высших, идеальных нравственных состояний в ярких и живых образах жизни подвижника, невольно ощущает неземную духовную красоту их, незаметно проникается, увлекается ими и невольно лично переживает лучшие, возвышеннейшие минуты. Часто повторяясь, подобные состояния могут сделаться постоянными и устойчивыми настроениями. То обстоятельство, что большинство нравоучительных наставлений «Добротолюбия» писаны к инокам, нисколько не препятствует им быть общими христианскими указаниями и руководством. Они написаны в евангельском духе в самом широком смысле слова и всеобъемлющего значения. Несколько частных правил, приспособленных к обстоятельствам, по духу всегда могут иметь приложение также и в жизни каждого христианина. Чтобы не быть голословными, возьмем крайний пример из аскетических творений великого христианского аскета и руководителя иночества св. Василия Великого, именно из книги его: «Монастырский Устав», составляющей часть выше названного нами переводного труда Преосв. Феофана «Древние иноческие уставы». Остановимся вниманием и познакомимся со

взглядом святителя на нашу мирскую, суетную жизнь. «Ты говоришь мне, – пишет Василий Великий в обличение соблазнительной мысли, искушающей инока оставить путь пустынного подвига, – что в мире есть доброе. Знаю это и я; но знаю также и то, что там это доброе перемешано со злом, и злое гораздо превышает собой доброе. Не умея надлежащим образом пользоваться добром мира без повреждения себя его злом, я оставил мир и переселился сюда. И я, быв когда-то на духовных празднествах, встретил едва одного брата, который, по-видимому, боялся Господа, но и тот одержим был диаволом гордости и тщеславия, и я услышал от него пышные речи и басни, сложенные на обольщение с ним встречающихся, а после него встретил я многих воров, хищников, притеснителей; видел безобразную наружность упившихся и кровь угнетенных; видел и красоту жен, которая подвергала искушению мое целомудрие; и хотя избег я самого блуда, однако же осквернил девство свое сердечным помышлением. Много, правда, слышал я и душеполезных речей; впрочем, ни в одном из учителей не нашел добродетели, соответствующей речам. А после этого услышал еще тысячи плачевных рассказов, которые своими скорбными звуками надрывали душу. Еще слышал приятно звучащие гусли, рукоплескание скачущих, голос смехотворов, слушал много глупостей и шуток, крик бесчисленного многолюдства, видел слезы оскорбленных, мучение отводимых в неволю, рыдание подвергаемых пытке. Все это видел я; и не духовное тут было собрание, но море, обуреваемое и возмущаемое ветрами, которое стремилось всех за один раз покрыть своими волнами. Скажи мне, злая мысль, какая польза видеть и слышать сие мне, который не в силах помочь обиженным, не имею возможности защитить бессильных, исправить погрешивших, а скорее могу погубить сам себя? Как малое количество чистой воды исчезает при сильном возвевании ветра и пыли; так и то, что мы сделаем в мире доброго, помрачается множеством худых дел. Посему как птица переселяюсь я в горы, чтоб избавиться от сети ловящих»¹⁴⁹.

Кто решится отрицать глубокую правду и широту проникновенного жизненного наблюдения автора подобного

взгляда! Его вполне разделяют величайшие поэты всех времен и народов, возмущавшиеся ненормальностями жизни и бичующие в своих художественных произведениях людскую неправду, жизненную грязь и «пошлость», а также истинные мужи науки, ученые, которые никогда не могут примирить высокого настроения своего духа с мелочными и низменными интересами толпы и потому для удовлетворения своей духовной жажды убегают и скрываются от гнетущей, заедающей житейской суеты в свои тесные кабинеты. Необходимо только отметить то существенное различие между великим христианским подвижником и сынами века сего, что, не любя грешной жизни, он любил людей и ради их только на время оставлял жизнь, дабы в уединении пустыни лучше и беспрепятственнее подготовиться для борьбы и улучшения ее (жизни). Когда потребовали людские нужды, св. Василий оставил любимую пустыню и вышел на упорную жизненную борьбу, посвятив ей целых 15 лет – шесть в должности пресвитера и девять в звании епископа Кессарии, руководя христианским обществом в период одного из самых тяжелых испытаний его, когда вся область Кесарийская была раздираема арианскими смутами и нестроениями.

Настолько же глубоко поучительны для каждого верующего взгляды великого христианского аскета и на отдельные явления жизни. По-видимому, что может быть общего между скромными трудами смиренного настоятеля обители и широкой общественной деятельностью самого крупного начальника, в самом большом ведомстве и сложном управлении, а между тем идеал игумена и правила, данные ему в руководство, вполне применимы ко всякому начальству, в лучшем смысле и высоком значении. «В наставники другим, – пишет св. Василий, – надо поставить отличающегося пред всеми благоразумием, постоянством и строгостью жизни, чтоб доброе в нем сделалось общим для всех ему подражающих. Если многие живописцы будут списывать черты одного лица, то все изображения будут сходны между собой; потому что сходны с одним лицом. Так, если многие нравы будут устремлены к подражанию нравам одного, во всех равно будет сиять добрый образ жизни. Поэтому

с избранием одного останутся в бездействии все частные произволения, и с превосходнейшим будут сообразоваться все последующие, повинаясь апостольской заповеди, которая повелевает, чтобы всякая душа властям предержащим повиновалась; потому что противляющийся себе грех приемлет» (Рим. 13:1–2).

«Надобно, чтобы настоятель, помня заповедь апостола, который говорит: *образ буди верным* (1Тим. 4:12), представлял в жизни своей ясный пример всякой заповеди Господней так, чтобы поучаемым не оставлял никакого повода почитать заповедь Господню невозможной для исполнения, или удобно пренебрегаемой».

«Начальник должен, как отец, пекущийся о своих законных детях, обращать внимание на нужды каждого, и, по возможности, употреблять приличное врачевание и попечение, и поддерживать с любовью и свойственным отцу доброжелательством каждый член, действительно немоществующий по душе и по телу».

«Тот, кому поручено заботиться о всех, будучи обязан дать отчет за каждого, так и должен располагать себя, зная, что если один из братий впадает в грех потому, что он не сказал ему предварительно оправданий Божиих, или впадши в грех, пребывает в нем не наученный, как исправиться; то кровь брата, по написанному, от рук его взыщется (Иез. 3:20), и особенно, если не по неведению оставит он без внимания что-либо угодное Богу, но из ласкательства, потворствуя порокам каждого, ослабит строгие правила жизни».

«Настоятеля да не надмевает сан, чтобы самому ему не лишиться блаженства, обещанного смиренномудрию (Мф. 5:3), или разгордевся, в суд не впасть диаволь. (1Тим. 3:6). А напротив да убедится в том, что попечение о многих есть служение многим. Как тот, кто прислуживает многим раненым, очищает гной у каждого с раны и оказывает им пособия по качеству повреждения, такое свое служение обращает в повод не к превозношению, но более, к смирению, беспокойству и усердию; так или еще более, и тот, кому поручено врачевать недуги братства, как общий всех слуга и о всех обязанный дать

отчет, должен много думать и беспокоиться. Таким образом достигнет он цели, потому что Господь сказал: аще кто хочет старей быти, да будет всех меньший и всем слуга» (Мк. 9:35).

«Сверх того он должен быть мягкосерд, великодушно переносить, если кто, по неопытности, не выполняет какой-либо своей обязанности, не молчать о грехах, но с кротостью терпеть до времени нерадивых и непослушных, и со всем мягкосердием и с умеренностью давать им врачевства, быть способным отыскивать способ врачевания, свойственный немощи; выговоры должен делать согрешившим без страсти; потому что обличать брата с раздражением и гневом значит не его освобождать от греха, но самого себя ввергать в погрешности. Потому сказано: *с кротостью наказующе противныя* (2Тим. 2:25)"¹⁵⁰.

Какое современное общество или учреждение не подпишется под этой мудрой речью при выражении своего желания или мнения о личности начальника! И оно будет вполне право, ибо именно такой, а не иной должен быть тип идеального общественного руководителя, какого бы ведомства он ни был и какую бы службу он ни отправлял. Различие может быть только в подробностях исполняемых обязанностей, в специальных знаниях, но дух должен быть неизменно один.

Мы могли бы привести целый ряд мыслей и взглядов подобного же широкого жизненного значения и применения из того же «Монастырского Устава». Но для нашей цели достаточно и сказанного. Люди, глубоко проникшие в дух творений древних отцов и учителей Церкви, признают их поучительными для каждого христианина не только в отношении содержания и влияния на жизнь, но даже со стороны внешнего способа построения мыслей и течения речи. Так знаменитый греческий ученый, оратор и философ IX века Фотий, сначала бывший светским сановником, профессором философии высшей Константинопольской школы и воспитателем императора Михаила, а впоследствии занявший престол вселенского патриарха, пишет, что изучение творений Св. Василия Великого есть лучшая школа для выработки речи и стиля для каждого светского писателя, даже оратора. «Кто хочет

быть, – говорит он, – отличным гражданским оратором, не нужен ему ни Демосфен, ни Платон, если он принял себе за образец и изучает слова Василия Великого. Во всех словах своих Св. Василий превосходит. Если кто другой, то он особенно владеет языком чистым, изящным, величественным; в порядке и силе мыслей за ним первое место; убедительность соединяет он с приятностью и ясностью. Речь его так плавна, как поток свободно вышедший из своего источника»¹⁵¹.

Всем сказанным мы хотели выразить ту мысль, что в творениях св. отцов, даже аскетического содержания, имеется много назидательного и существенно полезного для духовной жизни каждого христианина. Тем более нужно сказать это о «Добротолюбии».

В нем духовная жизнь изображена в такой полноте и широте, что трудно и представить, не будучи знакомым с содержанием книги, причем это изображение крайне разнообразно по своей внешней форме, ибо начинается от самых простых и безыскусственных наблюдений и описаний и восходит до высочайших, вдохновенных созерцаний, запечатленных необыкновенной глубиной, психологического проникновения во внутренний мир человека. Некоторые отцы-подвижники как бы нарочито избирали преимущественным, а иногда даже исключительным делом своей жизни – наблюдение самых тонких и сокровенных движений человеческого духа и достигали в этом отношении поразительных успехов и плодов. Об одном из них замечательный знаток святоотеческой литературы Преосв. Филарет Черниговский пишет: «св. Исаак (Сириан) всю жизнь свою посвятил уединенному изучению души своей, и ничьи поучения не исполнены таких глубоких психологических сведений, как поучение св. Исаака. Прошед сам все степени духовной созерцательной жизни, св. Исаак представляет наставление о созерцаниях возвышенные и основанные на твердых опытах. Духовная жизнь изображена в его поучениях в приложении к самым неуловимым состояниям души»¹⁵².

Учение святых отцов по «Добротолюбию» о различных ступенях истинно-христианской жизни

Не имея возможности познакомить читателя со всем духовным богатством и разнообразием содержания «Добротолюбия», мы по необходимости должны ограничиться только некоторыми предметами. Чтобы дать понятие о характере «Добротолюбия», мы воспользуемся учением подвижников о различных ступенях духовной жизни, о некоторых христианских добродетелях и, наконец, о смерти.

Приведем прежде всего самые простые и вместе мудрые наставления св. отца VI века, игумена одного из палестинских монастырей аввы Дорофея о том, что и как должен делать христианин, чтобы благоустроить свою внутреннюю, духовную жизнь. Указания эти настолько естественны и жизненны, а вместе с тем так доступны силам каждого человека и вполне применимы во всякому его общественному званию и личному нравственному состоянию, что поистине нужно удивляться, как мог св. авва, живя вдали от общения с людьми, так близко изучить и хорошо узнать обычную людскую жизнь и ее нужды. «Как должно созидать дом душевный, – пишет преп. Дорофей, – сему можно научиться из построения дома житейского. Строящий дом возводит стены со всех четырех сторон, а не об одной только стене заботится; иначе понапрасну будет он тратить издержки и труд. Так и человек, желающий создать душевный дом, не должен нерадеть ни об одной стороне своего здания, но ровно и согласно возводить оное. Сие-то значит сказанное аввой Иоанном: «я хочу, чтоб человек каждый день приобретал понемногу от всякой добродетели», а не так, как делают некоторые, кои, держась одной добродетели и пребывая в ней, только ее одну и исполняют, а о прочих не заботятся. Возводится же душевный дом ровно и стройно со всех сторон таким образом. Сперва надлежит положить основание, которое есть вера: ибо *без веры невозможно угодити Богу* (Евр. 11:6). И потом на сем основании строить здание равномерно, именно: случилось ли послушание, должно положить камень

послушания; встретилось ли огорчение от брата, должно положить камень долготерпения; представился ли случай к воздержанию, должно положить камень воздержания. Так от всякой добродетели, для которой представляется случай, должно полагать в здание по камню, и таким образом возводить оное со всех сторон, полагая в здание то камень сострадания, то камень отсечения своей воли, то камень кротости и т. д. Но при всем том должно позаботиться о терпении и мужестве: ибо они суть краеугольные камни, ими связуется здание и соединяется стена со стеной, не давая им наклоняться и отделяться одной от другой. Без терпения и мужества никто не может совершить ни одной добродетели. Почему и сказано: *в терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21:19). Строящий дом на каждый камень кладет известь; ибо если он положит камень на камень без извести, то камни выпадут и дом обрушится. Известь (в душевном созидании) есть смирение, потому что она берется из земли и находится у всех под ногами. А всякая добродетель, совершаемая без смирения, не есть добродетель. О сем сказано и в отечнике: «как корабля нельзя построить без гвоздей, так и спастись нельзя без смиренномудрия». В доме обычном есть кровля. Кровля дома душевного есть любовь, которая составляет совершенство добродетелей, также как и кровля дома есть завершение дома. Кругом кровли идут перила, чтоб, как говорит закон (Втор. 22:8), дети не падали с кровли. Перила в здании душевном суть – трезвение, внимание и молитва; а дети – помышления, бывающие в душе, которые хранит трезвение и молитва».

«Но в деле сего созидания нужно и еще одно, – именно, чтоб строитель был искусен. Ибо если он не искусен, то может покривить стену, и дом когда-либо обрушится. Искусен тот, кто разумно совершает добродетели; ибо случается, что иной и подымлет труд добродетели, но от того, что неразумно совершает труд сей, губит его сам, или постоянно портит дело; и таким образом здания не доводит до конца, но только строит и разрушает. Вот один пример из многих. Если кто постится или по тщеславию, или думая в себе, что совершает особенную некую добродетель, то таковой постится неразумно, и потому

начинает после укорять брата своего, почитая себя чем-то великим; и оказывается, что он не только, положив один камень, снял два, но находится в опасности разрушить и всю стену чрез осуждение ближнего. А кто разумно постится, тот не думает, что совершает особенную добродетель, и не хочет, чтобы его хвалили, как постника; но думает, что чрез воздержание приобретет целомудрие, и посредством сего придет в смирение, как говорят отцы: «путь к смиренню суть труды телесные, совершаемые разумно».

«При виде других больше всего должно избегать подозрительности, от которой происходит пагубное осуждение. Имею множество опытов, подтверждающих ту истину, что всякий судит о других по своему устроению. Положим, что кому-либо случилось стоять ночью в известном месте, – и мимо его идут три человека. Увидев его, один из них думает: он ждет такую-то, чтоб пойти на греховное свидание; другой: это должно быть вор; третий: он сговорился с кем-либо из ближайшего дома вместе пойти куда-либо на молитву, – и ждет его. Вот трое видели одного и того же человека, на одном и том же месте, однако ж не одно и то же возымели о нем мнение, но один – одно, другой – другое, третий еще иное, и очевидно каждый сообразно со своим душевным состоянием. Как тела черножелчные и худосочные каждую пищу, которую принимают, претворяют в худые соки, хотя бы пища была полезная; так и душа, имеющая худой нрав, получает вред от всякой вещи, хотя бы встречаемые вещи и хороши были. А имеющий добрый нрав подобен тому, кто имеет тело добросочное, при котором, если он и съест что-либо вредноватое, то оно образуется у него в хорошие соки. Так и мы, если имеем добрый нрав и находимся в хорошем душевном настроении, то можем от каждой вещи получать пользу, хотя бы вещь сия и не была полезна. Слышал я о некоем брате, что когда он приходил к кому-либо из братии и видел келлию его не выметенной и не убранной, то говорил себе: блажен сей брат, что отложил заботу обо всем земном и так весь ум свой устремил горе, что не находит времени и келлию свою привести в порядок. Также если приходил к другому, и видел келлию его убранной и выметенной и чистой,

то опять говорил себе: как чиста душа сего брата, так и келлия его чиста, и состояние келлии согласно с состоянием души его. И никогда не говорил он ни о ком: сей нерадив, или горд, но по своему доброму настроению всех видел добрыми, и от всех получал пользу».

«Апостол заповедал *искушать, что есть воля, Божия, благая и угодная и совершенная* (Рим. 12:2), чтоб потом и действовать по ней. Какая же есть воля Божия благая? Та, чтоб любить друг друга, быть сострадательными, творить милостыню и тому подобное: вот *воля Божия благая*. А какая есть *воля Божия благоугодная*? Не всякий делающий что-либо благое, делает это благоугодно Богу. Случается, например, что кто-нибудь находит сироту убогую и красивую собой; она нравится ему по красоте своей, – и он берет ее и воспитывает, хотя как сироту убогую, но вместе и как красивую собой. Вот это воля Божия и *благая*, во не *благоугодная*. А *благоугодная* та, когда кто делает дело милосердия, не по какому-либо побуждению человеческому, но ради Бога, заповедавшего сие, ради самого добра, из одного сострадания: сие благоугодно Богу. *Совершенная* наконец воля Божия есть та, когда кто творит дело милосердия не со скупости, не с леностью, не с презрением, но всей силой и всем произволением, творя милость так, как будто бы принимал сам, и так благодетельствуя, как будто бы сам принимал благодеяние: тогда исполняется совершенная воля Божия».

«Не увлекайся помыслами, будто добродетель превышает твои силы и неисполнима для тебя; но, воодушеваясь верой, дерзновенно положи начало, яви пред Богом доброе произволение и старание, и увидишь помощь, которую Он подаст тебе для совершения добродетели. Представь себе две лестницы, – одна возводит на небо, а другая низводит в ад, ты же стоишь на земле посреди обеих лестниц. Не думай и не говори: как могу я взлететь от земли и очутиться вдруг на высоте неба, т. е. на верху лестницы. Ты только берегись спуститься вниз, делая худо; вверх же напрягайся подниматься понемногу, делая добро, какое встречается. Каждое дело будет

шаг вверх. Так, поднимаясь с помощью Божией с одной ступени на другую, достигнешь наконец и верха лестницы»¹⁵³.

Теперь ознакомимся с явлениями следующей ступени духовной жизни, когда верующий почувствовал тяжесть греха и вступил на путь добродетели, когда благодать Божия коснулась его сердца, но еще не овладела всем существом его. Внутреннее настроение подвижащегося тогда характеризуется недовольством ничем тварным и усиленным стремлением к Богу, тогда внутри его водворяется полная нравственная устойчивость, совершенное равнодушие и беспопечение в отношении ко всем внешним явлениям, причем даже совершаемые добрые дела большие и важные считаются ничтожными, а единственно высоко ценится и исключительно господствует в духе одно страстное желание достижения истинно-христианского идеала. Учение об этой ступени мы находим в беседах и наставлениях славного египетского пустынножителя и наставника иночества IV века – св. Макария Великого, главным предметом наблюдений которого является внутренняя духовная жизнь и преимущественно в том ее виде, как она выражается и течет на пути созерцательного уединения. Несмотря на глубокий и мало доступный предмет, беседы и наставления опытного учителя ясны и вразумительны. Сокровенные духовные явления, столь мало известные для многих христиан, в устах преподобного Макария становятся близкими сердцу и уму каждого. То, что было бы темно по своей духовной возвышенности, у подвижника приближается к нашему пониманию сравнениями и образами, которые всегда просты и глубоко поучительны. Мысли его в той или другой беседе не всегда располагаются по закону строгого логического порядка, но они чаще всего следуют естественному ходу искреннего чувства. Нередко течение размышлений прерывается вопросами, которые, как полагают, предлагаемы были учениками или во время самих бесед, или же прежде их. «Люди, на которых укानула роса Духа божественной истины, – пишет преподобный Макарий, – и уязвила сердце божественной любовью к Небесному Царю – Христу, привязуются к оной красоте, к нетленному благолепию, к недомыслимому богатству

истинного и вечного Царя – Христа. Они отдаются в плен вожделению и любви, всецело устремляясь ко Христу, и вожделевают улучшить те неизглаголаные блага, какие созерцают духом, и ради сего ни во что вменяют всякую на земле красоту, и славу, и благолепие, и честь, и богатство царей и князей; потому что уязвились они божественной красотой и в души их уканула жизнь небесного бессмертия. Посему и желают единой любви Небесного Царя, с великим вожделением Его Единого имея пред очами, ради него отрешаются от всякой мирской любви и удаляются от всяких земных уз, чтобы возможно им было сие одно желание иметь всегда в сердцах, и не примешивать к нему ничего иного. Те христиане, которые действительно вкусили благодати, одни могут разуметь, что весь земной мир и царские сокровища, и богатство, и слава, и словеса мудрости, – все это какая-то мечта, что-то не имеющее твердого основания, но преходящее; и ежели есть что под небом, то для них достойно это всякого пренебрежения. Почему же это? Потому что чудно и дивно то, что превыше небес, чего нет ни в сокровищах царских, ни в словесах мудрости, ни в славе мирской. И достоинство или богатство, какое приобрели себе они – во внутреннем человеке, имеющие Господа и Творца всяческих, есть стяжание не преходящее, но вечно пребывающее. Ум и разумение христиан, по общению и причастию Святого Духа, достигают постоянства, твердости, безмятежия и покоя, не рассеиваются и не повинуются уже непостоянным и суетным помыслам; но пребывают в мире Христовом и в любви Духа, как и Господь, рассуждая о таковых, сказал, что прешли они от смерти в живот. Обновлением ума, умирением помыслов, любовью и небесной приверженностью ко Господу от всех людей в мире отличается новая тварь христианин».

«Душа истинно боголюбивая и христоролюбивая, хотя бы совершила тысячи праведных дел, по ненасытимому стремлению своему ко Господу, думает о себе, будто бы ничего еще она ее сделала; хотя бы изнурила тело свое постами и бдениями, при таких остается чувствованиях, будто бы не начинала еще трудиться для добродетелей; хотя бы

сподобилась достигнуть различных духовных дарований, или откровений и небесных таин, по безмерной и ненасытимой любви своей ко Господу, сама в себе находит, будто бы ничего еще не приобрела, а напротив того ежедневно алкая и жаждая, с верой и любовью пребывая в молитве, не может насытиться благодатными тайнами и благоустроением себя во всякой добродетели. Она уязвлена любовью небесного Духа, при помощи благодати непрестанно возбуждает в себе пламенное стремление к небесному Жениху, возделевает совершенно сподобиться таинственного и неизреченного общения с Ним в святыне Духа, с великим возделением непрестанно ожидает смерти за Христа, несомненно верует, что чрез Духа примет совершенное избавление от греха и тьмы страстей, и очистившись Духом, освятившись душевно и телесно, сподобится стать чистым сосудом для приятия в себе небесного мира и обителью Небесного и истинного Царя Христа. И тогда-то соделывается она достойной небесной жизни, став еще здесь чистым жилищем Святого Духа. Но прийти в такую меру возможно душе не вдруг и не без испытаний. Когда действие божественной благодати приосеняет душу, по мере веры каждого, и душа приемлет помощь свыше; тогда благодать приосеняет ее только еще отчасти. И не думай, чтобы в ком-нибудь озарялась вся душа; внутри ее остается еще великая пажить пороку, и человеку потребны великий труд и усилие, соглашенные с действующей в нем благодатью. Посему-то божественная благодать, которая в одно мгновение может человека очистить и сделать совершенным, начинает посещать душу постепенно, чтобы испытать человеческое произволение, сохраняет ли оно всецело любовь к Богу, ни в чем не сдружаясь с лукавым, но всецело предавая себя благодати. И благодать Божия овладевает пажитью в душе, по мере того, как душа многие годы оказывается богоискусной и согласной с благодатью, до глубочайших ее составов и помышлений пускает корни, пока вся душа не будет объята небесной благодатью, царствующей уже в этом сосуде».

«Так многие вводимы были в заблуждение самим действием в них благодати: они подумали, что достигли

совершенства, и сказали: «довольно с нас, не имеем ни в чем нужды». Но Господь бесконечен и непостижим. И христиане не смеют сказать, что достигли, но смиряются день и ночь. У души много членов и глубина ее велика, и привзошедший в нее грех овладел уже всеми ее пажитями и составами сердца. Потом, когда человек взыщет благодати, она приходит к нему и овладевает двумя, может быть, составами души. А неопытный, утешаемый благодатью, думает, что пришедшая благодать овладела всеми составами души, и грех искоренен. Но большая часть души во власти греха, одна же часть под благодатью. И человек обманывается и не знает сего. И у того, кто одержим недугом, некоторые члены бывают здоровы, например, орудие зрения – глаз, или другой какой член, между тем как прочие члены повреждены. Тоже бывает и в рассуждении духовного. Иному можно иметь здоровыми три духовные члена, но поэтому человек не есть еще совершен. Только многими трудами и подвигами, с продолжением времени, при рачительности, после испытаний и различных искушений, приемлет душа духовное возрастание и преспеяние тоже до совершенной меры бесстрастия; и тогда уже с готовностью и мужественно выдержав всякое искушение от греха, сподобится великих почестей, духовных дарований небесного богатства, и таким образом соделается наследницей Небесного царствия о Христе Иисусе Господе нашем»¹⁵⁴.

Высший момент сокровенной христианской жизни, по учению св. отцов, характеризуется с одной стороны прекращением всякой личной деятельности человека, по собственной воле и стремлению, даже оставлением молитвы, а с другой стороны совершенным преданием себя в руце Божии и действиями по руководству божественной благодати. Отрешенный от всего земного, даже изменившийся в своем наружном виде, человек тогда живет как бы вне мира и для стороннего наблюдателя кажется исступленным. Он делается нечувствительным, как бы не замечает течения своей внешней жизни и вместе с тем становится способным и готовым на величайшие подвиги, даже тяжкие мучения и смерть, и чем, ни больше страданий, тем сильнее он жаждет их. Его дух в то

время всецело наполняет и овладевает совершенная любовь к Богу, этот истинный венец христианских добродетелей. Подобный момент внутренней жизни есть состояние вдохновения, которое испытывали св. пророки, апостолы и мученики, когда удостаивались созерцать видение и получали божественные откровения. Такое состояние изображается у нескольких св. отцов, но лучше других его знали и описали св. Макарий Египетский и в особенности, Исаак Сирианin. «Прошу тебя, отче, – говорил св. Григорий Синаит своему учителю, преподобному Максиму, – скажи мне, в тот час, как ум твой восхищаем бывает к Богу, что видит он умными очами своими? И может ли тогда ум вместе с сердцем возводить молитву? Святой Максим ответил ему: нет, не может. Ибо когда благодать Святого Духа придет в человека посредством молитвы, тогда молитва прекращается, так как ум тогда весь овладевается благодатью Святого Духа и не может более действовать собственными своими силами, но пребывает бездействен и повинуется только Духу Святому, и куда хочет Дух Святой, туда и ведет его, или в невещественный воздух света Божественного, или в другое какое созерцание несказанное, или, как часто бывает, в божественную беседу, и кратко сказать, как хочет Утешитель, Дух Святой, так и утешает рабов Своих; какая потребна каждому из них, ту и подает им благодать Свою. Сие, что говорю я, может всякий явно видеть в пророках и апостолах, которые сподобились видеть всякого рода видения, хотя люди насмеялись над ними, почитали их прельщенными и упившимися. Так пророк Исаия видел Господа, на престоле высоком превознесенного и окруженного серафимами. Первомученик Стефан видел отверстые небеса и Господа Иисуса одесную Отца, и проч. Таким же образом и ныне рабы Христовы сподобляются видеть разные видения, которым некие не верят и никак не признают их истинными, но считают прелестями и тех, которые видят, их, называют состоящими в прелести. Дивлюсь я таким много и недоумеваю, что это за люди, и как ослепились они, что, будто слепые, не видят и не веруют тому, что обетовал неложный Бог устами пророка Иоиля, именно, что это самое даст Он верующим, говоря: *излию от*

Духа Моего на всяку плоть и прорекут (Иоил. 2:28), – каковую благодать Господь ниспослал на учеников Своих, и ныне подает ее, и будет подавать до скончания века, по обетованию Своему, всем верным рабам Своим. Итак, когда сия благодать Духа Святого сойдет на кого-либо, то не что-либо обычное показывает ему из вещей чувственного мира сего, но показывает то, чего тот никогда не видел и не воображал. Тогда ум такого человека научается от Святого Духа высшим и сокровенным тайнам, которых, по божественному Павлу, ни око человеческое не может видеть, ни ум уразуметь сам собой никогда (1Кор. 2:9). И чтоб тебе понять, как ум наш видит их, вникни в то, что я скажу тебе. Воск, когда далеко от огня находится, бывает тверд, и можно взять его и держать; но как только ввергнешь его в огонь, тотчас растаивает, и там в огне возгорается и горит, и бывает весь светом, и таким образом кончается весь среди огня. Так и ум человеческий, когда один сам по себе бывает, не сретясь с Богом, тогда уразумевает, как обычно, окружающее его по силе своей, – когда же приблизится к огню Божества и к Духу Святому, тогда весь всецело овладевается оным огнем божеским, и бывает весь свет, и там в пламени Духа Святого возгорается, и разливается в божеских помышлениях, и никак невозможно ему тогда среди огня Божества помышлять о своем и о том, о чем хочет».

Тогда всецело овладевает душой человека совершенная любовь к Богу. «Глубоко уязвившийся любовью к Богу не имеет достаточных к удовлетворению сего расположения сил тела ибо в трудах и потах подвижничества нет насыщения сему его расположению. Находясь в состоянии, подобном тому, в каком находится томимый крайней жаждой, ничем не может он до насыщения удовлетворить внутренней жгучей его жажды, день и ночь готов он быть в трудах, но силы тела оставляют его». «Любовь к Богу естественно горяча, и когда нападет на кого без меры, делает душу ту иступленной. Почему сердце ощутившего ее не может вместить ее и стерпеть, но по мере качества (своего) и нашедшей на него любви, видится в нем изменение необычное. И вот каковы знамения ее чувственные: лицо человека делается огненным и радостным, и тело его

согревается. Отступают от него стыд и страх, и бывает как бы исступленным; сила, собирающая ум, бежит из него, и бывает он как бы изумлен. Страшную смерть почитает радостью, и созерцание ума его никогда не испытывает пресечения какого-либо в помышлении о небесном. Ведение и зрение его естественно переходит, и чувственно не ощущает он движения своего, коим движется между вещами. Ибо хотя он и делает что, но совершенно того не чувствует, так как ум его высится в созерцании, и мысль его всегда как бы беседует с кем другим. Сим духовным упоением упоевались некогда апостолы и мученики; и одни весь мир обошли, трудясь и терпя поношение, а другие будучи рассекаемы на уды, пролили кровь свою, как воду, и претерпевая ужаснейшие страдания, не впадали в малодушие, но доблестно все переносили, и будучи премудры, почитаемы были неразумными. Иные же скитались в пустынях, в горах, в вертепах, в пропастях земных, в нестроениях благоустроенными пребывая»¹⁵⁵.

О страхе Божиим

Наряду с изображением полной христианской жизни и частных моментов ее мы находим в святоотеческих творениях немало повествований и наставлений о многих отдельных добродетелях. Рассмотрим учение о страхе Божиим того же, выше названного подвижника – св. Аввы Дорофея, в котором он различает два вида добродетели – первоначальный страх в смысле совершения добрых дел человеком по причине опасения и боязни мук загробной жизни и совершенный страх при мысли оскорбить Бога допущением зла, или что то же по чувству любви к Богу. Обратившись от греха на путь добродетели, верующий на первых порах действует и руководится в жизни начальным страхом, со внутренней тревогой и беспокойством за успех добра, но постепенно совершенствуясь, он приходит в равновесие и уже наслаждается полным душевным миром, когда страх переходит в любовь к Богу. Вот это воспроизведение глубокого и тонкого наблюдения духовной жизни в отношении обнаружений главнейшей христианской добродетели, служащей *началом премудрости* при созидании и благоустроении нашего внутреннего мира. «Св. Иоанн говорит: *совершенная любовь вон изгоняет страх* (1Иоан. 4:18). Как же св. пророк Давид говорит: *бойтесь Господа вси святии Его* (Пс. 33:10)? Сим показывается, что есть два страха: один первоначальный, а другой совершенный, – один свойствен начинающим, а другой свойствен совершенным святым, достигшим в меру совершенной любви. Кто исполняет волю Божию по страху мук, тот есть еще новоначальный; а кто исполняет волю Божию из любви к Богу, для того чтоб угодить Богу, того сия любовь приводит в совершенный страх, по коему он, вкусив сладости пребывания с Богом, боится отпасть, боится лишиться ее. И сей-то совершенный страх, рождающийся от любви, вон изгоняет страх первоначальный. Страха совершенного невозможно достигнуть, если кто прежде не приобретет первоначального страха. Премудрый Сирах говорит: *страх*

Божий есть начало и конец (Сир. 1:15–18). Началом назван первоначальный страх, за которым следует совершенный страх святых. Первоначальный страх свойствен душевному (а не духовному) состоянию. Он охраняет душу от всякого падения; ибо сказано: *страхом Господним уклоняется всяк от зла (Притч. 15:27).* Но кто уклоняется от зла, по страху наказания, как раб, боящийся господина, тот постепенно приходит к тому, чтоб делать благое добровольно, сначала, как наемники, надеясь некоего воздаяния за свое благое делание. Если же он такими образом будет постоянно избегать зла, из страха, подобно рабу, и делать благое, в надежде награды, подобно наемнику; то пребывая, по благодати Божией, во благом и соразмерно сему соединяясь с Богом, получает он наконец вкус ко благому, приходит в некоторое ощущение истинно благого, и уже не хочет разлучиться с ними. Тогда достигает он в достоинство сына и любит добро ради самого добра. Сей-то есть великий и совершенный страх. Сию постепенность изображает и св. пророк Давид в следующих словах: *уклонися от зла и сотвори благо; взыщи мира и пожени и (Пс. 33:15).* *Уклонися*, говорит, от зла, т. е. избегай всякого вообще зла, уклоняйся от всякого дела, ведущего к греху. Но сказав это, он не остановился на сем, но прибавил: *и сотвори благо.* Ибо случается, что иной не делает зла, но и добра не творит; и, например, не обижает, но и милосердия не оказывает, или не ненавидит, но и не любит. Сказав же и о сем, он последовательно продолжает: *взыщи мира и пожени и.* Не сказал только – *взыщи*, но усиленно стремись за ним, чтоб достигнуть его. Следите внимательно умом своим за сей речь, и примечайте тонкость, наблюдаемую святым. Когда кто сподобится уклониться от зла, и потом, с помощью Божией, будет старательно делать благое; тот-час восстанут на него брани вражеские, – и он подвизается, трудится, сокрушается, то боясь возвратиться опять на злое, как раб, то надеясь награды за благое, как наемник. Но терпя нападение от врага, борясь с ним и сопротивляясь ему по сим побуждениям, он, хотя делает благое, однако ж с большой скорбью, с великим трудом. Когда же, получив помощь от Бога, и приобретет некоторый навык в

добре, тогда видит он покой, тогда вкушает мир, тогда ощущает, что значит прискорбная брань и что – радость и веселие мира. И начинает уже потом искать мира, усиленно стремится к нему, чтоб достигнуть его, приобрести совершенно и водворить его в себе. Достигший же в меру сию, вкушает наконец блаженство миротворцев (Мф. 5:9). И отселе кто может побудить душу сию делать добро ради чего-либо иного, кроме наслаждения тем самым добром? Тогда-то таковой познает и совершенный страх. Отцы сказали, что человек приобретает страх Божий, если имеет память смерти и память мучений, если каждый вечер испытывает себя, как провел день, и каждое утро, как прошла ночь, если не будет дерзок, и наконец, если будет находиться в близком общении с человеком, боящимся Бога. Ибо говорят, что один брат спросил некоего старца: «что мне делать, отче, чтобы бояться Бога?» Старец отвечал ему: «иди, живи с человеком боящимся Бога, – и он тем самым, что боится Бога, научит и тебя бояться Бога». Отгоняем же страх Божий от себя тем, что делаем все противное сказанному: не имеем ни памяти смертной, ни памяти мучений; не внимаем самим себе и не испытываем себя, как проводим время; но живем нерадиво и обращаемся с людьми, не имеющими страха Божия, и бываем дерзки. И сие последнее хуже всего: это совершенная пагуба; ибо ничто так не отгоняет страха Божия от души, как дерзость. Спросили о ней некогда Авву Агафона, и он сказал: «дерзость подобна сильному жгучему ветру, от которого, когда он подует, все бегут, и который портит всякий плод на деревьях»¹⁵⁶.

О смерти

Редкий из святых отцов-подвижников не писал о смерти. О явлениях ее большей частью повествуется в связи с покаянием и главным образом с целью возбуждения покаянных чувств. В особенности нужно сказать это о преимущественном проповеднике христианского покаяния св. Ефреме Сирине, который всю жизнь провел в глубоком сокрушении о несовершенствах человеческой природы, «плакать для которого было то же, – по замечанию св. Григория Нисского, – что для других дышать воздухом, – день и ночь лились у него слезы», и который сам говорит о себе: «Когда ложусь я для отдыха, любовь Твоя к людям, Господи, приходит мне на мысль, и я встаю среди ночи, чтобы благодарить Тебя. Но воспоминание о грехах устрашает меня и я начинаю изливаться в слезах, готов даже упасть духом, если бы не поспешили укрепить меня полумертвого разбойник, мытарь, грешница, хананеянка, кровоточивая, самарянка»¹⁵⁷. Желая живым изображением смерти пробудить в человеке чувства сознания своей греховности и раскаяния, св. Ефрем пользуется для того и прибегает к разнообразным средствам. То он входит во внутренний мир умирающего и ярко описывает потрясающие его чувства ужаса и оцепенения при виде лица смерти. То от имени больного выражает глубокое сожаление, что человек совершенно неправильно и ненормально устроил и провел свою жизнь, что последняя была сплошной роковой ошибкой и недоразумением. То влагает в уста мертвеца речь к живым о том, чтобы последние вовремя опомнились и убедились, что человеческое тело, которым они только услаждаются и служат в жизни, по смерти представляет собой ничто иное, как издающий зловоние прах и жалкую добычу червей, которое даже своим внешним видом способно возбудить и действительно возбуждает только чувство отвращения; наконец, представляет человеческие добродетели в лице добрых ангелов, а грехи в виде злых духов, которые борются у постели умирающего из-за обладания жертвой и по смерти влекут ее каждый в свое, ранее

уготованное место. *«Честна пред Господом смерть преподобных Его, – пишет св. Ефрем, – но смерть грешников люта. Придет день, непременно придет, и не минует нас, день, в который человек оставит все и всех, и пойдет один, всеми оставленный, обнаженный и беспомощный, не имея ни заступника, ни спутника, неготовый, безответный, если день сей застигнет в нерадении, – в день, в оньже не весть, и в час, в оньже не чает (Мф. 24:50), – тогда как веселится, собирает сокровища, роскошествует, предается разгулу. Внезапно придет час тот, и всему конец. Да не вводит нас в обман льстивый помысл обещанием долгой жизни. Многие, замыслив многое, не дожили и до утра, но внезапно похищены смертью, как птичка ястребом, или агнец волком. Одни, с вечера заснув здоровыми, не проснулись; другие, сидя за трапезой, испустили дыхание; иные внезапно умерли во время прогулки и забав; иные, умирая в бане, нашли себе в ней и погребальное омовение; иные внезапно похищены смертью во время брака, в самом брачном чертоге и стали брачные их одежды погребальными, и играющих на свирели на браке заняли место сетующие и место пляшущих плачущие. Когда приближается последний час, посылаются ангелы изъятели душ, чтоб взять отходящую душу и представить ее судилищу Божию. Увидев их приближающихся, бедный человек, хотя бы был царь, или властелин, или миродержец, весь приходит в смятение, как от землетрясения, весь трепещет, как лист, колеблемый ветром, бьется, как птичка в руках ловца; весь оцепеневаet и изумеваet, видя страшные силы, видя новые для себя и великие зраки, видя грозные и суровые лица, видя чин вещей, какого не видал прежде. Все это видит тогда один поемлемый от нас, и на нас уже не обращает внимания. Только сам в себе творит он молитвы, сколько позволяют силы. Из положений его мы заключаем, что он видит вышние силы, и помавая друг другу говорим: молчите и не тревожьте более лежащего, чтоб приводить его в смятение. Будем лучше молиться, чтоб с миром отошла душа его, и он обрел Судию снисходительным. Иной из кончающихся говорит: «прощайте, братия, прощайте. В дальний иду я путь, в путь, которым еще не ходил, в новую для меня страну, из которой*

никто не возвращался, в землю темную, где, не знаю, что встретит меня. Се отхожу, и не возвращусь уже к вам. Тесен для меня час сей, потому что поемлюсь неготовый; мрачна для меня ночь сия, потому что посекаюсь, как бесплодное дерево; тяжел для меня предстоящий путь, потому что не имею доброго напутствия. Теперь вижу, как обманывал я сам себя, говоря: молод я, наслажусь пока жизнью, а там покаюсь. Бог человеколюбив и простит меня конечно. Так рассуждая каждый день, худо иждивал я жизнь свою. Меня учили, а я не внимал; делали мне наставления, а я смеялся; слушал Писания, и кончаю жизнь, как не слыхавший; слышал о суде, и издевался; слышал о смерти, и жил, как бессмертный. И вот поемлюсь теперь совсем неготовый, и нет у меня помощника; застигнут не покающимся, и нет избавляющего; подвергаюсь осуждению, и нет спасающего. Сколько раз решался я покаяться, и опять делал худшее! Сколько припадал к Богу, и опять отступал от Него! Сколько раз миловал Он меня, а я опять преогорчал Его! И теперь отхожу в безнадежном положении. Воздохните, братие, и пролейте о мне слезу!!» Се скончался; не стало его; отжил свой век, и лежит недвижим, бездыханен и безмолвен. Что же есть человек? Сонное видение и тень. Страшное и великое совершается тогда таинство! К душе приступают добрые ангелы и множество небесного воинства, а также все сопротивные силы и князь тьмы; те и другие хотят поять душу в свое им место. При сем, если душа приобрела здесь добрые качества, вела жизнь честную, и была добродетельна; то в день ее исшествия, добродетели, какие приобрела она здесь, делаются добрыми ангелами, окружают ее, и не попускают прикасаться к ней какой-либо сопротивной силе. Если же душа в этом мире жила срамно, предаваясь страстям бесчестия, и увлекаясь плотскими удовольствиями и суетой мира сего; то в день исшествия ее из этой жизни, те страсти и удовольствия, какие приобрела она в жизни сей, делаются лукавыми демонами, и окружают бедную душу, и не позволяют приблизиться к ней ангелам Божиим. Так ангелы, взяв душу, отводят ее по пути, им одним ведомому. Мы же, опрятав тело, выносим его на кладбище, и здесь встречаем новое страшное

таинство. Малые и великие, цари и простолюдины, господа и рабы, все стали один прах, одна персть, один пепел, одно зловоние, одна гнилость: каков эфиоп, таков же и благообразный некогда; каков юноша, таков же и старец; каков расслабленный, таков же и крепкий телом; все стали, как определено в начале, земля и пепел (Быт. 3:19). И ничего не различишь. Великое подлинно и страшное таинство пред нами! Видим, что всякий возраст там изглажден, всякое телесное благообразие изменилось, всякая красота лица исчезла, всякое приятное око угасло, всякие доброречивые уста запечатлены, всякое плетение волос сгнило, все кончилось. Говорим, и никто не слушает, плачем, и никто не внемлет. Спросить бы лежащих: куда отошли вы, братие наши? Где обитаете? Где место вашего пребывания? Подайте нам голос, побеседуйте с нами, как беседовали некогда. А им поучительно было бы ответить нам: «мы, отшедшие от вас, пребывающих еще в жизни на земле, мы, т. е. душа каждого из нас, находимся в месте, подобающем каждой душе по достоинству ее. А этот прах, лежащий пред вами, этот пепел, который видите, это зловоние, эти согнившие кости – тела тех юношей и отроковиц, которые были некогда для вас – вожделенны. Этот пепел та самая плоть, которую заключали вы в свои объятия и ненасытно лобызали. Эти оскаленные зубы – те самые уста, которые день и ночь покрывали вы несчетными поцелуями. Знайте, что, когда лобзаете члены любезного тела, лобзаете вы смрад и гной. Вразумитесь, что когда возгораетесь к ним любовно, предмет вожделения вашего черви, пепел, смрад. Не предавайтесь заблуждению, неразумные юноши и девы! Не обольщайтесь суетной красотой юности; потому что и мы, лежащие пред вашими глазами, согнившие мертвецы, некогда во время жизни своей, как и вы теперь, были видны, величавы, умащались благовониями, были любимы, наслаждались и благоденствовали; и вот, как видите, все это стало брением, прахом, пеплом, зловонием. Не обманывайте больше себя; но у нас, которые предварили вас, и теперь в могиле, научитесь, и уцеломудритесь, и уверьтесь, что есть суд, есть нескончаемое мучение, есть непроницаемая тьма и безотрадная геенна, есть

неусыпающий червь, немолчный плач, непрестанный скрежет, неисцельная скорбь»¹⁵⁸.

Глава XI. Последнее время жизни, смерть и погребение Преосв. Феофана. Необычайные знамения памяти о нем в православном мире

«Жизнь не имела бы никакой цены, если бы не было бессмертия».

«Кому страшна смерть? Тому, у кого она отнимает все и провожает на тот свет ни с чем. Кто же успел запастись нетленным богатством, того надежда утешает в час исхода».

«В час смерти в сознании чередой проходят деяния жизни, отражая в очах и лице умирающего или утешение или сокрушение, соответственно представляющимся делам».

Преосв. Феофан.

6 Января 1894 года Вышенского подвижника не стало. Смерть не была для него неожиданностью как в нравственном отношении, так и с физической стороны. Преосв. Феофан ждал ее как желанную гостью, как единственный путь к переходу в лучший мир и всегда готовился достойно встретить. Он желал умереть о Господе, по слову апостола «желание имый разрешиться и со Христом быть». «Умирать? – говорится в одном письме, – это не особенность какая. И ждать надо. Как бодрствующий днем ждет ночи, чтоб соснуть, так живущим надо впереди видеть конец, чтобы опочить. Только даруй, Боже, почить о Господе, чтоб с Господом быть всегда»¹⁵⁹. Святитель чужд был и не испытывал обычного человеческого страха смерти, ибо по его учению смерть страшна только тому, «у кого она отнимает все и провожает на тот свет ни с чем. Кто же успел запастись нетленным богатством, того надежда утешает в час исхода»¹⁶⁰. Последние слова по преимуществу нужно отнести к самому автору их, ибо от него осталось в наше назидание великое нетленное богатство в образе его истинно подвижнической жизни, в его добродетелях и особенно в душеспасительных писаниях.

Преосв. Феофан, хотя от природы не отличался особенно крепким телосложением, но здоровьем пользовался хорошим, за исключением последних лет жизни. Только по временам он подвергался случайным заболеваниям, большей частью связанным с его усиленными литературными трудами и сидячей жизнью. На Выше, при полной свободе от срочных служебных обязанностей, при душевном спокойствии от жизненных треволнений и под влиянием благорастворенного воздуха святитель в начале чувствовал себя совершенно здоровым и вполне готовым на те великие труды, которые он здесь предпринял и с таким поразительным успехом совершил. Но чрезмерно напряженные умственные занятия, строгая подвижническая жизнь, наконец, лета старости постепенно истощили организм. Ревматизм, невралгия, выражающаяся в подергивании рук и ног, перемежающийся пульс и головокружения явились нередкими посетителями последних лет и начали беспокоить всех тех, кому дорога была жизнь затворника. В многочисленных письмах последние с тревогой справлялись о здоровье его. Святитель благодушно переносил немощи и старался успокоить своих друзей и почитателей. Его самого особенно тяготило только постепенное ослепление (катаракта), потому что с ним соединялось величайшее лишение – мысль о невозможности предаваться дорогим учено-литературным занятиям. Ради снятия катаракты правого глаза, Преосв. Феофан два раза решался на большую для него жертву – оставить любимое уединение пустыни. В 1878 г. он ездил в Тамбов, а на следующий год в Москву для совета с врачами. Не снявши катаракты ни в тот, ни в другой раз по незрелости ее, он уже более не выезжал с Выши и лечился домашними средствами из аптек гомеопатии и аллопатии. В 1888 г. подвижник лишился правого глаза вследствие потемнения его хрусталика и последние пять лет продолжал неустанно работать одним глазом, не покладая рук до самой смерти. Он скончался, как истинный воин Христов, на духовном ратном поле с пером в руках и молитвой на устах. У затворника, как мы видели, был заведен строгий порядок жизни и он не изменял ему до конца. Только за пять дней до смерти, именно с 1 января

1894 г. обычный режим несколько расстроился. Не всегда в определенный час давался условный знак о времени чая или обеда. Накануне кончины, 5 января, чувствуя слабость, Преосвященный попросил помочь ему пройти. Келейник провел его несколько раз по комнате; но владыка, скоро утомившись, отослал его и лег в постель. В самый день кончины, не слыша условного знака, слуга в час дня заглянул в рабочий кабинет. Святитель сидел и что-то писал... Через полчаса последовал легкий стук. За обедом была съедена половина яйца и полстакана молока. Не слыша знака к чаю, келейник в половине пятого снова заглянул в комнату: святитель лежал на кровати. Любящее сердце почуяло беду. Подойдя с тревогой к постели, слуга нашел своего владыку уже скончавшимся. Левая рука лежала на груди, правая была сложена как для архиерейского благословения. При облачении в святительские одежды, на лице почившего явно для всех просияла улыбка. И исполнилось тогда мудрое, глубоко правдивое наблюдение подвижника над последними моментами земной жизни человека. «В час смерти в сознании чередой проходят деяния жизни, отражая в очах и лице умирающего или утешение или сокрушение, соответственно представляющимся делам». Очевидно, что затворник, вся жизнь которого была непрерывным хождением пред Богом, имел утешение скончаться в надежде наследия блаженной жизни. Три дня стояло тело в домовой церкви и три дня в монастырском соборе, и тление не коснулось его: почивший имел вид спокойно спящего человека. Преосв. Феофан скончался 79-летним старцем, не дожив четырех дней до 80-летнего дня своего рождения. Почивший погребен в склепе, в правом приделе Казанского холодного собора Вышенской пустыни. Усердием ревностного почитателя, настоятеля обители архимандрита Аркадия и братии в настоящее время над могилой его воздвигнут прекрасный мраморный памятник-гробница. И земное жилище подвижника заботой того же о. архимандрита сохраняется для потомства со своей обстановкой и в частности с домашней святыней-церковью. Не достает только одной существенной принадлежности – библиотеки. Последняя

приобретена у наследников святителя одним москвичом (Лосевым) и принесена в дар церкви св. Николая в Толмачах. Нельзя сердечно не пожалеть о том, что библиотека не осталась на Выше. Если и теперь являются сюда почитатели подвижника поклониться гробу и подышать воздухом его жилища, то при библиотеке подобных посетителей несомненно было бы гораздо больше. Некоторые могли бы приехать со специальной целью заняться и воспользоваться сокровищами ее, тем более, что на страницах многих изданий они нашли бы драгоценные указания самого святителя в виде надписей и заметок на полях. При недавнем личном свидании с почтенным о. архимандритом Аркадием нам пришлось услышать от него выражение глубокого сожаления по этому предмету. Он был уверен, что библиотека Преосв. Феофана поступит в Москов. дух. академию, которая начинала дело о покупке, и таким образом станет достоянием науки и ее представителей. В противном случае Вышенская пустынь употребила бы все средства к оставлению драгоценного памятника на месте.

Уже десять лет¹⁶¹ протекло, как угас великий светильник Церкви Христовой. Пишущему эти строки, удостоившемуся счастья принять участие в погребении святителя, трудно верится тому. У нас это знаменательное погребение и сейчас как бы пред глазами. Так сильно и живо впечатление от него! Обширный монастырский собор был до последней возможности переполнен молящимися. Присутствовали родственники и почитатели почившего, собралось очень много духовенства Шацкого и других уездов Тамбовской епархии, была депутация от духовной академии; но главная масса состояла из нашего простолюдина. И тут, как во многих других случаях, сказалось замечательное отношение русского простого человека к крупным явлениям нравственного мира. Не сознавая отчетливо умом, он умеет определять истинный смысл их сердцем. Много слыша о великих трудах и подвигах Преосв. Феофана в таинственном затворе, наш простолюдин, конечно, ясно не представлял размеров и значения их, но в глубине своего верующего сердца чувствовал, что тут создается великое духовное дело во славу Божию и во благо христианского мира.

В своей простоте он еще при жизни святителя причислил его к сонму праведников, ставя имя его рядом с всенародно не прославленным еще тогда подвижником соседней с Вышей Саровской обители преп. старцем Серафимом и называя задушевым «батюшка о. Феофан». Оттого-то народ устремился на Вышу при первой вести о смерти святителя, во множестве пришел и приехал с разных сторон (были случаи за 200 верст), занял все свободные помещения обители и при недостатке их живописно раскинулся со своими незатейливыми экипажами на площади, на открытом воздухе, несмотря на крещенскую стужу. Для него это было истинное духовное торжество, особенно в том виде, как оно совершалось тогда. Замечательное, поистине церковно-художественное служение тамбовского Преосв. Иеронима, особенно его чудный голос, прекрасное пение славившегося тогда архиерейского хора – все это придавало погребальному богослужению необычайно благолепие и невольно располагало к молитве. В обычное время за литургией, тогдашним ректором Тамбовской семинарии протоиереем П.И.Соколовым было произнесено слово, посвященное памяти почившего владыки. Проповедник, избрав своей темой раскрытие текста св. апостола Павла: *мне еже жити Христос и еже умрети приобретение*, с точки зрения его охарактеризовал личность покойного, как великого христианского подвижника и определил общественное значение его жизни и деятельности. Речь оратора звучала сердечной, неподдельной скорбью и произвела глубокое впечатление. Видно было, что говоривший душевно переживал то, что говорил, что предмет речи слишком дорог и близок ему. И это было понятно. И проповеднику в числе многих других Господь судил приобщиться и почерпнуть от богатой сокровищницы духовных даров почившего святителя. В минуту тяжелого жизненного испытания, потеряв жену в молодых годах, он обратился к вышенскому учителю за духовным утешением и получил его. Заупокойному слову почтенного о. протоиерея суждено было сделаться историческим. Оно явилось первым драгоценным камнем, вплетенным в венок, с такой любовью возложенный на могилу подвижника его бесчисленными

учениками и почитателями. Оно положило начало всем последующим литературным трудам о жизни и деятельности святителя – некрологам в газетах, статьям в журналах и, наконец, целым книгам. Вот существенное содержание этого назидательного слова-характеристики. «Почивший ныне святитель Божий Преосвященный епископ Феофан принадлежит к числу тех немногих избранников Божиих, которые не иначе проводят жизнь на земле, как во Христе и для Христа. Привыкши с ранних лет смотреть на служение Христу, как на задачу жизни, владыка всю свою жизнь посвятил этому служению. Для него, этого служения Христу, он отрекся от мира, приняв иноческий чин; в видах того же служения он оставил общественную службу и, подобно древним пустынножителям, удалился в пустынную обитель, чтобы здесь вдали от мира и мирских сует, в уединении, путем молитвенного умосозерцания Бога и самоуглубления в себя соделать в себе мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4:13). Мы не посвящены в уединенную жизнь почившего святителя, хотя и можем представить, как она трудна для человека. Приняв на себя самый тяжелый обет затворничества, владыка на целые десятки лет удалил себя от людей. За немногими исключениями он во все это время не знал иного общения, кроме молитвенного со Христом и Его святыми угодниками. Каждый день он отправлял все церковные службы, каждый день приобщал себя великих тайн Тела и Крови Христовых. Всегдашним любимым его занятием, кроме усердной молитвы, было изучение Слова Божия, ему посвящал он весь свой досуг еще тогда, когда служил на поприще духовно-учебном и епархиальном; ему отдал он себя на все время своего уединения в сей святой обители. Плодом усиленных трудов, при необыкновенных дарованиях и многосторонней учености, явились многочисленные печатные труды почившего святителя по истолкованию Слова Божия и по учению о христианской нравственности. Таких печатных трудов почившего архипастыря весьма много и они составляют великое приобретение в христианской науке. По широте и глубине мысли, обилию знаний, точности и ясности изложения, теплоте и чистоте

чувств, печатные труды почившего святителя не имеют себе равных в нашем отечестве, так что не только теперь, но и надолго в будущем будут служить как источником, так и путеводной звездой для всех тружеников богословской науки и истинно-христианской жизни. Особенно великое приобретение представляют для Церкви Христовой и науки печатные труды почившего по христианской нравственности. В них он явил себя не только великим мыслителем, но и необыкновенным подвижником. Он не преподавал только наставления для нравственной жизни, а переживал их сначала и уже потом предлагал для руководства другим. От этого сочинения почившего святителя по христианской нравственности отличаются особенной обаятельностью; в них представляется целостный образ христианина-подвижника в полном применении к его силам и жизни».

«Удалившись от мира и его сует, порвав видимое, непосредственное общение с людьми, почивший святитель сделал это не по недостатку любви к людям, как могли бы подумать некоторые, а единственно из желания оградить себя от всего, что могло отвлекать его от молитвенного служения Христу. Но любя Господа, он любил и Его слуг, людей, и эта любовь к ближним была у почившего святителя самая возвышенная, чистая и святая. По причине необыкновенного смирения почивший святитель мало и редко пользовался служением других, но сам охотно и весьма много помогал людям. Будучи всегда бесребреником, он весь свой пенсионный оклад ежегодно раздавал бедным, оставляя для себя только незначительную часть на приобретение книг, нужных для научных трудов. Но особенно много послужил благу ближних почивший святитель нравственно. Кому не известно, какая громадная переписка существовала у почившего архипастыря. К нему обращались за советом, за разрешением недоумений, в нем искали утешения в скорби, облегчения в бедах все, начиная с сановников и кончая самым последним из простолудинов. Всем он отвечал с любовью: одним подавал мудрый и целесообразный совет, других наставлял, иных утешал, многих спасал от сомнений, словом – всем был для

всех, чтобы, как выражается св. апостол, всех или по крайней мере некоторых спасти (1Кор. 9:22). А какой теплоты, любви, неподдельного участия и мудрой предусмотрительности были полны письма почившего святителя, об этом знают те, коим пришлось получать от него таковые. В минуты Божьего, испытания и моя немощь удостоена была получить от почившего богомудрого учителя слово утешения, и потому на основании собственного опыта могу свидетельствовать, что почивший святитель обладал особым, чрезвычайным даром утешать и наставлять»¹⁶².

По окончании погребального чина, за которым сказал одушевленное и глубоко прочувствованное слово представитель Московской духовной академии студент-священник С.Никольский, началось продолжительное прощание с прахом почившего. Все тут было трогательно и умирительно, но один момент явился поистине необычным. Маститый старец, настоятель обители о. архимандрит Аркадий, много видевший и переживший на своем веку, был настолько потрясен мыслью о разлуке со святителем, что при прощании, в буквальном смысле, трудно было оторвать его от дорогого праха. В глубокой сердечной муке припав ко гробу, он как бы не хотел расстаться с ним. Потребовалось немало времени и усилий, дабы прервать это последнее земное общение скромного и смиренного ученика с дорогими останками своего великого учителя. Подобный внешний факт ярко свидетельствует о том необычном нравственном обаянии, какое производил почивший владыка на всех, соприкасавшихся с его личностью. О. архимандрит, прожив в общении со святителем 28 лет, имел его своим руководителем во всех важнейших случаях личной жизни и общественной службы, без его совета и благословения не предпринимал ни одного серьезного дела. Ему Господь судил почти 30 лет наслаждаться созерцанием идеальной красоты духовного, нравственного мира святителя. И вот теперь этот дивный образ исчезал и навсегда скрывался. Поистине было над чем глубоко задуматься и о чем с душевной мукой скорбеть. Другой факт в этом же роде. Келейник о. Евлампий, проведенный со святителем целую жизнь,

не мог прожить без него и краткого времени. Со дня блаженной кончины подвижника, он глубоко заскорбел и затосковал, не принимал пищи, лишился сна, а через две недели его не стало.

В чем же истинная, ближайшая и непосредственная причина подобного обаяния личности? Где та магическая сила, которая так властно покоряет и влечет к себе сердца людей? Пламенная вера в Бога, при явном осенении божественной благодатью, и беззаветная, самоотверженная любовь к людям, проникавшая все существо Преосв. Феофана и заставлявшая его совершенно забывать свое «я» – была та особенная нравственная сила, которая в соединении с другими высокими качествами его духа невольно и неотразимо влекла к нему. Люди особенно ценят в других те достоинства, которых они сами лишены и которые бы так желали иметь. Святитель в своем подвиге уже тем одним существенно отличался от окружающего грешного мира, что совсем не имел своей личной, частной жизни. Он весь принадлежал тому, что считал своим долгом и жребием общественного служения. *Все для Бога и для людей и решительно ничего для себя* – этот великий, идеальный принцип, бывший не только главным правилом, но и основной стихией жизни подвижника, вместе с тем явился всепобеждающей и притягательной к нему нравственной силой. «Существование в мире подобных лиц, – скажем о святителе его же словами о человеке, находящемся под особым воздействием божественной благодати, – есть великая милость Божия. Они заменяют апостольские мрежи. Как около сильного магнита собирается множество опилок или как сильный характер увлекает слабых, так обитающая в них сила Духа влечет к себе всех, особенно же тех, у коих есть начатки духа»¹⁶³.

Великий святитель Божий скрылся от нас телом, но дух его живет и всегда будет жить в православном мире. Мы говорим не о памяти о нем в науке и между образованной частью русского общества, хоть сколько-нибудь интересующегося вопросами религиозной и церковной жизни нашего отечества. Бесспорно, что тут уже и теперь имя Преосв. Феофана настолько известно и пользуется таким высоким авторитетом, что никогда не может

быть забыто. Своими многочисленными литературными трудами он поистине воздвиг себе памятник нерукотворенный, к которому не зарастет тропа русской православной мысли и жизни. Но мы разумеем здесь память о почившем подвижнике в глубине сердца массы верующих русских людей всякого звания и состояния, не исключая и нашего простолюдина. Очень характерен уже один тот факт, что имя Преосв. Феофана неизменно значится записанным в поминальных книжках крестьян селений и деревень, прилегающих к Выше уездов Шацкого, Спасского, Моршанского и др., причем до последнего времени всегда стояло рядом и непосредственно за именем великого Саровского подвижника, теперь прославленного всероссийского чудотворца преп. Серафима. Замечательно также и то обстоятельство, что вскоре же после смерти святителя стали поступать к о. архимандриту Аркадию письма от лиц, знавших покойного, с вопросами о том, не было ли каких-либо особенных явлений и знамений, связанных с именем его. Некоторые же, более простые сердцем, корреспонденты как бы не сомневались и прямо спрашивали, какие были чудеса после смерти Преосв. Феофана. Мститый старец вначале пришел в смущение от подобного явления. Ему, прожившему почти тридцать лет вблизи почившего владыки, среди обычной житейской обстановки, трудно было отрешиться от земных образов и представлений и стать на иную, сверхъестественную точку зрения. Но он вскоре успокоился в глубине своего верующего сердца за память дорогого учителя, видя в названных запросах православных людей особенное знамение милости Божией к покойному святителю. И не напрасно. Вот что мы лично слышали по этому предмету от летописца Вышенской обители, иеромонаха о. Н-ра, глубоко чтящего память Преосв. Феофана и интересующегося всем относящимся к ней. В мае настоящего года (1904), – рассказал о. Н-др, – на Вышу пришла крестьянка с. Салтыковых Бут, Спасского уезда, сильно больная глазами, почти слепая и после обедни отыскивала священника, чтобы отслужить панихиду на могиле Преосв. Феофана. Я оказался очередным иеромонахом и совершил службу. Заинтересованный этим случаем, я спросил женщину, почему

она знает имя Преосв. Феофана и по какому поводу служила панихиду. Крестьянка рассказала, что она уже давно страдает тяжелой болезнью глаз, лечилась у доктора, но не получила помощи. Тогда я начала по ночам молиться Богу об исцелении. В одну из таких ночных молитв мне явился инок и сказал, чтобы я пошла в Вышенскую пустынь и отслужила панихиду на могиле Преосв. Феофана. Вначале я не послушалась. Видение повторилось во второй и третий раз, и вот я теперь на Выше. «Проведя несколько дней в горячей молитве за богослужениями в храмах обители, крестьянка возвратилась на родину». В заключение своего рассказа о. Н-р выразил глубокое сожаление о том, что он не имеет сведений о дальнейшем течении болезни женщины. Какие бы ни были последствия настоящего случая, для нас очень важен уже один самый факт существования среди русского простолюдина живой памяти о почившем святителе, с глубокой верой в возможность получить от него духовную, благодатную помощь в трудные минуты жизни.

В июне текущего же года посетила Вышенскую пустынь настоятельница одного из Костромских монастырей Ф-та. Разговорившись с паломницей, тот же о. Н-р узнал, что она великая почитательница памяти Преосв. Феофана. При жизни подвижника она получила от него несколько писем с решением сомнительных и недоуменных вопросов и теперь во всех своих затруднительных обстоятельствах, во время молитвы, обращается к нему за помощью и советом. Недавно, в одно из таких обращений, святитель явился ей и велел усиленно молиться и в частности помолиться на Выше.

Наконец, следующий факт хорошо известен нам лично и тщательно проверен. В нашем городе (Шацке) недавно овдовела одна интеллигентная дама, жена видного чиновника министерства финансов, г-жа К-на. По своему происхождению она дочь предводителя дворянства соседнего уезда, бывшего лично знакомым с покойным Преосв. Феофаном, а потому о жизни последнего она много слыхала еще в детстве, в своей семье. Страшно потрясенная смертью горячо любимого мужа, вдова всюду искала облегчения своего тяжелого горя и нигде не находила. Наконец, она обратилась за духовным утешением к

почившему святителю и получила его. Столь знаменательное явление сначала сделалось известным нам только по слуху. Желая удостовериться в нем, мы обратились непосредственно к г-же К-ной с просьбой разъяснить и подробно изложить обстоятельства дела и получили в ответ письмо от 20 октября 1904 года следующего содержания: «Прожив с мужем почти 30 лет душа в душу, мне было тяжело потерять его. Первые дни после его кончины, я как будто не сознавала постигшего меня горя. Все чувства во мне притупились и нужные распоряжения по перевозке тела в Ш-к и по погребению, я делала как-то инстинктивно, машинально. По прошествии же некоторого времени вся сила горя сознательно охватила меня и я всецело подпала под гнет его, самое ужасное было то, что молитва не только мало облегчала мои страдания, но по временам я совсем не могла молиться. Я впала в тоску, вследствие которой появлялись нервные сжатия горла, душившие меня. Сама жизнь казалась мне в тягость, я положительно изнемогла душой и телом под тяжестью этих страданий. Многих просила я молиться за меня и верно чья-нибудь молитва дошла до Господа, ибо в одну благодатную минуту я подошла к Царице Небесной, горячо молилась и, наклонив голову под святой иконой, долго оставалась так, чувствуя, что мне хорошо. Я благодарила Заступницу и молила Ее вразумить меня о том, что должна я делать, чтобы избежать тоски, облегчить свою душу от чрезмерной печали. Как бы в ответ на эту мольбу, я услышала тихий голос, как бы полусшепот, *ясно* произнесший следующие слова: «надо отслужить панихиду на могиле епископа-затворника». В тот момент я не могла понять, о каком епископе упоминается и начала перебирать в памяти тех, о которых знала как о св. подвижниках, но почему-то о Преосв. Феофане не вспомнила и, желая уяснить себе этот вопрос, я стала просить Царицу Небесную помочь мне в его разъяснении. Почти тотчас я вспомнила о Преосв. Феофане и едва лишь промелькнула в уме моем мысль: «о нем ли?» как я услышала голос уже над самым моим ухом твердо, с особым ударением произнесший слово: «да!!»

«Решив исполнить повеление Господне при первой возможности, я стала чувствовать себя гораздо лучше; просила молитв Преосв. Феофана и обо мне и о душе усопшего и понемногу стала приниматься за обычные свои занятия. Дождливая весна препятствовала мне ехать тотчас в Вышенскую пустынь, но с первым ясным днем я была там и с великой радостью исполнила указанное мне, и могу сказать как пред Богом, что с тех пор ни разу не нападала на меня тоска, а также с тех пор я вновь могу молиться спокойно, находя в молитве великое утешение и поддержку в жизни. Ко всему вышесказанному считаю необходимым прибавить, что, подходя к месту упокоения Преосв. Феофана, я ощущала такой странный, необыкновенный трепет, что не сразу могла подойти к гробнице, а только сперва помолившись издали, решилась и подошла. После панихиды мне не хотелось уходить с этого места. Я чувствовала, что здесь, около этого св. места, царит та благодать, которая врачевала мой тяжелый душевный недуг».

Приведенными свидетельствами мы, конечно, не имеем и мысли предрешать преждевременного вопроса о сверхъестественном значении самого исторического явления, о котором они говорят. Нам хотелось только установить тот несомненный факт, что память о Преосв. Феофане ярко сохранилась и живет в сердцах верующих людей. Опыт свидетельствует, что лица, пользовавшиеся нравственным руководством святителя при его жизни, находят необходимым и возможным в глубине своего верующего духа обращаться за тем же руководством и после его смерти. Будучи на земле истинным утешителем многих христианских душ *скорбящих и озлобленных*, подвижник продолжает пребывать таковым же и в загробном мире.

Глава XII. Общественно-историческое значение жизненного подвига Преосв. Феофана

«Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох. Прочее убо соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, праведный Судия: не токмо же мне, но и всем возлюбившим явление Его».

Посл. к Тимофею (2Тим. 4:7)

По обозрении жизни и трудов Преосв. Феофана естественен вопрос о значении их. Общественная деятельность его представляет собой крупное историческое явление. Чтобы понять и по достоинству ценить жизненный подвиг святителя, необходимо обратить внимание на ту среду и время, в которое он жил и отметить значение его деятельности для своего века и потомства.

Современное человечество по справедливости гордится громадными успехами в области науки и умственном развитии, но оно слишком мало сделало для своего нравственного преуспевания. И в науке и в жизни оно односторонне увлеклось материальными, практическими интересами и совершенно пренебрегло жизнью духа. Подобное ненормальное явление не могло не отозваться на нравственном состоянии общества. Неудовлетворенные духовные потребности громко заявляют о себе и коренной недуг нашего времени есть именно недуг духовный. Существенные черты его ярко охарактеризовал один из наших поэтов (Тютчев).

«Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует;
Он к свету рвется из ночной тиши
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен
Невыносимое он днесь выносит
И сознает свою погибель он
И жаждет веры... но о ней не просит».

Еще определеннее и яснее нарисована картина печального нравственного состояния современного общества в одном из слов нашего знаменитого церковного витии последнего времени Преосв. Амвросия Харьковского. «Безотрадно зрелище жизни нашего времени. Для всех очевидно глубокое и всеобщее растление и развращение современных христианских народов, особенно в высших и образованных сословиях их, стоящих во главе народов и своими ложными воззрениями, убеждениями и примерами увлекающих их на путь неверия и пороков. Нужно ли говорить о них? Все заблуждения и пороки нашего века так нам известны из современной жизни христианских народов и у нас перед глазами в отечестве нашем, усердно перенимающем все дурное у иноземцев. Всюду с необычайной быстротой распространяется в народах неверие и отрицание бытия Божия, души человеческой и вечной ее жизни, а вера в Бога истинного заменяется боготворением материи и служением плоти. В нравственной жизни усиливаются отрицание власти родительской и правительственной, цареубийства, бунты, возмущение против богатых, стремление уничтожить право собственности, нарушение супружеских союзов и необузданное сладострастие, страсть к роскоши и плотским наслаждениям, и ради их подлоги, кражи, убийства и пр. Нет во всемирной истории такого века, в котором бы мы нашли между христианами такое открытое пренебрежение к добродетели и такое бесстрашие по отношению к порокам и преступлениям. И все это видим во время, не только называемое христианским, но и просвещеннейшим, гордящимся процветанием наук и искусств»¹⁶⁴.

Один из замечательных русских общественных и литературных деятелей задался вопросом об источнике столь печального нравственного явления и пришел к убеждению, что все зло лежит в превратном, материалистическом направлении современной европейской, а за ней, и нашей русской науки, которая в самой своей основе отрицает религию с живым Богом и свободным человеческим духом, а вместо того вводит поклонение мертвой материи и ее механическим силам. «В основании, в глубине современных учений запада, – говорит

И.С.Аксаков, – не только революционных, но и философских, вообще его последнего слова лежит отвержение Бога, следовательно отвержение всего, что святит человека и с ним всю природу, отрицание свободного духа и всякого духовного в человеке начала, следовательно обездушение человека и порабощение его плоти; отрицание высшей, независимой от человека правды, высшего нравственного, обязательного для нравственной человеческой природы закона, всей нравственной в человеке стихии и затем поклонение обездушенной материи и обездушенному человеку, как Богу».

Все просвещенные и благомыслящие люди ясно сознают всю нашу настоящую нравственную ненормальность. Также совершенно очевидно и то, что тут далеко недостаточно одной перемены теоретических и умственных взглядов и убеждений, а необходимо коренное духовно-нравственное перерождение. Каким же путем возможно возрождение современного общества к новой жизни? Кто или что может совершить его? В последнее время у нас слишком положились на науку, на учение; мы сосредоточили все просвещение на образовании ума; его признали источником не только познаний, но и всякого человеческого совершенства. Многие из наших мыслителей и писателей доселе на его развитии и обогащении познаниями основывают все надежды преуспевания народа как в нравственном, так и в государственном отношении. Но, во-первых, немислимо, чтобы полное научное развитие ума и высшее образование когда-нибудь могли быть доступны народным массам; полуобразование же, соединенное с ложной самоуверенностью, есть великое зло. Во-вторых, самый ум есть частная сила духа, и его образование есть только часть человеческого совершенства. Много других сторон и сил в человеческом духе, которые развиваются не наукой; много всяких благотворных и вредных влияний проходит в душу мимо ума и действует на нее решительно в пользу, или во вред правильному развитию человека. Кроме того, раннее детство есть возраст недоступный для науки, но в этом возрасте многое закладывается в наш внутренний мир помимо сознания и впоследствии обнаруживает влияние на всю жизнь и судьбу

нашу. Наконец, целые народные массы, по необходимости остающиеся чуждыми научного развития, не могут быть и руководимы наукой, а между тем в них заключаются громадные силы, которые должны быть чем-нибудь направляемы к благим целям своей личной и общественной жизни. Где же эти истины, которые могут проникать во всякую душу? Где способы учения, применимые ко всякому возрасту и всякому развитию человека? Где, наконец, столь сильные побуждения, которые бы могли двигать целые племена и народы верно и безостановочно по пути к нравственному совершенству и благосостоянию? Только в религии и для нас в православной вере. Чем ушиблись, по народному изречению, тем и лечиться нужно. Если по мысли наших выдающихся деятелей причина современной нравственной ненормальности лежит в попрании религии и духовных начал, то восстановление их будет источником возрождения. Что для улучшения нашей жизни прежде всего существенно необходимо поднятие значения духовных явлений в сознании общества, в этом глубоко убеждены далеко не одни проповедники религии. Подобное убеждение вполне разделяют и многие лучшие светские люди, задумывающиеся над судьбами своего отечества и ищущие выхода из настоящего тягостного положения его. «Выйти из этой удушливой атмосферы, говорить об одностороннем материалистическом направлении умственного просвещения и тесно связанном с ним нравственном состоянии современного русского общества один из наших ученых (Б.Чичерин), составляет существенную потребность всякого, в ком еще живы интересы мысли, кто не довольствуется житейской пошлостью. А выйти из нее можно только одним способом: поднявши глаза кверху, вместо того, чтобы упорно держать их прикованными к низу, окинуть взором все необъятное пространство неба и уразуметь великую связь, соединяющую высшее с низшим, небесное и земное»¹⁶⁵. Еще определеннее и с свойственным ему увлечением высказался по тому же вопросу наш знаменитый писатель-художник Ф.М.Достоевский. По его глубокому убеждению, все зло и фальшь современной русской культуры лежит в том, что передовые руководители ее сами не имеют и ясно не понимают

огромной важности религиозно-нравственных начал в народной жизни. Он считает важнейшей, капитальной ошибкой нашей интеллигенции, что она не видит и не придает серьезного значения православной вере и Церкви для народа. Оттого-то русская интеллигенция так оторвана от последнего, решительно беспочвенна, потому-то и народная духовно-просветительная деятельность ее совершенно ничтожна и бесплодна. «Народ русский, – говорит Достоевский, – в огромном большинстве своем православен и живет идеей православия, хотя и не понимает эту идею отчетливо и научно... В сущности в народе нашем все из нее одной и исходит, по крайней мере народ наш так хочет, чтобы что есть у него и что дают ему, из этой одной лишь идеи исходило, несмотря на то, что многое у самого же народа является смрадного, варварского и греховного... Вся глубокая ошибка наших интеллигентных людей в том, что они не признают в русском народе Церкви. Но кто не понимает в народе нашем его православия окончательных целей его, тот никогда не поймет и самого народа нашего. Никогда и народ не примет такого русского европейца за своего человека; *»полюби сперва святыню мою, почти ты то, что я чту*, и тогда ты точно таков, как я, *мой брат*, несмотря на то, что ты одет не так, что ты барин, что ты начальство»¹⁶⁶. И вот, когда по-видимому среди нашего общества назрела настоятельная потребность в напоминании о забытых и попраных интересах человеческого духа, промыслу Божию, воздвигающему во время благопотребное делателей на дело свое, угодно было послать православной России великого носителя и руководителя духовной жизни, этого истинного богатыря духа, в лице покойного святителя Феофана.

Не всякий учитель религии может быть действительным руководителем духовной жизни. Только человек сам причастный ей, сам лично переживший и перегоревший в горниле внутреннего опыта может заговорить с людьми о духовной жизни со всепобеждающей силой, возбуждающей энергию и порождающей готовность на нравственные подвиги. Так именно смотрел на христианского учителя Преосв. Феофан. «Чтобы вести других, – говорит он, – надобно видеть все распутия

жизни, опытно знать их и знать, как они отклоняются, а для этого надобно стоять на некоторой высоте, с коей можно бы обозревать и все пути и всех идущих и того между ними, кто вверился. Дело все в покорении страстей: не победивший страсти не может дать надлежащего правила на их покорение, потому что сам страстен и судит страстно. Затем-то умный, но сам не испытывавший руководитель, никогда не поведет далеко, при всем своем желании. И сам он и руководимый будут говорить, рассуждать о путях Божиих и все толочься на одном месте»¹⁶⁷. И таковым именно руководителем был сам автор этого учения. Он учил не только словом, но и подвигом своей жизни. Раскрывши в своих богомудрых писаниях идеал истинной христианской нравственности, святитель практически осуществил его. Всякое слово подвижника производит тем сильнейшее впечатление, что оно запечатлено его жизнью. Когда он говорит: «Не тяготейте к земле... Все тленно, только одно счастье загробное вечно, неизменно, верно. И это счастье зависит от того, как мы проживем эту нашу жизнь», – тогда живым воплощением этого идеального взгляда стоит его затвор, его полное отречение от мира и его нежелание взять от жизни что-нибудь кроме духа. Преосв. Феофан всю свою жизнь посвятил решению и выяснению важнейших нравственных вопросов. И исполнил эту задачу с такой широтой и глубиной, как никто из наших духовных писателей. В своих сочинениях он с особенной настойчивостью и силой развивает мысль о великом значении духовных начал для блага человеческой жизни, личной и общественной. По его глубокому убеждению, современное общество потому и ненормально живет, так тяжело нравственно страдает, что забыло и пренебрегло потребностями духа. Оно односторонне увлеклось, погрязло в материальных интересах, а между тем несомненна истина: *«не о хлебе едином будет жив человек»*, для действительного, не призрачного жизненного блага *«едино есть на потребу»*. Святитель неоднократно настойчиво повторяет, что потребности духа выше и дороже всего в человеке; удовлетвори их прежде всего и увидишь счастье на земле, ибо остальное все само собой приложится тебе. «Духовные потребности выше всех, и когда

они удовлетворяются, то другие хоть и не будут удовлетворяемы, покой бывает; а когда они не удовлетворяются, то будь все другие удовлетворяемы богато, покоя не бывает. Почему удовлетворение их и называется *единым на потребу*. Когда удовлетворяются духовные потребности, то они научают человека поставлять в согласие с ними удовлетворение и прочих потребностей, так что ни то, чем удовлетворяется душа, ни то, чем удовлетворяется тело, не противоречит духовной жизни, а ей воспособствует, – и в человеке водворяется полная гармония всех движений и обнаружений его жизни, гармония мыслей, чувств, желаний, предприятий, отношений, наслаждений. Напротив, когда дух не удовлетворяется и сие единое на потребу забыто, тогда все другие потребности разбегаются в разные стороны и каждая требует своего, и как их куча, то голоса их, как шум на базаре, оглушают бедного человека, и он мечется то туда, то сюда, как угорелый, за удовлетворением их. Но покоя никогда не имеет, потому что когда одна удовлетворяется, другие не удовольствуются тем, и, не считая себя чем-либо ниже той, которая почтена удовлетворением, настойчиво требует своего, как у матери, когда она накормит одного ребенка, другие пять кричат. Оттого внутри у такого шум, гам, разволока во все стороны и во всем беспорядочность. Такой ничем недоволен, всегда в туге, то утомившись стоит выпуча глаза и недоумевая, что бы начать, то кружится и кружится. И се есть суета и крушение духа»¹⁶⁸!

Люди, поверхностно знакомые с жизнью и творениями Преосв. Феофана, возражают, что его идеалы слишком отвлеченны и практически неприменимы, что многие его взгляды носят чисто аскетический характер. Остановимся на этом возражении и посмотрим, насколько оно состоятельно. Да, святитель был действительно великий подвижник в духе первых времен христианства. Но его аскетический подвиг ничуть не заслонял собой явлений и нужд обычной человеческой жизни. С высоты его он ясно видел эти нужды и всегда шел навстречу им. Он был истинным духовным учителем в самом широком смысле – для людей всякого звания и состояния. И это не могло быть

иначе, ибо, по глубокому убеждению святителя, христианство представляет собой не столько теоретическое учение, но главным образом и действительную нравственную жизненную силу, каковую мысль он не раз повторяет и основательно доказывает. «Христианство не учение, а жизнь. И самое учение его входит в жизнь, как определенный образ, воззрение на все сущее и бывающее». «Вера христианская не система учения, а образ восстановления падшего в силу смерти Богочеловека, благодатью Духа Святого. Возьмите кого-либо из шедших вслед Господа, и увидите, как он мало по малу растет духом, и становится великим при всей невзрачности внешней. Вот о. Серафим. Простой, неученый, до чего дошел? Неверам многоученым уста заграждал единым словом. Вот и сила. А жизнь его какова, а нрав? Так и всех переделывает благодать, которые предаются ей»¹⁶⁹. Если таково жизненное значение христианства, то само собой падает возражение против практического применения идей Преосв. Феофана. Он сам знал о подобном возражении и по содержанию его дает следующее разъяснение: «Иным кажется очень строгим все творить во славу Божию, они потому и полагают, что при делах можно иметь и другие цели, вне Бога, только бы сии цели не исключали Бога, и вообще, говорят, можно ограничиваться тем, чтобы только чаще относить к Богу дела. Все же дела посвящать Богу есть дело совершеннейших, что можно советовать, но к чему всех обязывать не должно. Как унижена тут светлая христианская жизнь! Как видимо тут нехотение и леность сделать напряжение, чтобы возноситься к Богу! Но, во-первых, все посвящать Богу не есть совет, а цель необходимая, обязательная: *Прославите Бога в душах ваших и телесах ваших; вся во славу Божию творите...* Что яснее и определеннее сего? И зачем относить сию цель к совершеннейшим только, когда такое направление действия не требует особого напряжения: кто творит уже добро, скажи ему только, чтобы он мысленно и сердечно посвятил его Богу. Какой здесь труд»? «Тут трудного и громадного ничего нет. Все просто. Начните понемногу и успеете все сделать, как следует. Но если и не успеете все сделать, как бы хотелось, сделайте, как

сможете. Господь не взыскателен на мелочи. Он ценит усердие и намерение»¹⁷⁰. Христианское учение Преосв. Феофан признает удобоисполнимым прежде всего потому, что находит его вполне естественным для духовной природы человека. Везде указывая и выясняя в своих нравоучительных сочинениях, как высокие истины Евангелия глубоко соответствуют истинным и законным стремлениям души человеческой, он достигает того, что читатель может видеть и понять, как представляющиеся на первый взгляд трудными и по-видимому неудобоисполнимыми требования нравственного закона Христова оказываются на самом деле удобоприемлемыми и осуществимыми в жизни такими же подобострастными нам людьми. По мнению святителя, мы настолько осуетились и обмирщились, что у нас нередко не является и самой мысли и вопроса о степени применимости к жизни христианских начал. Если же человек серьезно попробует осуществить их в своем поведении, то скоро же собственным опытом дознает и убедится, как поистине и действительно *иго Христово благо и бремя Его легко есть*. Он не только не будет тяготиться этим игом, но, напротив, вкусив духовную сладость несения его, переживет высшее, неземное настроение, испытает полное нравственное удовлетворение. Жизненное применение духовных начал в значительной степени облегчается тем, что христианство чуждо пустых, формальных требований, мелочных предписаний. Напротив, оно повсюду проповедует полную свободу духа над буквой закона. Почему в писаниях святителя нередкость встретить, например, наставление о том, что можно не связывать себя большим молитвенным правилом, а лучше совершить только несколько молитв, но доводя их до сердца и чувства; можно не обременять себя продолжительным и изнурительным постом, полезнее малое пощение, но при истинно-благочестивой внутренней настроенности, и т. д.

Помимо общего, теоретического разъяснения вопроса о жизненном приложении христианских истин, Преосв. Феофану приходилось неоднократно решать тот же вопрос по требованию практических нужд, по желанию и просьбе лиц,

искавших его духовного руководства. И ответ получался всегда один – приложение это вполне возможно во всяком звании и общественном положении христианина. Вот поразительно простое, но глубоко жизненное, мудрое правило в ответ на запрос, как жить человеку согласно своему высокому христианскому назначению среди обычной житейской суеты: «Делайте, что под руку попадется, в вашем кругу и в вашей обстановке, и верьте, что это есть и будет ваше настоящее дело, больше которого от вас и не требуется. Большое заблуждение в том, когда думают, будто для неба, или для того, чтобы сделать и свой вклад в недра человечества, надо предпринимать большие и громкие дела. Совсем нет. Надобно только делать все по заповедям Господним. Что же именно? Ничего особенного, как только то, что всякому представляется по обстоятельствам его жизни, чего требуют частные случаи, с каждым из нас встречающиеся. Это вот как. Участь каждого Бог устрояет, и все течение жизни каждого тоже дело Его всеблаготворительного промысла, следовательно, и каждый момент и каждая встреча. Возьмем пример: к вам приходит бедный; это Бог его привел. Что вам сделать надо? Помочь. Бог, приведший к вам бедного, конечно, с желанием, чтобы вы поступили в отношении к сему бедному, как Ему угодно, смотрит на вас, как вы в самом деле поступите. Ему угодно, чтобы вы помогли. Поможете? Угодное Богу сделаете, и сделаете шаг к последней цели – наследию неба. Обобщите этот случай, выйдет: во всяком случае и при всякой встрече надобно делать то, что хочет Бог, чтобы мы сделали. А чего Он хочет, это мы верно знаем из предписанных нам заповедей.

Помощи кто ищет? – Помоги!

Обидел кто? – Прости!

Сами обидели кого? – Спешите испросить прощение и примириться! и проч. и проч. и проч.»

«Надо выбросить из головы все планы о *многополезной многообъемной, общечеловеческой* деятельности, и жизнь ваша будет созерцаться вложенной в покойные рамки, и без шума ведущей к главной цели. Помните, что Господь и стакана холодной воды, поданного томимому жаждой, не забывает.

Благодарение Господу, что Ему угодно было ценность дел наших определять не их широтой и величию, а внутренним нашим расположением при делании их, окружив между тем нас премножеством случаев к деланию дел по воле Его, так что, если внимаем себе, можем поминутно делать дела богоугодные. Для этого нет нужды ходить за море, а смотри около всякий день и час, на чем видишь печать заповеди, исполняй то неотложно, в том убеждении, что такого, а не другого дела требует от тебя в этот час Сам Бог»¹⁷¹.

Конечно, никто не должен сказать, что подобным правилом возлагаются на христианина *бремена неудобноносимые*, а между тем с точки зрения его Преосв. Феофан изъясняет возможность осуществления в обычной жизненной обстановке всех важнейших требований христианского закона, не исключая даже самых возвышенных и идеальных. По-видимому, что может быть менее приложимо среди нашей повседневной житейской суеты, как мысль о непрестанной молитве, а между тем, по учению святителя, она вполне возможна: «Что значит *непрестанно молиться*? Быть непрестанно в молитвенном настроении. Молитвенное настроение есть – мысль о Боге и чувство к Богу совместно. Мысль о Боге, мысль о Его вездесущии, что Он везде есть, все видит и все содержит. Чувство к Богу страх Божий, любовь к Богу, ревностное желание всем угождать Ему одному, с таким же желанием избегать Ему неугодного. Чувство к Богу может иметь место при всех наших делах, занятиях и обстоятельствах».

«Мысль может быть отвлекаема разными предметами; но и тут возможен навык не отступать от Бога, а всем заниматься при свете памятования о Боге. Вот об этих-то двух – о мысли и чувстве к Богу всю заботу и иметь надо. Когда они есть, есть молитва, хотя нет молитвенных слов».

«Утреннее молитвословие на то и назначается, чтобы водрузить в сознании и сердце сии две вещи... И с ними потом выходить на дело свое и на делание. Если вы утром восставите сие в душе, то вы помолились, как следует, хоть и не все прочитаете молитвы...»

«Положим, что вы утром настроились так и вышли на дело. С первого шага начнутся впечатления от дел и вещей и лиц, отбивающие душу от Бога... Как быть? Надо поновлять мысль и чувство... внутренним к Богу обращением ума и сердца. А чтоб это удобнее было, надо навикнуть какой-либо коротенькой молитве, и повторять ее как только возможно чаще. Всякая коротенькая молитва идет к сему. Но пригожее всех молитва ко Господу Спасителю: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! Трудитесь навикать ей, и не отставайте, пока навикните... Она, укоренившись, будет непрестанным двигателем и предстоянием Богу мыслью и чувством к Нему. Вот вам вся программа молитвенного дела»¹⁷²!

Что идеи и сочинения Преосв. Феофана не были одной мертвой теорией, а имели жизненное значение, об этом особенно ясно свидетельствует его обширная переписка. Из последней видно, какая масса лиц разного звания и общественного положения искала его духовного руководства. Из многочисленных доказательств того, насколько были важны указания и наставления святителя для нравственной жизни нуждавшихся в них и чего последние лишались с потерей своего наставника, приведем следующее. Один почтенный юрист, долго пользовавшийся духовными советами Преосв. Феофана, с глубокой скорбью пишет по поводу смерти его: «Святитель с кончиной своей унес с собой в могилу все, что было самого драгоценного в моей жизни: наставника, руководителя, печальника и молитвенника, вся забота которого при жизни состояла в том, чтобы вырывать из когтей велиара погибающие души и вместе с ангелами радоваться о каждом кающемся грешнике. Хотя трудно примириться с той мыслью, что святитель покинул нас навеки, но утешение имеем в том сознании, что как здесь на земле он любил своих ближних, также точно и там, в горних обителях, предстоя престолу Всевышнего, возносит свои горячие молитвы за всех скорбных, убогих и несчастных»¹⁷³.

Таково нравственное влияние писем Преосв. Феофана. Таково же значение и сочинений его вообще, ибо содержание переписки представляет собой только приложение общих

мыслей к частным случаям жизни. Жизненно-воспитательное влияние творений Преосв. Феофана вполне возможно охарактеризовать следующими словами, сказанными одним глубоким знатоком и почитателем митрополита Филарета о проповедях последнего: «Подобное чтение служит как бы предохранительным врачевством на весь день от дурных привычек и склонностей, пособием к борьбе насущной с пороком и страстью; западает иногда благая мысль в сердце и желается чистоты, кротости, незлобия; послышится любовный призыв к покаянию и заговорит совесть в смирении, и блеснет пред очами духа свет истины, и исполнится душа рвения к молитве... и часто вспоминается, что человек есть храм Божий и проникнешься трепетом, как бы не осквернить в себе храма Божия. Таким образом привыкнешь мало по малу к осторожности и самонаблюдению, и удастся порой иному воздержаться от неразумного или обидного слова, от нечестивого взгляда, удастся иному порой обуздать движение досады, подавить недоброе чувство, отогнать нехороший помысл»¹⁷⁴. Мы нарочито привели настоящую выписку потому, что почитаем Преосв. Феофана по духу писаний и характеру жизненного подвига прямым преемником и продолжателем дела приснопамятного святителя Филарета. Промысл Божий воздвиг этих великих столпов русской Церкви на двух гранях пресловутого 19 века – одного в начале, а другого в конце с тем, чтобы в эпоху столь распространенного умственного брожения, во дни умножения лжеучений отлить содержание православия в твердые, незыблемые формы, дабы еще раз установить неизменное, непреложное учение, выяснить Евангельскую высоту и чистоту православия, на которое делались и делаются дерзкие покушения и посягательства. Оба великие святителя, при существенной общности своего служения православной Церкви, выполнили его с поразительной силой и успехом с двух, внутренне связанных и взаимно дополняющих одна другую сторон. Филарет, объявший своим гением всю широту христианского мировоззрения, сосредоточил свою деятельность главным образом на проповеди веры Христовой, а Феофан, проникший в самые

сокровенные тайники внутренней духовной жизни, явился по преимуществу благовестником Евангельской нравственности. Немало духовных светильников освещало пути нашей грешной жизни, но только один Преосв. Феофан отдал всю свою жизнь этому подвигу, и в нем существо его исторической заслуги, общественное значение которой будет расти с духовным развитием нашего отечества.

Всякому, обзоревающему жизнь и труды Преосв. Феофана, невольно приходит убеждение, что для подобного подвига далеко недостаточно одних обыкновенных, естественных сил человека, а нужна сверхъестественная помощь. На святителе видимо почилла благодать Божия и впечатление от его личности по справедливости можно обозначить следующими словами самого же подвижника об благодатствованном человеке: «Подобно тому как огонь, проникая железо, не внутри только железа держится, но выходит наружу и огненную свою силу являет ощутительно для всех, так и благодать, проникнув все естество наше, становится потом осязательно видима для всех. Все, приходящие в соприкосновение с таковым благодатствованным, чувствуют присущую ему необыкновенную силу, проявляющуюся в нем разнообразно. Станет он говорить о чем-либо духовном, все у него выходит ясно, как среди дня; и слово его идет прямо в душу, и там властно слагает соответственные себе чувства и расположения. Да хоть и не говорит, так веет от него теплота, все согревающая, и сила некая исходит, возбуждающая нравственную энергию и рождающая готовность на всякого рода духовные дела и подвиги». «Существование в мире подобных лиц есть великая благодать Божия. Они заменяют апостольские mreжи и невольно влекут к себе»¹⁷⁵.

Заклучим настоящий очерк авторитетной характеристикой общественного служения Преосв. Феофана, сделанной одним из наших архипастырей, глубоким почитателем его. «В Бозе почивший святитель, – говорит Высокопреосвященный Никандр (Виленский), – своей жизнью и своими трудами представляет то дивное, непонятное с точки зрения мира сего и сильнее всяких других доказательств и соображений обличающее мирские

лжемудрования, – явление, которое с одной стороны служит к прославлению Бога в лице почитающих Его, а с другой – к оправданию великого значения и пользы для общества и общественной жизни монашества, даже являющегося в духе строгого аскетизма – затворничества. В лице Преосвященного Феофана мы имеем общего христианского учителя – при его безмолвии; общественного деятеля – в затворе; церковного проповедника, всюду слышимого, хотя и не являвшегося в последнее время на церковной кафедре; миссионера – обличителя сектантских заблуждений, хотя и не выступавшего на поприще открытой миссионерской деятельности; яркого светильника учения Христова для народа православного, хотя видимо для всех и не стоявшего в последнее время на свещнице церковном, хотя и укрывавшегося от взоров народных; никакого почти недостатка материального не имевшего, но всех богатившего и богатящего доселе духовным достоянием учения своего; не искавшего временной, земной славы, но прославляемого теперь и людьми, и наукой, и целыми учреждениями, и самими своими творениями, в которых он поистине воздвиг себе «памятник нерукотворенный»... И исполняется над ним слово Христово в Евангелии, вопреки ищущим мирской, земной славы: он работал Отцу Небесному *втайне*, – и вот мы как бы слышим Спасителя, говорящего ему словами Евангелия: *«И Отец твой видя втайне, воздаст тебе явно!»* («Церковный Вестник». 1894 г. № 8. Стр. 120)*.

*Примечание. В заключение считаем необходимым заметить, что большинство значительных по объему выдержек из сочинений Преосв. Феофана предварено нашим сокращенным изложением содержания, с указанием общих мыслей отрывка, главным образом во внимание к нуждам и интересам лиц, не получивших какого б то ни было законченного образования. По мнению последних, предварительное изложение общего содержания того или другого отдела книги облегчает понимание и способствует более прочному усвоению подробного последовательного развития мыслей автора.

Примечания

- ¹ - Писано в конце 1903 г.
- ² - «Воскресное Чтение», 1894 г., № 35–36
- ³ - «Церковный Вестник», 1894 г., № 3
- ⁴ - В немногом многое.
- ⁵ - И.Крутикова. «Святитель Феофан затворник и подвижник Вышенской пустыни». Стр. 11–15.
- ⁶ - Статья о Преосв. Феофане В.Рыбинского. Труды Киевской Академии, 1894 г., № 3.
- ⁷ - Крутиков – стр. 16.
- ⁸ - Ф.Титов. «Макарий, митрополит Московский». Т. 1, стр. 57.
- ⁹ - Еписк. Феофан. «Письма о христианской жизни», вып. 2, стр. 116–118.
- ¹⁰ - «Церковные Ведомости», 1894 г., № 8.
- ¹¹ - «Собрание писем Преосв. Феофана». Издание Русского Афонского Пантелеймонова монастыря. Москва, 1899 г., вып. 3, стр. 33.
- ¹² - Крутиков. Стр. 24.
- ¹³ - Статья о Преосв. Феофане В.Рыбинского. Труды Киевской духовной Академии. 1894 г., № 3.
- ¹⁴ - «Душеполезное Чтение», 1894 г., № 3, стр. 521.
- ¹⁵ - Еп. Феофан. «Мысли на каждый день года».
- ¹⁶ - «Путь ко спасению». Преосв. Феофана. Стр. 48.
- ¹⁷ - Крутиков. «Преосв. Феофан». Стр. 50–51.
- ¹⁸ - «Путь ко спасению». Стр. 51–52.
- ¹⁹ - Там же. Стр. 73.
- ²⁰ - Преосв. Феофан делит все наши внутренние явления на два рода – душевные – низшие и духовные – высшие. (Подробн. об этом см. 181 стр.).
- ²¹ - Там же. Стр. 69–70.
- ²² - Там же. Стр. 72–73.
- ²³ - «Путь ко спасению». Стр. 29–33.

- 24 - Там же. Стр. 44–50.
- 25 - Там же. Стр. 38.
- 26 - Там же. Стр. 56–69.
- 27 - Там же. Стр. 62.
- 28 - Там же. Стр. 57–58.
- 29 - Тамбовском Кадетском Корпусе.
- 30 - «Слова к Тамбовской пастве». Книга 1-я, стр. 21–23.
- 31 - «Путь ко спасению». Стр. 73–75.
- 32 - «Слова Ректора С.-Петербургской духовной Академии архимандрита Феофана». Стр. 30–42.
- 33 - И.Крутиков. Стр. 58.
- 34 - Примечание. Считаю необходимым кстати заметить, что высказанное в одной из статей о Преосв. Феофане (Труды Киевской Дух. Акад. 1894 г., 3 кн.) мнение о составлении им духовно-музыкальных сочинений не верно. Святитель имел музыкальный слух, но музыки не знал и ничего нотного не писал. Тут, очевидно, произошло смешение Преосв. Феофана с архимандритом Феофаном, автором замечательных по музыке церковных песнопений – пасхальных часов, стихир «Да воскреснет Бог», милость мира и др.
- 35 - «Слова к Тамбовской пастве». Книга , ст. 9.
- 36 - Там же. Стр. 10–12.
- 37 - В храме.
- 38 - «Слова к Владимирской пастве». Стр. 496–500.
- 39 - «Слова к Тамбовской пастве». Кн. II, стр. 150.
- 40 - «Слова к Владимирской пастве». Стр. 529.
- 41 - «Слова к Владимирской пастве». Стр. 419, 420, 339, 341.
- 42 - «Слова к Тамбовской пастве». Кн. I, стр. 218–226.
- 43 - Там же. Стр. 231, 248, 252, 254.
- 44 - И.Корсунский. «Преосв. Феофан». Стр. 107–109.
- 45 - И.Крутиков. Стр. 99, 119.
- 46 - «Владимирские Епархиальные Ведомости». 1866 г., № 15.

- ⁴⁷ - «Слова к Владимирской пастве» Преосв. Феофана. Стр. 682–683.
- ⁴⁸ - «Собрание писем». Вып. V, стр. 11.
- ⁴⁹ - И.Крутиков, стр. 26.
- ⁵⁰ - Преосв. Феофан. «Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни». Стр. 298.
- ⁵¹ - «Собрание писем». Вып. VII, стр. 28.
- ⁵² - «Собрание писем». Вып. V, стр. 153.
- ⁵³ - Стр. 159–161.
- ⁵⁴ - Стр. 182–183.
- ⁵⁵ - Стр. 180–181.
- ⁵⁶ - Стр. 193–195.
- ⁵⁷ - «Путь ко спасению». Стр. 195–205.
- ⁵⁸ - Стр.206.
- ⁵⁹ - Стр. 275–280.
- ⁶⁰ - Стр. 306–309.
- ⁶¹ - Стр. 332–336.
- ⁶² - Стр. 354–358.
- ⁶³ - Стр. 362.
- ⁶⁴ - Стр. 377–384.
- ⁶⁵ - Стр. 385.
- ⁶⁶ - Несколько месяцев.
- ⁶⁷ - «Тамбовские Епархиальные Ведомости», 1895 г., № 39 и 1894 г., № 6.
- ⁶⁸ - И.Крутиков. Стр. 121–122.
- ⁶⁹ - Брошюра «Четыре слова о молитве» епископа Феофана.
- ⁷⁰ - Преосв. Феофан. Изд. Пантелеимонова монастыря. Стр. 76.
- ⁷¹ - «Собрание писем», вып. 7, стр. 24; вып. 3, стр. 179 и «Письма о духовной жизни», стр. 129–130.
- ⁷² - «Душеполезное Чтение», 1894 г., № 4.
- ⁷³ - «Собрание писем», вып. 7, стр. 83.
- ⁷⁴ - «Собрание писем», вып. 1, стр.89.

⁷⁵ - Преосв. Феофан. «Слова к Владимирской пастве». Стр. 35–41, 25–28.

⁷⁶ - «Письма», вып. 7, стр.83.

⁷⁷ - «Мысли на каждый день года по церковным чтениям». Стр. 245.

⁷⁸ - «Собрание писем святителя Феофана». Издание Афонского русского Пантелеимонова монастыря. Москва, 1899 г., вып. 7, стр. 112.

⁷⁹ - Там же. Стр. 206.

⁸⁰ - «Собрание писем», вып. 2, стр. 42.

⁸¹ - «Собрание писем», вып. 7, стр. 187.

⁸² - «Собрание писем», вып. 2, стр. 19–20.

⁸³ - «Письма», вып. 4, стр. 56.

⁸⁴ - «Письма», вып. 7, стр. 255.

⁸⁵ - «Письма о христианской жизни». Преосв. Феофана. Стр. 36–38.

⁸⁶ - «Собрание писем», вып. 7, стр. 181–182.

⁸⁷ - «Письма», вып. 3, стр. 167.

⁸⁸ - «Письма», вып. 3, стр. 184.

⁸⁹ - Воспоминания Вышенского инокa. «Тамбовские Епархиальные Ведомости», 1894 г., № 6.

⁹⁰ - «Письма», вып. 2, стр. 187.

⁹¹ - Воспоминания Вышенского инокa.

⁹² - И.Крутиков. «Преосвященный Феофан», стр. 134.

⁹³ - «Собрание писем», вып. 1, стр. 222.

⁹⁴ - «Что есть духовная жизнь». Стр. 149.

⁹⁵ - «Что есть духовная жизнь». Стр. 16.

⁹⁶ - «Толкование 1 послания к Солунянам». Стр. 383–384.

⁹⁷ - «Начертание христианского нравоучения». Стр. 259–271.

⁹⁸ - «Собрание писем». Вып. II, стр. 107–110.

⁹⁹ - «Что есть духовная жизнь»? Стр. 76–82.

¹⁰⁰ - Еп. Феофан. «Письма о христианской жизни», 2 книга, стр. 165.

- ¹⁰¹ - Еп. Феофан. «Слова к Тамбовской пастве». Книга 1-я, стр. 201.
- ¹⁰² - «Письма о христианской жизни», вып. 1, стр. 137–146.
- ¹⁰³ - «Слова к Владимирской пастве». Стр. 323–327.
- ¹⁰⁴ - «Слова к Тамбовской пастве». Книга 1-я, стр. 63–65.
- ¹⁰⁵ - «Слова к Тамбовской пастве», книга 1, стр. 289–294.
- ¹⁰⁶ - Преосв. Феофан. «Письма о духовной жизни». Стр. 80–83.
- ¹⁰⁷ - Преосв. Феофан «Письма о христианской жизни». Вып. 1 и 2, стр. 34–36.
- ¹⁰⁸ - «Слова к Тамбовской пастве». Книга 1-я, стр. 28.
- ¹⁰⁹ - «Собрание писем». Вып. 4, стр. 50–51.
- ¹¹⁰ - «Православное Обозрение». 1863 г. Т. XII, стр. 86–87.
- ¹¹¹ - «Слова ректора С.-Петербургской Академии», стр. 25.
- ¹¹² - «Собрание писем». Вып. II, стр. 75.
- ¹¹³ - «Собрание писем», вып. II, стр. 75–76.
- ¹¹⁴ - «Собрание писем».
- ¹¹⁵ - Преосвященный говорил о своем сборнике поучений о покаянии и причащении.
- ¹¹⁶ - «Путь ко спасению», стр. 330 и «Что есть духовная жизнь», стр. 126–145.
- ¹¹⁷ - Еп. Феофан. «О покаянии». Стр. 80–86.
- ¹¹⁸ - Преосв. Феофан. «Слова к Владимирской пастве». Стр. 236–242.
- ¹¹⁹ - Там же. Стр. 571–574.
- ¹²⁰ - Еп. Феофан. «О покаянии». Стр. 147–153.
- ¹²¹ - «Собрание писем», вып. 8, стр. 129.
- ¹²² - Переписка с Елагиным напечатана в 7 вып. «Собрания писем».
- ¹²³ - «Собрание писем», вып. 8, стр. 184.
- ¹²⁴ - «Собрание писем», вып. 8.
- ¹²⁵ - «Собрание писем». Вып. 3, стр. 127.
- ¹²⁶ - «Что есть духовная жизнь». Стр. 4.
- ¹²⁷ - Корсунский, стр. 278.

128 - Письмо директора Тамбовского Учительского института И.Дубасова. «Тамбовские Епархиальные Ведомости». 1897 г., № 43.

129 - Преосв. Феофан. «Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни», стр. 3, 22.

130 - Письма к одному лицу в С.-Петербург по поводу появления там нового учителя веры. Стр. 116–122.

131 - Там же. Стр. 125–141.

132 - Там же. Стр. 107.

133 - «Что есть духовная жизнь». Стр. 45–46.

134 - «Сборник писем», вып. 8, стр. 213–215.

135 - «Собрание писем». Издание «Душеполезного Чтения». Стр. 64–66.

136 - «Письма к разным лицам». Стр. 288–295.

137 - По смерти Преосв. Феофана была найдена рукопись только с началом изъяснения посл. к евреям.

138 - Преосв. Феофан. «Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия». Стр. 414–416.

139 - «О православии». Слова еп. Феофана. Стр. 193.

140 - Преосвященный Феофан. Издание Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Стр. 165.

141 - «Собрание писем», вып. 7, стр. 50.

142 - Там же. Стр. 53.

143 - «Второе послание к Солунянам». Стр. 485–489 и «Собрание писем», книга 6, стр. 95.

144 - Псалом 118. Стр. 373–375.

145 - Там же. Стр. 285–288.

146 - Там же. Стр. 211–212.

147 - «Послание к Римлянам». Стр. 146.

148 - Предисловие к «Добротолюбию». Т. 1, стр. 3.

149 - «Древние иноческие уставы». Стр. 242.

150 - Там же. Стр. 277–279.

151 - Филарет, архиепископ Черниговский. «Историческое учение об отцах Церкви», т. 2, стр. 101.

- 152 - Там же. Кн. 3, стр. 134.
- 153 - «Добротолюбие». Т. 2, стр. 677–682.
- 154 - «Добротолюбие». Т. 1, стр. 190–204.
- 155 - «Добротолюбие». Т. 5, стр. 441, 512 и 513.
- 156 - «Добротолюбие». Т. 2, стр. 651–653.
- 157 - Филарет Черниговский. «Историческое учение об отцах Церкви». Т. 2, стр. 83.
- 158 - «Добротолюбие». Т. 2, стр. 358–362.
- 159 - «Воскресное Чтение», 1894 г., № 32.
- 160 - «Краткие мысли на каждый день года», стр. 85.
- 161 - Первое издание сей книги выпущено в память десятилетия со дня кончины святителя.
- 162 - «Тамбовские Епархиальные Ведомости», 1894 г., № 5.
- 163 - «Путь ко спасению». Стр. 27.
- 164 - «Странник», 1901 г., декабрь, стр. 936.
- 165 - «Наука и религия. Б. Чичерин. Предисловие.
- 166 - «Дневник Достоевского». 1881 г.
- 167 - Преосв. Феофан. «Что потребно покаявшемуся и вступившему на путь доброй жизни».
- 168 - «Что есть духовная жизнь». Стр. 69–70.
- 169 - «Письма». Вып. 1. Стр. 148.
- 170 - «Что есть духовная жизнь». Стр. 152.
- 171 - «Что есть духовная жизнь». Стр. 62–64.
- 172 - «Письма Преосв. Феофана». Изд. «Душеполезного Чтения». Стр. 31–32.
- 173 - «Письма». Вып. 1. Стр. 243. Письмо присяжн. поверенного Карякина из Задонска.
- 174 - «Записки о жизни митрополита Филарета». Н. Сушкова. Стр. 99.
- 175 - Преосв. Феофан. «Мысли на каждый день года».